63.3(5Каз)521
А90

Бахит Асимдиярович

ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ

Билял Аспандияров

ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ

Алматы
"Қазақ энциклопедиясы" 2007

МӘДЕНИ МҰРА

СЕРИЯ КНИГ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ
"КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ" ВЫПУСКАЕТСЯ
ПО ИНИЦИАТИВЕ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

Общественный совет
по реализации Государственной программы
"КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ"

М. АШИМБАЕВ
председатель общественного совета

А. АСКАРОВ
заместитель председателя общественного совета

Члены общественного совета

С. АБДРАХМАНОВ
Б. АЯГАН
М. АБУСЕИТОВА
С. АЖИГАЛИ
Н. АЛИМБАЙ
М. АУЭЗОВ
К. БАЙПАКОВ
К. БИЕКЕНОВ
К. БУРХАНОВ
А. ДОСЖАН
Е. ЕРТЫСБАЕВ
Г. ЕСИМ
С. КАСКАБАСОВ
А. КОШАНОВ
А. НЫСАНБАЕВ
К. САЛГАРА
З. САМАШЕВ
Р. САРИЕВА
А. СЕЙДИМБЕК
К. СУЛТАНОВ
К. ТУЯКБАЕВ
Ж. ТУЙМЕБАЕВ
К. ХУСАЙЫНОВ
Е. ШАЙМЕРДЕН

530274 б
К

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

Б. Астапцяров

А 90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ИЗДАНИЯ:

Председатель:

Сулейменов О.О., Постоянный представитель Республики Казахстан в UNESCO, писатель, ученый-лингвист

Журинов М.Ж., Президент Национальной Академии наук Республики Казахстан, академик

Ответственный редактор:

Нурпеис К., академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор

Зайцева О.Г., ведущий научный сотрудник Института международных отношений и международной экономики РАН, кандидат исторических наук

Абусеитова М.Х., директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК, доктор исторических наук, профессор

Озганбай О., доктор исторических наук, профессор

Койгельдиев М.К., доктор исторических наук, профессор

Валиханов Э.Ж., зав. отделом истории Казахстана нового времени и исторической демографии Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, кандидат исторических наук

Кумеков Б.Е., директор Института кыпчаковедения при КазГИУ, академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор

Байпаков К.М., директор Института археологии им. А. Маргулана МОН РК, академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор

Сабит М., зав. кафедрой философии и методологии наук КазНПУ им. Абая, доктор философских наук, профессор

Редактор-составитель:

Аспандияров С.Б.

Освещать историю Казахстана только с точки зрения формирования традиций борьбы за независимость.

Б. Аспандияров

Билял Аспандияров (1886–1958): Страницы жизни

Начало XX века в Казахстане было щедрым на талантливых людей. Отчасти это объяснимо исторически обусловленной преемственностью духовно-нравственных традиций, заложенных Абаем, Чоканом, Ибраем, продолжением и развитием их просветительских идей. Но, видимо, и само время, ознаменованное мощными социальными потрясениями, вызвало к жизни плеяду выдающихся имен: Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Шакарим Кудайбердиев, Мухамеджан Тынышпаев, Магжан Жумабаев, Санжар Асфендияров, Смагул Садвакасов...

Этот блистательный ряд можно и должно продолжить. Наша задача сейчас заключается в том, чтобы попытаться высветить имя малоизвестное, по ряду объективных и субъективных причин замалчиваемое, но от этого не менее интересное, значимое. В определенной мере знаковое, потому как принадлежит человеку, воспринявшему и развившему в себе то, что определяло зарождение в Казахстане в первой трети XX века целого класса интеллигенции, представители которого ощущали великий интерес к знанию, к прошлому и будущему своей страны, своего народа, ко всему тому, что определяется словами нравственность, образование, наука, культура в самом высоком их смысле.

Жизнь Биляла Аспандиярова, человека широкого диапазона научных интересов, наверное, очень точно отражает знаковость его неординарной судьбы, отсвет удивительного и в то же время полного драматизма времени.

Он родился в 1886 году в Карабалыкском районе Костанайской области в семье шаруа. Рано лишился родителей (матери – в полтора года, отца – в четыре). Детство провел в невзгодах.

Ему было двенадцать (в 1898 году), когда при помощи старшего брата Билял Аспандияров, “сын казаха из кипчакских родов”, как говорил он о себе, поступил в двухклассную русско-казахскую школу, созданную Ибраем Алтынсариным, его дальним родственником.

В “Школе Алтынсарина” детей брали на “казенный счет”, на полное обеспечение – питанием, одеждою, учебниками. Но главное, школа

эта давала детям такой запас знаний, пробуждала к ним столь активный интерес, который во многом влиял на формирование характера ребенка, определял его будущее развитие. Достаточно вспомнить "Хрестоматию" Алтынсарина, "Азбуку" Толстого, книги для детей Ушинского и другие. В них – обширный круг знаний о мире, об истории, географии, литературе... Это определяло уровень базы, тягу к самообразованию, самовоспитанию, которые могли бы дать в дальнейшем зрелые, полновесные всходы.

Не случайно поэтому в 1904 году, после успешного завершения учебы, выпускник двухклассной школы Билял Аспандияров подает прошение на имя генерал-губернаторства Тургайского округа о назначении ему государственной стипендии, которая позволила бы ему учиться дальше в Казанской учительской семинарии. Просьба осталась неудовлетворенной. Наконец, после многих мытарств, Аспандияров поступает в Оренбургскую учительскую семинарию.

Это было время, когда волны первой русской революции докатились до казахской Степи. Аспандияров тоже вступает в борьбу казахской молодежи за гражданские права. В 1906 году его "за действия, известные ему самому", исключают из учительской семинарии. Позже он с трудом восстанавливается и в 1909 году успешно завершает учебу.

Билял Аспандияров возвращается в родной аул и учительствует в ряде школ (начальных, средних и пр.) Кустанайского уезда по 1922 год. Сначала при помощи сельчан он открывает начальную школу. Первые шаги молодого учителя, обучавшего детей не религиозным канонам, а по "Хрестоматии" Алтынсарина и учебникам виднейших русских педагогов, старавшегося дать детям светские знания, встречают резкое сопротивление мулл и невежественной знати.

В письме, направленном в те годы одному из своих друзей, он пишет: "Из-за гонений, устроенных мне, очутился в местности Бестюбе. И здесь не дают покоя. Все можно пережить, лишь бы дали возможность учить детей..."

Служа учителем, Билял Аспандияров одновременно основательно готовится для поступления в университет. Однако осуществить это свое желание в то время ему не удается.

Но меняются времена. В начале 20-х годов Билял Аспандияров назначается членом Кустанайского уездного комитета просвещения и принимает активное участие в создании школ на Кустанайщине, в привлечении детей к обучению. Одной из заметных вех в его жизни стала организация в 1923 году педагогического техникума в Кустанае, в котором он директорствовал до 1925 года.

В июле 1925 года Б. Аспандияров по решению Народного комиссариата просвещения направляется в Алма-Ату заведующим Жетысуйским губернским отделом народного образования. В этой сфере деятельности он тесно сотрудничает с Ахметом Байтурсыновым, Миржакыпом Дулатовым, Смагулом Садвакасовым, Санжаром Асфендияровым и др. Б. Аспандияров открывает в Семиречье (Жетысу) десятки школ. Благодаря его усилиям сотни детей начинают учиться. Он принимает активное участие в организации работы Института просвещения и педагогического техникума в Алма-Ате, в подготовке учительских кадров.

Он является делегатом пятого Всероссийского съезда заведующих отделами народного образования, проходившего в Москве в 1926 году. По роду своей деятельности Б. Аспандияров тесно взаимодействует с российскими деятелями просвещения А.В. Луначарским и Н.К. Крупской.

Отличительной чертой Аспандиярова была неуемная тяга к знаниям, самообразованию. В 1928 году, уже в зрелые годы, продолжая работать в Губоно, Билял Аспандияров поступает в Казахский государственный университет (позже Казахский педагогический институт, ныне – АГУ имени Абая), в организации которого он, как руководитель Губернского отдела народного образования, оказывал помощь Санжару Асфендиярову – первому ректору этого первого в республике вуза.

В декабре 1931 года Б. Аспандияров заканчивает историко-экономическое отделение КазПИ. Тогда в этом институте преподавали, в частности, высланные в Казахстан ученые – академик Е.В. Тарле, профессор Н.А. Кун. По окончании института Билял Аспандияров продолжает интенсивно работать над собой – штудирует труды В.В.Бартольда и других классиков гуманитарной науки, углубляет свои знания ряда восточных языков, самостоятельно овладевает основами европейских (иностранных) языков.

Тридцатые годы стали трагическими в нашей истории. Начались расправы над любым инакомыслием. Но это же время было ознаменовано огромной по масштабу работой в области образования и культуры. Именно тогда закладывались прочный фундамент будущего всеобуча и традиции новой образовательной системы.

В числе тех, кто с энтузиазмом включился в эту работу, был и Билял Аспандияров. Он организует первые в республике годичные курсы по подготовке преподавателей для системы кооперации, преподает в Институте просвещения и педтехникуме. Занимается педагогичес-

кой деятельностью в Алма-Атинском комвузе, институте журналистики, в КазПИ (ныне АГУ им. Абая), зооветеринарном, горно-металлургическом (ныне КазНТУ им. К.Сатпаева), а в послевоенные годы – также и в женском педагогическом и юридическом институтах. В разные годы он проводит занятия, читает лекции по курсам всеобщей истории, истории СССР, логики и психологии и др.

Сохранился документ – отзыв ректора Алма-Атинского комвуза Давлетгалиева от 01.01.1933 года о том, что "по отзывам студентов, а также заведующих отделениями тов. Аспандияров был одним из самых лучших педагогов Комвуза – теперь ВКСХШ. На основании этого, а также принимая во внимание его многолетний педагогический опыт и наличие ряда его печатных трудов, Ректорат ВКСХШ считает, что тов. Аспандияров достоин присвоения ему звания доцента по экономической географии".

Преподавательскую работу Билял Аспандияров сочетает с научно-методической и организационной работой, выполняя отдельные задания Наркомпроса республики. Так, по поручению Института школ Б. Аспандияров работает над вопросами методики преподавания в средней (казахской) школе, занимается обследованием состояния школ и оказанием им помощи.

В 30-е годы Наркомпрос и Секретариат Крайкома ВКП(б) придавали исключительное значение делу обеспечения массовых школ новыми учебниками, необходимости досрочного завершения работ по их составлению (документ от 01.02.1932 года за подписью зав. учебно-методическим сектором Наркомпроса Турманжанова). Одним из авторов учебников был Б. Аспандияров.

Он внес большой вклад в разработку и создание учебников и учебных пособий по русскому языку для казахских школ и казахских учителей ("Русская книга для казахских школ" (1931), "Уроки русского языка для казахских учителей-заочников" (1931), "Русский букварь" (1932), "Самоучитель русского языка для взрослых казахов" (1932), "Учебник русского языка для начальной школы" (1934) и др.).

Во второй половине 30-х годов Билял Аспандияров, работая в секторе языка Казахского филиала АН, участвует в составлении разных словарей. В характеристике, данной ему С.Аманжоловым – заведующим сектором языка КазФАН, отмечается:

"Тов. Аспандияров, Билял Аспандиярович, является активным работником в области казахского языковедения, имеет хорошую теоретическую подготовку, прекрасно владеет русским языком, имеет многолетний педагогический опыт и ряд печатных трудов... В данное

время т. Аспандияров Б.А. активно участвует в составлении всех словарей (русско-казахского, казахско-русского и академического словаря казахского языка), которые будут выпущены КФАН в скором будущем".

Билял Аспандияров является одним из составителей двухтомного русско-казахского словаря, вышедшего в 1946 г., двухтомного Толкового словаря казахского языка (1959, 1961).

С 1942 года по 1945 год Билял Аспандияров работает старшим научным сотрудником в Институте партии (филиале ИМЭЛ) в Алма-Ате. Он занимается переводом на казахский язык произведений классиков марксизма-ленинизма, связанных с вопросами обороны страны. В первые военные годы издает тридцатитысячным тиражом свой "Учебник русского языка для военнообязанных казахов" (1942 г.).

С апреля 1945 года Билял Аспандияров работает в Институте истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР старшим научным сотрудником в отделе истории XIX века и дореволюционного Казахстана (отделом заведовал Б.С. Сулейменов) и направляет свои усилия на завершение начатых им ранее поисковых работ по Букеевской (Внутренней) орде.

Билял Аспандияров стал одним из первых историографов, кто осуществил комплексное (системное) изучение истории Букеевской орды (ханства). История Букеевской орды была разработана и написана им на основе огромного массива архивных документов, а также базовых литературных источников. Большая часть документов была впервые введена в научный оборот.

По результатам своих изысканий по теме "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" Б. Аспандияров в 1947 году защитил кандидатскую диссертацию.

Официальными оппонентами этой его работы были член-корреспондент АН Каз.ССР А.Х. Маргулан, кандидат исторических наук А.Б. Турсунбаев. Имеется также рецензия канд. ист. наук В.Ф. Шахматова. Все они дали высокую научную оценку представленной на защиту работе Б. Аспандиярова.

Б. Аспандиярову удалось в своей работе преодолеть основной недостаток опубликованных до революции 1917 г. исследований по истории Букеевской орды, в которых, по его мнению, изучение проблемы тогда "велось главным образом с точки зрения колониальных интересов Российской империи", вследствие чего "казахи этой орды рассматривались ... не как субъект исторического процесса, а как объект колониальной политики царизма".

Монографическое исследование Б. Аспандиярова было одним из первых, пионерских.

Диссертация Б. Аспандиярова "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" изначально (с декабря 1947 года) хранилась в архиве Института истории, археологии и этнографии (инв. N 387), а с 1962 года – в Центральной научной библиотеке АН Каз.ССР в диссертационном фонде под N 649 (справка ЦНБ от 1.06.2000 г.). Другой ее экземпляр – в семейном архиве ученого.

В июле 1948 года Б. Аспандияров принял участие в дискуссии по книге Е.Б. Бекмаханова "Казахстан в 20–40 годы XIX века" и выступил против основных оппонентов Е.Б. Бекмаханова, открыто встал на его защиту, аргументированно поддержал научную позицию автора.

Позже, во время одной из дискуссий он защищает молодого сотрудника-юриста С. Зиманова – от нападок В.Ф. Шахматова, а Б. Сулейменова – от нападок архивиста Чумака.

В конце 40-х – начале 50-х годов Билял Аспандияров приступает к разработке сложнейшей проблемной темы "Образование трех казахских жузов", которая была утверждена и включена в план 1950 года по ИИАЭ АН Каз.ССР.

В конце 1950 года в газете "Правда" была опубликована статья "За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана", призывающая к очередной "чистке" истории от проявлений "буржуазного национализма".

В том же 1950 г., спустя три месяца после утверждения, тема "Образование казахских жузов" была исключена из плана ИИАЭ АН Каз.ССР.

На долгие годы на эту тему был наложен официальный запрет.

Тем не менее, невзирая на создавшуюся обстановку, Б. Аспандияров целеустремленно продолжал работу над этой темой ("Образование казахских жузов"), "но только за вычетом той ее части, которая связана с научной командировкой в Центральные архивы".

Б. Аспандияров подготовил к публикации ряд научных статей. В личном архиве ученого сохранилось значительное количество материалов, собранных им по различным аспектам истории казахов.

Б. Аспандияров собрал, обработал и проанализировал большой массив архивных, летописных, фольклорных материалов и устных исторических преданий по этой проблеме, разработал структуру и подробный проспект будущей монографии.

Вот что было проделано им, например, за 1950 год:

1. "Предварительно составив перечень литературных источников, я просматривал труды по истории дореволюционных авторов. В процессе работы выявилось, что в местных библиотеках не оказалось многого из того, что мне необходимо было просмотреть, и я ограничивался лишь тем, что было здесь в наличии, хотя оно было далеко недостаточно для моей работы.

2. Просмотрено мною всего 170 книг – разных авторов, из них собственноручно выписаны мною нужные для моей темы данные в объеме 150 рукописных страниц.

3. Просмотрено мною родословие Малого жуза.

4. Делал я разыскание и в области фольклора; мною собраны данные, отражающие характерные периоды истории казахов.

5. На основании имеющихся у меня материалов написаны мной, в черновом виде, две статьи, которые я намерен перевести на казахский язык.

Кроме того:

1. По распоряжению Президиума АН проводил летом (с 1.7 по 8.8 1950 года) курсы преподавателей логики и психологии средней школы, читал им теоретический курс логики.

2. По поручению Министерства просвещения Каз.ССР я участвовал в качестве консультанта и переводчика на казахский язык учебника "Логика" для средней школы (он уже вышел из печати)".

В характеристике, выданной директором института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР С.Н. Покровским и секретарем партийной организации А. Нусупбековым, отмечается, что в 1948–1949 гг. Б. Аспандияров работал над составлением документального сборника по истории Букеевской орды, а в 1951 г. он собирал материалы по теме "Образование казахских жузов".

В конце 1952 года, в период очередного вала репрессий, были арестованы и осуждены на длительные сроки (на 25 лет) как "буржуазные националисты" видные казахстанские историки – Е.Б. Бекмаханов, Б.С. Сулейменов.

В сложившейся ситуации Билял Аспандияров подвергся мощному моральному давлению, административному третированию. Он был лишен командировок в Центральные архивы, возможности работать над актуальной проблемной темой "Образование трех казахских жузов", не аттестован в должности.

В конце 1952 года Б. Аспандияров направил в Президиум Академии наук Каз.ССР рукопись двух своих статей, подготовленных к печати, – "Критические заметки по вопросу о происхождении наи-

менования казахов" и "Некоторые сведения о местах обитания казахов в древности", на которую поставил резолюцию Д.А. Кунаев, избранный в том же 1952 г. Президентом АН Каз.ССР, – "т.Сауранбаеву, 22/XII – 1952 г.". Неизвестно, как сложилась бы судьба Биляла Аспандиярова, попади эта рукопись в тот непростой 1952 год в другие руки.

Билял Аспандияров был лишь уволен из Института истории, археологии и этнографии, в 1953 году был переведен на "переквалификацию" в Институт языка и литературы младшим научным сотрудником. Он не был подвергнут более жестоким репрессивным мерам благодаря оказанной поддержке, а также известной многим его последовательной гражданской позиции и профессионализму, которые ценились как в научной среде, так и в высших эшелонах власти.

В своем Отчете от 17.05.1957 года он уже в качестве младшего научного сотрудника Института языка и литературы АН Каз.ССР отмечает следующие работы, выполненные им помимо плановых работ по ИЯЛ, за период 1952–1957 гг.:

1. "Работал по подготовке к печати (сверка, техническое оформление и пр.) макета первого тома "Истории Каз.ССР", 3-е изд.

2. Участвовал в археографической обработке и составлении "Документального сборника по истории Букеевской орды" – объемом в 950 маш. стр. Этот сборник по Букеевской орде окончательно был отредактирован, подготовлен к печати, отпечатан в 3-х экз. Исполнителем этого труда были Аспандияров, Санджиев и архивист Киреев. Значительная часть этого труда выполнена лично мною, Аспандияровым. Издание этого сборника задерживалось по не зависящим от нас обстоятельствам, т.е. из-за выхода зав. отделом досоветского периода истории Б.С. Сулейменова из ИИАЭ. В настоящее время "Документальный сборник истории Букеевской орды" (1950 г.) хранится в архиве Института ИАЭ.

3. Мною написан ряд научных статей:

а. "Некоторые данные о местах обитания казахов в древности", рукопись, объем 24 маш. страницы;

б. "К вопросу об образовании казахских жузов" в объеме 30 маш. страниц.

Эти работы также хранятся в архиве Института ИАЭ.

По индивидуальной работе:

1. Написана вводная часть моей тематической работы – "Образование казахских жузов" (по материалам исследования) – рукопись.

2. Написан "Обзор литературы, отдельных высказываний и взглядов по вопросам о "Казахских жузах" (материалы исследования) – рукопись.

3. "Некоторые вопросы топонимики Казахстана" (написана в разрезе историко-лингвистическом).

4. "К истории реки Сырдарьи" (написана в аспекте истории и лингвистики).

5. Мною написана и опубликована в ж. "Советский Казахстан" за 1955 г., N 4, критическая статья под заголовком "Издание, требующее переработки" (о "Казахско-русском словаре", авторы Г.Мусабаев и Х.Махмудов, Изд. АН Каз.ССР, 1954)".

К глубокому сожалению, все работы Биляла Аспандиярова, посвященные принципиальным проблемам истории казахов (включая его диссертацию), ранее не публиковались, да и не могли быть опубликованы в период идеологического давления, репрессий второй половины 1940-х – начала 50-х годов, направленных против цвета национальной интеллигенции.

Билял Аспандияров размышлял над причинами происходящего, делал заметки, наброски для себя. Он рассматривал эти события в широком контексте, как явления, ведущие к деградации исторической науки.

Вот пример из его записей тех лет: "Надо со всей прямотой признать, что в последние годы наши ученые не проявляют должного интереса к вопросам истории: теоретические вопросы обходятся молчанием. Из-за боязни впасть в формализм, из-за перестраховки. Возложив на кого-нибудь часть какой-либо ответственности, заручившись чьей-либо поддержкой или каким-либо иным способом, они стремятся уменьшить или снять с себя ответственность, застраховать себя от каких-либо нежелательных последствий. А это, в свою очередь, свидетельствует об их научной несостоятельности".

В заключение отметим, что Билял Аспандияров был последовательным сторонником нравственной педагогики Ибрая Алтынсарина и Льва Толстого. Суть его нравственной и гражданской позиции заключалась в том, что каждый человек должен обладать, по меньшей мере, следующими качествами: стыд, совесть, честь, долг, профессионализм, не быть "флюгером".

В своем выступлении в июле 1948 года он, обращаясь к молодым историкам, говорил:

"У меня единственное желание, чтобы была наша великая Родина, чтобы мы едиными общими усилиями очистили историю казахов

от того мусора, которым она загромождена. Призываю Вас всех объективно, без вкладывания героического темперамента, серьезно, хладнокровно обсудить эту проблему. Давайте общими усилиями разрешим этот запутанный вопрос". Слова эти особенно актуальны в наши дни.

Скончался Билял Аспандияров в 1958 году в Алма-Ате в возрасте 72 лет.

Он оставил после себя богатое научное наследие в различных областях знаний. Оно еще ждет своих читателей и исследователей.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Постоянный представитель
Республики Казахстан в UNESCO,
писатель, ученый-лингвист,
общественный деятель

ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ

Введение: источники и литература

История Букеевской орды представляет большой научно-исторический интерес. Российские ученые XIX в. изучали Внутреннюю орду почти с первых же дней ее образования и собрали весьма ценный, богатый фактический материал. Но изучение велось главным образом с точки зрения колониальных интересов Российской империи, поэтому казахи этой орды рассматривались ими не как субъект исторического процесса, а как объект колониальной политики царизма, чем и определялся характер исследований истории этой орды. Конечно, при таком подходе к изучению истории Букеевской орды, все данные, собранные этими учеными, оказались, в конечном результате, весьма односторонними и тенденциозными.

530274

Несмотря на то, что по отдельным проблемам истории Букеевской орды ученые XIX в. сделали немало, до полного освещения внутренней социальной истории этого образования было еще далеко. Разорение и вымирание казахов, явившееся результатом колониальной политики царизма, а также и обезземеливание казахских масс, не нашли правильного освещения в трудах этих ученых. В их работах не нашло соответствующего отражения и то, что прогрессивная роль России в Букеевской орде сказывалась не в силу, а вопреки политике российского царизма. Однако, несмотря на ряд больших недостатков, труды этих ученых при необходимом критическом к ним отношении могут быть использованы нашими исследователями.

Приводим краткую характеристику трудов тех российских ученых XIX в., которые занимались вопросами Букеевской орды.

В 1840 г. в ж. "Сын Отечества" была опубликована статья неизвестного автора под заглавием "О Внутренней, или Букеевской киргиз-кайсацкой орде". В ней дается краткий очерк истории и топографии степи. Описывается одежда казахов, перечислены роды, описаны внешность хана Джангира и его жен. В начале 40-х годов XIX века появились в печати несколько статей: Н.В.Ханыкова "О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою ордами" (журнал Министерства внутренних дел, ч. VIII, 1844 г.); Я.В. Ханыкова "Очерк состояния Внутренней киргизской орды" (Записки Императорского Русского географического общества, кн. I и II, 1849 г.). Как дополнение к этим двум сочинениям была напечатана "объяснительная записка" Ханыкова к "Карте земли киргиз Внутренней и Малой орд". Эти

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. Муканова

сочинения содержат описание топографии степи, климата, далее даны перечисление родов, отделений и подотделений, сведения о переходе казахов из-за Урала, о ханствовании Букея и Джангира, некоторые данные о скотоводстве, о количестве населения орды в разные годы, о торговле орды, путях сообщения и т.д.

В конце 40-х годов XIX в. было написано несколько статей М. Киттары: "Ставка хана Внутренней киргизской орды" (журнал Министерства внутренних дел, ч. XXVIII, 1849 г.). В них подробно описывается устройство Ханской ставки и дворец хана.

В ж. "Современник" за 1851 г., N10 есть статья А.Еврейнова "Внутренняя, или Букеевская орда". В этой статье описывается переход казахов на внутреннюю сторону реки Урал с Букеем. Далее говорится о границах орды, описывается ставка, затем следует описание путей сообщения, скотоводства, торговли, управления, наименование родов, отделений, сообщается о податях и о быте казахов.

В 1853 г. в журнале "Москвитянин", т. VI, была напечатана статья А. Терещенко "Следы Дешт-и-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда". Здесь автор описывает свой путь от Ахтюбы до ставки и от ставки до горы Б. Богдо, делает краткий очерк истории орды, описывает ставку, говорит о Джангире и об управлении, затрагивает бытовую сторону жизни казахов.

П. Небольсин посвятил одну статью Букеевской орде – "Очерк Волжского низовья" (журнал Министерства внутренних дел, 1852 г., ч. XXXIX), где излагает происхождение трех казахских орд, возникновение Букеевской орды, приводит наименование родов, говорит об отношении Джангира к казахам, описывает ставку, торговлю этой орды, одежду казахов.

В своей статье "Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении" (журнал Министерства государственного имущества, 1862 г. – июль, август, сентябрь и октябрь) П. Медведский описывает почву и климат степи, переход казахов из-за Урала, подробно рассказывает об устройстве кибитки и зимнего дома букеевского казаха, о скотоводстве: болезнях скота, народных средствах его лечения, выделывании шкур.

Довольно интересные данные приводит М. Иванин в своей статье "Внутренняя, или Букеевская орда" (журнал "Эпоха", N 12, 1864 г.). Автор был в 50-х годах председателем Временного совета по управлению Букеевской ордой, имел возможность познакомиться с нею хорошо. Он говорит об управлении ордою хана Джангира, о наделе земли, о судебном разбирательстве, о новом предполагаемом наделе земли киргизам, далее он дает очерк торговли, волнений в орде и сведения о почтовых трактах.

Краткий очерк Букеевской орды дал П. Казанцев в статье "Описание киргиз-кайсаков" (СПб., 1867 г.), где говорится о границах, родах, Джангире и его семействе, скотоводстве и торговле.

Бывший советник Временного совета по управлению Букеевской ордой Бабажанов Ходжа Мухамбет-Салих в журнале "Деятельность", N 109, 1868 г. опубликовал статью о споре уральских казаков с казахами Букеевской орды.

Среди трудов ученых дореволюционного периода видное место занимает работа А. Харузина "Киргизы Букеевской орды" (вып. I, 1889 г.; в. II, 1891 г.). Хотя его работа имеет, главным образом, антрополого-этнологический характер, но, тем не менее, в ней дана более развернутая картина жизни букеевских казахов. Автор дает краткий очерк истории Букеевской орды, описывает родовое устройство, сообщает данные об образе жизни казахов, о возникновении поселков, о религиозных представлениях, о семейном укладе, о судоустройстве и судопроизводстве, о некоторых сторонах быта. У А. Харузина есть еще одна работа — "Степные очерки. Киргизская, Букеевская орда. Странички из записной книжки" (М., 1888 г.), где автор дает краткую историю Букеевской орды, описывает Ханскую ставку, природу, рисует быт букеевских казахов.

Таковы примерно основные работы дореволюционных ученых, посвященные вопросам Букеевской орды. Как видно из этого перечня, сведения о казахах Букеевской орды носят отрывочный характер. Все эти работы имеют один общий и чрезвычайно существенный недостаток — они почти совсем не затрагивают вопросов внутренних социально-экономических отношений казахского общества и классовой борьбы.

В послереволюционные годы исследованием истории Букеевской орды занимался А.Ф. Рязанов. Он написал две работы: "Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1798—1838 гг.)" (Кзыл-Орда, 1926 г.), т.е. восстание султана Каратая и восстание султана Каип-Галия Ишимова, а также "Восстание Исатая Тайманова (1836—1838)" (Кзыл-Орда, 1927 г.). А.Ф. Рязанов использовал большое количество фактического материала и местные архивные данные. Он разработал некоторые вопросы социальной истории этой орды. Однако его работа не свободна от ряда ошибок. Так, он, увлекаясь документами царской администрации, приписывает образование Букеевской орды доброте царских чиновников — Попова и др., кроме того, вслед за царскими чиновниками, переоценивает роль "разных слухов", волновавших казахские массы.

Основной недостаток в работах Рязанова заключается в том, что он искажает исторические события, считая узко династические вос-

стания отдельных султанов всеказахским движением. Главными руководителями этого движения Рязанов считает Каратая Нуралиева и Каип-Галия Ишимова.

Каратай стремился захватить ханский престол. С этой целью он борется против ханов Айчувака и Джанторе, против демократической партии, возглавляемой Срымом Датовым. Сначала просит царских чиновников, а потом требует от них назначения его, Каратая, ханом. А когда это не удается, то стремится добиться ханского престола путем борьбы. Задерживает и грабит торговые караваны, грабит аулы сторонников ханов, ставленников царского правительства. Уходит на службу к хивинскому хану. Когда царское правительство назначает его султаном-правителем, он прекращает борьбу и становится верным слугою царизма.

Ради достижения ханского престола восстает и другой султан – Каип-Галий Ишимов. Он возглавляет движение казахов Букеевской орды, но под конец срывает движение. В критический момент он переходит на сторону царских чиновников и оставляет движение без руководителя, на произвол царской администрации. Затем уходит к хивинскому хану на службу.

Восстание этих авантюристов А.Ф. Рязанов называет "сорокалетней борьбой за национальную независимость казахского народа", а Каратая и Каип-Галия – умными, энергичными народными героями.

В 1940 г. из печати вышла статья В.Ф. Шахматова (Известия Каз.ФАН СССР, сер. историческая, вып. I) под заглавием "Земельные отношения во Внутренней (Букеевской) орде в начале XIX в.". Работа построена исключительно на архивных данных. Вопросы о землепользовании казахов Букеевской орды разработаны в этой статье довольно подробно.

Следует указать на статью А. Якунина "Восстание Исатая Тайманова". Она помещена в "Историческом журнале", N 10, 1940 г. В ней вкратце освещаются главные моменты движения Исатая Тайманова. Эта статья построена в основном на архивных материалах.

В 1940 г. из печати вышло несколько статей М.П. Вяткина. Эти статьи, хотя и косвенно, но дают некоторые материалы по истории Букеевской орды:

1) "Казахское общество в середине XVIII в." (Известия КазФАН СССР. Серия историческая, вып. 1, 1940 г.). В этой статье М.П. Вяткин дает краткий обзор социально-экономического строя казахского общества в середине XVIII в. В частности, он освещает общинное землепользование казахов и указывает на связь политического господства с феодальным правом распоряжаться общественными кочевьями. В этой связи сообщает он об образовании класса феодалов

в казахском обществе, о социальном положении родовых старшин, о сословном делении, о патриархально-родовом быте казахов, о налогах, о формах эксплуатации, классовом расслоении и пр. При этом М.П. Вяткин использовал довольно большое количество фактического материала;

2) "Толенгуты в XVIII в." (Известия КазФАН СССР. Серия историческая, вып. I, 1940 г.). Здесь М.П. Вяткин разбирает возникновение института толенгутизма у казахов, происхождение толенгутов и их классовое и социальное положение. Работа также построена на основе фактических материалов;

3) "Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII и начале XIX вв." (Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, Ленинград, 1940 г.). Здесь говорится о взаимоотношениях казахских ханов и царской администрации и обострении внутрифеодальных распрей. Эта статья М.П. Вяткина освещает до некоторой степени причины перехода части казахов Малой орды на "внутреннюю" сторону Урала. Статья составлена на основе фактического материала.

В 1941 г. была опубликована книга М.П. Вяткина "Очерки по истории Казахской ССР" (ОГИЗ, Госполитиздат, 1941 г.). В этой книге М.П. Вяткин посвящает истории Букеевской орды одну главу (*глава XII.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова). Здесь в довольно сжатом виде дается вводный материал к истории Букеевской орды. Кратко освещается образование Букеевской орды и управление ею, говорится о резком углублении феодальных отношений, о переходе казахов к оседлости, о торговле, о расслоении казахской общины. Дальше в общих чертах весьма кратко говорится о движениях букеевских казахов под предводительством Каип-Галия Ишимова, Исатая Тайманова. Работа основана главным образом на фактических данных.

Истории Букеевской орды посвящена также одна глава в "Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней" (Каз. ОГИЗ, 1943 г.). В XIII главе "Истории Каз.ССР" повествуется о росте колониального и феодального гнета в Букеевской орде, о росте недовольства букеевских казахов, о восстании казахов под предводительством Исатая Тайманова.

В 1945 г. в журнале "Большевик" (1945 г., N 6) появилась рецензия М. Морозова на "Историю Казахской ССР". В ней автор указывает на ряд ошибок, допущенных авторским коллективом при составлении этой истории. Как установочный материал данная рецензия представляет большую ценность для составителей истории казахов.

Такова краткая история изучения вопроса о Букеевской орде. Как видно из этого краткого перечня, до 1947 г. не было ни одной свод-

ной работы, освещающей всю историю Букеевской орды с момента образования до ее ликвидации[1].

Полная разработка истории Букеевской орды почти немыслима без тщательного и всестороннего изучения разнообразных памятников и источников. Самыми главными источниками являются: архивный материал, дореволюционная литература, относящиеся к истории Букеевской орды, и фольклорный материал.

Важнейшей серией источников по истории Букеевской орды являются архивные фонды: центральные и местные. В них сохранилось очень большое количество материалов. Главные исторические фонды хранятся в центральных архивах Москвы и Ленинграда. Этими фондами являются: фонды Коллегии иностранных дел — дела киргиз-кайсацкие секретной экспедиции правительствующего сената, 8-го делопроизводства земского отделения Министерства внутренних дел, переданные из Азиатского департамента этого Министерства, фонд Герольдии о дворянстве рода Чингиса и пр.

Из казахстанских фондов для истории Букеевской орды большое значение имеют фонды Областного правления Оренбургскими киргизами (фонды 4, 5) и Временного совета по управлению Внутренней Киргизской ордою (фонд 78), находящиеся на хранении в Центральном историческом архиве Каз. ССР (г. Алма-Ата).

Как исторический источник могут быть использованы в некоторых случаях и фольклорные материалы. Правда, народные предания, передаваясь устно из поколения в поколение, обрастали легендами, вследствие чего исторические факты и поэтическое творчество часто переплетаются в них. По этой причине использование народных сказаний в качестве исторического материала весьма ограничивается и затрудняется. Для того чтобы использовать эти предания соответствующим образом, необходимо тщательно критически изучить их, после чего могут быть извлечены из них достоверные исторические факты.

Настоящая работа является попыткой дать краткую историю Букеевской орды с момента образования до ее окончательной ликвидации, осветить основные моменты ее политического и хозяйственного устройства и на этом фоне показать социально-классовую структуру, общественные отношения, экономику казахского общества и их изменения под влиянием внешних и внутренних факторов и проникновения капиталистических отношений.

---

[1] В июле 1947 года из печати вышла работа В.Ф. Шахматова "Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова", представляющая собой первую попытку дать сводную историю Букеевской орды со времени ее основания до 1946 года. Однако указанная работа не поступила для широкого пользования в момент написания настоящей работы и поэтому не могла быть нами использована.

Глава I. Политическая обстановка в России и положение Младшего жуза накануне образования Внутренней (Букеевской) орды

В начале XIX в. на песчаных просторах Астраханских степей, раскинувшихся между низовьями рек Волги и Урала, образовалось казахское ханство под названием Букеевская, или Внутренняя орда. Но прежде чем писать об образовании этой орды, необходимо в кратких чертах обрисовать предпосылки, которые привели к ее возникновению. Эти предпосылки касаются, с одной стороны, вопроса о внешней и внутренней политике России того времени, и с другой – вопроса о внешнем и внутреннем положении казахских жузов, в частности, Младшего жуза, из состава которого выделилась Букеевская орда.

Политическая обстановка России в конце XVIII – начале XIX вв., когда начинался процесс образования Букеевской орды, определялась не только внутренними ее причинами, но и внешними факторами, имевшими большое значение для России в смысле ее экономического и политического роста, развития и направления ее внутренней и внешней политики.

Екатерина II, возведенная на престол усилиями дворян, служила российскому дворянству и крупному купечеству. Ряд законов, изданных в течение XVIII века, увеличил дворянские права и привилегии, создал диктатуру дворянства. Оно достигло апогея своего расцвета – "дворянского золотого века". Законы, проведенные в эту эпоху, обеспечили дворянам эксплуатацию трудящихся; крестьянские массы были низвергнуты в пропасть человеческого бесправия и крайней нищеты. Вспыхивавшие часто крестьянские волнения подавлялись жестокими мерами. Но восстание под руководством Пугачева "тряхнуло" дворянское правительство и заставило его укрепить государственный аппарат для борьбы с крестьянским движением. В год подавления восстания (1775 г.) было издано "Положение о губерниях", которое делило страну, вместо прежних больших (8) губерний, установленных при Петре I, на 50 губерний, а последние – на уезды[1]. В каждой губернии "для содержания порядка и тишины" помещались военные силы. Дроблением губерний обеспечивалась быстрая помощь со стороны правительства

---

[1] История СССР, том 1, стр. 12.

помещику в случае крестьянских волнений. Была усилена полиция и в губерниях, и в уездах.

В вопросах внешней политики дворянское самодержавие стало на путь агрессии. Основной задачей этой политики был захват чужих земель и торговых путей. В этом оно имело немало успехов. Путем длительных войн с соседними государствами – Швецией, Польшей, Турцией и Персией – были приобретены большая часть территории Польши, Черноморское побережье, Западное побережье Каспийского моря и др. Через морские порты открывалась дорога на внешний рынок для русской торговли.

В числе захваченных земель было много пустынных степей, особенно на юге и юго-востоке. Часть этих земель была роздана крепостникам-помещикам, а остальная составляла фонд государства. Но эти земли без населения не могли быть использованы. Поэтому дворянское самодержавие было озабочено колонизацией этих пространств.

С этой целью оно пыталось заселить их, предпринимая различные меры. Несколько тысяч сербов, эмигрировавших в 50-х годах XVIII в. из Австрии и Турции, были поселены в южной России, на границе с Украиной. В 70-х годах XVIII в. из южной Германии были вызваны свыше 25000 немцев-колонистов, которых поселили по Волге в Самарской и Саратовской губерниях. Из-за границы были возвращены также много раскольников, которые были поселены на р. Урал вместе с теми раскольниками, которые в прежние времена спасались здесь от преследований. На Кубани Потемкиным были поселены бывшие запорожские казаки. Левый и правый берега Волги от Самары до Каспийского моря и Кубани были заселены калмыками – торговцами, пришедшими сюда из Джунгарии в XVI веке. Но вследствие притеснений со стороны дворянского правительства перед пугачевским восстанием, в 1771 г., часть калмыков откочевала обратно в Китай. В калмыцкой степи осталась лишь та часть, которая в 1771 г. не успела переправиться через Волгу и затем была задержана царскими властями[1]. После ухода калмыков степь между Уралом и Волгой долгое время пустовала.

Земли, лежащие вдоль берегов р. Урала, были заняты яицкими казаками, которые несли пограничную военную службу царскому правительству. Территория Башкирии уже была захвачена царизмом и усиленно колонизировалась.

В этих завоеванных окраинах дворянское самодержавие ликвидировало всякую государственность и деятельно боролось против всех попыток порабощенных народов добиться самостоятельности, нацио-

[1] История СССР, том 1, стр. 714.

нальной независимости. Стремясь не допускать смыкания между национальностями, царское правительство вело давно испытанную политику "травли и резни". В отношении отдельных народностей оно применяло принцип "разделяй и властвуй", искусственно разжигая и усиливая межфеодальные внутренние распри.

Царизм насаждал в завоеванных странах религию, в особенности православную, стремясь насильственно внедрить ее в быт покоренных народов.

Не считаясь ни с какими национальными и местными особенностями и условиями и подавляя всякую инициативу, царское правительство насильственно переносило на покоренные территории порядки, которые имели силу и значение в центре России. Колониальные народы были обречены на обнищание и вымирание.

Итак, в течение всего XVIII в. Россия неуклонно расширяла свои границы путем насильственного присоединения к империи малых народов, тем самым становилась ареной национального и колониального гнета и все более и более превращалась в "тюрьму народов".

Закончив захват чужих владений на западе и юге России, дворянское правительство стало форсировать агрессию на восток, в частности в сторону Средней Азии. Эта политика особенно усилилась в период континентальной блокады на западе. В царствование Екатерины II Россия пустила прочные корни для своего политического влияния в Азии. Захватив полностью Башкирию, дворянское самодержавие стояло на пороге завоевания Средней Азии.

Еще Петр I считал Казахстан "ключом и воротами"[1] для торговли со Средней Азией и Индией и Западным Китаем. Главной задачей царского правительства в ту эпоху было прибрать к рукам территорию Казахстана, разведать ее в промышленном и торговом отношениях и превратить Казахские степи в плацдарм для наступления на Среднюю Азию"[2].

Казахстан занимал обширную территорию, где преобладали почти пустынные бесплодные пространства (Бетпак-дала и др.), не всегда и не во всех своих частях пригодные для ведения хозяйства. Небольшое население его было разбросано по всей территории.

Казахи вели кочевой образ жизни. Экономика и культура отличались отсталостью. При низком уровне техники казахи не могли полностью использовать все богатые возможности занимаемой ими территории. Основной формой хозяйства у казахов было кочевое скотоводство, при котором средства производства составлял преимущественно

---

[1] История Каз.ССР, стр. 112.
[2] История Каз.ССР, стр. 156.

скот (овцы, верблюды, лошади и частично крупный рогатый скот), находившийся в частной собственности небольшой верхушечной кучки казахского общества – баев-полуфеодалов, эксплуатировавших казахскую бедноту. Земледелие находилось в зачаточном состоянии.

В общественном устройстве господствовали пережитки родового строя и патриархально-феодальные отношения. Кочевой быт не только не способствовал тому, чтобы вызвать к жизни более высокий тип общественного строя, но, напротив, задерживал развитие общественной жизни. Феодализм в полной мере не мог развиться в Казахстане. В нем не было почвы для развития ремесла, для широкого обмена, а также и для развития городских центров.

В таких условиях – при низком уровне экономики, культуры и техники, складывалась и развивалась казахская государственность. Она имела зачаточную форму и в дальнейшем не могла развиться в централизованное государство. Из-за своей отсталости она не могла быть и прочной, часто подвергалась нападениям извне, а также раздиралась междоусобными войнами.

Казахский народ не имел объединенного ханства, распадался на три жуза (или три орды): Старший, Средний и Младший. Каждый жуз делился на отдельные родовые группы, которые, в свою очередь, распадались на более мелкие родовые подразделения.

Каждый жуз имел своего хана. Один из трех ханов считался старшим ханом, а остальные находились иногда в вассальной зависимости от него. Во главе родовых групп стояли родовые старшины или старосты – аксакалы. Ханы не имели писаной конституции, они управляли народом на основании обычного права.

Благосостояние казахов как скотоводов зависело от наличия хороших пастбищных угодий и водопоев, как летних, так и зимних. Занимая отдельные оазисные места, более или менее удобные для ведения кочевого скотоводства на обширной территории Казахстана, и делая большие постоянные сезонные переходы в погоне за пастбищными угодиями, казахские жузы были слабо связаны между собой.

Нередко казахские ханы вели междоусобные войны, вовлекая в них народные массы. Войны между ханами велись главным образом из династических и экономических побуждений: за ханскую власть, за старшинство, за первенство, как в целом ханстве, так и в отдельных жузах. Велась борьба и между отдельными родами и родовыми группами – из-за лучших кочевий, пастбищных угодий, водопоев и т.д. Эти войны и постоянные внутренние распри ослабили казахский народ и не давали ему возможности укрепить свое государство. Такая разбросанность и внутренняя слабость казахов облегчила для их соседей захват и порабощение казахских земель.

Обширная территория и природные богатства Казахстана издавна привлекали внимание сопредельных стран. На его территории претендовали все его соседи. С севера наступала на Казахстан царская Россия, с востока – Китай, с юга – Иран, с юго-запада – Коканд, Бухара и Хива. Каждая из этих стран стремилась ослабить казахское ханство, расчленить его, уничтожить его независимость. Находясь в таком окружении и в такой сложной обстановке, казахи долгое время лавировали между этими странами, отражая нападения то одной, то другой из них. Воюя с одним или защищаясь от одного из этих государств, казахи должны были искать поддержки или покровительства у других, попадая тем самым в зависимость то от одного, то от другого государства.

В конце первой четверти XVIII в. со стороны Китая джунгарские калмыки, или как их иначе называют ойраты, неожиданно напали на казахов. Разбросанность населения, военная слабость, а также внутренние распри жузов обеспечили ойратам полную победу над казахами. Ойраты сильно разорили казахов. Погибло очень много казахов, целые аулы были поголовно истреблены ойратами. Годы ойратского нашествия казахи назвали годами "великого бедствия". Потеряв имущество и обширные пастбища, казахские жузы в панике бежали на юго-запад. Уцелевшие общины Старшего жуза должны были признать свою зависимость от ойратов, а казахи Среднего и Младшего жузов, чтобы избежать подчинения Джунгарии, продвинулись на запад и, оттеснив башкир и калмыков, заняли всю степь между Аральским морем, Каспием и Яиком, казахи Среднего жуза расположились в верховьях рек Урала и Тобола и на среднем течении Иртыша, а казахи Младшего жуза заняли все пространство от Аральского моря до Урала. Таким образом, казахи Младшего жуза очень близко подошли к российской границе.

Как видно, уцелевшие казахи Среднего и Младшего жузов очень далеко ушли от Джунгарии. Но несмотря на это, джунгарские войска продолжали преследовать их. Оказавшись в крайне бедственном положении, отдельные родовые группы казахских жузов вынуждены были сплотиться на некоторое время и отразить общими силами нападения врагов. По призыву представителей знати "черной кости" – Богенбая, Тайчика и других организовалось народное ополчение, которое нанесло между 1727 и 1729 годами поражение джунгарским войскам. Враг был оттеснен на границы казахских кочевий, но не был разбит. Независимость казахов Среднего и Младшего жузов на этот раз была сохранена. Старший жуз оставался еще под властью джунгарских завоевателей. Однако опасность нового нападения джунгарских войск не миновала – ойраты угрожали новым нападением.

В эти чрезвычайно тяжелые годы ханы и султаны оказались не способными организовать защиту народа. Они проявили полную беспомощность и растерянность. Это обстоятельство подорвало авторитет хана, султанов и вообще старой аристократии – чингизидов. Значение и роль знати "белой кости" сильно упали.

Феодальная раздробленность заметно возросла. Младшая и Средняя орды распались на отдельные владения. Считавшийся старшим ханом Абулхаир не имел ни власти, ни влияния. Он не распространял своего господства даже на всю Малую орду, фактически ему подчинялась лишь ее часть. Кроме него владельцами там были султан Батыр, сын Каипа, стоявший во главе части общин многочисленного рода Шекты, и сын Абулхаира, султан Нуралы.

Хан Абулхаир лишь номинально являлся старшим ханом. Сам Абулхаир чувствовал это. "Хан только имя носит ханское", – говорил он старшинам и сравнивал свое положение с дикой лошадью, которую "и люди бьют, и звери ловят", подобно этим лошадям, "хан не имеет себе оборонителя". Упадок ханской власти привел к усилению родовой знати. Политическое влияние старшин к началу второй четверти XVIII века значительно выросло. Младшая орда находилась в состоянии сильной раздробленности.

У границ России казахи пришли в соприкосновение с башкирами, калмыками и русским казачеством, которым не особенно понравился приход казахов и которые поэтому не особенно гостеприимно встретили их.

Башкиры жили здесь с давних времен. В то время область Башкирии начиналась с северной части нынешней Кустанайской области, она занимала верховья рек Тобола и Урала со всеми их притоками, южную часть Уральских гор и простиралась дальше к северо-западу почти до самой Волги. Богатая лесами, травами и водопоями, обширными пастбищами в горных долинах, весьма удобными для зимних кочевий скотоводческого хозяйства, территория Башкирии приковывала к себе внимание новых соседей – казахов.

Калмыки занимали низовья Волги. В начале XVII в. в силу ряда экономических и политических причин из Азии калмыки двинулись на запад. В приволжских степях они появились в 40-х годах XVII в. под предводительством Хо-Орлюка и заняли левый и правый берега Волги от Самары до Каспийского моря и Кубани. Калмыки вели кочевой образ жизни и занимались скотоводством. Зимою они жили в камышах в низовьях Волги и Каспийского побережья, а летом – кочевали в Нарын-песках, по берегам Камыш-Самарских озер и рек Большой и Малой Узени. Часто выходили они также и на степную сторону р. Яика вплоть до Эмбы, т.к. летом оводы не давали им

кочевать в Астраханских степях вблизи Каспийского моря. В связи с приходом сюда казахов они перестали выкочевывать на левый берег р. Урала.

Яицкие казаки занимали среднее течение и низовье р. Яика. До Петра I они пользовались полной свободой и управлялись выборными атаманами. При Петре I они были переписаны, и свобода их все более и более ограничивалась. Казаки не хотели расставаться со своими вольностями, были недовольны постепенным их стеснением, вследствие чего несколько раз волновались в царствование Екатерины II. Казаки должны были служить в гарнизонах тех маленьких крепостей (Яик, Илецкий городок и др.), которые были основаны в начале XVIII в. по Яику и его притокам против набегов казахов, башкир и др.

Расположившись очень близко к русским границам, казахи стремились занять левый берег р. Урала. Это привело к столкновению казахов с башкирами, калмыками и уральскими казаками, которые не хотели пустить казахов к Уралу. На этой почве началась новая борьба, доходившая иногда до кровопролитных столкновений.

Положение казахов делалось тяжелым. Неустойчивость и неопределенность кочевий, постоянная угроза нападения со стороны новых соседей, беспрерывная борьба между родовыми группами из-за кочевий, анархия власти – все это делало положение очень напряженным. К тому же опасность нового нападения джунгар не была устранена.

В условиях внутренних и внешнеполитических трудностей хан Абулхаир искал себе опору, которую он надеялся найти в царском правительстве. Вот эти-то обстоятельства и заставили хана Абулхаира обратиться к русскому правительству с просьбой "о принятии его со всем своим народом в подданство России". При этом хан надеялся, что подданство России избавит казахов от нападения со стороны русских подданных: калмыков, башкир и казаков, а также от вторжения джунгар. Опираясь на царское правительство, хан Абулхаир надеялся подчинить себе непокорных султанов и тем самым усилить ханскую власть.

Правительство Анны Иоанновны охотно согласилось на просьбу Абулхаира. Казахи были приняты в подданство.

По принятии казахов в подданство царское правительство начало строить крепости между башкирской территорией и Казахской степью. Это обстоятельство вызвало целый ряд восстаний[1] башкир, которые видели в постройке крепостей угрозу полного окружения и потери последних остатков своей независимости.

---

[1] История СССР, том 1.

Во время одного из восстаний (1838 г.) башкиры обратились к Абулхаиру за помощью. Хан выразил на это свое согласие и стал проявлять враждебность к России. Он мечтал о присоединении Башкирии к своим владениям. Башкирский вождь Карасакал скрывался в Казахской степи. Царские власти испугались объединения башкир с казахами. Вследствие этого царское правительство стремилось оторвать казахское ханство от его соседей и всемерно препятствовало попыткам Абулхаира создать крепкое казахское государство.

Эту политику проводил в жизнь Оренбургский губернатор И.И. Неплюев (Оренбургская губерния была создана 15 марта 1744 г.). Он построил на границе между Башкирией и казахскими кочевьями сеть укреплений, чтобы сделать невозможным соединение башкир и казахов. Одновременно с этим Неплюев отдал распоряжение комендантам крепостей, расположенных по нижнему Уралу, не допускать непосредственных сношений между казахской знатью и калмыцкими владельцами. Коменданты должны были задерживать казахских посланцев на границе и отсылать обратно"[1].

Абулхаир стремился к усилению ханской власти и к подчинению себе непокорных султанов. Но усиление ханской власти не соответствовало видам царского правительства. Оно представлялось опасным и для султанов противоположной группировки. Начались новые междоусобные распри. Положение Абулхаира пошатнулось. Усилилось влияние враждебных ему султанов. В 1748 г. во время одного столкновения хан Абулхаир был убит султаном Бараком.

Конец Абулхаира означал крушение его плана восстановления ханской власти в ее прежнем значении. Ни одна из поставленных Абулхаиром задач не была выполнена. После смерти Абулхаира казахское ханство продолжало находиться в состоянии раздробленности. Междоусобная борьба и смуты разгорелись с новой силой.

В 1749 г. был выбран в ханы Нуралы, старший сын Абулхаира. Его утвердило ханом русское правительство. Это был первый случай утверждения казахских ханов русским правительством. При Нуралы усилилась зависимость казахского хана от русского правительства. При этом правителе, в 1755 г., в Башкирии вспыхнуло новое восстание против царской России[2]. Около 50 тыс. башкир, преследуемых царскими войсками, ушли в казахские степи, чтобы соединиться там с казахами и потом совместными силами продолжать борьбу против России.

Стремясь разъединить башкир и казахов, Оренбургский губернатор Неплюев послал с воззванием своих агентов убеждать казахов

---

[1] История Каз.ССР, стр. 159.
[2] История СССР, том I.

убивать беглецов башкир и захватывать себе в рабство их жен и детей[1]. В Среднем жузе это воззвание не имело успеха. Но хан Нуралы последовал указаниям Оренбургского губернатора. Вместе со своими родственниками – султанами хан Нуралы начал грабить башкир и обращать их семьи в рабство. Эта вероломная позиция Нуралы привела к тому, что союз между башкирами и казахами был сорван. Спустя некоторое время тот же губернатор спровоцировал башкир на нападение на казахов, которые жестоко поплатились за грабеж. Башкиры жестоко отомстили казахам. После этого началась ожесточенная вражда башкир и казахов, которая не прекращалась даже в XIX в.

В административном отношении казахи были подчинены пограничной системе управления. Оградив русские окраины от Казахской степи линиями укрепленных пунктов и городов, царское правительство управляло казахским народом через посредство ханов и султанов. В ханах правительство желало видеть беспрекословных исполнителей своей воли и превращало их в орудие своей политики в орде. Поэтому на ханскую должность всегда проводился кандидат, угодный правительству, а казахский съезд под давлением русской военной силы или через подкуп влиятельных лиц в орде соглашался с избранием намеченного правительством кандидата. Султаны же, имевшие влияние и силу в орде и способные вести самостоятельную национальную политику, были неугодны русскому правительству и не утверждались в ханы. Поддерживая своих ставленников – ханов, правительство подавляло всякое национальное движение в орде, направленное против них, не брезгуя при этом никакими средствами: открытой военной силой, подкупом[2], предательством.

Пограничные власти очень мало заботились об изучении жизни казахской народности. Они не знали ни численности народонаселения орды, ни родовых подразделений, ни условий кочевого скотоводства, ни зимних пастбищ и т.п. Быт и нравы народа и его обычное право оставались или совершенно неизученными, или игнорировались. Об отношении к казахам пограничного начальства красноречиво сказано в рапорте уфимского наместника Игельстрома на имя Екатерины II: "Вообще сказать, – пишет он, – вся цель, которую тогда сулили установить тишину втравленного до отчаяния в злобу и мщение киргиз-кайсацкого народа, состояла в том, чтобы делать сколько возможно чаще и свирепее баранты, обоими руками держась системы покойного господина тайного советника Ив. Ив. Неплюева, который утвер-

---

[1] Материалы по статистике, истории и этнографии Оренбургской губернии. вып. I, 1847 г., стр.20.

[2] Архив гос.совета, СПб; 1869 г., стр. 829.

ждал, что нет другого способа управиться с киргиз-кайсаками, как резать их... В сем-то положении, Всемилостивейшая Государыня, по прибытии моем в Оренбург, нашел я правление тутошного начальника, дела, порядок и благоуспешность которых от распоряжений его зависели. Сверх того нельзя мне также умолчать, что презренье его к киргиз-кайсакам до такой степени простиралось, что казалось мерзил он и гнушался одним напоминанием имени султана или старшины, и когда случалось спрашивать его о чем-либо касательно того народа, то обыкновенный и всегда один был от него ответ: "Чучалов все знает", и действительно он все знает, проживая всю жизнь в службе по части пограничной: но человек сей коль достаточен сведениями до киргизского народа относительными, столько же безмерно жестоконравен, злобен и такой фанатик, что часто дает выразуметь, что все равно киргизца ли убить или какого зверя, и сколь много он не терпит киргизцев, столь вопреки и сам от них нелюбим и ненавидим".[1]

Как видно из этого материала, произволу и провокационным действиям пограничной администрации того времени почти не было границ. Необходимо только отметить, что враждебность казахов к царизму и его агентам в большинстве случаев являлась ответом на произвол пограничной администрации.

Царское правительство, стремясь подчинить себе орду с помощью ханской власти, старалось укрепить и усилить "преданных" царизму ханов. Для этого намечено было специально построить крепость для хана, которая могла бы служить опорной базой для дальнейшего продвижения в казахские степи. Раньше для продвижения в степь и захвата казахских земель нужны были грубые военные силы, нужны были крепости, а теперь царское правительство рассчитывало добиться тех же результатов "мирным" путем, проводя такие захваты с помощью казахской аристократии и родовой верхушки.

В 1775 г., когда вырабатывалось "Положение об губерниях" в государственном совете в присутствии Екатерины II, решался вопрос и о ханской власти. В решении сказано следующее: "Сохранить бытие в каждой из сих орд особого хана, и стараться довести избрание оных зависящим не от народа, но от соизволения Ее Императорского Величества, подкрепляя для того ханов деньгами, усилить ханов для приведения орд их в порядок построением для их житья крепостей и содержанием при них офицера с небольшим числом драгун и казаков, изъясняя, что построение для хана Меньшей орды крепости удобно будет на устье Эмбы"[2].

---

[1] Архив гос.совета, СПб; 1869 г., том 1, стр. 817–818.
[2] Архив гос.совета, СПб; 1869 г., том 1, стр. 817–818.

Малая орда испытывала всю тяжесть колониальной политики царизма. Проводниками этой политики были ханы Малой орды – сыновья Абулхаира, продолжавшие стремиться к сближению с царской Россией гораздо последовательней, чем народ степи. Для того, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше "преданных" людей, царские власти пустили в ход всякие формы подкупа. Хан, султаны, старшины – словом, все лица казахской администрации получали от царской казны жалованье и хлебные дачи. Помимо этого широко практиковались "подарки" им. По этому поводу в донесении Игельстрома говорится: "Если все мои издержки для подарков исчислить, то они, конечно, не составят еще такой знатной суммы, на которую бы можно было подкупить всю киргиз-кайсацкую меньшую орду, где посредственнейший богатством имеет по нескольку тысяч лошадей и десять или двадцать тысяч баранов"[1].

Тут необходимо уточнить, что подкупалась не вся Малая орда, о чем говорит Игельстром, а ханы и кучка казахских феодалов, податливых и склонных к сотрудничеству с царизмом. Царское правительство не давало казахам возможности сплотиться. Напротив, оно всемерно стремилось дробить, разъединять казахские орды на отдельные враждующие между собою группировки. Для этого оно тайно сеяло вражду и рознь между казахами – как среди знати "белой кости", так среди феодально-родовой верхушки, и использовало и разжигало межродовые раздоры и распри. О таком разложении Младшей орды Игельстром в своем донесении от 10 июня 1786 г. говорит Екатерине II: "Я отложившихся от хана старался, сколько возможно, не допускать примириться с ним, в чем руководствовало меня Вашего императорского величества именное повеление от 27 ноября 1785 г., что разделение киргиз-кайсацкой Меньшей орды конечно выгодно для Вашего Императорского Величества будет"[2]. Затем 23 сентября 1786 г. генерал Игельстром снова докладывал Екатерине II, что хорошо было бы "вместо одного хана поставить трех в орде, дабы единовластие разделить"[3], с чем царица согласилась.

В условиях междоусобной борьбы поднялось значение знати "черной кости". В противовес ханской власти царская администрация поддерживала представителей знати "черной кости". Возросли роль и значение народной партии. Власть в орде фактически оставалась в руках главных старшин. Хан Нуралы потерял весь свой авторитет. От него отпало большинство старшин. Среди самой ханской фамилии произо-

[1] Там же, стр. 825.
[2] Там же, стр. 824.
[3] Там же, стр. 838.

шел раскол. Хан Нуралы, не имея поддержки ни со стороны царского правительства, ни со стороны своих, оказался совершенно бессильным, следовательно, бесполезным для целей колониальной политики в Казахстане. Тогда царская администрация вызвала хана Нуралы в Оренбург на свидание, а когда тот приехал туда, его просто сослали в Уфу, где он жил до самой смерти, т.е. до 1790 г. На его место новый хан долго не выбирался. Это объяснялось тем, что местный генерал-губернатор держал курс на упразднение власти хана, этого мелкого монарха, что было признано царизмом "опасными опытами". Поэтому звание хана в Младшей орде было восстановлено.

В 1791 г. под нажимом царской администрации был произведен фиктивный выбор хана Малой орды. Новым ханом стал Ералы, брат Нуралы, человек преклонных лет. При Ералы "для обуздания власти ханской" был поднят вопрос об учреждении "Ханского совета" и комплектовании его из лиц, угодных колонизаторам.

В связи с восстановлением звания хана в Младшей орде борьба разыгралась с новой силой. Народная партия требовала ликвидации ханской власти в орде. Хан Ералы умер в 1794 г. На его место, вопреки стремлениям народной партии, царская администрация в 1795 г. назначила нового хана Ишима, сына Нуралы, сосланного в Уфу. При нем был учрежден Ханский совет. Председателем Ханского совета был назначен султан Букей Нуралиев, как человек более энергичный и преданный царизму. В 1797 г. хан Ишим был убит вождем народной партии Срымом, который позднее и сам погиб. Новым ханом царская администрация назначила Айчувака Абулхаирова, родного брата хана Нуралы. Хан Айчувак был уже старик, малоэнергичный, слабохарактерный, он не имел авторитета в орде.

Во время управления Малой ордой хана Айчувака междоусобия между отдельными родами и борьба султанов из-за получения ханского достоинства развернулись с новой силой. Появились новые претенденты на ханский престол. Это были младшие сыновья хана Нуралы – султаны Каратай и Букей, председатель Ханского совета. Султан Каратай, старший сын хана Нуралы, как и брат его султан Букей, стремился к достижению тем или другим путем ханского достоинства.

Постоянные междоусобные распри, увлекая народные массы, осложнялись нескончаемыми барымтами – взаимными угонами скота и убийствами. Целые роды и отдельные части разных родов вытеснялись и сгонялись с насиженных мест, что влекло за собой нарушение кочевий и новое разорение. Многие общины, спасаясь от окончательного разорения, уходили в разные стороны – или вглубь степи или же на Урал. Многие аулы, окончательно разорившись в степи, потеряв и

скот и имущество, возвращались обратно к линии и, потеряв всякую способность к передвижениям, к перекочевкам, они жались к русским поселкам в надежде найти себе средства к существованию. Многие обнищавшие казахи продавали своих детей и расходились по русским поселкам, поступая там пастухами или рабочими.

Такова была политическая обстановка в Младшей орде к концу XVIII в.

В хозяйственном отношении казахи вскоре стали испытывать большие затруднения. Они ощущали недостаток кочевий, особенно зимних пастбищ. Все пограничное пространство по левому берегу р.Урала, от Верхнеуральска до Лбищенска, было занято кочевьями семиродцев, а от Лбищенска до устья р.Урала и далее по берегу Каспийского моря – кочевьями казахов Байулинских родов. За лето трава на левом берегу Урала вытаптывалась скотом или в засушливые годы выгоревшие степи были не в состоянии прокормить скот – основное богатство казахов. Там не было защищенных мест, не было ни кустарников, ни камыша, ни леса, где можно было бы укрыться скоту во время зимних вьюг и буранов.

Между тем правый берег р.Урала изобиловал кормами, лесами, камышовыми зарослями на берегах рек Большой и Малой Узеней, на Камыш-Самарских озерах, на побережье Каспийского моря, где казахи могли бы находить защиту от буранов, свирепствовавших в степи, корм для скота и топливо для своих кибиток. Естественно поэтому, что казахи во время суровых и многоснежных зим стремились укрыться со своими стадами на правом берегу реки Урал. Но по Уралу тянулась цепь линейных форпостов уральских казаков. Они не пускали казахов на правый берег реки.

Насчет переходов казахов правительство имело свои особые виды. Однако казахи силой стали прорываться на правый берег Урала, особенно в суровые зимы, поэтому между казахами и живущими на внутренней стороне уральскими казаками и калмыками часто происходили столкновения, иногда даже кровопролитные. Эти переходы казахов на правую сторону Урала имеют свою историю.

13 декабря 1757 г. царское правительство издало рескрипт на имя Оренбургского губернатора и тайного советника И.И. Неплюева о воспрещении казахам переходить на правый берег Урала. В этом рескрипте между прочим говорилось: "Киргиз-кайсацкий скот в зимнее время на здешнюю сторону р. Яика перепускать дозволение давать за благо не рассуждено!.."[1]

Далее в этом же рескрипте:

---

[1] По Рязанову А. Из неизданных записок Генса, стр. 178.

"А чтобы, как Вы же, действительный тайный советник от 17 текущего апреля в нашу коллегию иностранных дел представляли, в отнятие происходящей особливо у калмык и киргиз-кайсаками коммуникации и могущих из того быть худых следствий, и калмыкам при р. Яике по здешней стороне кочевать запретить, в рассуждении, что такое отдаление калмык от р. Яика ближайшим поводом киргиз-кайсакам на здешнюю сторону р. Яика служить"[1].

Таким образом, было запрещено пропускать казахский скот на "здешнюю сторону". Одновременно с этим правительство воспретило калмыкам кочевать вблизи реки Урал, а тем более было воспрещено им перекочевывать на левую сторону ее, как это практиковалось раньше. Постановление правительства о воспрещении перекочевывать на внутреннюю сторону реки Яика вызвало у казахов "великое неудовольствие и ропот", о чем Оренбургский губернатор донес коллегии иностранных дел. Но коллегия настаивала на проведении в жизнь рескрипта 1757 г., говоря, что "при продолжении такого им дозволения сперва нескольким, потом многим улусам на здешнюю сторону р. Яика переходить, а на последок, будучи, как известно, волжских калмык сильнее, утесняя их до самой Волги распространяется, следовательно и с Кубанией по единоверию их беспрепятственное сообщение возымеют, и к Астрахани по Волге проезд иметь трудным и опасным учинять"[2]. Но казахи переходили на "здешнюю сторону", так как бескормица и массовая гибель скота заставляли их не считаться с этим рескриптом; продолжали кочевать по правой стороне Урала и калмыки.

А уральские казаки были и против калмыков, и против казахов. Они беспрестанно стремились совершенно воспретить казахам эти переходы, а калмыков удалить в какое-нибудь другое место, "чтобы в переходе из моря по Яику к их казачьему городку рыбы помешательства не было"[3].

Ходатайства уральских казаков были отклонены, так как правительство находило, что "калмыкам и впредь при реке Яике кочевать воспретить невозможно". А казахи кочевали летом по левому берегу Яика и в суровые зимы быстро устремлялись на правый берег, прорывались на внутреннюю сторону Яика, не обращая внимания ни на какие запреты правительства.

В "отвращении перегонов" скота предполагалось построить для хана "на степной стороне" вблизи линии просторный скотный двор...". Но из этого предположения ничего не получилось, так как ханы и

---

[1] Там же, стр. 178–179.
[2] *Рязанов А.* Сорок лет борьбы..., стр. 180.
[3] Там же, стр. 179.

султаны отказались от услуг царского правительства, предпочитая прежний, кочевой, образ жизни.

Запрещение кочевать на "внутренней стороне" стеснило кочевья казахов, вследствие чего многие аулы оказались перед угрозой потери скота.

Указ 1757 г. стал неуклонно проводиться в жизнь с 1759 г., когда Оренбургским губернатором был назначен Давидов, который отличался жестокостью по отношению к казахам. Он, как и Неплюев, ненавидел казахов. Он не входил в их нужды и не понимал их. Давидов предлагал хану кочевать по Эмбе. На все требования хана Нуралы относительно перехода за Урал Давидов отвечал одно: "При хане Абулхаире казахи не домогались права кочевать на внутренней стороне, значит и сейчас эти кочевья не являются для них необходимыми"[1].

И центральное правительство смотрело на дело глазами Давидова. Так, когда вопрос о праве перекочевок на зимнее время за Урал был доведен до Екатерины II, она написала канцлеру: "Мне кажется, легко можно ответствовать киргиз-кайсацкому хану на его домогательство о дозволении перейти со своим скотом Яик. Он признается за подданного России, следовательно, он послушен будет и не пойдет со своим скотом, где им заказано, понеже всякий российский подданный не имеет переходить, где ему не позволено. А если у них корма для скота недовольно, то пусть покупают за деньги, или выменивают на товар, или запасаются на зиму, что им и советуется делать"[2].

Когда переговоры казахов с царской администрацией по вопросу о перекочевках не дали желательных для казахов результатов и когда казахи во время самовольных переходов через Урал стали терять много скота (так, зимой 1759 г. калмыки захватили не менее 40 000 голов казахского скота), они стали искать другой выход.

Казахи попытались оказать давление на царскую администрацию путем задержания в степи караванов, следующих из Бухары, Хивы в Оренбург, но эти попытки еще более обострили отношения с царской администрацией.

Перед казахами встал вопрос об откочевании из пределов России. Даже хан Нуралы завязал сношения с китайскими властями, но практических результатов эти сношения не дали. Тем не менее они сильно встревожили царскую администрацию.

Казахские общины стали откочевывать в разные стороны — на юг, на Сырдарью, к Хиве и т.д. Массовый уход казахов грозил срывом пограничной торговли.

---

[1] *Вяткин М.* Очерки по истории казахов.

[2] Там же, стр. 165.

В 1771 г. перед началом пугачевского восстания, калмыки, жившие в Нарын-Песках, вследствие притеснений со стороны царских чиновников, в количестве 30 000 кибиток откочевали из русских пределов в азиатские степи. Уральским казакам было приказано идти в погоню за калмыками и вернуть их назад. Казаки не захотели исполнить приказание, так как они сами были заинтересованы в уходе калмыков. За невыполнение приказа казаки были строго наказаны. Эти наказания настолько ожесточили казаков, что когда в 1771 г. была прислана комиссия под начальством генерала Траубенберга для разбора дела, они взволновались и убили Траубенберга. Тогда из Москвы был прислан генерал Фрейман с войском, который усмирил мятеж, строго наказав главных зачинщиков, и уничтожил прежнее казацкое управление, отдав казаков под начальство яицкого коменданта.

Но зато царским чиновникам удалось путем разных посулов натравить на бежавших калмыков казахов, которые устроили калмыкам настоящую резню. Лишь 1/3 калмыков удалось вернуться на родину в Джунгарию.

После ухода калмыков в Китай отношение царских чиновников к казахам несколько изменилось. Царское правительство стало, так сказать, обрезать острые углы своей политики. Вместо ненависти и отчуждения обнаружился переход к "мирной" политике в отношении казахов. Надо полагать, что у царских властей возникало опасение, как бы и казахи не ретировались из подданства.

Изменение политики царизма в отношении казахов было вызвано и пугачевским восстанием, вспыхнувшим вскоре после бегства калмыков. Некоторые роды Младшей орды, будучи уже подданными России, принимали участие в восстании Пугачева вместе с русскими крестьянами, башкирами и другими[1]. Хотя пугачевское восстание было жестоко подавлено, но призрак его витал и после над крепостнической Россией и толкнул царское правительство на некоторые примирения с "домашними врагами".

Участием казахов, как и других угнетенных народов, в восстании Пугачева, по-видимому, была вызвана преподанная 25 июня 1776 г. Оренбургскому губернатору Рейнсдорху Екатериной II установка следующего содержания: "Искусство правящего генерал-губернаторскую должность не в том, однако, состоит, чтобы все распоряжались силой и властью военными, но кротким и твердым исполнением законами предписанного поставить себя и правительство в таком почтении, чтобы и у дичайших народов приобрести доверенность в пользу империи"[2].

---

[1] См.: Пугачевщина, том 1, издание Центр. архива МВД, 1926 г.

[2] Архив госсовета, том 1, СПб, 1869 г., стр. 820.

Но не сразу прекратился произвол пограничной администрации. В рескрипте Екатерины II от 2 мая 1784 г. на имя генерала Апухтина говорится: "Повелеваем Вам учинить строжайшее подтверждение, чтобы начальники военные полевые и гарнизонные наблюдали военный порядок, не попуская подчиненных им ни на какие своевольствия против киргизов и других, грабежом, хищением и тому подобным образом, подвергая под суд и жесточайшее наказание всякого, кто станет поступать вопреки сему, яко злейшего преступника, который поведением своим дает причину к нарушению спокойствия подданных наших, ибо мы не имеем ни малого сомнения, что собственные поступки в прежнее время начальствовавших навлекали от киргизцев воровства и грабежа из мщения"[1]. Тут мы имеем признание самой царицы, что всякого рода враждебные действия казахов против русских были ответом на крайне жестокие, провокационные действия пограничной администрации.

Следует помнить, что Екатерина II высказывается только против излишнего усердия пограничной администрации, против грубых приемов Чучаловых, не достигающих цели усмирения казахов и их эксплуатации. Несмотря на эти "гуманные" в отношении казахов, "грозные" по адресу Чучаловых фразы, корень зла царица не уничтожила. Казахские земли все более и более захватывались.

После ухода калмыков занимаемые ими пастбища остались свободными. На эти пастбища стали претендовать казахи. 29 июня 1783 г. правительство издало новый указ на имя начальника Оренбургского края генерала Апухтина, которым было разрешено в случае бескормицы пропускать казахов на "внутреннюю сторону", на земли тех обитателей, кои в наймы их отдать пожелают или есть что отдать". Казахам разрешалось арендовать свободные земли у русских жителей по добровольному соглашению[2]. В 1788 г. за пастьбу казахского скота "на внутренней стороне" была установлена особая плата, которая должна была поступать в пользу тех жителей, на чьи земли пропускался казахский скот.

Но "преданные" России казахи могли перейти для кочевки на "внутреннюю сторону" бесплатно. Так, тогда же на правую сторону Иртыша перешло около 15000 кибиток, занявших Кулундинскую степь[3]. Казахи, перегонявшие свой скот в Нарын-Пески, от платы также освобождались.

Скот с разрешения правительства перегонялся на "внутреннюю сторону" в любом месте Оренбургской пограничной линии, от кре-

---

[1] Там же, стр. 819–820.

[2] Из неизданных записок Генса (цит. по Рязанову), стр. 180.

[3] *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898 г.

пости Зверино-Головской до Гурьева-городка, но потом правительство стало постепенно ограничивать временный переход казахов на "внутреннюю сторону", а на некоторых участках совершенно запретило пропуск казахского скота, как, например, от Верхнеозерной крепости до Уральского городка, "по причине довольного множества разных здешних народов". На нижнеаральской линии для пропуска казахского скота было отведено пять пунктов, но после число их было сокращено до трех.

Пропущенный на "внутреннюю сторону" казахский скот должен был пастись на определенном участке. Были указаны приблизительно пределы этого участка в таком виде: "Держать на пастьбе между Уралом и Волгою, начиная от устья р. Большой Узень по всему пространству Нарын-Песков до самых берегов Каспийского моря". В 1788 г. казахские кочевья на "внутренней стороне" были несколько ограничены, сужены, чтобы "положить киргиз-кайсацкому народу преграду приближаться к самой Волге и удалить их от возможности наносить беспокойство лежащим по Волге селам". В этом же году, по повелению Екатерины II, была учреждена кордонная стража по линии от реки Иргиза через Большую и Малую Узени до берегов Каспийского моря.

В 1794 г. по высочайшему повелению были учреждены новые кордоны "от Камелика до р. Узеня, а оттуда по течению р. Узеня до Камыш Самары, от сего же до Уральской линии".

Таким образом, из пользования казахов на "внутренней стороне" были изъяты большие участки лучших земель, и казахские кочевья были окружены кордонными и форпостными линиями.

В 1795 г. последовало распоряжение о переселении калмыков с нагорной стороны Волги на луговую. Калмыкам отводилось большое пространство за новой кордонной линией. Это распоряжение было сформулировано Екатериной II так: "Перевод калмыков с нагорной стороны Волги на луговую признаем мы полезным в рассуждении собственной их выгоды, обуздания киргизцев и сбережения казны от лишних расходов на содержание стражи употребляемой"[1]. С той же целью, несколько позже, были поселены на луговой стороне Волги и кундровские татары. По поводу переселения калмыков Оренбургский губернатор Игельстром дал такое распоряжение: "Предоставить калмыкам места от Большого Узеня до самого Иргиза, где они были прикрываемы от стороны Нарын-Песков кордонами, а от Урала линейною стражей, с лучшею пользою кочевать могуть, киргизцам же

[1] КазЦАУ, ф. 4, д. 104-а, стр. 362—371.

предоставить места к Каспийскому морю"[1]. Как видно, калмыки были изолированы от казахов кордонами, а казахские кочевья были отодвинуты к пескам к Каспийскому морю. В соответствии с этим и перепускные пункты для казахов были перенесены в совершенно другие места, ниже по Уралу.

Этими ограничениями казахи были недовольны. Тогда стали переходить они за Урал позднею осенью или при наступлении зимы, по льду побережья Каспийского моря, где не было сторожевых кордонов. Но в 1799 г. было издано правительством новое распоряжение, в котором говорилось: "во время замерзания воды установить сторожевые кордоны по побережью моря от Астрахани до устья Урала"[2]. Этим распоряжением правительства "тайные перелазы", разумеется, были прекращены.

Таким образом, к началу XIX в. между низовьями р.Волги и р.Урала оставалось огромное незаселенное песчаное пространство, окруженное со всех сторон сторожевыми линиями, куда с разрешения царских властей пускались казахи для кочевания. Царизму нужно было заселить это пустующее пространство.

---

[1] *Рязанов А.* Сорок лет борьбы..., стр. 181.
[2] Там же, стр. 182.

Глава II. Образование Букеевской орды

В обстановке междоусобной борьбы различных феодальных групп и интриг пограничной администрации вырос султан Букей. Он был в числе сторонников царизма. Как человек "благонадежный", он председательствовал в Ханском совете, учрежденном в 1797 г. "для обуздания власти ханской". Он был одним из главных претендентов на ханское достоинство, но не имел шансов на успех в борьбе за ханский престол в Малой орде с более авторитетным среди казахской знати братом своим Каратаем. Поэтому он предпочел перейти на службу царизму, чем быть вассалом хана Малой орды. Притом Букей надеялся, что при поддержке царской администрации и под охраной сторожевых линий он будет иметь возможность "вернее упрочить и власть и богатство свое"[1].

Поставив перед собою такую задачу, Букей обратился за советом к командиру Астраханского полка Попову, с которым был хорошо знаком. Попов по роду своей службы находился в непосредственных сношениях с казахами. По распоряжению царской администрации он организовал охрану морского побережья от казахов, которых в то время не пропускали через побережье по льду "на внутреннюю сторону" Урала. Для этой цели Попов выставил против казахов кордоны и сторожевые пикеты из астраханских казаков – по побережью моря от Астрахани до устья Урала. Попов подал Букею мысль организовать "самостоятельное ханство" в Нарын-Песках. По совету Попова Букей обратился к Астраханскому губернатору Кнорингу и просил его возбудить ходатайство перед царем о принятии его, Букея, в вечное подданство с подвластным ему народом, с тем чтобы "киргизам было позволено кочевать между Волгой и Уралом и заводить, где удобный сыщется, в лесных местах селения на зимнее пастбище"[2].

Кноринг возбудил ходатайство перед императором Павлом I. В ответ на его ходатайство 11 марта 1801 г. последовал высочайший рескрипт:

"Председательствующего в ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орды Букея султана, сына Нуралы хана, принимаю к себе охотно;

---

[1] *Ханыков Я.В.* Очерк состояния Внутренней киргизской орды (Записки Императорского Русского географического общества, СПб, 1846 г.

[2] *Рязанов А.* Сорок лет борьбы ..., стр. 183.

позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю ему медаль золотую с моим портретом, которую носить на шее на черной ленте. Астраханского же войска командиру Попову жалую чин генерал-майора в награждение за усердие в успешном усмирении киргиз-кайсацких народов".

Как видно из этого рескрипта, султан Букей достиг своей цели. Но тут мы имеем возможность сделать некоторые выводы. Царь "охотно принимает к себе" Букея, позволяет кочевать там, где он пожелает, в знак "благоволения" назначает ему золотую медаль. Очевидно, что интересы Букея вполне соответствовали целям колониальной политики царизма. Следовательно, действия султана были тесно связаны с общими задачами колониальной политики царизма того времени. И мероприятия царского правительства по перепуску казахов за реку Урал явились лишь звеном в общей цепи однородных фактов, имевших место в конце XVIII в. на рубежах казахских степей. Перепуском Букея с подвластными ему казахами за Урал было сделано лишь то, что практиковалось и в других местах Казахстана. Так, в 1788 г. было разрешено некоторым "преданным" России казахам перейти для кочевки на правый берег Иртыша. Для нас ясно, что тут ничего принципиально нового не было. Царь Павел I, Кноринг, Попов и Букей делали общее для них дело, уже давно задуманное, и все они были лишь выразителями и проводниками той колониальной политики, которую тогда ставила перед собой дворянская Россия. Отсюда видно, что далеко не прав историк Рязанов, когда он объясняет образование Букеевской орды чутким и добрым отношением "Попова к казахам"[1].

Исключительное благорасположение и "благоволение" Павла I к Букею могли быть связаны и с личными интересами самого императора. Дело в том, что, как известно, Павел, прекратив союз с Австрией и Англией, отозвал своих послов из Вены и Лондона. Вслед за тем он сблизился с Наполеоном I, и, заключив мир с Францией, стал готовиться к войне с Англией, вопреки желаниям правящих кругов российского дворянства. Донским казакам уже было приказано идти через Казахстан, Хиву, Бухару в Ост-Индию. Имея в виду это обстоятельство, Павел мог признать заселение Астраханских степей и "усмирение киргиз-кайсацких народов" фактором, сопутствующим и содействующим его личным военным замыслам. Поэтому-то, возможно, он так щедро наградил и Джангира, и Попова. Кстати, Павел квалифицировал факт образования Букеевской орды как факт "усмирения киргиз-кайсацких народов", чему царское правительство придавало тогда исключительное значение. Тут только получается некоторая хро-

[1] *Рязанов А.* Сорок лет борьбы ..., стр. 183.

нологическая неувязка между датой предложения Попова султану Букею "об организации самостоятельного ханства" (1801 г.) и фактической датой его организации (1812 г.). Но это лишний раз подтверждает нам лишь то, что Попов заранее знал политику царизма, поэтому-то он и мог заранее наметить перспективу для Букея.

Итак, переход Букея за р.Урал явился результатом осуществления колониальной политики царизма, и он имеет тесную связь с процессом разложения самой Малой орды, разделение которой, как мы видели выше, было предрешено и задумано царизмом еще задолго до перехода Букея за Урал. Таким образом, этот переход, т.е. раздробление Малой орды, вполне отвечал интересам царизма и форсировался им.

Султан Букей с "подвластным народом" перекочевал[1] в Нарын-Пески. С ним перешло до 5000 кибиток казахов, почти все Байулинского поколения... Букей старался привлечь на свою сторону возможно больше народа. Он был очень заинтересован в том, чтобы увеличить число своих подданных. Он усилил агитацию за переход на внутреннюю сторону и всеми методами заставлял казахов идти к нему в подданство. В течение первых двух лет к Букею перешло еще около 2500 кибиток[2]. В первое время царское правительство сильнее поощряло переход казахов на правую сторону реки Урал. Поэтому в первые два десятилетия после образования Букеевской орды ее население беспрерывно увеличивалось за счет постоянного притока казахов. По мере увеличения населения кочевья казахов расширялись, охватывая все новые и новые участки земли.

Казахи, перешедшие с Букеем, заложили основу нового ханства, которое несколько позже было названо царским правительством "Букеевской или Внутренней ордой". Перекочевки казахов на внутреннюю сторону Урала происходили и после. Казахские массы на новых местах очень мало доверяли как Букею, так и пограничной администрации. Они еще не знали, что ожидает их впереди. Они чутко прислушивались ко всем распоряжениям правительства и в случае необходимости готовы были в любой момент откочевать обратно. Особенно их недоверие к Букею проявилось в таком факте: в 1803 г. Астраханский генерал-губернатор Завалишин прислал в ставку Букея роту солдат и требование представить ведомости о численности казахов, перешедших на Астраханские земли. Казахи, усмотрев в этом факте что-то недоброе, потоком хлынули обратно: больше половины всех кибиток откочевало на степную сторону Урала. Впрочем эти откочевщики скоро вернулись обратно. Но, тем не менее, казахи не совсем успокои-

[1] Каз.ЦАУ, ф.4, д. 104-а, лл. 362–371.
[2] Там же.

лись. Откочевки подведомственных Букею казахов имели место и после, за перекочевки и против откочевок Букей упорно боролся в своих личных интересах.

Перекочевки казахов в Нарын-Пески – в "вечное подданство" – были для Букея очень трудным делом, которое было сопряжено даже с опасностями для жизни. По этому поводу султан Шигай в 1879 г. в рапорте своем на имя Оренбургского военного губернатора говорил: "Переход киргизцев из-за Урала на внутреннюю сторону в вечное подданство стоил покойному брату моему хану Букею и мне, по нахождении моему тогда при нем, весьма большого затруднения, сопряженного с опасностью самой даже нашей жизни, поелику киргизцы, не желавшие взойти во всероссийское подданство, удерживали разными способами и переходящих с нами киргизцев на зауральских степях, как и тогда его не успели выполнить, то грозили лишить меня и покойного моего брата Букея"[1]. Эта цитата характеризует отношение к Букею казахских народных масс, которые недоверчиво смотрели на него как на приверженца царизма.

Казахи переходили из-за Урала в ведомство султана Букея и после 1803 г. Букей добился себе права выдачи особых "билетов" – разрешений тем казахам, которые переходили к нему в ведомство или переходили временно, на зимнее время. Так, в 1804 г. с разрешения Астраханского губернатора Букеем были перепущены на территорию его орды на зиму казахи умершего туркменского хана Пиралы. Букей ручался за поведение переходивших. Таким образом, казахи переходили на внутреннюю сторону только по билетам Букея. При перепуске через линию казахов разоружали, что вызывало сильное их недоверие.

Кроме того, правительство по-прежнему разрешало перепускать на зимнее время в Нарын-Пески скот, принадлежащий казахам Зауральской орды, но скот перепускали в сопровождении только одних пастухов без владельцев.

Султан Букей скоро начал злоупотреблять своим правом выдачи "билетов", пускал к себе лишь тех казахов, которые давали ему взятки, как это было установлено пограничной администрацией, после чего он был лишен этого права[2]. Такие злоупотребления были, по-видимому, основной причиной крупной барымты, происшедшей между зауральскими казахами и букеевцами в 1805–1807 годах. Как видно из рапорта Оренбургского военного губернатора кн. Волконского на высочайшее имя от 8 мая 1808 г., Букей долго уклонялся от разбирательства взаимных претензий казахов, принимавших участие в этой

[1] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп.1, д. 7, лл. 30–32.
[2] Каз.ЦАУ, ф. , д. 104-а, лл. 362–371.

барымте. Отношения Букея с казахами, подведомственными хану Джангиру, были настолько обострены, что он не мог чувствовать себя в безопасности и имел при себе до ликвидации претензии по этой барымте караул из уральских казаков, состоявший днем из 25, а ночью из 50 человек. В этом споре Букей проявил себя как интриган.

Так проходили в Букеевской орде первые годы после ее образования. Орда сложилась не сразу – не сразу определилась и территория ее.

В первое время царское правительство разрешало казахам Букеевской орды переходить на степную сторону Урала. Поэтому ежегодно весною казахи со своим султаном переходили на левый берег р.Урал, а осенью возвращались обратно в Нарын-Пески. Так продолжалось до 1806 года.

В начале первого десятилетия XIX века старший сын хана Нуралы султан Каратай, который стоял во главе байулинских и некоторых алимулинских родов, претендуя на ханское достоинство, начал борьбу против хана Малой орды – Джантюре, ставленника русского правительства. Властолюбивый султан стремился захватить себе ханскую власть в Малой орде. Для этого Каратаю необходимо было устранить с пути хана Джантюре, которого народные массы ненавидели. Не надеясь на поддержку царского правительства, Каратай хотел использовать недовольство широких кругов казахов Малой орды в своих узких властолюбивых целях. С этой целью он стремился вовлечь народные массы в общее движение против хана. Иногда это ему удавалось. При этом он не думал об освобождении казахов от национального и феодального гнета. Народные массы являлись для Каратая лишь орудием достижения его властолюбивых целей[1].

Для успеха дела Каратай требовал от своего брата Букея присоединиться к нему. Но Букей остался верным русскому правительству. Тогда Каратай решил силой оружия принудить Букея присоединиться к общему движению. Но так как Букеевская орда была изолирована от внешней орды и окружена укрепленными линиями, то она осталась в стороне от тех событий, которые были связаны с выступлением султана Каратая.

С 1807 г. "перепуск" букеевских казахов за реку Урал был воспрещен, так как правительство опасалось, как бы букеевцы не присоединились к движению, возглавляемому султаном Каратаем.

Вначале букеевцы поселились на побережье Каспийского моря, которое было очень богато камышовыми зарослями. Это были самые лучшие и удобные места, где казахи могли со скотом укрыться в

[1] *Морозов М.* Ж. "Большевик", 1945 г. N 6, стр.77.

зимнее время. Отсюда казахи стали двигаться в северном направлении. Не получив точного надела земли, казахи стали кочевать по Каспийскому побережью, в песчаных степях Нарын-Песков, по Камыш-Самарским озерам, заняли луговые части Узеней, Чижей и Торгуна. Таким образом, вследствие увеличения населения и скота, кочевья букеевских казахов распространились к северу и заняли значительные пространства.

Чтобы приостановить дальнейшее продвижение казахов, царское правительство 19 мая 1806 года издало закон, которым были приблизительно указаны границы земель, где могли кочевать казахи. В этом законе, между прочим, говорилось:

♦ "Киргиз-кайсакам, под предводительством султана Букея, дозволяется кочевать от реки Узени до горы Багдо, а от оной через Чапчаги на ватагу Тудачкую или Телеппову до моря, не отдавая однако же земель сих ныне им на удел, доколе они на сей стороне Урала во всегдашное пребывание не останутся (пункт 35)".

♦ "Зимовку сим киргиз-кайсакам дозволять иметь по Черновым камышам буграм, какие свободными в казенном ведомстве состоящими будут (пункт 36)".

♦ "Небольшому киргиз-кайсацкому Малой орды назначается иметь зимовку при море – между ватаг Телепповой и Коневской, летом же они имеют кочевать на землях, прочим киргизам назначаемых или с кундрауовскими татарами (пункт 37)".

Как видно, земли были отведены казахам временно, "доколе они на сей стороне Урала во всегдашнее пребывание не останутся". Общая площадь земель, которыми могли пользоваться букеевские казахи, первоначально определялась приблизительно в 5 миллионов десятин. Но эти границы были не окончательными. При первоначальном занятии земель в Нарын-Песках для своих кочевок казахи пользовались полной свободой, каждый род занимал такие кочевки, которые он признавал наиболее удобными.

Все разногласия и столкновения регулировались биями на основе обычного права.

Хотя Букей приехал в Нарын-Пески султаном, но фактически стал ханом. Во всяком случае, он не считал себя подведомственным хану Малой орды даже тогда, когда в 1806 году перешел на левобережную сторону Урала по случаю падежа скота в Астраханской губернии. Таким образом, с переходом Букея за Урал пожелание Игельстрома о разделении Младшей орды на два ханства фактически осуществилось, но официально это оформлено было позднее.

В 1812 году Букей был возведен в ханы Малой орды вместе с султаном Ширгазы. Церемония возведения Букея на ханство про-

изошла 7 июля 1812 года. По поводу избрания двух ханов кн. Волконский в своем рапорте на имя Александра I писал:

"Существенная польза султаном Букеем, принестись могущая, есть та, что он действительно может ордынцев, избравших его, удержать в порядке; а султан Ширгазы с избравшими его должен будет разбирать среди степей междоусобную вражду и препровождать караваны"[1].

Из этого видно, чего ждала от избранных ханов пограничная администрация.

Букеевская орда, как и Малая орда, представляла собою маленькое феодальное ханство, которое было подчинено Оренбургской пограничной комиссии и Оренбургскому военному губернатору. Но ханская власть здесь была более оформлена, чем в Малой орде.

В первое время жизнь букеевских казахов ничем не отличалась от жизни казахов Малой орды. И хан Букей ничем не отличался от ханов Малой орды. Он вел кочевой образ жизни, летом и зимою жил в кибитке. Теплого зимнего жилища не имел. Ордой управлял, руководствуясь обычным правом, установившимся в казахском народе. Во главе родов стояли старшины и бии, утвержденные ханом. Однако с течением времени под влиянием новых экономических условий, сложившихся в Букеевской орде, стали возникать и новые формы общественных отношений, которые можно характеризовать как дальнейшее разложение пережитков родового строя, уступавшего свое место более резко выраженным отношениям феодальным.

Букей умер 21 мая 1815 года. После него остались три малолетних сына: Джангир, Адиль и Менли-Гирей. Ханское звание Букей завещал своему старшему сыну Джангиру, которому тогда было 14 лет. За малолетством Джангира, до его совершеннолетия, управлял ордою брат хана Сыгай (в официальных источниках Шигай[2]), перекочевавший с ним вместе из-за Урала. Сыгай управлял ордою в должности правителя.

Как завещание хана, так и управление ордою Сыгаем ни в какой мере не противоречили видам царского правительства, так как власть хана, по сути дела, сводилась к роли обыкновенных чиновников, находящихся на службе у царского правительства.

Джангир с малых лет жил в доме Астраханского губернатора Андреевского, где учился и воспитывался. Получил почти европейское образование. Он хорошо знал русский язык, слабо немецкий язык, читал, писал и немного владел арабским и персидским языками.

---

[1] *Ханыков Я.В.* Цит.соч., стр 136.

[2] Шигай – искаженное казахское время "Сыгай". Оно взято в татарском произношении.

И действительно, Джангир был образованным человеком. Пока мы еще не знаем в истории казахов, чтобы среди степных казахских ханов был такой образованный и всесторонне развитый хан, каким был хан Джангир. Живя и воспитываясь в доме губернатора, Джангир выработал в себе приверженность к царским порядкам; он проникся русской культурой, усвоил навыки, претензии и все замашки русского помещика-крепостника. Он не один раз видел и наблюдал роскошь царского дворца и правящих классов, живущих за счет простого народа. Такая жизнь стала для Джангира, так сказать, образцом, как бы идеалом. Он стремился подражать ей и перенести все методы ее к себе в орду.

Джангир был хорошо подготовлен и по линии служебной деятельности, подготовлен именно в духе царской политики. Царская администрация привила ему чувство верности России. Джангир был действительно предан России. Он оказался исполнителем воли царской администрации, был проводником русского влияния в орде, стал орудием колониальной политики царизма.

В 1823 г. Джангир был определен ханом Внутренней Букеевской орды. Представители знати "белой кости", главным образом родственники Джангира (Урман и другие Нуралиевы), жившие за Уралом, считая его умным и образованным человеком, пользующимся большим доверием царской администрации, ходатайствовали перед царским правительством о назначении Джангира ханом всей Малой орды. Но это не соответствовало политике царского правительства, которое уже тогда намеревалось ликвидировать ханскую власть в Казахстане, и ходатайство представителей знати "белой кости" было отклонено.

Для управления ордою Джангир в первое время своего ханствования пользовался тем аппаратом, который существовал еще до него. Он только приспособил его к своим потребностям. Помимо хана во главе управления были родовые старшины, часть из которых пользовалась уважением и доверием народа и стояла на страже народных интересов. При хане были еще представители отдельных родов. Они обычно выбирались самими родами. В руках хана начала сосредоточиваться административная и судебная власть. Вскоре хан стал управлять ордою самовластно, без участия родовых старшин, руководствуясь лишь указаниями пограничных властей. Хан мало считался с народными обычаями: иногда он действовал даже вразрез с требованиями давно установившихся в народе традиций.

Так, хан без ведома и согласия родовых старшин учредил должность "депутата" для разбирательства споров среди казахов, а также споров, возникавших между казахами и соседями, вводил разные новые налоги, захватывал в свое личное пользование общественные зем-

ли и раздавал их своим приближенным – словом, хан стал заводить в орде такие порядки, которых раньше казахи не знали.

Разумеется, все эти начинания и нововведения хана не могли встретить сочувствия у родовых старшин. Они стали противодействовать хану. Тогда хан устранил старый состав аппарата и заменил его новыми преданными себе лицами. Во главе родов были поставлены султаны, родственники хана, которые, как и сам хан, были заинтересованы в экспроприации общественных земель, во введении новых налогов и в большем выколачивании налогов из народных масс. Хан приближал к себе молодых людей, по преимуществу из султанского поколения. Окружал себя знатными султанами, которым хан стал раздавать разные поручения для исполнения в степи или в ставках хана.

Большие перемены произошли и в личной жизни самого хана. В 1824 году хан Джангир женился на татарке – дочери оренбургского муфтия Мухамеджана Хусеинова – Фатиме. Она, как и Джангир, тоже получила образование в русской женской гимназии, знала иностранные языки, музыку и танцы. Первую зиму молодые – хан и ханша – провели в кибитках на берегу Каспийского моря. Образованные и культурные супруги, привыкшие жить в теплых городских домах, не могли дальше оставаться кочевниками. Они отказались от кочевого образа жизни. В 1827 году царское правительство выстроило хану Джангиру большой деревянный дом в урочище "Жасқұс" (молоденькая птичка). В то время урочище "Жасқұс" представляло собой прекрасный оазис среди песчаной пустыни, богатый травами и покрытый лесом. Вскоре около этого ханского "дворца" возник большой по тому времени поселок, получивший потом название Ханской ставки.

В Ханской ставке поселились султаны, бии и русские чиновники. Сюда же стали собираться также купцы и торговцы. Хан Джангир поддерживал русских купцов, поощрял торговлю. Многие торговцы построили здесь дома, открыли разные торговые склады. Так что в сравнительно короткое время Ханская ставка превратилась в экономический, политический, административный и торговый центр Букеевской орды.

С другой стороны, постройка ханского "дворца" послужила официальным началом перехода букеевских казахов к полукочевому и оседлому образу жизни. Вслед за ханом по аулам старшины и бии стали строить себе зимовки – теплые жилища.

Ханша Фатима имела большое влияние на хана. В связи с женитьбой в орду стали прибывать татарские муллы. Хан Джангир ревностно насаждал в орде ислам, строил мечети, открывал религиозные школы и заставлял судить народ не по обычаям, как это делалось

раньше, а по шариату. Татарские муллы назначались ханом также и в аулы, так как среди казахов не было своих мулл.

В ставке хан Джангир окружал себя султанами, дворней из толенгутов, духовенством (главным образом, татарскими муллами). Обставив свой "дворец" дорогой мебелью, завел хорошую обстановку и новый этикет, устраивал торжественные приемы, давал обильные пиры с угощением — словом, началась у хана совершенно новая жизнь.

Ведя такую роскошную жизнь, хан во всем подражал русской аристократии и отчасти восточным ханам. В кругу своих молодых друзей хан предавался веселью. Разумеется, такая ханская роскошь создавалась за счет трудовых масс, которым она очень дорого стоила.

Устранив от управления родовых старшин, хан сильно ослабил их и совершенно освободился от их влияния. Опираясь на военную силу царского правительства, он все более и более усиливал и укреплял свою власть. В пределах орды он почти централизовал ее и стал править ордой самовластно.

По мере роста своей власти хан становился высокомерным. С родовыми старшинами он почти не советовался, считал их невежественными. В обращении с ними хан был весьма неблагосклонен и жесток. Простым казахам он был почти недоступен. Даже почетные казахи к нему на прием не допускались. Сам по орде почти не ездил, в аулы подвластных казахов не заглядывал. Он совершенно не знал, что происходило в аулах и что делалось там его султанами и приближенными.

С усилением ханской власти усилилось и значение султанской родовой знати. Возникли новые привилегированные группы. На почве экспроприации общественных земель появились новые верхушечные слои землевладельцев, феодалов. Народ стал объектом беспощадной эксплуатации.

Для обеспечения дальнейшей своей деятельности хану было необходимо иметь в своем распоряжении военную силу. Но хан не имел армии. В его ставке находился отряд из 124 астраханских казаков, которые, впрочем, не находились в его прямом распоряжении.

В 1826 году хан Джангир пытался сформировать свою гвардию. Но встретив сопротивление со стороны народных масс, с одной стороны, и не получив одобрения со стороны царской администрации — с другой, он вынужден был отказаться от своего намерения. Но зато хан был обеспечен поддержкой царской власти.

Царское правительство было очень высокого мнения об административных способностях Джангира. Ему ставилось в заслугу "усмирение орды и приведение ее в порядок", ему приписывалось прекращение барымты, переход к оседлости, насаждение мусульманской рели-

гии, смягчение нравов" и т.д. Проводя колонизаторскую политику через хана, царские чиновники стремились укрепить в орде ханскую власть, поднять ее авторитет и внушали народу мысль о необходимости подчиняться хану. По поводу беспрекословного подчинения казахов власти хана председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал Генс на собрании султанов заявил следующее: "Малейшее неповиновение хану, малейшее уклонение от его приказаний будет преследуемо всею силою высшего начальства"[1].

Такая крупная ломка общественного строя, устранение от управления народных представителей, экспроприация общественных земель, усиление эксплуатации трудовых масс и многое другое – все это не могло не вызвать взрыва народного гнева. И действительно, в Букеевской орде возникали общественные конфликты, обострялась и усиливалась классовая борьба. Часто вспыхивали восстания. Так, было движение казахов в 1827 г. и восстание народных казахских масс в 1836–1837 гг. под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Но все эти восстания казахов были жестоко подавлены объединенными вооруженными силами царского правительства и казахских феодалов.

Букеевская орда была окружена со всех сторон военными линейными форпостами, где находились военные отряды. Поэтому всякое движение народных казахских масс, направленное против эсплуататоров, жестоко подавлялось силами пограничных отрядов в самом начале возникновения и не могло получить широкого размаха.

Однако царское правительство было сильно озабочено тем, чтобы успокоить народные массы. Для этого оно считало необходимым устранить причины, вызывающие народные волнения. Главными причинами массового движения, по мнению царских чиновников, были: отстранение от управления родовых старшин, чрезмерное высокомерие хана, сильная татаризация орды и прочее. Пограничное начальство порекомендовало хану устранить эти причины[2].

После подавления восстания казахов Букеевской орды в 1827 году по указанию начальника Оренбургского края Эссена хан Джангир учредил при себе Ханский совет из казахских биев (советников). Бии выбирались самим ханом из простых, но влиятельных казахов. Так как в то время основных родов в Букеевской орде было 12, то решено было в совет назначить по одному бию от каждого рода. Хан представил список советников в пограничную комиссию на утверждение. Генерал Эссен, утвердив биев в звании ханских советников, приказал

[1] *Рязанов А.* Сорок лет борьбы..., стр. 210.

[2] По Рязанову. Дело Оренбург. военн. губерн., 1827 г. N 66, лл. 1–2.

привести их к присяге. Этим советникам приказано было жить в ставке "для совета при разбирательстве дела".

Ханскими советниками были избраны следующие старшины: Черкесского рода – Муфят Айдабулов, Ногайского – Чомбал Ниязов, Байбактинского – Конажи Сопаков, Маскарского – Чура Кедеев, Бершского – Бадке Худайбергенов, Алачинского – Алтай Досмухамедов, Джапасского – Кошетур Мапаков, Иссыкова – Джанюре Абдалов, Адайского – Байту Бюменбаев, Кзыл-Куртова – Дубант Айтуганов, Исентемирского – Татан Сакенбаев, Тазского рода – Кудайшукур Базаев, Семиродского (родов Табын – Тама, Кердери) – Кендербай Рысбаев и Кетинского – Бос Буздаев.

С 1 апреля 1828 года Ханский совет приступил к работе. Прежде всего Ханский совет должен был разрешить земельный вопрос – задачу обмежевания земель между родами и установления границ кочевок для каждого рода. Но земельный вопрос был самым больным и самым сложным. Совет был не в состоянии разрешить его, так как политические и социальные причины оставались теми же, что были и раньше. Ханские советники жили со своими семьями в Ханской ставке. Они, порвав всякую связь с народом, с течением времени превратились в ханских чиновников. Хан возложил на них сбор податей.

Глава III. Ликвидация ханской власти и административное устройство орды во второй половине XIX в.

Букеевская орда представляла собою маленькое ханство, расположенное "внутри" русского государства. Население этого ханства "временно" пользовалось "государственной землей" Российской империи. Являясь государством в государстве, Букеевская орда жила своей обособленной жизнью, со своим управлением, своими обычаями и традициями. Она лишь считалась в подданстве русского государства, но не платила ему никаких налогов и не отбывала перед ним никаких повинностей. Царская администрация в первое время почти не вмешивалась во внутренние дела этой орды.

Хан Джангир смотрел на Букеевскую орду как на свое поместье, собственное владение, где он пожелал иметь почти неограниченную власть над простыми казахами. И, действительно, в пределах орды он достиг этого. В орде высшим авторитетом был только хан, а родоправители – султаны, бии и старшины – находились в зависимости от него.

В целях накопления богатства хан Джангир перенес в орду систему поместного хозяйства русского дворянства и методами этой системы он стал эксплуатировать казахов. Хан захватил себе самые лучшие земли, произвольно раздавал общественные земли султанам и старшинам, простым казахам жаловал тарханство, возводя их в дворянское сословие. Помимо всего этого хан продавал и перепродавал частным лицам общественные земли.

Путем раздачи общественных земель и пожалования звания тарханства хан сформировал в орде особое привилегированное феодально-байское сословие, ставшее потом крепкой социальной опорой хана.

В Букеевской орде стала развиваться торговля. Орда стала объектом жестокой эксплуатации развивающегося российского торгово-промышленного капитала. Товарно-денежные отношения все более и более проникали в самую толщу казахских масс, усиливая их классовую дифференциацию.

Охраняя в орде торговые интересы русских купцов, хан сам был вовлечен в водоворот растущего торгового капитала. Чувствуя себя полным хозяином в орде, хан Джангир стал почти безраздельно пользоваться всеми выгодами развивающейся в ней торговли и тем самым

он стал большим и очень сильным конкурентом во всех торговых делах.

Новая система эксплуатации, применявшаяся ханом и его султанами, ввергла казахские массы в нужду и нищету. Это обстоятельство вызывало недовольство народа и обостряло социальные противоречия.

Чрезмерное усиление ханской власти в Букеевской орде, произвольное и бесконтрольное господство хана и его султанов в ней не входили в политические цели царского правительства. Но, принимая во внимание чрезвычайную преданность царскому правительству хана Джангира и учитывая его роль и значение в деле колонизации Букеевской орды, а также считаясь с тревожным состоянием казахских масс, пограничная царская администрация выжидала более удобного времени для основательных мероприятий по административному переустройству этой орды. Поэтому пограничная администрация предоставляла хану и его султанам, до поры до времени, некоторые привилегии в грабеже казахских масс. Ханская власть в Букеевской орде уже давно была обречена. Еще во время ликвидации ханской власти в Зауральной орде царизм держал курс на ликвидацию ханской власти и в Букеевской орде, но, придерживаясь выжидательной политики, он в 1827 г. ограничился лишь учреждением при хане Ханского совета из представителей отдельных казахских родов, урезав тем самым власть хана Джангира. Но ханская власть все же была пока сохранена.

Между тем время шло. Букеевская орда "была замирена","усмирена и приведена в порядок" и кругом окружена военными линиями. Казахи уже "давно перестали быть воинственными", им стало больше некуда идти. В орде было "тихо и спокойно".

К тому же Букеевская орда сделала большой шаг к оседлости. Казахи строили себе дома. В степи возникли населенные пункты. Широкие казахские массы обеднели и стали расходиться в разные стороны в отходничество, пастухами, батраками и прочими.

"Ханский период" уже сделал свое дело. Надобность в ханской власти миновала, она теперь не нужна была царскому правительству. Ему стало более выгодно сноситься с казахами напрямую, без помощи хана и султанов, через посредство чиновничьего аппарата. Ханская власть уже становилась тормозом на пути дальнейшего углубления колонизаторской политики царского правительства, ее необходимо было ликвидировать. Случай для этого скоро представился.

11 августа 1845 г. скоропостижно скончался хан Джангир. На донесении о его смерти царь Николай I написал: "Весьма жаль, он был человек весьма преданный". Председатель Оренбургской пограничной комиссии Генс выражал ханше свое соболезнование: "Я плачу

вместе с вами, благословляя десницу, поразившую нас столь великим испытанием"[1].

Действительно, царское правительство в лице хана Джангира потеряло испытанного "весьма преданного" проводника своей колонизаторской политики.

Еще задолго до смерти хан Джангир завещал ханское достоинство своему старшему сыну Сахиб-Гирею, который после смерти отца должен был занять ханский престол. Это завещание Джангира в свое время было санкционировано царским правительством. Сахиб-Гирей получил воспитание в пажеском корпусе в Петербурге; он был возведен в княжеское достоинство и переименован в Чингиса. Но Сахиб-Гирей умер через два года, т.е. в 1847 году. Несмотря на то, что после Сахиб-Гирея оставалось еще несколько сыновей Джангира, ханский титул в Букеевской орде был упразднен навсегда.

Власть, принадлежавшая ранее хану, перешла к вновь учрежденному институту – "Временному совету по управлению ордою". Временный совет состоял под управлением родного брата хана Адиля с наименованием правителя и опекуна, двух советников, из которых один – родной его брат Менли-Гирей Букеев, а другой – родной его дядя Нуралиев. К ним был придан в помощь русский советник со стороны Министерства государственных имуществ, так как в ту пору букеевские казахи уже находились в ведении этого министерства. В круг обязанностей совета входили те дела, которые раньше подлежали компетенции хана.

От казахов в совете были "депутаты", которые не выбирались, а назначались советом. На эту должность назначались, главным образом, лица, получившие образование в русской школе. Совет имел своих вестовых, которые не являлись представителями отдельных родов, как это было раньше, а были просто служителями, предназначенными для разноски пакетов и приведения виновных; они сопровождали при поездках чиновных лиц, чтобы облегчить взимание обывательских лошадей. Жалованье вестовым было казенное.

Хотя Букеевская орда находилась в ведении министерства государственных имуществ, но она все время оставалась в зависимости от Оренбургского военного губернатора и пограничной комиссии. После смерти хана в пограничной комиссии накопилось очень много дел, относящихся к Букеевской орде. В связи с этим 4 февраля 1817 г. при этой комиссии был учрежден особый временный стол для производства дел по управлению Букеевской ордой. Такой порядок управления продолжался до 24 января 1858 года, когда совет был преобразован.

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д. 2663, л.36.

Председателем совета был назначен русский чиновник. В состав совета, кроме председателя, входили два русских советника, два советника из казахов, секретарь-чиновник для следствий, делопроизводитель, его помощник, бухгалтер, казначей, регистратор и три переводчика, в том числе один русский. Совету в отношении административного управления предоставили круг действий палат государственных имуществ, а в отношении судебном – уездных судов.

В ханской ставке имелась полусотня казаков Астраханского войска. Они подчинялись своему командиру и служили для охранения арестантов в тюрьме и как военная сила на случай явного противодействия исполнению приказаний совета. Раньше командир казачьей команды в ставке был одновременно и полицмейстером поселка. Теперь же была учреждена самостоятельная должность полицмейстера, район деятельности которого ограничивался ставкою и радиусом в 5 верст. Он был подчинен совету. Полицмейстеру было дано 5 полицейских.

Административное деление Букеевской орды, какое было при хане Джангире, сохранилось лишь до 1855 г. А в 1855 г. из состава орды были выделены два округа: Прикаспийский I округ и Прикаспийский II округ. Они занимали огромное пространство на побережье Каспийского моря, начинались от Гурьева, имели общее протяжение более трехсот километров по берегу. Сюда же отошли большие массивы злаковых, солончаковых и песчано-пустынных пространств, вследствие чего территории этих округов оказались очень большими, почему они и стали называться округами.

В истории Букеевской орды это был первый случай деления казахов по территориальному признаку, без учета их родовой принадлежности.

Через пять лет после выделения округов, т.е. в 1860 г. "для удобства управления" и остальная территория орды была разделена на пять частей: Камыш-Самарскую, Нарынскую, Калмыцкую, Таловскую и Таргунскую. Это деление было произведено также без учета родовых признаков казахов. Эти части занимали приблизительно одинаковые пространства и расположены к северу от Прикаспийских округов.

Каждый округ и каждая из частей, в свою очередь, были поделены на мелкие административные единицы, так называемые старшинства.

Во главе каждой части стоял "правитель" и его помощник. Правитель и помощник выбирались советом и утверждались в должности губернатором. Они не имели никакого отношения к родам; предпочтения султанам не давалось. В круг обязанностей правителя входил, во-первых, ближайший полицейский надзор за казахами, в пределах его части кочующими, сбор и взнос податей и, во-вторых, решение некоторых спорных дел по народным обычаям при участии старейшин

общества. Каждому правителю давалось по два вестовых. Назначались они самими правителями. У каждого помощника правителя было по одному вестовому. Каждая часть Букеевской орды делилась на старшинства: их 84 в степи; старшинства делились на аулы. Старшинствами заведовали старшины, избираемые обществами. Старшины находились в непосредственном подчинении правителям.

В Букеевской орде существовала еще должность "депутата". Но "депутаты" теперь не назначались для разбирательства ссор между казахами и их соседями, как это было при хане Джангире, а играли совершенно иную роль. Дело в том, что казахи распространялись из своей степи по всем пограничным уездам. Так как совету сноситься с исправниками разных уездов было неудобно, то казахи, живущие в том или ином пограничном уезде, были причислены к какой-нибудь части и от этой-то части и ставился в данный уезд депутат. Так, если совету надо было вытребовать казаха, живущего в Царевском уезде, то он обращался прямо к царевскому депутату непосредственно или посредством правителя калмыцкой части, к которой причислялись казахи Царевского уезда.

Но количество населения сильно разнилось по частям, в одних частях казахов было больше, а в других – меньше. Неравномерность количества населения по частям объяснялась естественно-географическими условиями, а именно – наличием пастбищ, водопоев и других удобных мест для пастбищного хозяйства. Распределение населения по частям приводится несколько ниже, тут только скажем, что наибольшее количество населения Букеевской орды сосредоточивалось в Камыш-Самарской части, так как там были наилучшие условия для кочевого пастбищного хозяйства.

Таким делением Букеевской орды на отдельные территориально-административные части с подразделением каждой из них на более мелкие территориальные единицы царское правительство вводило в орду совершенно новую систему управления. И тем самым оно совершенно ликвидировало прежнюю ханскую систему управления. Новое административное деление орды не только не совпадало с прежним ее делением на отдельные родовые общины, а коренным образом перестроило эти общины, в результате чего члены одного и того же рода оказались в нескольких частях и в одной и той же части оказались члены нескольких родовых групп. Почти такое же смешение частей отдельных родовых общин получилось и в пределах одного и того же старшинства.

Эта система управления была тесно связана с усилением колониальной политики царизма, она была рассчитана непосредственно на разрушение пережитков родового строя. И, действительно, этой фор-

мой царская администрация нанесла довольно сильный удар по пережиткам родового строя букеевских казахов.

В связи с введением новой системы управления Букеевской ордой прежние родовые "депутаты" и "вестовые" были упразднены. Упразднены были также все привилегированные при хане сословия – султанско-дворянское, тарханское и пр. Затем вводилось требование обязательного знания русского языка правителями. Эта мера потом распространялась постепенно и на помощников правителей, и, наконец, на старшин.

С 1860 по 1862 год Временный совет по управлению Букеевской ордой был занят проведением организационных мероприятий по административному делению и устройству. Окончательный состав служащих ее был установлен лишь в 1864 году, когда был высочайше утвержден штат служащих этой орды. Он был таков:

Правителей частями было всего 7, помощников – 7, правителей из русских чиновников – 7, татарских писарей при правителях – 7, старшин – 84, депутатов в участковых управлениях – 16, русских писарей (при некоторых депутатах) – 4. Позднее было образовано еще 2 старшинства и, соответственно, должности еще двух старшин[1].

Всем этим служащим назначался определенный оклад: правителю 450 рублей, его помощнику 250 рублей, правителю русскому – 190 рублей, татарскому писарю – 100 рублей, старшине – 100 рублей, депутату – 150 рублей, русскому писарю – 60 рублей[2].

Число кибиток, оказавшихся при пересчете скота в Букеевской орде, было по годам:

Название частей	1864	1872	1875	1878	1880	1882	1885	1888
Калмыцкая	2647	3222	3388	3474	3447	3194	3534	3954
Торгунская	4146	4552	5198	5536	5676	5195	5655	6140
Таловская	3092	3786	4296	4710	4929	4688	4815	5678
Камыш-Самарская	6770	7778	8558	9046	9333	8357	8742	9141
Нарынская	4741	5126	5616	5826	5772	4403	5196	5717
1-й Примор.округ	6461	7227	7461	7842	7491	6488	6886	7353
2-й Примор.округ	5889	7074	7648	8097	8365	7940	8376	8619
Итого	33746	38775	42165	44581	45013	40260	43204	46604

По официальным данным 1885 года в Букеевской орде было обоего пола казахов: в Камыш-Самарской части – 54575 душ, во 2-м

[1] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп. 17, д. 163, л.32.
[2] Там же.

Приморском округе – 47 880 душ, в Нарынской – 35 980, в 1 Приморском округе – 34 430, в Таловской – 26 477, в Торгунской – 25 970 и в Калмыкской – 17 625 душ. Следовательно, на всю орду приходилось 236 937 душ обоего пола. Все эти казахи считались живущими в 43 204 кибитках, т.е. на одну кибитку приходилось в среднем 5–6 человек.

Итак, мы видим, что после реформы 1858 г. царская пограничная администрация уже более активно проводила в Букеевской орде мероприятия, направленные на то, чтобы основательно перестроить управление ею. Она полностью ликвидировала ханскую форму управления и включила Букеевскую орду в общую систему управления Российской империи.

Правда, эти меры правительства в первое время отличались осторожностью, но вскоре царская администрация перешла в наступление и стала активно проводить русификаторскую политику. Последовательность мероприятий царского правительства заключалась в том, что оно постепенно заменяло одних лиц другими и вытесняло делопроизводство на татарском языке.

Таким образом, после хана во главе управления ордою был поставлен Временный совет, состоящий из казахской аристократии, родственников хана. Спустя некоторое время этот состав совета был заменен другими лицами, уже не родственниками хана. Потом должность председателя-казаха была замещена председателем-русским, затем советники казахи были замены советниками русскими. Делопроизводство постепенно стало вестись на русском языке, а несколько позже окончательно перешло на русский язык.

1 июня 1872 года был упразднен временный стол при Тургайском областном правлении (бывшей пограничной комиссии), а 16 июля 1878 г. Букеевская орда была подчинена Астраханскому губернатору на тех же основаниях, на которых она была подчинена сначала Оренбургскому военному губернатору, а потом Оренбургскому генерал-губернатору. В составе Астраханской губернии Букеевская орда с вышеуказанным административным делением, включая туда и низовую сеть управления, оставалась до Октябрьской революции.

Глава IV. Земельный вопрос в Букеевской орде

Земельный вопрос в Букеевской орде был самым главным и самым сложным. Над ним трудилось немало людей, но разрешить его в более или менее приемлемом для широких казахских масс виде царские чиновники не могли.

В условиях колониальной политики возникновение самой Букеевской орды, по сути дела, было ни чем иным, как своеобразным разрешением земельного вопроса, возникшего в результате межфеодальных, межродовых распрей, породивших земельную тесноту и связанный с нею хозяйственный упадок в Малой орде. Как известно, отделение части казахов Младшего жуза и переход этой части на правую сторону Урала расценивались, между прочим, как самим Букеем, так и его султанами, а также многими родовыми старшинами, как выход из создавшегося в Малой орде хозяйственного и политического кризиса, вызванного главным образом земельной теснотой. Казахские массы пошли за султаном Букеем на правую сторону реки Урал лишь потому, что видели в этом переходе спасение от всех тех бедствий, которые переживали они тогда, находясь в Малой орде. Они мечтали о лучших пастбищах и водопоях, о мирной, безопасной жизни.

Указ императора Павла I формально давал казахам большой простор, разрешая Букею с подвластным ему народом кочевать там, где он пожелает. Это обещание царя, собственно, и создало для Букея вначале благоприятную атмосферу, вызвав тягу казахских масс на внутреннюю сторону реки Урал. Там они надеялись найти себе хорошие пастбища и большие удобства для кочевого хозяйства. Они думали, что будут мирно жить и будут гарантированы от насилия как извне, так и со стороны своих феодалов. Но когда переселение казахов уже совершилось, когда они более или менее освоились на новых местах и разузнали действительное положение, их постигло полное разочарование, так как на "внутренней стороне" не оказалось тех условий, которые позволяли бы казахам, "кочевать там, где пожелают". Вследствие этого у казахов вскоре появилась обратная тяга – "за Урал". Но обратно за Урал их не выпускали. Всякий раз казачьи отряды преграждали им путь и силой заставляли возвращаться обратно. Таким образом, получилось так, что "заманчивая издали Букеевская орда оказа-

лась для казахов западней: войти в нее можно было свободно, но выйти из нее – очень трудно"[1].

Дело в том, что при переходе казахов на правую сторону реки Урал нигде не указывались границы земель, отводимых для казахских кочевий. Не было сказано об этом ни в письме Джангира, ни в ходатайстве Корринга и ни в рескрипте Павла I. В рескрипте Павла I было лишь сказано, что позволяется Букею "кочевать там, где пожелает". Руководствуясь этим положением, казахи стали занимать все пустые места в волжско-уральских степях. Но отсутствие четких указаний относительно границ казахских земель на внутренней стороне реки Урал послужило потом поводом к возникновению целого ряда споров и тяжб.

Первые букеевцы поселились на побережье Каспийского моря. Как зимние пастбищные угодья – побережье моря было очень удобно для кочевого хозяйства, оно служило хорошим укрытием. В камышовых зарослях и люди, и скот находили себе хорошую защиту от зимней стужи и вьюг, корм и топливо. Для питьевой воды пользовались снегом.

Зимой пасти скот в открытых степных местах не всегда было возможно. Побережьем моря казахи пользовались только в зимнее время, а летом откочевывали от берега, так как летом, вследствие недостатка пресной воды, а также множества оводов здесь очень трудно было жить и пасти скот. Часть их кочевала в Нарын-Песках, а часть уходила за Урал, и осенью возвращалась на свои места. Такое чередование сезонных кочевий было выгодно казахам.

Вначале букеевцы стали распространяться по всему берегу Каспийского моря и к северу: к Нарын-Пескам, Камыш-Самарским озерам, Узеням и Чижам, словом, они стремились занять такие свободные места, которые изобиловали камышами и хорошими водопоями. Особенно старались казахи занять те районы, которые раньше были под кочевьями калмыков, ушедших в Китай, которые тогда были никем не заняты. Это объяснялось тем, что там были самые хорошие пастбища.

В первые годы казахи не были стеснены. Это усилило тягу казахов из-за Урала. И царское правительство все продолжало форсировать перепуск казахов на внутреннюю сторону. Между тем увеличение числа казахов, а также их последующий приток подняли ценность этих земель. Стали появляться претенденты на те земли, которыми до этого времени казахи бесспорно пользовались.

---

[1] История Каз.ССР, стр. 206.

Вскоре выяснилось, что большая часть побережья Каспийского моря, т.е. свыше 2/3 всего побережья от устья Урала до устья Волги, оказалась в частном владении богатых русских помещиков – князей Юсуповых и графа Безбородко. С запада, на луговой стороне Волги на лучшие пастбища претендовали кундровские татары и калмыки, враждебно относящиеся к казахам. Далее с севера Уральское казачье войско самовольно захватило самые лучшие пастбища казахов; с востока по всему берегу Урала тянулась Уральская военная линия. Таким образом, Букеевская орда оказалась окруженной со всех сторон.

В поисках новых кочевий казахи вошли в соприкосновение с окружающими их соседями, с которыми у них по причине отсутствия точного размежевания земель стали возникать споры и столкновения. Возникла необходимость в более точном определении границ земельных владений казахов Букеевской орды.

19 мая 1806 г. царским правительством было издано "Положение о наделении кочующих народов землей". Этим Положением были приблизительно установлены границы казахских земель и определено пользование зимовками на побережье Каспийского моря. Некоторые более удобные пастбища отошли в пользование кундуровских татар и калмыков. От казахских кочевий были отрезаны целые районы, прилегающие к соляным озерам; казахи были лишены доступа к соляным источникам. Обширные пастбища, расположенные на западной стороне внутренней Уральской степи, находившиеся до этого времени в пользовании казахов, были у них изъяты. Таким образом, Положением 1806 г. казахские кочевья были урезаны, их общая площадь была значительно сокращена.

На побережье Каспийского моря находились основные зимовки казахов Букеевской орды. До издания Положения казахи свободно пользовались камышовыми зарослями побережья. Никто никаких претензий не предъявлял, так как эти камыши, в сущности, никому не были нужны. Фактически дачи обоих помещиков пустовали. Население было незначительное. В некоторых местах были ватажные постройки, в которых жили по несколько человек наемных рыбаков. А дачи помещиков простирались вдоль по берегу моря, представляя собою длинную полосу шириной 10–15 верст, а в длину она тянулась на 208 верст, при общем протяжении береговой линии от устья Волги до устья р.Урал в 305 верст.

В связи с изданием Положения приказчики помещиков, жившие на рыбных промыслах в населенных пунктах, стали ограничивать казахов в пользовании пастбищами на побережье моря. Приказчики стали обозначать границы дач маяками, межевыми столбами и более мелкими межниками, а за пастьбу скота в районе дач они стали с

казахов требовать плату. Правда, в первое время приказчики ограничивались незначительными взятками с казахов, но скоро они усмотрели возможность получения с них больших выгод.

Казахи испытывали особенно большие затруднения в те годы, когда побережье моря осенью затоплялось водой. Так, исключительно трудно было им в 1819 году, когда все низменные места на побережье были затоплены хлынувшей и разлившейся из моря водой. Когда казахи прикочевали к зимовкам, то им негде было пасти скот. Все оказалось залито водой и обледенело. Зима была суровая, наступила гололедица, отчего начался падеж скота. Казахский скот мог пастись только на покрытых камышом возвышенных местах — черновых буграх, но туда его не допускали[1]. Приказчики обставили все приморские бугры маяками и не позволяли пасти скот на этих буграх. Для казахов создалось угрожающее положение: скот оказался перед угрозой гибели. Его можно было спасти только на черновых буграх. Казахи были вынуждены идти в кабалу к русским помещикам. За право пользования камышами они должны были платить помещикам большую плату и деньгами, и скотом. Казахов заставляли косить камыш, свозить его, колоть лед, а на ватагах накладывать лед в промысловые погреба. Если казахи не соглашались на требования приказчиков, то последние при помощи кордонных начальников сгоняли казахов с зимних мест. Если же казахи отказывались платить за зимовки или давать за них взятки, то приказчики захватывали казахский скот, требуя, чтобы за него был уплачен большой выкуп. Такой порядок был заведен в районе дач обоих помещиков.

Относительно корыстолюбия ватажных жителей и промысловых приказчиков султан Шигай в декабре 1820 г. писал: "Жители по приморским берегам и промысловые приказчики из одной корысти, будучи удовлетворяемы примером прошлых зим, захватили бугров под предлогом надобности для продовольствия своего скота, что они как прежде, так теперь, допускают много киргизцев на бугры из оброку, а другие делают захваты у киргизцев скота и выпускают их даже без моего ведома и кордонного начальства делать им несоразмерные заплаты"[2].

Управляющие имениями помещиков взимали с казахов за зимнее пребывание на побережье по одному рублю с кибитки, по 20 коп. с верблюда, лошади или коровы и по 5 копеек с барана. Кроме того, казахи, кочевавшие на буграх, должны были заключить с приказчиками кабальные договора, по которым казахи обязывались накосить большое количество камыша, а также убрать и свезти сено к промыс-

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.1321-а, л. 323.
[1] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп. 1, д.12, л. 38, 1818—1828 гг.

лам. Казахи поневоле соглашались на такую тяжелую барщину, так как у них иного выхода не было. Приказчики смотрели на казахов, как на источник личной наживы. Так, в 1823 году один из приказчиков в письме к есаулу Киреева советовал ему "поплотнее прижаться к киргизам, от чего будут хорошие магарычи"[1].

В 1834 году зима была чрезвычайно суровой, выпал большой снег. Во время сильного мороза в марте у казахов погибло несколько десятков тысяч голов скота. Многие хозяйства остались совершенно разорены. Начался голод. Несмотря на весьма тяжелое положение казахов, князья Юсуповы взыскали с них 6 тысяч рублей за зимнее пребывание в районе дач. Кроме того, Юсуповы обязали казахов заплатить за накошенные ими осенью предыдущего 1833 г. 3043 воза сена.

Пользуясь безвыходным положением казахов, приказчики всеми мерами стремились закабалить казахов, обеспечить себе необходимое количество даровых рабочих рук, в которых на пустынных берегах моря был большой недостаток. Поэтому помещики ввели в практику отработку, предпочитая ее арендной плате.

По примеру помещиков казахов стали эксплуатировать и уральские казаки, занимавшие кордонную линию около моря. По поводу этого Оренбургская пограничная комиссия писала:

"Киргизы по кочеванию около моря и по прокормлению скота своего подвергаются крайнему стеснению, как со стороны управляющих имениями князя Юсупова, так и со стороны даже казаков Уральского войска, занимающих кордоны около моря и продающих киргизам сено, накашиваемое на местах, где они должны кочевать"[2].

Поборы управляющих имениями помещиков и ватажных жителей очень тяжело отразились на бедных казахах, которые, будучи не в состоянии платить за зимовку, вынуждены были работать почти задаром на помещиков или же на ватажных жителей.

В тех случаях, когда межевые столбы или вехи отсутствовали или сгнили, помещичьи приказчики этим пользовались, они ставили новые столбы, преднамеренно выдвигая их далеко за черту действительных границ с тем, чтобы в пользовании казахов оставить как можно меньше пространства, чтобы больше урезать им зимовые места. Если казахи, не зная границ помещичьих земель, случайно заходили на земли помещиков, то приказчики взыскивали с казахов за потраву. Так, в 1831 г. приказчики обязали казахов уплатить за произведенную в зимнее время потраву 3000 руб.

---

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.1336, лл. 163–164.

[2] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп. 2, д.6, лл. 67–68, 1834–1835 гг.

Иногда помещики в зависимости от зимних условий и от потребностей казахов в зимовках неожиданно для казахов произвольно повышали требования к казахам, кочующим зимою в районах дач, ограничивая места, где они могли бы кочевать и повышая арендную плату.

Приходилось казахам терпеть немало и от откупщиков. Дело в том, что помещики иногда сдавали в аренду некоторые свои ватаги и рыболовные места со всеми окружающими угодьями астраханским купцам-рыбопромышленникам, которые, в свою очередь, сдавали эти места казахам и обирали их, устанавливая повышенную плату за зимовку и производя поборы деньгами и скотом и захватывая казахский скот, "за произведенную потраву". "Промысловые приказчики всегда стараются занять бугров больше, оградить их маяками и после даже в гибельное время делают захваты у киргизцев скота, требуют несоразмерного удовлетворения, другие дают из оброку"[1]. Кроме того, купцы нередко занимали большие площади помещичьих земель для скота, купленного ими у казахов.

Для того чтобы извлечь себе как можно больше пользы, помещики всеми мерами ограничивали казахов. Так, воспрещали казахам ловить рыбу. За самовольную ловлю рыбы их подвергали телесному наказанию. В районах дач запрещали им строить себе на зиму теплые жилища, землянки. В 1820 г. на побережье Каспийского моря султан Шигай построил себе теплое жилище. Когда об этом узнал граф Безбородко, на чьей земле жил тогда Шигай, он потребовал от султана снести эту постройку[2].

Еще другой пример. В 1829 году два султана: Досказы и Кулжан построили на земле князя Юсупова две землянки. Приказчик Юсупова путем судебного решения заставил султанов снести свои землянки[3].

Таковы были в общих чертах взаимоотношения казахов с помещиками.

Не лучше было дело в западных и северных районах Букеевской орды. Границы казахских земель были неточно определены Положением. В дальнейшем эта неточность послужила поводом к целому ряду недоразумений и произволу. Дело в том, что в Положении говорилось, что границей казахских кочевок является р.Узень, но не указывалось, какой именно из двух Узеней: Большой или Малый. Управление Уральского казачьего войска, пользуясь этой неточностью Положения, самовольно захватило большое пространство, заключенное между Малым и Большим Узенями, шириной от 30 до 50 верст и

[1] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп. 1, д.12, 1818–1828 гг.
[2] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп. 1, д.25, лл. 14–15.
[3] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп. 1, д.17, лл. 18–19.

длиной по Малому Узеню в 150 верст. Это пространство представляло собою весьма удобные пастбищные угодья, имеющие для кочевников исключительную ценность в зимнее время. Во время зимних стуж и вьюг в камышовых зарослях с богатыми водопоями кочевники со своими табунами и стадами находили незаменимое убежище.

Раньше этими пастбищами пользовались калмыки. Уральские же казахи никогда ими не пользовались, так как у них и без того было много земли; они не пользовались даже своими обширными пастбищами, находившимися за Большим Узенем к Уралу, по реке Кушуму, по рекам Чижам и в других местах: захватив это межузенское пространство без всякого права, управление казачьего войска выставило казачьи разъезды, которые сгоняли казахский скот с этих пастбищ. Начались тяжбы, происходили частые стычки, но, тем не менее, казахи продолжали пользоваться этими пастбищами. Тогда, а именно в 1813 г., управление войском перенесло укрепленную линию с Большого Узеня на Малый и тем самым окончательно отрезало у казахов эти самые лучшие пастбища. Начались новые споры и новые тяжбы. После смерти Букея казачье войско совсем перестало пускать казахов на межузенское кочевье, а также и к Камыш-Самарским озерам, которыми они раньше пользовались. В связи с потерей этих пастбищ казахи были поставлены в исключительно трудное положение. По поводу захвата земель у казахов один из царских чиновников писал: "...такое приобретение последовало, как кажется, для пользы одних казачьих чиновников, служащих и отставных, которые, сблизившись таким образом с ордой, производят вымен скота на хлеб и другие товары и в сих местах пасут стада свои"[1].

Уральские казачьи старшины, чиновники, станичные кулаки хорошо знали, что эти участки крайне нужны казахам, что они без них не смогут обойтись, а потому вынуждены будут арендовать их, особенно места, покрытые камышами и богатые водопоями. Захватив эти пастбища, уральские казаки неумолимо сгоняли с них кочевавших казахов, запрещали им косить сено, пользоваться речными водопоями, топливом, ловить рыбу и пр. Оренбургское пограничное начальство очень хорошо знало об этом произволе со стороны Уральского войска и расценивало его как стремление войска к увеличению своих земель за счет казахских и как стремление "получить право торговаться с ордынцами при допуске их к линии, запретить им сенокошение, дабы иметь случай к взысканию за потраву накошенного в степи сена и продать оное киргизам по высоким ценам, принудить их просить их о перепуске скота на внутреннюю сторону, дабы иметь

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.1321, лл. 3–23.

новый повод к приобретению выгод за счет киргизов, взыскивать за водопой и вообще продолжать укоренившиеся злоупотребления"[1].

Как видно из приведенного отрывка, царское правительство ясно понимало ситуацию, но, тем не менее, никаких решительных мер против злоупотреблений не принимало. Единственно, что царское правительство сделало в пользу казахов, это лишь то, что оно, считая незаконными действия Уральского войска, признало необходимым произвести новое размежевание. В 1828 г. оно формально прирезало к землям казахов межузенское пастбище и Камыш-Самарские озера. Однако не пришлось казахам получить обратно эти земли, так как уральские казаки, опираясь на штыки, не пускали казахов на эти пастбища. Мало этого, в 1829 г. Уральское войсковое управление согнало казахов даже с правого берега Малого Узеня.

Таким образом, в конце концов казахам не оставалось иного выхода, кроме того, как арендовать у уральских казаков землю и платить им за право пользования ею.

Управление казачьего войска для казахов установило определенную арендную плату, а именно по 15 коп. с барана, 50 коп. за голову рогатого скота и лошадей и по 80 коп. за верблюда. И действительно, казахи ежегодно арендовывали зимние пастбища у уральских казаков и платили им за них большие суммы. Так, в 1834 г. через кордонную линию было перепущено за плату казахского скота: лошадей – 13742, верблюдов – 69, рогатого скота – 172, баранов – 1403, при 149 пастухах. За пастьбу этих табунов и стад было взыскано с хозяев скота в пользу войскового управления 7252 руб. 70 коп. золотом и серебром. Разумеется, такая высокая арендная плата тяжело отразилась на бедняцких хозяйствах, так как на арендованной земле кормился и их скот. Иногда бывали и такие случаи, что казахи самовольно прорывались на свои старые зимовые места. Но в таких случаях войсковое управление принимало самые решительные меры против кочевников.

Уральские казаки иногда перепускали на свои земли казахский скот, если казахи принимали на выпас и их скот. Они стремились использовать каждый удобный случай для того, чтобы возможно больше ограбить казахов. Так, они нарочно косили сено и оставляли большие скирды и стога там, куда перепускался казахский скот. Это делалось специально для того, чтобы это сено было потравлено казахским скотом или же куплено казахами по очень высокой цене. За потравленное сено казаки взыскивали с казахов плату, превышающую в несколько раз его действительную стоимость.

Земельные стеснения, все эти захваты, всякие поземельные спо-

[2] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.1506, д.60-а, 1830 г.

ры и тяжбы неоднократно вызывали возмущения казахов и побуждали их к уходу за Урал.

Итак, мы видели, что казахские земли урезывались извне, а теперь посмотрим, как обстояло дело в отношении землепользования внутри самой орды.

Земля в Букеевской орде считалась государственной, но она находилась в общественном (общинном) пользовании и, как таковая, казалось бы, не могла стать частным владением. Однако дело сложилось иначе: вскоре большие земельные массивы в орде оказались в частном владении — в исключительном пользовании отдельных лиц: хана, султанов, тарханов, старшин и отдельных баев.

В первые годы существования Букеевской орды каждая родовая община пользовалась землею сообща. Землей пользовался только тот, у кого скот был. Земли было достаточно, а народу было тогда не так-то много.

Букеевцы вели кочевой образ жизни летом и зимой. У каждой общины были определенные районы (зимовки), где она со скотом проводила зиму, а летом выкочевывала в дальние открытые степи — летовки, оберегая тем самым зимние пастбища для следующей зимы. Глубокой осенью каждая община снова возвращалась на свои зимние пастбища. Такое чередование пастбищных угодий практиковалось казахами из года в год.

Однако такой порядок пользования землею существовал недолго. Дело в том, что из-за Урала стали прибывать новые партии казахов, которые вызвали передвижку уже ранее прибывших казахов, изменения границ районов их кочевий. В орде происходило некоторое уплотнение населения, что требовало перераспределения земельных угодий между отдельными родовыми общинами.

Хан Букей стал распределять землю по родам и отделениям и намечать отдельным общинам их раскочевки — летние и зимние пастбища. При этом в орде каждый участок закреплялся за старшинами родов и отделений с правом "кочевать с подведомственными казахами". Каждому из таких старшин хан выдавал специальный ярлык — свидетельство на право пользования землей общинами.

Как характерный образец такого ханского ярлыка мы приводим одну грамоту, выданную в 1812 году ханом Букеем Исатаю Тайманову, который вместе с Букеем перешел на внутреннюю сторону и в то время был старшиной одного из байулинских родов. Вот что написано в этой грамоте: "Подвластному мне Бершева рода почтенному старшине Исатай Тайманову дал я сие вольное письмо в том, что с подведомственными ему киргизами позволяю я иметь зимовое кочевье при берегах Каспийского моря, между кордонов Кокаревского Плетнева,

поста Пульпинского, разумея от степной кордонной дороги и до самого моря, где он за лучшее находить будет, как для себя, равно и для киргизов, ему подлежащих, каковую раскочевку киргиз передаю я на его Тайманова попечительство и волю, кроме же его с киргизами, которые состоят под его распоряжением, прочих родов киргизам я на сих местах кочевать не позволю и со стороны кордонных начальников в оном ему Тайманову препятствия никакого не чинить"[1].

Такая грамота выдавалась, как об этом было сказано выше, каждому родовому старшине. Так распределил хан Букей всю землю своей орды между казахами, строго учитывая их родовой общинный признак. Путем раздачи таких ярлыков хан Букей устанавливал особый принцип господства и подчинения.

Раздавая ярлыки, Букей привлекал к себе наиболее влиятельных среди народа старшин, султанов и баев и, подчинив их своему влиянию, создавал себе надежную опору. А этим лицам он отдавал "раскочевку киргиз" на их "попечительство и волю", поставив тем самым рядовых казахов в подчинение и зависимое положение от этих же старшин султанов и баев. Последние, в свою очередь, почти по такому же принципу распределяли землю внутри общины – по хозяйственным аулам. Таким путем хан Букей проводил нечто вроде территориально-родового районирования в пределах Букеевской орды, в результате которого получилось своеобразное административное деление всей орды на отдельные родовые общины.

При распределении земли более сильные и многолюдные роды получали самые лучшие участки земли. Так, бершевское отделение, которое имело в своем составе несколько общин, получило в свое пользование "при берегах Каспийского моря" самые лучшие зимние пастбища, какие были во всей Букеевской орде. На этих зимних пастбищах, на побережье Каспийского моря, при хане Букее сосредоточивалось свыше 1/3 всего населения орды того времени.

Подобное официальное распределение общественной земли и закрепление земельных участков за отдельными старшинами и султанами в корне изменили отношения землепользования у казахов. Фактически земля оказывалась во владении тех старшин, на имя которых были написаны ханские ярлыки. Опираясь на эти ярлыки, старшины стали произвольно распоряжаться общественными землями. Лучшие земельные массивы захватывались ими в свое личное пользование, а худшие отводились рядовым казахам. Старшины через некоторое время становились уже действительными владельцами земельных угодий. Таким образом, право распоряжаться общественными землями посте-

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.2039, л. 621.

пенно превращалось в право частной собственности. Конечно, такое обстоятельство обостряло классовые взаимоотношения и вызывало частые общественные конфликты.

Итак, при хане Букее в орде начинался процесс вытеснения широких народных масс с лучших участков земли. Наиболее ценные в хозяйственном отношении земельные участки становились владениями частных лиц. Это было началом экспроприации общественных земель казахскими феодалами. Этот процесс продолжался и после смерти хана Букея. Немало земель было закреплено за старшинами отдельных родов и при его брате Шигае.

Особенно большие изменения в земельные отношения у казахов были внесены ханом Джангиром. Подражая русским помещикам, хан Джангир стремился стать помещиком-крепостником. Он даже хотел в одно время закупить в Оренбургской губрении около 500 душ крепостных крестьян"[1]. Территорию Букеевской орды хан Джангир расценивал как свое личное владение, вотчину, а потому он считал себя вправе распоряжаться общественными землями по своему личному усмотрению. Вступив в ханство, хан Джангир проводил закрепление участков земли за старшинами заново и совершенно на другой основе. Так, в 1825 г. хан отдал в личное пользование старшины уже известного нам Исатая Тайманова определенный участок земли. Это закрепление было сформулировано ханом так: "Позволяю Вам иметь зимовое кочевье ваше на берегах Каспийского моря впредь и навсегда на тех самых местах, где ежегодно зимовали вы, и пользоваться подножными кормами на местах, называемых "Кюйген-арал", Кара-Камыс и на других местах, ежели будет угодно, пользоваться вам на своих местах одним, а прочих киргизцев не впущать"[2].

Тут нам представляется случай сопоставить два документа, а именно: ярлык хана Букея, выданный им еще в 1812 г. Исатаю Тайманову, с вышеприведенным документом. Резко бросается в глаза разница между ними. В разное время один и тот же участок земли отдается одному и тому же лицу – Исатаю Тайманову, причем хан Букей, не указывая срока пользования землею, отдал землю старшине Тайманову совместно "с подведомственными ему киргизами", т.е. отдал общественную землю всей общине, тогда как хан Джангир "позволяет... иметь зимовое кочевье на берегах Каспийского моря впредь и навсегда" и пользоваться одним (т.е. одному), а прочих киргизцев не впущать. Следовательно, хан Джангир отдал Тайманову землю "навсегда" в исключительное пользование – на правах частной собственности.

---

[1] *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР.

[2] Каз.ЦАУ, ф. 4, д. 2039, л. 619.

Таким образом, хан Джангир с самого начала своего правления устанавливал в Букеевской орде частную собственность на землю. Мало этого, он стремился создать в Букеевской орде класс землевладельцев. По-видимому, хан Джангир не надеялся осуществить эти мероприятия собственной властью. Чтобы действовать в этом направлении более уверенно, ему необходимо было получить санкцию царского правительства. Представляя свои мотивированные доводы, хан Джангир испрашивает согласие Оренбургской пограничной комиссии на раздачу земель султанам и старшинам. 12 декабря 1830 г. он писал председателю Оренбургской пограничной комиссии Генсу следующее:

"Прошу разрешить, могу ли давать султанам и старшинам участки земель в исключительное их владение? Если изволите припомнить, Вы мне советовали приступить к сей мере, особенно же к султанам родоправителям. Действительно таковая в виде наград раздача земель много бы имела хороших последствий и была бы лучшим средством к приохачиванию ордынцев к оседлой жизни. Всепокорнейше прошу Вас содействовать со своей стороны к утверждению сего предложения, которым между разными народными выгодами доставился бы мне способ устраивать некоторых из султанов, кои по многочисленности своей чувствительно уже начинают становиться в орде лишними"[1].

Разбирая этот документ, мы устанавливаем следующие факты: во-первых, судя по содержанию этого документа, мы видим, что мысль о раздаче земельных участков была подана хану Джангиру самими царскими чиновниками – они "советовали" ему (хану) "приступить к сей мере", во-вторых, "раздача земель в виде наград" много бы имела хороших последствий" для хана Джангира, так как он в таком только случае мог бы создать для себя крепкую опору в лице феодалов-землевладельцев, султанско-байской верхушки, в-третьих, хан Джангир, построив себе дворец, стал вести оседлый образ жизни и был заинтересован в оседании султанской массы, а потому путем раздачи земель хан стремился привлечь султанов-родоправителей к оседанию, и, в-четвертых, хан Джангир проявляет исключительную "заботливость" о султанах, многие из которых при Джангире оказались не у дел, они действительно "по многочисленности своей чувствительно уже начинают становиться в орде лишними", хану Джангиру необходимо было их "устроить".

Конечно, подобное ходатайство хана Джангира не могло встретить возражения со стороны колонизаторов, так как эти мероприятия вели к разрушению основных устоев патриархально-родовых отношений казахов, что входило в задачу самого царского правительства.

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.1991, л. 2.

Получив санкцию пограничной комиссии, хан Джангир форсировал раздачу земель султанам и родовым старшинам. Первым долгом хан закрепил за собою в личное пользование свыше 400 тыс. десятин лучшей в орде земли. Кроме того, он стал раздавать землю в частную собственность султанам, своим родственникам и приближенным. Так, брату своему Менли-Гирею хан отдал 400 тыс. десятин земли, своему тестю Караул хадже Бабажанову — 390 тыс. десятин, султанам Урмановым — 700 тыс. десятин и т.д. Земля раздавалась и крупными и мелкими участками[1]. Раздавая земли, хан закреплял их за новыми владельцами. Для этого, как было сказано выше, он выдавал особые ярлыки, свидетельства или записки. С 1830 г. по 1845 г. ханом Джангиром было выдано 1517 таких грамот. Таким образом, в результате массовой раздачи земельных участков 4500 тыс. самой удобной и пригодной для ведения кочевого хозяйства земли в Букеевской орде оказались в частном владении.

Хан Джангир, отдавая земельные участки по родству, за заслуги отдельным султанам и старшинам, давал их под кочевья за плату, которую получал с них скотом, деньгами, продуктами, вещами и т.п. Он продавал общественные земли, сдавал их в аренду под пастбища мелким султанам, баям и отдельным хозяйственным аулам. Хан даже перепродавал участки земли, сгоняя живших на них казахов. Конечно, такие действия не могли не породить недовольства казахов. Казахи жаловались: "На песках Бурлю кочуем мы 28 лет. Джангир, вступив на ханство 20 лет тому назад, в баранный год. После этого через два года дал нам бумагу за землю, которую взял с нас 40 баранов, из коих 20 по третьему году, а двадцать по другому году, 2 лошади, 2 верблюда, 3 халата, 100 рублей денег и быка. Землю делил толенгут Чука Идильбаев.

Ныне, при даче этой бумаги, взял 600 руб. денег. Восточная сторона Бурли-кума была зимовкой Каратауова, он (т.е. хан) ее отнял и отдал таминцу Дяли Туйгужину. После отдачи нам отнял 28-летнюю зимовку Елеубая Малатауова, находящуюся в лощине "Хан-келен", что на западе. Из этого возникло неудовольствие и отнят скот"[2].

Большие недоразумения в общинах возникали при отводе земли новым хозяйствам. Хан поручал отвод земли султанам, старшинам и своим приближенным — вроде ходжи Караул Бабажанова, толенгута Чука Идильбаева и др., которые при выполнении ими ханского пору-

---

[1] *Шахматов В.* Земельные отношения во Внутренней (Букеевской) орде в начале XIX века. Известия КазФАН, серия историческая, вып. I, Алма-Ата, 1940 г., стр. 52.

[2] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.2655, л. 914.

чения обирали народ. Лучшие участки земли отводились ими обычно тем, кто давал более солидную взятку этим "землеустроителям". К тому же кочевники неохотно расставались с той землей, которою они до этого времени свободно пользовались, они не хотели мириться с тем, чтобы их кочевья вдруг передавались другим лицам. На этой почве происходили всякие интриги и большие конфликты.

Но в таких случаях хан Джангир поступал очень просто: он давал распоряжения силой очистить отведенные участки, согнать с них казахские аулы. Так, в 1844 г. он дал распоряжение своему уполномоченному Толенгуту Даумбаеву очистить от казахских аулов землю, предназначенную им для пастьбы его (т.е. хана) баранов. Считаем нелишним привести тут распоряжение хана в подлинном виде. Вот оно:

"Предписываю тебе согнать киргизские аулы, если оные есть, с могил Кулаган-мола, Болек-каткул, Нияз-моласы, и от колодца Бектлеу, находящегося в Карауе, прямо до большой дороги с кладбищем Габраман-моласы и от этой дороги до Бугета, находящегося на урочище Табылды-сай, на которых паслись весною прошлого года мои бараны и теперь беречь эти места для моих баранов до будущей осени, даже не пускать и свой скот, а если тебе покажется одному это затруднительным, то пустить куда-нибудь подальше от этих мест двух кибиток, имеющих скота, которым по указанию сих мест подтвердить, чтобы они смотрели за оными строго, а самому все такие быть при этом же, в случае непослушания и неповиновения каких-нибудь ордынцев, которые своевольно прикочуют на те места, то объявить мне для сделания мною должного распоряжения"[1].

Этот документ сам за себя говорит, комментарий не требуется. Хан предписывает своему человеку согнать киргизские аулы, не пускать и "беречь" эти места для ханских баранов.

Переход земли в частное владение должен был вызвать большие изменения в социально-экономической жизни орды в целом. Вся хозяйственная жизнь орды должна была коренным образом перестроиться теперь не на основе общинного землепользования, как было раньше, а на частновладельческих началах, на основе частной земельной собственности, почти подворного деления земли, чего раньше казахский быт не знал. И эти изменения в хозяйстве должны были повлечь за собой изменения и в общественном строе.

Действительно, раздача земель в частное владение привела, с одной стороны, к образованию в Букеевской орде особого класса землевладельцев и, с другой стороны, к обезземеливанию основных казахс-

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.2888, л. 289, 1846–1854 гг.

ких трудовых масс, чего до этого времени не было в казахской действительности.

Одни из таких землевладельцев, сосредоточив в своих руках огромные земельные массивы, стали использовать эти земли для ведения собственного скотоводческого хозяйства. Они сгоняли с отведенных им участков те аулы, которые кочевали там до перехода этих участков им в частное владение. В числе таких феодалов был и сам хан Джангир, который имел крупный конный завод и большие стада овец. Он держал их на огромных земельных массивах, отнятых у казахских кочевых общин.

Другая часть казахских землевладельцев, главным образом султанская часть их, жила, в основном, за счет того, что они сдавали свои земельные участки в аренду рядовым казахам и брали за них плату – оброк в разных формах. Для многих таких феодалов сдача земли в аренду составляла единственный источник их доходов.

Средние и трудовые массы казахских родов, не имея земли для пастьбы своего скота, вынуждены были брать землю в аренду у тех же феодалов-султанов и старшин. По этому поводу Оренбургский губернатор 30 апреля 1848 г. писал: "Некоторые султаны и старшины имеют в исключительном своем пользовании как бы отдельную собственность – огромные участки, между тем как целые роды стеснены до крайности, вынуждаясь для пастьбы своего скота нанимать земли (не говоря уже о соседственных владельцах) у своих же соплеменников, раздающих оные из платы за излишеством для собственной потребности"[1].

Как видно из этого документа, пограничное начальство хорошо знало, что "целые роды стеснены до крайности, вынуждены для пастьбы своего скота нанимать "землю, иного выхода у казахов не было. Большие площади земель оказались в частном владении, а вместе с ними оказались в частном владении более удобные водопои, которые находились на этих землях и которые до этого были в общественном пользовании.

Собственность на землю оберегалась, а посягательство на чужую землю подвергалось наказанию. У многих родовых общин кочевья были весьма ограничены, некоторые роды потеряли летние пастбища, а некоторые лишились зимних пастбищ. Были и такие общины, которые не имели ни зимних, ни летних пастбищ. Обычные кочевые пути были совершенно нарушены и перерезаны частными владениями. Доступ к водопою прекратился, создались большие чересполосицы.

Обезземеленные казахи вынуждены были арендовать землю у султанов и баев. За арендованную землю они платили султанам и баям

[1] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп. 2, д.86, л. 38.

деньгами, скотом и вещами. Но аренда земли у своих соплеменников не совсем обеспечивала потребности кочевников в пастбищах. Их было мало. Они не могли прокормить скот круглый год. Поэтому вынуждены были арендовать землю у помещиков и у уральских казаков, а также и у соседних русских селений, кундровских татар и калмыков.

Обычно аренда земли для общего пользования производилась не отдельными рядовыми казахами, а родовыми старшинами, родоуправителями, которые потом распределяли землю между хозяйственными аулами и собирали деньги. При сборе арендной платы эти управители делали большие злоупотребления. Так, в 1835 г. один из крупных феодалов, тесть хана Караул ходжа Бабажанов, под видом уплаты арендной суммы помещику, собрал с казахов 10 тысяч рублей, из коих 1000 рублей отдал управляющему помещику, а 9000 рублей оставил у себя[1].

В 1828 г. казахам было разрешено временно пользоваться землей в бывшем Черноярском уезде Астраханской губернии. Участок этот заключал в себе 547 000 десятин. В 1839 г. казахам была предоставлена также во временное пользование часть степного пространства в Каревском и Новоузенском уездах. Площадь этого участка, известного под названием "Таргунский", определялась в 872 800 десятин. В 1841 г. хан Джангир, опасаясь обострения общественных конфликтов, вынужден был снять в арендное пользование казахам калмыцкий участок в количестве 832 273 десятины, расположенный погранично с Букеевской ордой, с платой по 480 руб. в год.

Помимо захвата земель в частное владение, общая площадь земель, удобных для ведения кочевого скотоводческого хозяйства, беспрерывно сокращалась и по другим причинам.

Дело в том, что с наступлением теплого времени снег таял и вода широко разливалась по ровной степи, особенно при орских берегах, верхние солончаковые слои почвы, растворяясь в воде, превращались в сплошную грязь. Казахский скот большими гуртами и крупными стадами перегонялся с места на место, кормился на одних и тех же ограниченных участках летом и зимою, выщипывая траву, вытаптывал, месил ногами почву, вырывая траву с корнями и тем самым лишал растения связующего элемента и не давал им времени укрепиться в почве.

К тому же в прикаспийских степях при скудности атмосферных осадков в знойные дни все выгорает. То же самое, даже с еще большей силой, происходило и в песчаных районах Букеевской орды.

Конечно, при таком положении пастбища истощались, площадь песчаных пространств все увеличивалась. Там, где некогда были пре-

[1] Каз.ЦАУ, ф. 4, д.2039, лл. 309–310.

красные пастбища, образовались голые песчаные степи. Так, например, ханская ставка, занимавшая прекрасный оазис, богатый растительностью, впоследствии была окружена песками и оказалась в лощине, окруженной барханами. Это произошло оттого, что лес, прилегающий к ставке, был истреблен, кормовые травы были выщиплены и истоптаны гуртами скота, которые во время ставочных ярмарок подолгу оставались в ее окрестностях.

Итак, площадь удобной для кочевого хозяйства земли в Букеевской орде сокращалась из года в год.

В засушливые годы, когда в степи все выгорало и вода в колодцах исчезала, казахи испытывали особые затруднения. В такие годы бывали у казахов большие падежи скота, так как у них для прокормления скота не было запасов сена, они почти не заготовляли сена на зиму, да и заготовлять-то его в нужном количестве было негде. Так, в 1827 г. у казахов пало много скота: верблюдов 10 500 голов, лошадей 280 580 голов, рогатого скота 75 480 голов, баранов 1012 тыс. голов. При этом пострадали главным образом рядовые скотоводческие хозяйства, земли которых отошли в частное владение.

Многие казахские хозяйства из-за недостатка земли шли в пастухи в соседние уезды Самарской и Астраханской губерний, а также Оренбургской губернии с условием выпасать на чужой земле и свой скот.

В поисках пастбищ казахи невольно закочевывали на земли соседних селений: русских, казачьих, татарских, калмыцких. В джутовые годы казахи, чтобы спасти скот от гибели, самовольно вторгались со скотом в степи Саратовской и Астраханской губерний, за кордонные линии на пустопорожние места. В таких случаях жители селений захватывали казахский скот и не возвращали хозяйствам. На этой почве происходили частые споры и столкновения. Иногда казахи вынуждены были сдавать свой скот для прокорма линейным жителям исполу. Кулаки и начальники форпостов и кордонов, пользуясь безвыходным положением казахов, за бесценок скупали у них скот целыми гуртами. Таким образом, при хане Джангире происходило обезземеливание и обнищание широких казахских масс, что нашло свое отражение и в казахском фольклоре:

Хану этот удел был мал:
Землю он у народа взял.
.....
Наших северных пастбищ ряд
Отнимают, ...
Угождает царю во всем
Хан Джангир в старанье своем,

А остатки лучших земель
Он султанам в дар отдает.
Опечалился наш народ:
Смерть голодная идет[1].

Обострение земельного вопроса вызывало недовольство широких народных масс. Часто происходили общественные конфликты, которые после смерти хана Джангира еще больше усиливались. Это обстоятельство побудило царскую администрацию менять курс своей политики в отношении этой орды, вследствие чего оно стало обращать на землепользование казахов более серьезное внимание.

В 1845 г., в год смерти хана Джангира, производилось размежевание земли Букеевской орды партией генерал-майора Яковлева. Но результаты этого межевания остались неуточненными.

В 1848 г. Министерство государственного имущества, в ведении которого находилась тогда Букеевская орда, высказало мнение о необходимости перераспределения земли по родам "сообразно с действительной потребностью". Это уже явилось следствием того, что царское правительство приняло окончательное решение внести изменения в дело землепользования казахов.

16 августа того же 1848 г. Пограничная комиссия сделала Временному совету предложение "Об отводе земли под кочевье старшинам Бершевского рода Конакаеву и Тастемирову с подведомственными киргизами", что было сделано Временным советом за счет частновладельческих земель.

Этот отвод земли, по сути дела, был не чем иным, как первым шагом царского правительства по пути перераспределения земли Букеевской орды. Этот случай внес некоторое оживление в требования обезземеленных народных масс, которые открыто стали выражать свое недовольство частным землевладением. Положение становилось все более серьезным, так что царская администрация вынуждена была признать его таковым. В 1849 г. букеевцам разрешено было пользоваться 63 480 десятинами из прибрежных дач у Каспийского моря князя Юсупова и графа Безбородко с платой по 850 руб. в год.

9 апреля 1852 г. она писала председателю Временного совета:

"При жизни еще хана простые киргизы начали ощущать видимый недостаток в поземельных довольствиях для содержания своего скота, вследствие чего происходят взаимные неудовольствия, служащие постоянным источником беспорядков и ссор между киргизами и поводом, с одной стороны, к притеснениям, с другой — к жалобам"[2].

---

[1] "Повстанческие песни", Алма-Ата, 1936 г.
[2] Каз.ЦАУ, ф. 78, оп.2, д.7, лл. 1–6.

Как видно из этого документа, царская администрация признавала, что "простые киргизы начали ощущать видимые недостатки в поземельных довольствиях для содержания своего скота", что служит, по ее признанию, "постоянным источником беспорядков и ссор" между киргизами. Общественные конфликты царские чиновники считали "беспорядками". Причин недостатка земли царские чиновники не указывали. Между тем основными причинами этих "беспорядков" были обезземеливание и грабеж "простых киргизов".

Опасаясь дальнейшего усиления общественных конфликтов, царская администрация решила произвести перераспределение земли в орде, о чем атаман Уральского казачьего войска генерал-майор Геке оповестил казахов Букеевской орды: "Правительством усмотрено, что от неуравнительного распределения земель в орде многие киргизы, менее других ею наделенные, стеснены в отношении прокормления своего скота, а через это затрудняются в уплате положенного с них зекета, почему и определило уравнять эти земли соразмерно нуждам каждого, разделив их по числу скот, чем и дается возможность каждому из вас продовольствовать свой скот, не платя за его довольствие большие деньги другим богатым ордынцам, владеющим значительными поземельными участками". Ясно, что при перераспределении земли "по числу скота землю могли получить только богачи, имущий класс, а бесскотные, бедняцкие массы казахов все же без земли". При таком сугубо классовом подходе к решению земельного вопроса иначе и быть не могло.

В 1854 г. Оренбургский генерал-губернатор решил произвести хозяйственное межевание всей территории Букеевской орды, на что последовал царский указ 22 июня 1855 г. Началось межевание земли, которое закончилось к осени 1856 г. В результате этого были уточнены границы округов и частей орды. Во время межевания Временным советом были сняты для казахов в Царевском уезде 20 456 десятин удобной для пастьбы земли и 25 163 десятин удобной с платой по 1306 руб. 60 коп. в год.

В этом же 1856 г. все ханские грамоты, выданные им на право исключительного владения землею, были аннулированы, а почти все частновладельческие участки были пущены в общее распределение на общих основаниях, т.е. на тех основаниях, на каких эти мероприятия проводились во Внешней орде.

Однако прежние землевладельцы не совсем подчинялись этим мероприятиям царского правительства. Опираясь на ханские грамоты, они по-прежнему продолжали пользоваться земельными участками на правах частной собственности. Ввиду этого Временный совет в том же

1856 г. дал распоряжение всем правителям об отобрании ханских грамот. Отбирание грамот производилось до 1862 года.

В 1863 г. межевой партией штабс-капитана Большакова была произведена проверка межевых работ 1836, 1838 и 1845 гг. Причем выяснялось количество земель под зимовки и сенокошение, для летней пастьбы и вовсе негодные земли Букеевской орды. По последней съемке оказалось всего земли в Букеевской орде 6 973 004 десятин. При последнем измерении казахских земель партией Большакова в состав их была включена 83 481 десятина, принадлежавшая тогда в Прикаспийских дачах князю Юсупову и графу Кушелеву-Безбородко и находившаяся в пользовании казахов с 1849 года. Между тем по обмежевании – уже впоследствии (1885 г.) – этих участков, после выкупа из частного владения в собственность государства, в них оказалось 128 712 десятин. Таким образом, при окончательном установлении границ Букеевской орды в ней было всего 7 106 967 десятин.

В 1863 г. при повторном межевании земель наследникам хана Джангира в "вечное потомственное владение" было отведено 41 000 десятин земли из Таргунского участка. Этот участок несколько позже был отделен от Букеевской орды и причислен к Новоузенскому уезду Самарской губернии[1].

В последующий период производилось отчуждение еще некоторых участков земли специального назначения. Так, в 1869 г. Оренбургским губернатором разрешен был сотнику Бабажанову в аренду под садоводство на 70 лет с оплатой по 19 руб. в год земельный участок в 95 десятин близ озера Турган. После смерти его эта оброчная статья перешла к его сыну. В 1873 г. из пользования казахов было изъято 130 539 десятин, которые были отмежеваны Уральскому казачьему войску. В 1891 г. и 1892 г. 127 000 десятин отошли в ведение управления Министерства государственного имущества для образования особого лесничества.

За исключением всех вышеуказанных участков земли особого значения территория Букеевской орды была распределена между всеми частями орды. Причем все частновладельческие участки были совершенно аннулированы. Подворного наделения земли также не производилось.

Вся земля снова поступила в общинное пользование казахов на общих основаниях. Этот порядок землепользования казахов сохранился почти до Октябрьской революции.

---

[1] Ист. архив, ф.78, оп. 10, д. 50, лл. 10–12.

Глава V. Налоги и повинности в орде

Со времени принятия российского подданства на протяжении почти целого столетия казахи не платили налогов царскому правительству и не несли перед ним никаких повинностей. Они платили подати только своим ханам и султанам натурой (скотом). По предписанию ислама основными налогами были зекет и ушур. В зекет полагалось 1/40 имущества, а в ушур 1/10 урожая посева плательщика налога. В таком размере, с небольшими изменениями, взыскивались налоги с населения почти во всех среднеазиатских ханствах. Так как казахи, в основной своей массе, занимались скотоводством, налог с урожая ушур (десятина) у казахов заменялся другим налогом, названным казахами "согумом", т.е. скотиной на зарез для ханского стола. Сбор налогов в форме зекета и согума производился почти при всех казахских ханах. Но в условиях натурально-кочевого хозяйства форма и размер зекета и согума находились в зависимости от произвола и потребности ханского двора.

Букей был ханом-кочевником. При нем налоги были сравнительно небольшие, так как и потребности его были не очень большие. Количество зекета и согума резко увеличилось при его сыне — хане Джангире. Джангир получил европейское образование, хорошо знал жизнь русских помещиков, бывал в Москве, вращался в высшем кругу русского дворянского общества, ездил в Петербург, к царю, бывал у него на приеме, так что роскошная жизнь и этикет высшего аристократического круга России стали для него образцом.

Поселившись в своем доме, выстроенном для него царским правительством, хан Джангир завел в нем совершенно новые порядки и роскошную обстановку. В его доме появились большие зеркала, дорогая мебель, пианино, шелковые ковры и т.п. Джангир завел у себя особый этикет: полувосточный и полуевропейский. Устраивались торжественные приемы, на которых хан и ханша появлялись в дорогих национальных костюмах. Известно, что нарядный костюм одной только ханши оценивался в свое время в 150 тысяч рублей[1]. Хан часто устраивал торжественные приемы царским чиновникам и русским купцам. Окружал себя молодыми друзьями-султанами, многочисленной двор-

---

[1] *Сабанщиков.* Рын-Пески, 1832 г.

ней и толенгутами. В кругу своих друзей хан устраивал обильные пиры. Такая роскошная жизнь и содержание огромной дворни требовали колоссальных средств. Расходы на содержание Ханской ставки в несколько десятков раз превышали доходы ханского кочевого хозяйства. Требовались дополнительные источники доходов.

В первое время в орде единственным источником средств были налоги. Правда, вначале в Букеевской орде сбор налогов носил случайный неофициальный характер, иногда он даже имел форму "добровольных приношений". Но такой сбор налогов не мог гарантировать своевременное и аккуратное поступление средств хану. Поэтому хан Джангир, посоветовавшись с ахуном и муллами и руководствуясь шариатом, официально ввел зекет и согум как постоянные и обязательные налоги.

По исчислению Евреинова, казахи Букеевской орды при хане Джангире платили зекет со скота и согум. К 30-м годам XIX в. зекет определялся от 72 до 92 тысяч рублей в год, а по исчислению Оренбургской пограничной комиссии – до 155 тысяч рублей серебром[1]. Одновременно с зекетом на содержание вестовых при ханской ставке собирались 1792 р. Согум платили казахи с каждых 15 кибиток по 1 рогатой скотине или 6 баранов. Годовой доход с этого налога со всей орды определялся в 4000 голов рогатого скота или в 24 000 баранов.

Но эти исчисления были основаны на официальных данных того времени. Они не соответствуют действительности. Дело в том, что Оренбургская пограничная комиссия, опасавшаяся обострения общественных конфликтов, ежегодно требовала от хана сведений о количестве налогов, собираемых им с казахов Букеевской орды. А хан, желая, чтобы царское правительство не ограничило его в сборе этих налогов, в своих официальных отчетах давал обычно заведомо преуменьшенные цифры. В реальности же размер собираемых ханом налогов намного превышал данные его официальных отчетов. Так, например, в архиве есть жалобы казахов, которые говорили, что хан Джангир в 1836 году собрал с казахов 18 тыс. баранов, 1000 лошадей, 800 быков и 700 верблюдов[2].

Размер налога хан устанавливал сам. По сбору зекета хан совместно с муллами выработал определенную шкалу, по которой сумма налога, собираемого с населения, увеличивалась пропорционально количеству скота, имеющегося у того или иного налогоплательщика. Но эта пропорциональность существовала лишь для основных масс казахов, а для зажиточных казахов и баев эта пропорциональность не

[1] Дело Оренбург.военн.губерн., 1850, N 252.
[2] КазЦАУ, ф. 4, д. 2039, лл. 309–310.

выдерживалась, а для крупных баев она круто снижалась. Так, например, было установлено налогу: с 40 баранов – 1 баран, со 120 – 2 барана, с 201 – 3 барана, с 400 – 4 барана и т.д. Точно так же было и в отношении других видов скота. Таким образом, бай по сравнению с бедняком платил ничтожный налог.

Такой порядок взимания налогов натурой существовал до конца 30-х годов XIX в. А с конца 30-х годов, в связи с переводом зекета в денежную форму, этот порядок был упразднен, и раскладка его стала производиться уже по другому принципу.

Хан стал брать налоги деньгами. В связи с этим он давал своим сборщикам такое распоряжение: "На месте скотом не берите, но чтобы они скот свой продавали сами на базаре и деньгами доставляли в ваши руки"[1].

Сумму зекета хан назначал ежегодно и каждый раз производил раскладку с общей суммы по родам и отделениям. Перед назначением зекета хан обычно получал "донесения" от родоправителей и старшин о положении и количестве скота у того или иного рода или отделения. Хан имел почти точные сведения о богатстве того или иного рода, о скоте, землях и пастбищных угодьях и т.п.

Сбор зекета производился весною, т.е. приурочивался он к тому времени, когда весь прирост скота становился известным, а сбор согума, наоборот, откладывался на осень и собирался после летнего нагула перед отгоном скота на зимние пастбища. В зекет и согум было положено брать самую лучшую скотину: корову, лошадь и барана.

Подати собирались управляющими родами султанами и старшинами. Собирая налоги в Ханскую ставку, они не забывали себя: собирали налогов гораздо больше, чем это полагалось. Лишнее они оставляли в свою пользу. Пользуясь бесправием и темнотою народа, они делали вопиющие злоупотребления. С аулов своих родственников или близких ханские сборщики брали налогов меньше, чем это следовало по раскладке, а с дальних или враждебных аулов собирали в несколько раз больше, чем это полагалось. Если кто сопротивлялся, того сборщики жестоко избивали.

Почти до 30-х годов XIX в. ханские налоги в Букеевской орде собирались натурой, главным образом скотом, но к концу 30-х годов в связи с открытием ярмарки в Ханской ставке, с усилением торговли в орде сбор ханских налогов стал производиться уже не скотом, а деньгами. Для того чтобы уплатить налог своевременно, казахи вынуждены были гонять свой скот на далекую ярмарку, чтобы не продавать его на месте ханским сборщикам по низкой цене. Это обстоя-

[1] Там же, д. 2656, лл. 331–332.

тельство весьма разорительно отразилось на трудовых массах и обостряло классовые взаимоотношения.

С развитием торговли в Букеевской орде, с ростом денежного обращения увеличивались потребности ханской семьи, в то время как трудовое население в ней с каждым годом все беднело и жизнь для него становилась все тяжелее. При хане Джангире благосостояние казахов значительно упало. В 1820 г., согласно официальному отчету Управления Букеевской ордой Шигая, в орде насчитывалось: верблюдов 95900 голов, лошадей 630 200 голов, рогатого скота 315 100 голов, баранов 3 425 000 голов[1]. Через десять лет, в 1830 г., количество скота сократилось: верблюдов сократилось вдвое — 45 000 голов, лошадей больше чем вдвое — 250 000 голов рогатого скота в два раза — 50 000 голов, число овец упало до 1 500 000 голов. Итак, количество скота уменьшалось с каждым годом, следовательно, казахи Букеевской орды все беднели и беднели.

Одной из главных причин обеднения букеевских казахов был, правда, падеж скота. В 1825 г. Ногайский род сразу потерял 2000 лошадей, которые были загнаны бурей в болото, где и погибли. В жестокую зиму 1828 г. казахи, не имея корма для скота, вторглись в пределы Саратовской губернии. Там они потеряли 10 000 верблюдов, 280 000 лошадей, 73 000 рогатого скота и свыше миллиона овец, погибших от бескормицы и захваченных русскими жителями. Особенно много скота казахи потеряли в 30-х годах во время восстаний в орде, когда был нарушен нормальный ход хозяйственной жизни.

Но основной причиной обеднения букееевских казахов все же было обезземеливание широких масс. Захват лучших земель, летних и зимних пастбищ, оттеснение рядовых масс казахов на худшие пастбища, перерезывание кочевых путей, лишение их хороших водопоев — все это разрушило кочевое хозяйство. Потеря пастбищ для кочевника равносильна полному разорению. Немало казахов превратилось в нищих. Многие из них ютились у более состоятельных родственников или бродили из аула в аул, а иные просто уходили в русские селения — в батраки и пастухи. Царское правительство никаких мер к улучшению положения казахов не принимало. Развивавшийся в Букеевской орде неэквивалентный обмен еще более усиливал разорение казахов.

Таким образом, широкие массы населения Букеевской орды из года в год все более беднели, тогда как ханские налоги из года в год все более увеличивались. Хан Джангир вверил управление родами молодым султанам, своим родственникам, которые не входили и не желали входить в нужды народа. Каждый из них подражал роскошной

[1] КазЦАУ, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 8.

жизни хана. Поэтому старались как можно больше выколачивать налогов из подведомственных им казахов.

Однако как не увеличивал хан Джангир свои доходы, выколачивая подати с "черного народа", денег у него все-таки не хватало, так как потребности ханского двора и его приближенных все возрастали. Тогда хан приступил к экспроприации общественных земель. Многие участки территории Букеевской орды были им изъяты из общественного пользования и пущены в продажу в частное владение.

Кроме ханских налогов – зекета и согума – собирались налоги и в пользу других лиц. Так, простые казахи обязаны были давать согум родоначальникам – управителям родов, которые являлись ханскими ставленниками на местах. Затем за счет народа кормилась многочисленная султанская знать, муллы, которых было больше 150, и ходжи. Но такие налоги считались частным делом, вследствие чего они никем не учитывались.

Хан Джангир под видом заготовок общественных запасов собирал с казахов сено. Для этого он обязал каждую кибитку ежегодно накашивать и свозить по 10 верблюжьих вьюков на определенное место, указанное старшиною отделения. Разумеется, эти общественные запасы сена были использованы для подкормки скота самого хана.

Определенный доход получал хан за ярмарочную площадь. Так, в 1836 г. собрано было денег в доход хана за лавки, кибитки, палатки, телеги и прочее 2919 руб., а в 1845 г. этот доход ярмарочного двора выражался в сумме 5500 рублей. Хан приказал своим сборщикам брать пошлину с продаваемых казахами на ярмарке скота и продуктов скотоводческого хозяйства.

После смерти хана доходом ярмарочного двора пользовались наследники хана. Впоследствии, а именно 15 июля 1863 г. по распоряжению царского правительства "право всегдашнего пользования доходами ярмарочного двора" у наследников хана Джангира было выкуплено за 110 000 рублей серебром[1]. Затем эти доходы были присоединены к общим доходам орды.

Помимо основных налогов в орде взималось еще много других мелких поборов. Так, казахи Букеевской орды платили так называемый кошеменный налог, налог на содержание родоправителей, вестовых депутатов и др. Хану и султанам-управителям родов казахи должны были собирать кошмы и шерсть. Из шерсти катались для хана и управителей разного качества кошмы, которые главным образом шли на продажу, на многочисленные пастушьи кибитки и на другие на-

[1] КазЦАУ, ф. 78, оп. 10, д. 97, л. 30.

добности. Кошмы продавались ханом также и в военное ведомство, для разных надобностей военных отрядов.

При Ханской ставке было много вестовых (рассыльных) гонцов, которые выполняли разные поручения хана и при помощи которых хан поддерживал связь с местной администрацией. Еще в 1825 г. содержание вестовых при ставке стоило народу, по официальным данным, 1792 руб. После число их увеличилось в несколько раз, следовательно, и содержание их недешево обходилось народу.

Не все дела подлежали суду и разбору хана. Многие дела, считавшиеся более важными, были изъяты из ведения хана. Такие дела обычно разбирались русскими чиновниками в присутствии ханского депутата. При разборе таких дел хан назначал своего уполномоченного, который назывался ханским депутатом. Иногда следствие и разбор дел затягивались и депутат подолгу оставался там. Такие депутаты посылались на кормление тех общин, где происходил разбор дел. Содержание их обходилось народу очень дорого.

Народ платил деньги и на содержание почтовых станций, которых немало было в Букеевской орде. Казахи, жившие вблизи почтового тракта, обязаны были давать лошадей для почты и фураж для лошадей.

Казахи платили также так называемый билетный сбор. Вследствие обеднения казахов Букеевской орды появилось довольно значительное отходничество. Многие казахи-бедняки стали уходить на временные работы в разные места, на рыболовные и соляные промыслы, в русские селения – пастухами, батраками и т.д. Они должны были брать билеты за известную плату. За билеты платили также и те казахи, которые по своим надобностям выезжали из Букеевской орды.

В Букеевской орде часто практиковались также и некоторые экстраординарные единовременные налоги. Так, при поездке хана в Петербург для него специально собирались деньги "на расходы". В большинстве случаев эти налоги давались в форме подарков, добровольных приношений: хану, султанам и другим влиятельным лицам. Такие "добровольные" подарки и приношения делались подчиненными и зависимыми людьми хану, султану по случаю рождения у них сына или дочери, женитьбы и даже смерти. Эти поборы получили в орде широкое распространение и усиливали ненависть трудовых казахских масс к хану и султанам.

Вследствие чрезмерного роста налогов многие безземельные и обнищавшие казахи оказывались не в состоянии уплатить зекет и согум. Поэтому на таких казахах оставались недоимки. Чтобы изжить эти недоимки и обеспечить своевременное и аккуратное поступление зекета, хан Джангир "постановил раз навсегда цену на скот: лошадь

оценил в 10 руб. серебром, верблюда – в 15 рублей, рогатую скотину в 8 рублей, овцу и козу по 2 рубля серебром"[1]. Оценив все поголовье скота в орде, хан разложил назначенную им к сбору сумму зекета на все поголовье скота и таким образом высчитал, что в зекет полагается с каждой головы скота: 10 коп. с лошади, 15 коп. с верблюда, 8 коп. с рогатой скотины по 2 коп. с овцы и козы. Исходя из такого расчета, хан Джангир производил раскладку общей суммы зекета по родам и отделениям согласно имеющимся у него сведениям о положении, скоте у казахов того или иного рода. По этой раскладке хан приказал родоправителям и старшинам собирать налоги. Правда, он ежегодно вносил в нее необходимые уточнения.

Хан Джангир умер в 1845 году. После его смерти царское правительство издало указ о том, чтобы в отношении сбора налогов никаких изменений не делать, а ограничиться последними распоряжениями хана. Таким образом, с 1845 г. последняя раскладка хана Джангира, сделанная им на тот же 1845 г., Временным советом была сохранена в силе и служила руководством по сбору зекета и согума в продолжении последующих почти 20 лет, так что каждое отделение в роде, даже каждый казах облагались тем самым количеством денег, какое назначено было последний раз ханом.

Между тем за короткое время в составе родовых общин, вследствие их пауперизации, произошли серьезные изменения в сторону снижения их платежеспособности. Размер зекета и согума для большинства отделений при значительном сокращении поголовья скота оказался настолько высоким, что они не в состоянии были рассчитаться даже за один год, не говоря уже о недоимках прошлых лет[2]. Многие из рядовых казахов до того обнищали, что оказались не в состоянии платить даже часть зекета и согума, они ютились около баев, работая на них почти даром, а многие казахи в поисках средств к существованию уходили в отход – они разбредались по русским поселкам пастухами, батраками и пр.

С другой стороны, многие из султанов освобождались от уплаты налогов по праву их знатного происхождения; тарханы, ходжи, бии и старшины также освобождались от уплаты зекета и согума[3]. Поэтому число плательщиков ханского налога сильно сократилось. Вот почему родоправители и старшины говорили Временному совету "о невозможности собрать недоимки по причинам обеднения киргизов, нахождения многих из них в пастухах на линии, по обращению некото-

[1] КазЦАУ, ф. 78, оп. 10, д. 7, лл. 29–38.
[2] КазЦАУ, ф. Врем.совета, д. 7, л. 29.
[3] Там же.

рых в тарханы", что служит препятствием к полному сбору зекета и согума"[1]. Таким образом, сумма недоимок из года в год увеличивалась. Так, к 1 декабря 1851 года накопилось недоимок по зекету в сумме 104 874 р. 14 к.

Почти такое же положение было и с согумом, который вносился, как об этом сказано выше, в таком размере, что с каждых 15 кибиток полагалась одна скотина, т.е. хорошая корова, или 6 баранов, или 40 рублей деньгами. В числе 15 кибиток полагалось 5 богатых и 10 бедных. Согум назначался определенным числом скота на каждое отделение. Начиная с 1845 г., по согуму на казахах Букеевской орды также накопились недоимки, которые к 1 декабря 1851 г. выражались в сумме 26 841 р. 74 к. 1/2 коп. Эта сумма, как и сумма зекета, также была разбита на 3 части с тем, чтобы взыскать их вместе с недоимками по зекету в продолжение 3-х лет. В отношении сбора нового согума Временный совет сделал новую раскладку согума по отдельным родам и отделениям по количеству кибиток, причем совет сократил количество согума в два раза против принятых ранее норм. Ниже приводится ведомость раскладки его на время с 1846 г. по 1855 г.

Для сбора недоимок Временный совет принимал ряд мер. Он давал строгие предписания родоправителям и старшинам о безотлагательном взыскании недоимок. Рассылались на места самые влиятельные люди для сбора недоимок, применялся метод личного убеждения и внушения во время съезда казахов в период ярмарок. Зажиточным казахам предлагалось путем добровольных взносов пополнить недоимки как по зекету, так и согуму, следуемых с их бедных родственников и сородичей. Но богачи были не склонны к внесению налогов за других, а напротив, сами стремились освободиться от платежей.

Раскладка согума по числу кибиток:

Название родов	Число кибиток, в них показанных советом	Число согумов, следуемых с каждого рода по числу его кибиток	Сколько назначает совет с 1846 по 1855 гг.
1	2	3	4
Адай	1503	100	43
Алаша	2640	175	85
Байбакты	3205	213	105,5
Берш	5085	339	155
Жанбал	904	60	37
Исентемир	466	31	10
Исык	669	44	20,5
Кызылкурт	825	55	39

[1] КазЦАУ, ф. Врем.совета, ф.78, д.7, л. 43–52.

1	2	3	4
Кете	411	27	10
Маскар	361	94	16
Ногай	1093	72	40
Жетыру	1235	83	62,5
Таз	121	8	6
Тана	1281	85	52
Толенгут	665	44	10
Черкеш	2752	184	92
Итого	**23223**	**1544**	**783,5***

** Раскладка согумом сделана, полагая по одной скотине на 15 кибиток.*

Несмотря на все эти мероприятия Временного совета, взыскать недоимки с населения орды все же не удалось, так как обнищавшие казахские массы оказались не в состоянии уплатить их. Вследствие этого многие старшины стали просить об отсрочке недоимок.

Временный совет, учитывая "весьма затруднительное" положение, разбил всю сумму недоимок на три равные части и решил взыскать их по частям в течение трех лет. При этом совет постановил принять самые решительные меры вплоть до продажи с аукциона скота и имущества неисправных плательщиков налога.

В силу такого решения Временного совета родоправители и старшины на протяжении почти трех лет беспощадно взыскивали недоимки. Однако, несмотря на всю суровость своих мероприятий, взыскать полностью все недоимки они не смогли. Часть недоимок по "крайней бедности" казахов пришлось в конце концов списать со счета, т.е. совершенно аннулировать.

Как было сказано выше, Оренбургским ведомством было предписано Временному совету сохранить раскладку и сбор зекета и согума в том самом размере, который был установлен последний раз ханом. После смерти хана последняя его раскладка была сохранена почти без изменения на протяжении 20 лет. Попутно с этим были сохранены также и формы всех ханских налогов (зекет, согум и пр.). Теперь эти налоги поступали не в казну хана (не в пользу ханской семьи), как раньше было, а в общий доход орды.

В 1864 г. в связи с окончательным введением новой системы управления ордою и оформлением всей сети управления с утверждением постоянных штатных служащих все формы ханских налогов, а также и их наименование были отменены и заменены совершенно другими налогами, почти такими, какие были введены "Положением 1868 г." во Внешней орде, т.е. так называемым кибиточным сбором.

Глава VI. Развитие торговли в Букеевской орде

Изолированная от Малой орды и оцепленная кругом кордонами, русскими селениями и военными форпостами, Букеевская орда почти с первых же лет своего существования стала ареной российской колониальной политики. Заселив огромные пространства казахами и сделав их объектом колониального грабежа, царское правительство превратило эту орду в сырьевую базу и рынок сбыта зарождающейся русской промышленности и тем самым сделало ее источником обогащения купцов и промышленников.

Торговля между русскими и казахами на территории Букеевской орды началась еще задолго до перехода казахов за Урал. Еще в 1788 году кавказский губернатор Алексеев установил для опыта два места для производства торговли русских с казахами, кочевавшими в том году вблизи Астрахани[1]. Но до образования Букеевской орды эта торговля не могла быть значительной. Удельный вес ее возрос позднее.

"Правительство довольствовалось, – говорит М. Иванин, – только выгодами, поставляемыми русским подданным от покупки скота, разводимого киргизами на пустынных до того местах. Места эти, оставаясь после бегства калмыков в 1771 г. впусте не приносили никакой выгоды России; но когда они населились кочевым народом, занимавшимся скотоводством, то учредилась мена товаров, полезная оседлым и кочевым народам. Мы сбывали последним хлеб, наши сукна, материи и другие предметы; продавали нам скот, шерсть, шкуры и разные предметы скотоводства". В первые годы торговля в Букеевской орде не так заметно развивалась, так как частые перекочевки казахов, отсутствие грунтовых дорог, незнание русскими казахского языка, незнакомство с их бытом и т.п. тормозили рост торговли, но как только урочища и места кочевий казахов были установлены и жизнь казахов стала протекать более или менее спокойно, темп роста торговли стал усиливаться.

Рост торговли в Букеевской орде был тесно связан еще с проблемой внутреннего рынка России, особенно в период континентальной блокады, очень благоприятно повлиявшей на рост промышленного капитала в России, у которого сильно проявилась тенденция к про-

---

[1] Архив гос.совета, т.1, СПб, 1869 г., стр. 826.

текционизму и экспансии. В связи с этим рост торговли в Букеевской орде стал заметным с 20-х гг. А позднее орда стала еще более притягательной для российского купечества.

Вначале на территории Букеевской орды не было определенных торговых пунктов. Торговля велась по окраинам казахских кочевий, главным образом, в русских селениях, расположенных вокруг орды. Сторожевые кордоны и форпосты стали основными пунктами торговли. Уральские казаки, нижние чины, начальники линий, атаманы – вот те, кто в первое время торговли с казахами, так сказать, снимали сливки "первоначального накопления". В скором времени состав этих торговцев стал пополняться новыми лицами, прибывавшими из разных внутренних губерний. Их привлекали сюда баснословно высокие прибыли от торговли с "кочевниками". Многие из этих торговцев стали поселяться навсегда в тех селениях, которые были близко расположены к казахам.

В первые годы среди торговых пунктов особенно выделялись по размерам торговли следующие: на севере по Узенской линии Глининский форпост, где с казахами вели торговлю уральские казаки и казачьи старшины; на северо-западе – Эльтонское озеро, куда приезжали саратовские, камышинские купцы; недалеко от Астрахани – так называемый калмыцкий базар, на юге, на побережье Каспийского моря, были ватаги, куда приезжали армяне и татары из Астрахани, Кушумские кордоны и пр. Здесь казахи выменивали себе хлопчатобумажные ткани, фабрично-заводские изделия, хлеб, главным образом пшеницу и пшено.

Вскоре стали появляться торговцы и купцы и внутри самой орды. Особенно развивалась так называемая "развозная торговля". До открытия ярмарки в Рын-Песках (1832 г.) торговцы разъезжали по орде, закупали ежегодно от 100 до 150 тыс. голов баранов"[1]. Торговлю в орде и благоприятные для торговцев условия в ней в 1827 году сенатор Энгель во время своей ревизии охарактеризовал следующим образом: "В степи заметна совершенная тишина и полная уверенность; отзывы людей посторонних довершают убеждение сие, ибо все единогласно, с кем я ни говорил, уверяли меня, что торговые люди с товарами, а русские скупщики скота с весьма значительными капиталами разъезжают спокойно по аулам, как в средине России, без малейшего опасения, и ни одного при мне не сказали примера, чтобы кое-кто от киргиз встретил насилие, а между самими киргизами не слышно ни о каком воровстве, чем несколько из самых старшин мне похвалялись"[2].

---

[1] КазЦАУ, ф. 78, оп.1, д. 10, лл. 25–26.

[2] По Рязанову. Дела канцелярии воен. губ., 1827 г., т.37, цит.соч., стр. 216.

Считая спокойствие в степи весьма "утешительным" явлением, сенатор Энгель всецело объяснил "тишину степи" и отсутствие преступлений в орде "благоразумными распоряжениями хана"[1].

Относительно казахов Букеевской орды тот же сенатор Энгель писал, что они "приносят пользу для внутренней нашей промышленности, сбывая ежегодно скота и грубых от оного произведений на два миллиона рублей[2].

С исключительной быстротой развивалась в Букеевской орде мелкая, развозная торговля. Мелкие торговцы – уральские казаки, татары, хивинцы и другие, получив от хана разрешение, разъезжали по орде: торговали и меняли. Они возили товары самого низкого качества, самые дешевые; возили малопригодную мануфактуру, вырабатывавшуюся тогда на российских фабриках специально для торговли с "инородцами", и меняли эту "гниль" на казахский скот, кожу и шерсть.

Пользуясь темнотою казахов, которые не знали действительной стоимости товаров, эти мелкие торговцы явно обманывали и обмеривали, обвешивали их. Доходы торговцев составляли от 200 до 300 процентов, так что "помимо барышей по соглашению были барыши и от обмана". "Киргиз, например, купил 30 аршин ситцу, – говорит Евреинов, – и пристально смотрел, усердно смотрел, когда мерил, а получил только 25, аршин у купца как-то изогнулся и давно уже смотрит спиралью"[3]. Высокие барыши и обман – спутники колониальной торговли.

Такой неэквивалентный обмен был замечен даже самим царским чиновником сенатором Энгелем, по словам которого "товары сбывались киргизам всегда по высоким ценам и с довольно отяготительным условием".

Под влиянием развития товарообмена казахи сами начали втягиваться в торговлю. Дело в том, что многие казахи, живя в работниках у русских, научились говорить по-русски. Их нередко использовали торговцы. По поводу таких торговцев, вышедших из наемных работников-казахов, Генс в своей записке говорил: "Работники эти употребляются хозяевами нередко при меновом торге и некоторые из них вошли у последних в такое доверие, что им поручаются товары, которые они развозят по аулам и променивают соплеменникам своим, а многие начали торговать на собственный счет".[4]

Разъезжая по степи, эти мелкие торговцы-казахи за короткое время наживали себе целое состояние. О них Генс в той же своей записке

---

[1] Там же.

[2] Цит.соч., стр. 157.

[3] КазЦАУ, ф. 78, оп. 2, д.36, л.46.

[4] Из записки Генса (по Рязанову "Сорок лет борьбы ..."), стр. 285.

сообщает: "Нередко, в особенности весною, отправляются из главных мест линии небольшие караваны с навьюченными на лошадях товарами, состоящими большею частью из мелочи и небольшие суммы, так что весь капитал киргизского торговца состоит из 20 рублей... впрочем, этого достаточно, чтобы положить путь к богатству, потому что выгоды от этого мелочного торга обыкновенно составляют 100 на 1100"[1].

Более изворотливые и предприимчивые казахи, уже втянувшись в торговлю, становились посредниками между купцами и потребителями. По этому поводу там же Генс писал: "По этой торговле они делаются посредниками между русскими купцами и потребителями товаров, лишая первых способов продавать их в последние руки. Но взамен этой выгоды они увеличивают сбыт наших произведений и открывают сбыт таким, которые прежде вовсе не вывозились в степь"[2]. Появились даже и такие казахи, которые становились вполне самостоятельными купцами.

Казахские баи, кулаки из прилинейных казаков, казачьи старшины, коменданты, начальники, чиновники, представители дворян быстро наживались на торговле с казахами. Особенно велики были их барыши в голодные годы — в суровые зимы, когда они за бесценок брали исхудавший от бескормицы казахский скот.

Часто русские купцы направляли свои торговые караваны в орду, возили с собой своих приказчиков, переводчиков татар и сбывали свои товары казахам по высоким ценам. Хан Джангир покровительствовал торговцам. Он поддерживал их, давал им исключительные права и полномочия, окружал заботой.

Для того чтобы показать отношение хана к торговцам, нелишне будет привести здесь свидетельство, данное ханом одному купцу. Оно выписано из архивных материалов:

Свидетельство:

"1824 года августа 1-го дня Киргиз-Кайсацкого ханства в Нарын-Песках и прочих местах Меньшей орды Джангир Букеев позволяю Дубовского посада купцу Степану Бондареву и его уполномоченным приказчикам отныне впредь, сколько он пожелает во всей подвластной мне орде производить всем киргизам продажу всяких доставляемых из российских городов товаров на наличные деньги на мену и в долги по уважению сего через сие подтверждаю всем киргизам, кто только за взятой у него, Бондарева, и его приказчиков товар ему одолжится расплачиваться с

[1] Там же.
[2] Там же.

ним честно, в противном же случае старшины и народные начальники по жалобам его, Бондарева, и его приказчиков обязаны неплательщиков или его детей и родственников к расплате принуждать и всеми мерами долговые деньги взыскивать, но до обиды его, Бондарева, не доводить, для обзаведения торгового его юрта позволено ему, Бондареву, занять место землянкою и сараями, где он приличным найдет. На отопку землянки рубить дрова и пользоваться покосом, где надобность потребует. В чем и во всякой торговле старшины, киргизцы и никто не может делать ему, Бондареву, и его посланным никакого препятствия выменянный им и его уполномоченным всякий товар и скот из орды пропущать без всякого задержания словом сказать во всем ему, Бондареву, и его уполномоченным оказывать всякую помощь, покровительство и защиту, а за неплатеж должниками на срок долгов после срока взыскивать ему Бондареву вдвое"[1].
Подлинное подписал Джангир Букеев.

Этот документ едва ли требует комментариев. Здесь мы видим, какую исключительную заботливость проявил хан по отношению к купцам и как он облегчил им грабеж подвластного ему народа. Таких примеров в орде было очень много.

Пользуясь такими широкими правами, купцы, подобные Бондареву, разумеется, разъезжали по орде, торговали и меняли, скупали скот – набирали большие гурты, затем, подолгу оставаясь на территории Букеевской орды, захватывали лучшие пастбища и водопои у казахов, покосные места и уничтожали отдельные рощи.

Разъезжавшие по орде многочисленные купцы, действительно, продавали всякие товары за наличные деньги и в долг. Многие казахи, будучи спутаны долговыми обязательствами, попадали в тяжелые кабальные условия, окончательно разорялись и впоследствии оказывались в таком положении, что не могли расплатиться со своими долгами. Относительно разорительной роли такой массовой развозной торговли один из чиновников Пограничной комиссии в 1829 г. писал: "В орду много приезжает из татар, из купцов российских с товарами, которые развозят они по всем аулам и меняют оный на баранов, но большею частью отдают в долг. От чего киргизы входят в большие долги и впоследствии для избежания оных изыскивают случай перейти за Урал тайно[2]."

В 1824 г. по предложению Оренбургской пограничной комиссии хан Джангир должен был открыть два пункта на территории самой

[1] КазЦАУ, ф. 78, оп.1, д. 10, л. 19 и об.
[2] КазЦАУ, ф. 4, д. 1336, л. 222–239.

орды: "для благоустройства купеческой коммерции, для торговли русского купечества с подвластными ему, т.е. хану, ордынцами"[1]. Эти пункты вскоре были открыты, один при горе Чап-Чаги от Волги, другой от Урала при Нарын-Песках на урочище Уялы – оба недалеко от линии.

Таким образом, торговые центры стали постепенно передвигаться на территорию самой орды. Появились новые селения, новые торговые пункты, где поселялись купцы, перекупщики и ростовщики из разных городов России. Некоторые из них жили в орде временно, а некоторые постоянно. Объем торговли стал расти.

29 августа 1832 г. Оренбургский военный губернатор объявил хану о разрешении Министерства Иностранных Дел на открытие постоянной ярмарки при Нарын-Песках и в связи с этим предложил ему "разъезды же во внутренность орды для торга вовсе запретить и найпаче татарам, бухарцам, хивинцам и другим какого бы рода и звания не было азиатам магометского исповедания"[2]. Хан Джангир с большим удовлетворением воспринял сообщение об открытии ярмарки, так как оно вполне отвечало его личным интересам.

Ярмарка была открыта недалеко от резиденции хана – Ханской ставки, и была рассчитана на два сезона: весенняя с 15 апреля и осенняя с 15 октября по 15 ноября.

А разъездная торговля была совершенно прекращена. Запрет разъездной торговли был вызван двумя причинами: во-первых, стремлением правительства изжить конкуренцию, так как татары, бухарцы, хивинцы и другие купцы-мусульмане, зная условия жизни казахов, быт и язык, несравненно лучше успевали в торговле с казахами, чем остальные; и, во-вторых, чтобы смягчить усиливающееся обострение социальных противоречий. Дело в том, что в орде образовался огромный наплыв мелких торговцев, которые буквально обманывали простых казахов, бесконтрольно и произвольно взвинчивали цены на товары, что вызывало недовольство широких казахских масс, а это было далеко не безразлично царскому правительству.

Об открытии ярмарки в орде хан объявил всем старшинам. Он писал одному из них:

"При этом объявляю, что уже далее сего не может быть допущена торговля разносная, как это производилось прежде бухарцами, хивинцами и другими торговцами, разъезжавшими с подвижными кибитками и просто в повозках; старшинам же всем предписываю быть караван-башами при следовании на ярмарки подведомственных им кирги-

[1] Там же, ф.78, оп.1, д.10, лл. 29–30.
[2] Там же, ф.78, оп.2, д.38, лл. 4–5.

зов, которых непременно собирать и приводить означенные ярмарки, за неисполнение этого, каждый старшина имеет быть подвергнут законному суждению, как ослушник повелений начальства"[1].

Для установления порядка и надзора на ярмарке хан выделил султана в качестве "базарбасы" (глава базара), дав ему большие права и полномочия.

В первое время были выставлены кибитки для приезжающих, а потом стали появляться деревянные постройки-склады, лавки и пр. Были установлены ветеринарные пункты, где пригоняемый скот подвергался осмотру, и выдавались купцам соответствующие свидетельства на отправку скупленного скота и сырья на внутренние рынки России. Словом, ярмарка была обставлена соответствующим образом.

С открытием ярмарки центром торговли в Букеевской орде становится резиденция хана – Ханская ставка. Она начала быстро развиваться. На ярмарки в нее приезжали купцы, перекупщики, фабриканты со всей Европейской России. Неэквивалентный обмен давал им колоссальные барыши.

Здесь открывали они свои склады, лавки, привозили сюда разные фабрично-заводские изделия, хлеб, пшено и т.п. Здесь же купцы меняли и продавали свои товары. Купцы, отдавая свои товары казахам в долг, записывали их в свои долговые книги[2], брали расписки.

Нередко бывали случаи ложных записей в долговые книги и подложных расписок. На этой почве возникали разные споры между купцами и казахами. Тогда была учреждена должность базарного султана – "попечителя" для "защиты" интересов казахов, и по орде было объявлено, чтобы "без ведома родоправителей товары в долг казахам не давались, в противном случае претензии по таковым самовольным сделкам могут остаться без удовлетворения".

Торговцы обирали казахов и с помощью водки. Продажа водки в орде была воспрещена, но торговцы под разными предлогами стали возить в нее и другие спиртные напитки. В 1835 г. хан намеревался было разрешить продажу в орде крепких напитков, но царское правительство запретило. Но торговцы тайно привозили водку и спаивали казахов, чтобы выгоднее сбывать свои низкокачественные мануфактуры.

На каждую ярмарку назначалось определенное лицо в качестве попечителя. Так, хан дал приказ мулле Нургазаеву "быть представителем в г. Астрахани, на калмыцком базаре, со стороны киргизской в продаже разных сортов скота и киргизских изделий[3]. Помимо попе-

---

[1] КазЦАУ, ф.4, оп.1, д.2039, лл. 661–662, 1836–1838 гг.
[2] КазЦАУ, ф.78, оп.2, д.80, л. 67.
[3] КазЦАУ, ф.78, оп.1, д. 10, л. 20.

чителя для присутствия на ярмарке выделялся особый депутат, обязанностью которого являлось: "находиться на ярмарке для соблюдения там должного со стороны киргизов во всех отношениях порядка и в особенности повиновения местной полиции, а равно для посредничества при разбирательстве полицией жалоб оседлых жителей на киргиз и киргизов на жителей во время ярмарки"[1].

По реализации своих товаров купцы, перекупщики, промышленники скупленное, набранное ими сырье — шерсть, кожу, скот и пр. большими партиями отправляли на внутренние рынки России. Таким образом, для зарождающейся российской промышленности Букеевская орда стала рынком сбыта и сырьевой базой.

Приезжающие в орду купцы и перекупщики грабили казахов не одни, а привлекали к себе на помощь казахских баев и феодалов, так как их соучастие в этом грабеже было выгодно как тем, так и другим. В этом отношении роль феодально-байской верхушки была очень значительна.

Крупные феодалы орды вступали в союз с астраханскими, саратовскими и другими купцами и держали всю торговлю в Букеевской орде в своих руках. Так, например, Караул-Ходжа и княгиня Багратион совместно вели крупную торговлю[2].

Караул-Ходжа стремился захватить хлебную торговлю в орде себе в монопольное пользование. С этой целью он подал прошение на имя Оренбургского военного губернатора "о выдаче ему паспорта в города Саратов и Астрахань и дозволении ему покупать там хлеб на предмет продовольствия киргизского народа". Военный губернатор разрешил ему покупку хлеба, но при этом написал хану, что "Караул-Ходжа может вести в управляемой Вами орде оптовую торговлю хлебом не иначе, как на основании указаний, т.е. или записавшись в гильдию, или же взяв, откуда следует, свидетельство, установленное манифестом"[3].

Сам хан Джангир имел торговую связь с такими российскими купцами, как Измаилов и Протанов, которые вели крупную по тому времени торговлю не только в Букеевской орде, но и в России. Очевидно, не без корысти для хана было дело, когда к нему обращались многие купцы и фабриканты с разными просьбами. 24 марта 1841 г. купец второй гильдии Степан Кротов, торгующий в орде фабрикатами своей фабрики[4], просит хана оказать ему, Кротову,

---

[1] Там же, ф.78, оп.1, д. 10, лл. 2—3.
[2] Там же, ф.78, оп.1, д. 10, л. 8.
[3] Там же.
[4] Там же.

покровительство[1]. Владелец фабрики в Пензенской губернии Варвара Гоббс 14 апреля 1841 г. в своем письме на имя хана просила его "оказать покровительство посылаемым ею людям с верблюжьими сукнами для мены на шерсть"[2].

Хан выполнял и военную поставку. 9 июня 1826 г. Эссен поручил хану "закупить в орде 1000 верблюдов для перевозки в горах воинских тяжестей"[3]. При этом губернатор назначил цену за каждого верблюда от 100 до 200 руб. В другое время хан Джангир закупил для военной экспедиции 500 верблюдов с вьючными принадлежностями и направил их при султане Туке в Оренбург. За них хан получил от Эссена 56 480 руб.[4]

Своего хлеба Букеевская орда почти не имела. Его выменивала она на стороне. "Теперь киргиз – не земледелец, – говорил генерал Генс, – получает хлеб через торговца, который берет у него скот по цене, превышающей вдвое и втрое стоимость полученных продуктов"[5]. Хотя сказанное Генсом относится к Тургайской области 70-х гг. прошлого столетия, оно также характерно и для Букеевской орды. хлебная торговля для купцов была выгодна, в некоторых районах Букеевской орды купцы монополизировали себе хлебную торговлю. Например, на юге Букеевской орды два астраханских купца, армяне Свешников и Макаров, откупали на дачах помещиков Юсупова и Безбородко удобные торговые места, запретив другим ввоз туда хлеба, произвольно поднимали цену на свой хлеб, продаваемый ими кочевавшим там казахам. Не имея возможности купить хлеб в другом месте, казахи вынуждены были покупать его у этих купцов по высоким ценам[6].

Такие крупные хлеботорговцы, как Свешников, Портнов, Караул-Ходжа и др. в отношении хлебной торговли стремились захватить тот или иной район Букеевской орды в свое исключительное пользование. Некоторые богатые казахи скупали хлеб на ярмарках и везли вглубь степи или выменивали на купленные товары скот в аулах, составляли гурты скота и затем эти гурты гнали на ярмарки и базары и здесь выменивали на промышленные изделия, хлеб, чай, табак и пр. Наряду с крупной оптовой торговлей хлебом имела место и мелкая торговля. Немало хлеба продавали казахам жители прилинейных селений – крестьяне и уральские казаки. Почти всюду процветала спекуляция. Особенно сильна была спекуляция в самой Ханской ставке. Здесь

[1] Там же, д.38.
[2] Там же, ф.78, оп.2, д. 99, л. 103.
[3] Там же, оп.1, д. 10, л. 52.
[4] Там же, оп.1, д. 10, л. 89.
[5] Мотивированная временная инструкция уездным начальникам Тургайской области, стр. 31.
[6] КазЦАУ, ф. 78, оп.1, д.10, лл. 79–82.

при продаже хлеба казахам спекулянты часто примешивали в муку, в припасы разные вещества и этим увеличивали вес продаваемых продуктов[1].

Иногда торговцы хлебом сильно взвинчивали цену. Особенно высоко поднимали цену тогда, когда по тем или иным причинам прекращался привоз хлеба в орду. Так, 13 ноября 1850 г. Астраханский губернатор уведомил Временный совет о том, что весь караван хлебных продуктов, которыми должны "обеспечиваться продовольствием жители Астрахани и кочующих в окрестности азиатских народов от поступивших неожиданно ранних морозов, несмотря на усиление предпринятых к сплаву его мер, зазимовал на пространстве от Енотаевска до Камышина"[2]. Вследствие этого хлебные запасы в Астрахани были в ограниченном количестве и цены на хлеб в орде высоко поднялись.

Хан извлекал из ярмарки свои выгоды. Он получал пошлину на продаваемый казахами на ярмарке скот. Характерно то, что хан сдавал по договору пастьбу табуна, приобретенного скупщиками скота, казахам. Этот табун пасся возле Ханской ставки. За потерю, кражу, исчезновение скота пастух отвечал своим имуществом[3]. Все лавки, кибитки, склады, постройки, палатки, телеги сдавались торговцам за плату на время ярмарки. В 1845 г. на осенней ярмарке в доход хана было собрано путем такой сдачи 1917 руб.

В отношении Букеевской орды в целом царское правительство имело свои особые расчеты, отличные от Внешней орды. Удельный вес орды в целом и ее торговое значение один из чиновников правительства охарактеризовал следующим образом:

"Хотя Внутренняя орда до смерти покойного хана Джангира не принесла казне денежного дохода, каковой получается с зауральских киргизов, но взамен этого огромное пространство степи в 7 миллионов десятин земли, совершенно неудобной для хлебопашества и почти безводной, населено 80 тысячами народа, доставляющего нашей империи ежегодно до 350 тысяч и более голов разного скота; причем денежные капиталы, находящиеся в обороте орды, остаются внутри империи"[4].

В 1845 г. на осенней ярмарке при Ханской ставке весь торговый оборот выражался в сумме 2 001 600 рублей[5].

Несмотря на запрет правительства, торговля в орде велась и вне ярмарок. Но такая торговля не поддавалась учету. Относительно годового оборота внеярмарочной торговли в орде Евреинов в своем обзоре

---

[1] Там же, оп.3, д.53, л.1.
[2] Там же, оп. 21, д.5, 18 50.
[3] Там же, оп. 2, д.38, лл. 71–74.
[4] *Бларамберг И.* Цит.соч., стр. 26.
[5] КазЦАУ, оп.2, д.38, л.63.

за 1852 г. писал: "Сведения о торговле киргизов Внутренней орды" вне ярмарок при ставке не доставляются, поэтому определить размер годового оборота ее нельзя, но хан Джангир по самому умеренному расчету полагал оный свыше миллиона рублей серебром (в сведениях, представленных Джангиром в 1845 г. комиссии), ныне же утвердительно можно сказать, – торговля букеевцев увеличилась, по крайней мере, вдвое, как видно из хода ярмарки при ставке в орде и от самих ордынцев в торговле их на других пунктах"[1].

Ниже приводится движение средних цен, существовавших на скот, на ярмарках при Ханской ставке по годам с 1845 г. по 1851 г. включительно:

Какой именно скот	**1845**	**1846**	**1847 рублей**	**1848**	**1849**	**1850**	**1851**
На весенних ярмарках:							
Лошади		22–85	27–00	30–00	17–50	30–00	20–00
Рогатый скот		9–28	7–75	9–71	6–00	11–50	14–25
Верблюды		17–44	26–50	20–71	15–50	18–50	20–00
Бараны		2–43	3–00	2–70	1–90	2–40	2–90
На осенних ярмарках							
Лошади	21–42	20–71	19–28	20–00	30–00	17–50	27–50
Рогатый скот	7–95	13–14	10–00	7–50	7–75	7–00	9–50
Верблюды		7–95	22–85	В продаже не было			
Бараны	1–94	2–14	2–00	2–45	1–75	1–50	2–00

В 1845 г. на осенней ярмарке при Ханской ставке продано[2]:

Хлеба разного	30000 пудов
Пшена	2500 пудов
Рогатого скота	2488 голов
Лошадей	280 голов
Баранов	31365 голов
Шерсти верблюжьей	2864 пудов
Козьего пуха	6 пудов
Конских шкур	277 штук
Яловых шкур	871 штука
Овчин	2070 штук
Верблюжьих шкур	120 штук
Мерлушек	60 штук

[1] КазЦАУ, ф.4, д.3490, лл. 53–104.
[2] Там же, ф.78, оп.2, д.38, л. 221 об.

Торговля в Букеевской орде находилась в прямой зависимости от благосостояния кочевников-казахов, а благосостояние казахов определялось благополучием скотоводческого хозяйства. Поэтому покупательная способность казахов зависела от количества скота. Торговля в орде обычно шла на подъем, в благополучные для казахов годы. А в джутовые годы она резко падала. Так, в Букеевской орде с 1849 г. начинается падение торговли. Особенно сильное падение торговли произошло в 1852 г., когда большинство казахских общин из-за джута потеряло почти три четверти всего поголовья скота. Понятно поэтому, что казахи Букеевской орды долго не могли оправиться от последствий такого страшного для них голодного года.

Падение торговли в орде продолжалось до конца 50-х годов, а с начала 60-х годов XIX века начинается новый подъем торговли. К этому времени казахское хозяйство несколько оправилось от потрясения джута 1852 г., казахи успели кое-как восстановить почти разрушенное джутом скотоводческое хозяйство. К тому же торговля в орде, освободившись от ханской опеки, а также довольно сильной конкуренции с российскими купцами, стала развиваться более интенсивно. Новый подъем торговли в орде был тесно связан также и с деятельностью Временного совета, который после своей реорганизации в 1858 г. и в связи с заменой казахского состава его царскими чиновниками, расчищал путь капиталу и всячески поощрял в орде торговлю.

Для характеристики нового подъема торговли в орде и тенденции ее к дальнейшему росту приводим некоторые цифровые данные и факты. По отчетным данным ветеринарного врача Букеевской орды Яковлева, производившего освидетельствование продаваемого казахами на ярмарках скота и продукции скотоводческого хозяйства, а также и выдачу соответствующего свидетельства на выгон из пределов орды скота и вывоз сырья, мы имеем следующую картину.

В течение 1861 г. на весенней ярмарке при Ханской ставке было продано: лошадей 1 049 голов, рогатого скота 15 577 голов, баранов 67 858 голов, верблюдов 285 голов. По данным Яковлева, "рогатый скот отправляется преимущественно в Москву", а другие виды скота в другие города России.

Продано шкур: конских 13 308 штук, яловых 36 375 штук, мерлушек 2 152 штук, телячьи 444 штук, бараньих 48 056 штук, козлиных 6 941 штук, верблюжьих 1 156 штук. Шкуры эти, по свидетельству того же Яковлева, отправляются на кожевенные заводы городов Царицына, Камышина и Посада Дубовки, а часть вовнутрь России. Продано шерсти: верблюжьей 14 656 пудов, жабаги (шерсти весенней стрижки) 305 пудов, козлиного пуха 698 пудов, гривы и хвоста до 90 пудов, сала 620 пудов. Шерсть отправлялась на фабрики Тамбовской и Са-

ратовской губерний, козлиный пух в Нижегородскую ярмарку, грива и хвост за границу, а сало вовнутрь России[1].

Как видно из этого материала, на ярмарках орды продавалось значительное количество скота и продукции скотоводчества. Надо полагать, что фактически было продано скота несравненно больше, чем показано здесь в официальном отчете Яковлева, так как, вероятно, не все учитывалось, что продавалось, и не все поддавалось официальному учету.

На ярмарки российские купцы привозили товары из разных губерний. Казахам продавались: хлеб, чай, сахар, табак-махорка, листовой, носовой, москательные товары – краски разных сортов, шелковые, бумажные, льняные ткани, пенька, предметы туалета и роскоши, металлические изделия, разная посуда, пушнина, лес строевой, доски, кибиточные древки, жерди, палки и другие предметы.

Товарно-денежные отношения были глубоко внедрены в казахские массы, вследствие чего казахское скотоводческое хозяйство стало приобретать ясно выраженный товарный характер. С течением времени этот характер казахского хозяйства стал выражаться еще более рельефно.

Выше было сказано, что Временный совет содействовал развитию торговли в орде. Тут следует отметить, в чем именно выразилось это содействие.

Временный совет почти с момента своей реорганизации принимал меры к созданию благоприятных условий для развития торговли. Он стремился расширить в орде сеть торговых пунктов, увеличить количество товаро-складочных мест, давать подряды на строительство новых лавок в ставке, устройство общественных бань, гостиниц и т.п.

Так, 2 сентября 1861 г. камышинский купец Добрынин заключил с Временным советом договор на устройство и содержание станочных бань – сроком на 3 года.[2]

16 октября 1862 г. 2-й гильдии купцы Дубовские, мещане Шишин и Калашников заключили с Временным советом кондицию, по которой они обязались: 1) содержать две гостиницы в ставке и на ярмарках при ней в течение 4-х лет с платой по 350 рублей серебром в год, 2) содержать весы и меры в продолжение 3-х лет в ставке и на ярмарках с взносом 370 рублей ежегодно и 3) поставлять для отопления казенных зданий 250 саженей однополенных дров[3].

Кстати, здесь не лишне будет кратко остановиться на вопросе об открытии в орде гостиниц. Этот вопрос был возбужден еще ханом Джангиром в 1842 г., но разрешение его затягивалось в связи с про-

[1] Центральный исторический архив, ф.78, оп. 13, д.58, л.6, 1862 г.
[2] КазЦАУ, ф.78, оп.7, д.8, лл. 126–128, 1850–1864 гг.
[3] Там же.

тиводействием духовенства в целях недопущения в орде продажи спиртных напитков. Но несмотря на все меры со стороны духовенства против продажи в орде водки, после смерти хана пьянство в ней стало сильно распространяться. Тайная продажа водки особенно усилилась в 50-х годах. Вследствие этого прежний состав Временного совета 11 июля 1855 г. написал Оренбургскому и Самарскому генерал-губернаторам рапорт, в котором говорилось, что "судя по множеству пьяных из простолюдин: казаков, приезжих и живущих в ставке крестьян, даже простых киргизов, надобно полагать, что в орду привозят и водку в числе прочих товаров в большом количестве и продают ее тайно в особых харчевнях. Торговцы, живущие в ставке, в числе привозимых ими товаров привозят также хлебное вино, будто для собственного употребления (на что нет прямого запрещения) по чьему-либо поручению и, без сомнения, или продают, или ссужают других водкой в угощения, отчего пьянство в ставке в сильной степени"[1].

На этот рапорт Временного совета последовало распоряжение управления Оренбургско-самарского генерал-губернатора от 24 сентября 1855 г. о категорическом запрещении тайной продажи крепких спиртных напитков в орде.

Несмотря на строгое воспрещение, продажа водки тайно продолжалась[2].

Теперь в связи с открытием гостиниц в орде открытая продажа спиртных напитков была разрешена. Купцы Шишкин и Калашников обязались содержать в ставке две гостиницы на следующих условиях:

1. Содержать в гостиницах стол, чай и кофе.

2. Продавать российское и иностранные виноградные вина, фруктовые водки — ром, арак, ликеры и пунш, водки хлебные, изготовленные на водочных заводах, настойки из сих же водок деланные, полпиво легкое, мед, пиво и портер на манер английского.

3. Стол и всякие съестные припасы, сверх употребления на месте отпускать и в дома.

4. Все припасы и напитки продавать по вольным ценам сверх того иметь в гостиницах особые напитки для ночлегов временного житья[3].

Хозяева гостиницы монополизировали продажу крепких спиртных напитков в своих руках и запретили продажу их другими лицами.

Итак, после ликвидации ханской власти торговля в орде сильно развивалась. Капитализм втягивал казахские массы в свою сферу, товарно-денежные отношения глубоко проникли в казахский аул и сильно дифференцировали как самих казахов, так и их хозяйства.

---

[1] Там же, ф.78, оп.7, д.8, лл. 45—51, 1850—1864 гг.

[2] Там же, л.58.

Глава VII. Социально-экономические отношения в Букеевской орде

С давних пор в составе казахского народа имелось несколько социально-классовых категорий, среди которых видное место занимали "аксуек" (белая кость) и "карасуек" (черная кость) или "кара казах". "Аксуек" – это привилегированное сословие, состоявшее, главным образом, из султанов и их сородичей, именующих себя потомками чингизидов, а "карасуек" – непривилегированное сословие, простые рядовые казахи.

В прежние времена султаны составляли довольно замкнутую группу, строго обособленную своим происхождением и привилегиями. Султаны закрепили за собою право быть избранными в ханы, тогда как другие сословия по традициям казахов этого права не имели. Доступ в их группу был невозможен для других социальных слоев. Усыновление чернокостного казаха султанами не влекло за собою перемены сословия и не сообщало ему "благородного" звания. К труду, ремеслу, к занятиям торговлей и т. п. султаны относились с презрением, считая подобного рода занятия для себя унизительными. В былые времена они, в основной своей массе являясь верхушечной частью или аристократией казахского общества, представляли собою, так сказать, политическое ядро и составляли свиту и кадры ханской власти. Суду простых казахских биев султаны не подлежали, своих дочерей замуж за простых казахов не отдавали. Часто они являлись родоначальниками и правителями отдельных родовых казахских групп.

От простых казахов они требовали к себе "почета и уважения". В частности, их нельзя было называть по имени, в обращении употреблялись лишь слова: "алдияр" или "таксыр" (господин, благородие). Находясь вне казахских родов, султаны составляли особое привилегированное сословие, не подвергавшееся телесному наказанию и освобожденное от уплаты налогов. С течением времени внутренние взаимоотношения этого сословия претерпевают серьезные изменения. Султаны стали делиться на должностных и недолжностных. Должностные султаны, занимая определенные места в управлении, играли служебную роль в орде, а недолжностные такой роли не имели. Обедневшие султаны теряли привилегии и значение, свою кастовую обособленность. С упадком власти султанов и обеднением пало и их влияние, и их традиции.

В конце концов их сословные преимущества (права и привилегии) сошли на нет. И в описываемый нами период султаны уже не составляли особого сословия в Букеевской орде и сравнивались с простыми казахами, образовали свой род "торе" (чингизиды). Теперь торенцы вступают в родство с простыми казахами. В тот период в Букеевской орде словом "торе" стал называться только тот, кто занимал какую-нибудь служебную должность, что было все же исключением.

В прежние времена часть привилегированного сословия составляли и ходжи. Телесному наказанию ходжи не подлежали, податей не платили. Ходжи считали себя потомками Саида, ближайшего последователя Магомета, и ставили себя родом выше султанов. "Уран" (девиз) их имел религиозный характер – "алла" (Боже), а одежда была кастовой.

Они носили особую одежду: чалму и халат зеленого цвета, имели определенный пояс и посох и т.п. Из среды ходжей выходили лица, которые занимались исключительно тем, что совершали обряд обрезания у мальчиков и, живя за счет широких масс, они превратили это занятие в особую профессию, дающую им большие материальные выгоды.

Вследствие обеднения ходжи, как и султаны, потеряли в Букеевской орде свое былое значение и почти приравнялись к простым казахам. Они составляли особый род – род ходжей. "Ходжинцы – говорит Харузин – пользовались личным покровительством хана Джангира; он же из них сгруппировал род (как это сохранилось до сих пор в памяти букеевских киргизов) назначил им в родоправители ходжу Караула Бабаджанова и дал им в знак того, что они люди, ему близкие, свою ханскую тамгу"[1]. Ко времени ликвидации ханской власти в Букеевской орде число ходжей составляло около 500 кибиток или 2500 душ. Но ходжинский род не представлял собой компактной массы, он был разбросан по всей орде. Большая часть их жила в калмыцкой части, т.е. поблизости от Ханской ставки. В Букеевской орде ходжи в своем составе имели три отделения: "мурза-ходжа", "туеходжа" и "кедей-ходжа"[2].

В Букеевской орде к категории зависимых людей относились толенгуты. Развитие института толенгутства доктор исторических наук Е. Бекмаханов связывает "с общим процессом феодализации казахского общества и с политической организацией казахского ханства"[3]. И действительно, возникновение толенгутства тесно связано с влас-

---

[1] *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. вып. I, 1889 г., стр. 28.

[2] Там же, стр. 30.

[3] Вестник АН Каз.ССР, 1947 г., N 6.

тью ханов и султанов. В Казахской степи власть хана не была централизована. Для осуществления своей власти над подвластными родами и отделениями ханам и султанам нужна была крепкая вооруженная сила, которая служила бы им опорой в их экономической деятельности. Она также нужна была ханам и во время сложных внутренних межродовых распрей. Такой вооруженной военной силой были толенгуты, состоявшие при этих ханах и султанах в качестве их жандармерии или дружины. Ханы и султаны собирали около себя разных людей, из которых составляли себе свиту, вооруженную "дворню", назвав их словом "толенгут". Толенгутами становились люди по тем или иным причинам, оторванные от своих сородичей, или бежавшие от преследований за преступления, или же вольноотпущенные рабы и дети рабов и т.п.

По поводу происхождения толенгутства хан Джангир писал: "Толенгуты суть потомки людей, исстари обращенных в рабство и исключительно предназначенных в услужение Белой кости"[1].

В донесении поручика генерального штаба Герна, посетившего в 1845 г. ставку Кенесары, мы читаем: "Скопище султана Кенесары Касымова состоит из собственных его толенгутов до 1000 кибиток, которые достались ему от Аблай Хана, и большая часть калмыцкого происхождения"[2].

В статистических материалах имеются некоторые данные, свидетельствующие о происхождении толенгутов. Так, в Бура-Наймановской волости у султанов Колычевых было 8 семейств толенгутов, из которых 5 калмыцких и 3 каракалпакских[3]. Таким образом, из приведенных данных мы видим, откуда происходили толенгуты и из каких социальных групп они складывались. Раньше толенгуты не числились в казахских родах, но будучи оторваны от своих сородичей, были неразрывно связаны с феодалами.

Толенгутами были и свободные казахи. Разорившиеся и обедневшие казахи обычно попадали в толенгуты. Объясняя причины превращения свободных казахов в толенгуты, один из биев Среднего жуза говорит: "Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже навсегда со своим потомством... Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть под покровительством, остаются при покровителе... В-третьих, во избежание какого-либо взыскания, правильного и неправильного, киргизы укрываются под по-

---

[1] Ист.архив Каз.ССР, ф.4, д.1538, л.4, 1831.
[2] Там же, стр. 941-944, ф.4, оп.1, д.2621.
[3] Ист. архив Каз.ССР, ф.4, оп. 1, д.2794, л. 124, 1840 г.

кровительством султана или другого влиятельного киргиза"[1]. Надо полагать, что указанные здесь причины превращения простых свободных казахов в толенгуты соответствуют действительности.

В записи обычного права казахов о правовом положении толенгутов мы читаем следующее: "Образовав отдельные аулы пришельцев из разных родов и отделений, кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаются, впрочем, ничем от простого киргиза, кроме одного права клеймить скот свой султанским тавром... Судятся биями и другими наравне с прочими ордынцами"[2].

Толенгуты не были ни рабами, ни крепостными. По этому поводу Зобнин приводит следующие данные: "Толенгуты имеют право отходить по своему произволу к другому владельцу или иметь отдельную, ни от кого независимую кочевку. Если же на отход от владельца встретятся со стороны его препятствия (расчеты имущественного характера), тогда толенгуты отходят от него со всем приобретенным скотом по суду, произведенному биями по киргизским обычаям"[3].

Ссылаясь на материалы Мейера, Харузин так определяет толенгутов: "Толенгутов можно бы назвать чем-то вроде крепостных людей, отличавшихся однако от рабов, купленных или военнопленных, которых в прежнее время было у киргизов огромное число".[4] В Букеевской орде толенгуты также имели султанскую тамгу[5].

Каковы были взаимоотношения султанов с толенгутами? Отвечая на этот вопрос, Загряжский пишет, что "толенгуты не рабы, но только слуги и работники", что они "составляют свиту султанов"[6]. В народе существует поговорка, свидетельствующая о том, что толенгуты являются слугами султанов: "толенгут, торенди кут", т.е. "толенгут, ухаживай за своим султаном". Опираясь на достоверные материалы, Ф. Зобнин пишет: "Толенгуты обязаны охранять султана и его собственность, сопутствовать ему в поездках, служить для посылок и проч. В древние времена толенгуты были исполнителями казней"[7]. Ясно, что толенгуты, являясь "слугами и работниками султанов", составляли их двор.

Что же влекло толенгутов к феодалам? Прежде всего льготы. Они кочевали вместе с ханами, султанами, освобождались от уплаты налогов – зекета и согума, пользовались лучшими пастбищами. Разумеет-

---

[1] *Зобнин Ф.* К вопросу о невольниках, рабах и толенгутах в Киргизской степи. Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. Вып. VI, Семипалатинск, 1901 г., стр. 39.

[2] Ист. архив Каз.ССР, ф.4, оп.1, д.2794, л.124, 1840 г.

[3] Его же. Цит.соч., стр. 39.

[4] *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. Вып. I, 1889 г., стр. 31.

[5] Там же, стр. 33.

[6] Юридические обычаи киргизов. Туркестанский ежегодник, вып. IV, 1876 г.

[7] *Зобнин Ф.* Цит.соч., стр. 41.

ся, пользование султанскими пастбищами (кочевками) имело "условный", феодально-зависимый характер. Вследствие этого толенгуты постепенно превращались в зависимых людей и в конце концов были поставлены в положение крепостных.

С течением времени положение феодальной знати подвергается большим изменениям. Одновременно с этим иным становится и значение толенгутизма. В связи с тем, что ханы и султаны превратились в царских чиновников, которые стали опираться на вооруженные силы царского правительства, прежняя политическая роль казахской феодальной знати постепенно падала, исчезала потребность в вооруженных дружинах. Ханы и султаны больше не нуждались в толенгутах, а напротив, стремились поставить их в совершенно новые условия.

В Букеевской орде толенгуты потеряли свое прежнее политическое значение опоры ханской власти, так как хан опирался на вооруженный отряд астраханских казаков. Падение значения толенгутов в управлении привело к ликвидации всех тех льгот, которыми они раньше пользовались. Они были, так сказать, переведены на положение простых рядовых казахов. Земли у них отбирались, сами они теперь облагались всеми видами налогов (зекетом, согумом и пр.). В условиях Букеевской орды толенгуты, потеряв свой сословный характер, стали превращаться в особый казахский род "толенгут".

Итак, эти два сословия – султаны и толенгуты – тесно связаны друг с другом. В определенной исторической обстановке они, как особые институты, одновременно появляются и в определенной исторической обстановке они так же одновременно исчезают. Нет сомнения в том, что толенгутский род образовался одновременно с султанским.

В Букеевской орде толенгуты уже были "вольными" – они, так сказать, имели права "гражданства". Это подтверждается отчасти и тем, что хан Джангир стал их назначать на ответственые места. Так, толенгут Чука Идильбаев был им назначен родовым старшиной[1].

Исследователь казахских родов Младшего жуза П. Небольсин писал, что "род толенгутов, прежде составлявших когорту, двор и прислугу ханов и султанов, образовался впоследствии времени"[2].

К началу второй половины XIX в. в Букеевской орде толенгутов было приблизительно 1000 кибиток. Они в своем составе имели 6 отделений и были разбросаны по всей орде.

К концу ханствования Джангира в орде возникло дворянское сословие, носившее звание "тарханов". Джангир всемерно стремился при-

[1] Ист. архив Каз.ССР, ф.4, д.1587, л.1, 1831.

[2] *Небольсин П.И.* Очерк Волжского низовья, ж. Министерства внутр. дел, т.XXXIX, 1852 г., стр. 158–155.

влечь на свою сторону богатых, знатных казахов, имевших большое влияние на народ. Таких казахов, как бы за заслуги, Джангир возводил в дворянское сословие, выдавая им особые, так называемые "тарханные грамоты", освобождавшие их владельцев, а также их потомков от уплаты податей и от телесных наказаний. Тарханные грамоты передавались потомкам мужского пола, и это делало звание наследственным. Таким образом, в Букеевской орде хан Джангир положил начало дворянскому сословию. Тарханные грамоты писались по-казахски и по-русски с приложением печати хана.

Ниже приводится образец такой грамоты, данной Джангиром казаху Исенбаю Ходжабаеву:

"Именем всемогущего Бога и соизволением императора всероссийского, я генерал-майор и кавалер Хан Меньшой киргиз-кайсакской орды, кочующей в зауральских степях при нижней линии Урала и среди степей Астраханских.

Дал сию мою ханскую грамоту моему подвластному Таминского рода, Кенжебаева отделения, киргизскому старшине Исенбаю, сыну Хаджебекову в том, что он за всегдашнюю ко мне верность, к пользам народа усердие, точное и бескорыстное исполнение повелений моих по управлению ордою, издаваемых соизволением моим и по праву от предков мною наследованному, пожалован, с нисходящим от него потомством мужского пола в звании тархана между моими подвластными.

Почему приказываю всем моим подвластным, равно прошу военные и гражданские власти, Императором моим поставленные, а равно начальство зауральских киргизов, как подданных империи, так и независимых, его, Исенбая, таковым признавать во всяких грамотах именовать и издревле принадлежащие тарханам права ему предоставлять. Поощренный сей наградою тархан Исенбай и его потомки, чувствуя к себе мою ханскую милость, да продолжают во всю свою жизнь благонамеренные свои действия с тем усердием и непоколебимою твердостью, кои к его Императорскому величеству по долгу верноподданнической присяги, а ко мне и потомкам моим по законам высокославных предков моих. В удостоверении чего ему, Исенбаю Ходжабаеву, я, хан Джангир, грамоту сию милостиво пожаловал и ханскую моею печатью утвердил.

Дана в ставке моей при Нарын-Песках в лето от Р. Х. тысяча восемьсот сорок второе, Хиджры Мухаммеда 1258 г. Ханствования моего в восемнадцатое. Сия грамота на тарханское достоинство Исенбая Хаджебекова в канцелярии высокостепенного и превосходительного хана в книге исходящих бумаг записана под N 1457 м-ца июля 7-го дня 1842 года. Правитель по канцелярии Раевский".

Здесь, между прочим, характерно то, что хан Джангир, выдавая тарханские грамоты, почти в точности имитировал принцип возведения людей в дворянское сословие царским правительством. Но вскоре политическая обстановка изменилась. Хан Джангир умер. Ханство было упразднено, тарханские грамоты потеряли свое значение и тарханы пали. Это произошло потому, что в связи со смертью хана и упразднением ханской власти в орде они потеряли свою социальную опору. Падение тарханов, как и падение султанского сословия, ускорилось еще и потому, что на политической арене появились новые социальные элементы.

Дело в том, что царское правительство вскоре после ликвидации ханской власти стало открывать в орде так называемые русско-туземные школы, где обучение должно было вестись на русском языке, и в этих школах готовились из казахов канцелярские служащие, переводчики и пр. Число этих людей с каждым годом росло, царские чиновники стали замещать все должностные места этими "грамотными" людьми. В последующий период из них образовалась довольно значительная социальная сила, которая по воле царской администрации стала вытеснять представителей прежних "привилегированных сословий".

Царское правительство не чинило формальных препятствий распространению ислама среди казахов и религиозным мероприятиям хана Джангира.

Еще Екатерина II провозгласила принцип религиозной политики, проводимой царской администрацией в Малой орде. В распространении магометанства среди казахов царица видела одно из лучших средств для "привития людкости и лучшего обращения в орде".

При хане Джангире возвысилось сословие мусульманского духовенства. К тому же, находясь под влиянием своего тестя – оренбургского муфтия Хусеинова и своей жены Фатимы, хан Джангир еще более форсировал свою религиозно-просветительную миссию. Ревность хана Джангира в деле насаждения ислама доходила до того, что, по свидетельству современников-очевидцев, он приказывал бывшим в его ставке астраханским казакам загонять нагайками своих подданных в выстроенную им мечеть. Это свидетельствует о том, что религиозное рвение в подданных воспитывалось решительными мерами.

Не менее решительно предпринимались и другие шаги: строились мечети, открывались татарские школы, в которых муллы стали обучать детей казахов. В Ханскую ставку усилился приток татарских мулл, которых хан назначал по несколько в каждый род и отделение.

При мечети в ставке служил ахун, который получал добровольных приношений на сумму более 4000 рублей. Кроме того он имел

свои земельные участки, где паслись его многочисленные стада. При хане Джангире число мулл дошло до 150, и они содержались на средства широких народных масс. Таким образом в Букеевской орде при хане Джангире сформировалось мусульманское духовное сословие, освобожденное, как тарханы и султаны, от уплаты податей.

Старинный казахский быт знал еще некоторые разряды людей, выделявшихся из широких народных масс и пользовавшихся, независимо от своего происхождения, большим влиянием среди народа. Это были "аксакалы", "бии", "батыры", "консы". Тут мы имеем дело не с отдельными личностями, а с целыми социальными прослойками времен феодально-родового строя. Все эти разряды людей имели место в Букеевской орде, особенно в первый период ее существования. Но здесь они сохранились лишь в форме пережитков. Ниже приводится краткая характеристика каждой из этих категорий.

"Аксакалы". Слово "аксакал" (белая борода) возникло в эпоху родового строя. С течением времени содержание его менялось. Аксакал – это прежде всего пожилой человек, старик, убеленный сединами. В казахском быту не всякий старик назывался аксакалом. Так назывался обычно старик, умудренный годами и опытом долголетней жизни, который являлся старшим членом какого-нибудь хозяйственного аула или целой общины и пользовался уважением в народе. Аксакал подчас был носителем и хранителем старины, патриархом разных житейских, бытовых и даже религиозных обрядов казахов. В тех или иных затруднительных случаях простые казахи обычно обращались к аксакалу за советом или разрешением каких-нибудь спорных житейских вопросов. В силу такого положения аксакалы представляли собой верхушечную часть простых казахов. В Букеевской орде в обстановке возвышения и укрепления ханской власти аксакалы потеряли свое прежнее значение.

Бий – это изначальный влиятельный народный судья, знаток народных нравов и обычаев, человек умный, обладающий даром красноречия, оратор, способный разрешать самые затруднительные споры. Обычно бии решали крупные межродовые споры и тяжбы, которые выходили за рамки компетенции отдельных аксакалов. Роль биев была особенно велика, когда решались самые сложные и запутанные дела – вопросы о кровной мести, о межродовых барымтах и т.п., возникавших между отдельными группами того или иного рода или разными людьми. Особо важные споры решались отдельными биями или их собранием. О справедливых биях в казахском народе сложилась такая поговорка: "тура бийде туган – жок", что значит в переводе на русский язык – "у справедливого судьи нет родни", иными словами, "справедливый судья не покривит душою".

Характерно, что обычно биями были представители "черной кости", а не чингизиды. Бии, как правило, занимали господствующее положение среди казахов, пользовались привилегиями и составляли родовую знать. Они распоряжались общинной землей: распределяли зимние и летние пастбища между отдельными членами определенной общины.

Бии, как и представители "белой кости", были заинтересованы в сохранении патриархально-родовых отношений, так как это вполне обеспечивало им господствующее положение среди простых казахов.

В условиях Букеевской орды народные бии превратились в социальную опору ханской власти. Хан Джангир, подчинив биев своей власти, отменил их выборность. Он просто назначал биев по своему усмотрению. Таким образом большинство биев стало орудием в руках хана и его приближенных. Однако среди биев встречались и такие, кто не хотел примириться с произволом феодалов. Они были преданы интересам обездоленного народа и выступали в защиту его интересов. К таким биям относится Исатай Тайманов.

В казахской действительности важное значение имел и батыр. Слово "батыр" употребляется издревле. Поначалу оно означало человека, обладающего безудержной храбростью, удальством, отвагой. При набегах, барымтах и во время крупных столкновений с внешними врагами батыр проявлял свою смелость, ловкость и отвагу. Благодаря этому батыр пользовался большим влиянием на народные массы.

Выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов высоко ценил этих людей. "Батыр – лицо самое важное и знаменитое... – писал Чокан, – он должен быть в войне храбр, как тигр, и силен, как лев. Это самый влиятельный человек, советы которого в народе всегда с весом"[1].

В ранний период казахской истории в случаях опасности или при нападениях извне из рядовых казахов обычно формировались военные дружины со своими военачальниками. Такие дружины часто возглавлялись батырами. В последующие же периоды формирование батырства, как социальной категории, тесно связано с возникновением военно-феодальной знати.

В Букеевской орде, в условиях роста ханской власти и осуществления колонизаторской политики царизма батырство потеряло исходное значение. Само слово "батыр" стало употребляться просто в нарицательном значении, иногда даже с пренебрежительно-шуточным оттенком. Только в годы восстания в орде народные массы, употребляя это слово в первоначальном его значении, назвали Исатая Тайманова за его храбрость и отвагу батыром.

---

[1] Архив АН СССР, ф.23, оп.1, д. 8.

В казахском быту иногда батыры одновременно являлись и биями. Примером таких батыров могут служить Срым батыр, Богембай батыр и др.

Для казахского быта характерным было то, что представители вышеприведенных сословий (аксакалы, бии, батыры) не могли быть избранными в ханы, хотя они иногда играли очень крупную роль в общественной жизни. Ханы обычно избирались из представителей "белой кости" (из торе-чингизидов).

Казахские роды принимали к себе и выходцев из других родов. Бывали случаи, когда отдельные семьи или часть какого-нибудь рода или отделения в силу разных экономических и политических причин, оторвавшись от своих сородичей и порвав с ними связь, переселялись на временное или постоянное жительство к другому (обычно сильному) роду. Живя рядом или вместе с этим родом, эти чужеродцы пользовались кочевками и покровительством этого рода, в силу чего они были в некоторой зависимости от него, занимая иногда даже подчиненное положение. Старинный казахский быт выделял таких чужеродцев в особый разряд людей, назвав их словом "консы"[1].

Необходимо отметить, что понятие, обозначаемое словом "консы" до настоящего времени еще не совсем четко определено. В разных районах Казахстана по-разному употребляют это слово, вкладывая в него разное содержание. Русские исследователи социально-экономической жизни казахов, пользуясь неправильным и неточным переводом этого слова на русский язык, внесли немало путаницы в дореволюционную литературу, приравнивая или даже отождествляя "консы" то с толенгутами, то с крепостными или с рабами, что совершенно не соответствует действительности. В результате использования этих данных дореволюционной литературы в качестве фактического материала, путаница вносится и в литературу советского периода. Требуется внести соответствующее уточнение.

В Букеевской орде было немало чужеродцев на положении "консы". Так, группа семей каракалпакцев и несколько семейств туркменов как "консы" жили в Букеевской орде среди байулинских родов и пользовались землей и защитой этих родов. Нередко "консы" по

---

[1] Слово "консы" происходит от слова "кону" (қонақ), что значит "сделать привал", "расположиться на определенном месте" (на ночлег, на время, навсегда), "сесть, присесть"; қонсы қону – пристать, приселиться, подселиться к кому-нибудь. Поначалу этим словом казахи называли человека (даже аул или целую общину), пришедшего (добровольно) откуда-нибудь, – "чужого", "не здешнего". Этот пришелец мог прийти (к известному субъекту) из другого рода, отделения или общины или даже из соседнего аула и пользоваться пасбищем того, к кому он поселился. Так что тут зависимость могла быть территориальной.

месту постоянного жительства ассимилировались с более сильными родами.

Рабовладения у казахов Букеевской орды не было. Возможно и были единичные случаи использования рабского труда в домашнем хозяйстве отдельных феодалов, но о них достоверных сведений, к сожалению, не оказалось в источниках. Главными источниками приобретения рабов могли служить военные захваты или покупка рабов на невольничьем рынке. Но этих условияй в Букеевской орде как раз и не было.

Во-первых, орда была окружена со всех сторон русскими поселками и военными форпостами; казахов никуда не выпускали, так что они, будучи отовсюду изолированы, не могли делать никаких военных захватов. Во-вторых, 22 июля 1822 г. царское правительство издало "Устав о сибирских киргизах", действие которого распространилось и на казахов Букеевской орды. Этим уставом казахам "строго запрещалось покупать рабов и приобретать в неволю природных киргизов"[1].

Но главная причина отсутствия рабов в Букеевской орде заключалась в том, что рабы в общественной жизни ее казахов существенной роли не играли и не могли играть. Они, как особая социальная группа, должны были исчезнуть, так как рабский труд в хозяйстве казахских феодалов, биев и баев не мог быть ведущим. У этой феодально-байской верхушки много было и своих сородичей – бедняков-жатаков, консы, толенгутов и т.п. – почти задаром и полностью обеспечивавших все потребности крайне отсталого кочевого хозяйства этих феодалов. В этих условиях рабский труд не мог бы найти себе применения.

Казахи долгое время сохраняли родовой строй в неприкосновенности. Вне рода казах чувствовал себя беззащитным. Родовая организация вполне соответствовала прежним формам хозяйственной жизни кочевников; она защищала интересы рода. Чем сильнее был род, тем он лучше защищал от внешних посягательств свои пастбища, водопои, стада и имущество. Постоянная опасность нападения извне заставляла казахов как можно теснее сплачиваться вокруг своего рода. В условиях кочевой жизни казахи, живя в составе рода, помогали друг другу во время стихийных бедствий и защищались от внешних врагов.

Совершенно иные условия сложились в Букеевской орде. Она со всех сторон была окружена мирным оседлым русским населением и защищена линиями военных укреплений, так что никакая опасность нападений извне не могла угрожать букеевцам. Поэтому здесь каза-

[1] Устав о сибирских киргизах. 22 июля 1822 г., д.276.

хам не было особой необходимости тесно сплачиваться в большую компактную родовую общину. Напротив, им гораздо выгоднее было кочевать более мелкими группами, так как это облегчало отыскание корма для скота (удобных пастбищ) и водопой для него.

К тому же территориальная ограниченность Букеевской орды, наличие больших песчаных безводных пространств в ней – словом, не совсем благоприятные условия – тоже способствовали сохранению распыления казахов. В силу этих причин большинство казахов Букеевской орды стали кочевать небольшими аулами, в составе нескольких родственных семей. Такие мелкие аулы выходили из-под опеки родов и кочевали почти самостоятельно, что вело к дроблению родов на мелкие единицы, отделения, подотделения, небольшие аулы. Вследствие этого землепользование букеевских казахов отличалось крайней раздробленностью. Таким образом, пережитки родового строя казахов Букеевской орды не могли сохраниться, а стали разлагаться, так как он не отвечал больше их потребностям.

Но баи и полуфеодалы были заинтересованы в сохранении казахской родовой земельной общины. Они беспрепятственно (со стороны бедноты) пользовались всеми видами общинных пастбищ: "кыстау" (зимним), "джайляу" (летним), "коктеу" (весенним) и "кузеу" (осенним).

Кроме того, под видом родовой помощи они давали бедным сородичам на временное пользование скотину – "майн" (временная тягловая скотина) и "саун" (временное пользование молоком). Таким путем баи-полуфеодалы размещали часть своего скота по хозяйствам бедняков, которые в силу родовой традиции за их "помощь" также должны были "помогать" баям в их хозяйствах, т.е. отрабатывать. Казахи, получившие от баев "майн" или "саун", обязаны были беречь байскую скотину с тем, чтобы потом вернуть ее в исправном виде хозяину. Это приводило к тому, что бедняк свой скот пускал в расход, а байский – берег, а в результате превращался в "бесскотного" бедняка. Таким образом, бедняк в конце концов попадал в кабальное положение.

Вместе с тем дробление казахских родовых общин способствовало усилению ханской власти. Чем более дробились родовые общины, тем более крепла власть хана. Казахи были не в состоянии противостоять ей.

Царская власть, не допуская дальнейшего развития экономики и культуры казахов, сознательно сдерживала, задерживала на одном уровне развитие производительных сил казахского народа. А казахские баи и полуфеодалы, имея за своей спиной царскую администрацию и используя отсталость казахского народа, даже консервируя ее всевозможными мерами, устраивали свое благополучие.

Глава VIII. Проявления недовольства казахов в орде

Поселившись на новых местах, букеевские казахи оказались в самых тяжелых экономических условиях. Земельная неустроенность и разные неурядицы гибельно отражались на скотоводстве казахов. Кроме того, они стали жестоко эксплуатироваться русскими помещиками, Уральским войсковым начальством и своими султанами и баями. Усиление всяких поборов и наступательное движение капитала еще больше ухудшили положение широких трудовых масс казахов.

Это обстоятельство часто вызывало недовольство народных масс, создавало разные социальные противоречия и порождало общественные конфликты. В чем они выражались? Какими конкретными причинами они вызывались? На эти вопросы нужно дать ответы.

Следует тут отметить, что подробное изложение хода всех движений, какие имели место в Букеевской орде, анализ их и выводы по ним непосредственно не входят в нашу задачу, так как они составляют предмет особого исследования, но тем не менее анализ некоторых общих положений здесь нужно дать.

В административном отношении Букеевская орда находилась, как известно, в ведении Оренбургской пограничной комиссии и Оренбургского военного губернатора. Царское правительство свою колонизаторскую политику проводило в орде через хана Джангира. Проводя царскую политику, хан Джангир стремился перенести на орду также и многие методы феодально-крепостнического гнета царской России, что нельзя было сделать без коренной ломки основных устоев патриархально-родовых отношений казахов. Хан Джангир при поддержке царских чиновников и военных сил чрезвычайно круто и резко проводил русификаторскую политику.

Прежде всего хан перестроил административное управление орды, устранил от управления всех тех лиц, которые противодействовали его мероприятиям. Старый состав управления заменил новым, более послушным себе. Путем раздачи тарханских грамот он увеличивал число своих сторонников. Привлекая в орду многочисленных татарских мулл, открывал религиозные школы, строил мечети и т.д. Этим самым хан создавал себе довольно крепкую сплоченную социальную опору.

Хан уничтожил выборность биев и стал назначать их по своему личному усмотрению. При распределении должностей в орде ряд старших султанов был обойден. Окружив себя султанами, своими род-

ственниками и приближенными, хан мало обращал внимания на тех биев и старшин, которые не сочувствовали его нововведениям. Назначение молодых султанов,высокомерно обращавшихся с народом, на высшие должности, вызывало ропот и недовольство. В результате всего этого сильно упало и почти сводилось на нет значение родовых старшин, хан совершенно освободился от их влияния и правил ордою самовластно.

Таким образом, хан Джангир всей совокупностью своих административных мероприятий почти заново перестроил управление ордою, ввел в него "новые порядки", которые, будучи не совместимы с формами кочевого общежития, пришли в явное противоречие с ними и коренным образом ломали их.

Но среди биев и знатных старшин, недовольных этими нововведениями хана, были наиболее влиятельные, энергичные и преданные интересам широких народных масс. Они были недовольны русификаторскими мероприятиями хана Джангира. Среди них были такие, которые, являясь хранителями казахского традиционного обычного права и национальной независимости, уже никак не могли мириться с такой ломкой общественного строя, в чем они видели прямое и опасное посягательство на национальную свободу.

Эти султаны, бии и старшины выступали против хана и его приближенных, но выступали вначале осторожно, осмотрительно, так как видели стоявшее за спиной хана царское войско и старались поэтому всеми мерами побудить хана к мирному разрешению конфликтов. Но хан оставался неумолим. Тогда они стали воздействовать на хана более решительно; выступая против него, его султанов и ходжей, эти родоначальники и старшины стали во главе народной партии.

Для усиления своей власти, укрепления экономической мощи и поднятия политической роли своих сторонников хан Джангир, узурпировав общественное право на землю, производил раздачу общественных земель своим султанам и приближенным в частное, исключительное пользование. В результате чего самые хорошие земельные участки были сконцентрированы в руках этой феодальной байской верхушки, а широкие народные массы были лишены пастбищ. Тем самым была разрушена хозяйственная основа кочевников и нанесен весьма тяжелый удар по их благосостоянию. Процесс обезземеливания неизбежно привел широкие круги населения к разорению и обнищанию. Это усилило злобу и ненависть народных масс к хану и его управлению. Народная партия все более и более усиливалась. Назревал общественный конфликт.

Основная масса кочевых общин, лишенная пастбищ, вынуждена была теперь кочевать на частновладельческих землях. Одни из них

кочевали на землях помещиков, другие на землях Уральского войска, а все остальные безземельные общины кочевали на землях казахской знати. За право кочевания на частновладельческих землях эти общины должны были уплачивать арендную плату деньгами, или скотом и продуктами своего хозяйства, или же отработками. Кочуя на "чужих землях", большинство безземельных общин попадало в кабальную зависимость от владельцев этих земель и подвергалось самой жестокой эксплуатации. Вследствие чего эти общины из года в год все беднели и беднели.

Присвоения в частную собственность общественных пастбищ, чего раньше казахский быт совершенно не знал, и превращение земли в средство эксплуатации и источник обогащения кучки казахской знати, являются главной причиной усиления недовольства трудового населения Букеевской орды.

Почти одновременно с обезземеливанием казахских трудовых масс начались наиболее тяжкие поборы и злоупотребления властью господствующей кучки букеевских казахов – хана, султанов, ходжей, тарханов, ханских страшин, мулл, депутатов, сборщиков налогов, вестовых и т.п., которые неприкрытыми грабежами и насилием разоряли народ и выводили его из терпения.

Недовольство трудящихся масс орды вызывалось также усилением обирания и грабежа народа в результате проникновения товарно-денежных отношений. Неэквивалентный обмен, повышение наценки на товары, обман, обвешивание, обмеривание, продажа всяких суррогатов вместо продуктов и т.д. являлись обычной формой грабежа казахов торговцами.

Небольшое число купцов и торговцев, захватив всю ордынскую торговлю, произвольно набивало цену на товары. Помимо всего этого в орде развивался еще ростощический капитал. Дело в том, что хан Джангир в целях обложения налогами всех объектов торговли, а также получения от нее наибольших выгод, сосредоточил всю ордынскую торговлю в ставке, обязал всех казахов продавать свой скот только на ставочных ярмарках. Так как Ханская ставка находилась на далеком расстоянии от многих районов, то не все казахи имели возможность продавать свой скот на той или иной ставочной ярмарке. Между тем налоги требовались деньгами. Часто нуждаясь в деньгах, трудовые казахи доставали их залог скота у баев или торговцев. На этой почве в орде развивалось ростовщичество.

Таким образом, хан, султаны, купцы – русские, татарские и другие всеми формами и методами торговли и ростовщичества неимоверно грабили трудовое население – букеевских казахов – и доводили

его почти до поголовного обнищания, что не могло не вызвать недовольства народных масс.

Таковы примерно главные внутренние причины, вызывавшие недовольство широких кругов букеевских казахов и создававшие условия для обострения социальных противоречий в орде.

Но были и внешние причины недовольства народных масс Букеевской орды. Эти причины исходили от самого пограничного начальства.

Царское правительство управляло казахами через хана и проводило свою колонизаторскую политику методами грубой военщины и полицейского произвола. Царские чиновники очень плохо знали уклад жизни и форму хозяйствования казахов. Они их почти не знали и не хотели изучать. Быт казахов, особенность веками установившегося отгонного кочевого хозяйства, размер потребностей его в пастбищах и степень обеспеченности этого хозяйства удобными стойбищами, подножными кормами и водопоями оставались для царских чиновников почти неизвестными. Сути ведения этого хозяйства они себе представить не могли. Такое хозяйство казалось им и простым, и диким.

Между тем, кочевое хозяйство составляло тогда основу существования букеевских казахов. Хозяйственная неустроенность и отсутствие удобства для жизни скота приводили казахов к разорению и разного рода бедствиям. Своими нерациональными мероприятиями царские чиновники еще больше разоряли казахов и обостряли положение. Многие из тех социальных конфликтов, которые имели место в Букеевской орде, происходили не столько от злого умысла чиновников, сколько от их неумения управлять своей колонией и нелепости их мероприятий.

Допустив захват казахских земель Уральским войсковым управлением, царские чиновники не урегулировали и не могли урегулировать эти животрепещущие для казахов вопросы, они не могли также умерить алчные аппетиты русских помещиков. Законные жалобы казахов оставались безо всякого внимания, без последствий, что вызывало недовольство казахов и внушало им недоверие к царскому правительству.

Считая патриархально-родовой быт казахов большим "препятствием к введению совершенного устройства", председатель пограничной комиссии Генс стремился включить Букеевскую орду в общую систему управления и, таким образом, думал унифицировать управление и подвести казахов под действие общих законов Российской империи. С этой целью пограничное начальство проводило через хана феодализацию казахских земель, стремясь заменить патриархально-родовые отношения феодальными, не понимая того, что, именно эта самая феодализация и являлась корнем зла и всех бедствий казахов, так как

она при кочевом хозяйстве казахов, в почти бесплодных степях, не пригодных к земледелию при тогдашнем уровне техники сельского хозяйства, была весьма гибельна для кочевого скотоводства и совершенно невозможна, и вместо ожидаемой от нее пользы приносила колоссальнейший ущерб как самим казахам, так и Российскому государству в целом.

Много вреда причиняло казахам и Уральское казачье войско, оно заинтересовано было, чтобы на внутренней стороне реки Урал оставалось по возможности меньше казахов, и поэтому всемерно поощряло обратное движение казахов. Помимо того, уральские крепостные коменданты сильно спекулировали на движении, на волнениях казахов, так как за пропуск казахов они брали крупные взятки, составлявшие источник их обогащения. Эти злоупотребления уральских пограничных начальников подтвердились рядом следствий, произведенных несколько позже царской администрацией.

Таковы были самые основные причины недовольства казахских трудящихся масс Букеевской орды. Но это недовольство еще более усиливалось под влиянием разных слухов, распространявшихся в орде в связи с теми или другими внешними и внутренними событиями. Так, еще в период войны 1812 г. во время формирования народного ополчения среди казахов стали циркулировать слухи о том, что царское правительство намерено заставить казахов нести службу в регулярных войсках, наравне с калмыками и башкирами. Это вызвало беспокойство казахов.

Затем в период усиления общеевропейской реакции, выражением которой стал "священный союз", где Россия играла главную роль, в "военных поселениях" стал создаваться суровый режим "аракчеевщины". По сути дела, "военные поселения" явились выражением усиления крепостного гнета во всей России, вследствие чего всюду вспыхивали крестьянские волнения, отголоски которых доходили и до Букеевской орды и порождали здесь разные толки. Казахи стали настораживаться. В связи с этим обстоятельством пронеслись по орде слухи о том, что будто бы царское правительство намерено перевести казахов на правый берег Волги и перевести их в крепостное состояние.

Слухи о переводе казахов в крепостное состояние особенно усилились после того, как в 1826 г. в Москве при вступлении на престол, Николай I в своей тронной речи провозгласил незыблемость крепостного права в России и, кроме того, заявил Манифестом, что крепостной строй остается по-прежнему. Хан Джангир, участвовавший со своей свитой в торжестве, возвратившись в орду, приступил к раздаче общественных земель в частное владение и к формированию особой гвардии из казахских жигитов. Это породило сильное недовольство казахов.

В довершение всех бедствий зима 1826 г. была исключительно тяжелой. Вследствие бескормицы пало очень много скота. Часть казахского скота, гонимая в буранные дни стужами, в поисках корма невольно забрела на земли соседних русских селений и произвела там потравы сена, стоявшего в стогах, почему она и была захвачена жителями этих селений. Это порождало много недоразумений.

Это обстоятельство явилось толчком к всеобщему движению казахов. Движения казахов были и раньше. Обычно казахи устремлялись за реку Урал. Так в 1818 г. султаны Ильтай Нуралиев и Каип-Галий Ишимов при содействии Каратая сделали попытку увести казахов Букеевской орды, но были остановлены уральскими казаками.

Весной 1827 г. Уральское казачество пустило слух о свободном пропуске казахов на внешнюю сторону реки Урал. Кроме того, пронесся по орде новый слух, что султан Каип-Галий со своими аулами уже откочевал за реку Урал и свободно пропущен уральскими казаками.

Под влиянием этих слухов казахи стали готовиться к переходу за Урал. В начале лета 1827 г. началось массовое движение. Но оно было стихийным, неорганизованным. Каждый аул действовал на свой страх и риск. Среди них не было вождя, который бы объединил это разрозненное общее стремление за Урал.

Вскоре вождь нашелся. Это был султан Каип-Галий Ишимов, который хотел использовать глубокое недовольство народных масс колониально-феодальным гнетом в своих династических интересах. Он стремился оторвать казахов от хана, увести их в зауральские степи и там, опираясь на Хиву, провозгласить себя ханом Малой орды.

Казахи массами стремились перейти за Урал. Первые партии, заставшие врасплох сторожевые посты, благополучно перешли Урал под предводительством Кусып-Галия Урманова, брата султана — правителя западной части. За ним перешло еще 300 кибиток.

Пограничное начальство отдало приказ силой оружия остановить движение казахов.

Мелкие группы казахов еще пропускались на внешнюю сторону Урала начальством форпостов за большие взятки. Особенно этим злоупотребляли офицеры Бородин, Назаров, Осипов и др. По этому поводу была ревизия Щеглова, вскрывшая злоупотребления этих форпостных начальников.

Движение казахов Букеевской орды приняло довольно широкий размах и имело враждебный к хану характер. Хан бежал. Но вскоре движение казахов было подавлено силами войска, предводитель движения Каип-Галий арестован, а казахи выдворены на свои места. Но тем не менее казахи не совсем успокоились.

Волнения букеевских казахов вызвали сильное беспокойство центрального правительства. Это объяснялось следующим обстоятельством. Царская Россия в период общеевропейской реакции, в первой четверти XIX в. усилив свою гегемонию на Западе, серьезно принимается за "восточный вопрос". Под видом "защиты своих единоверцев" она развила сильную агитацию среди христианских народов против Персии и Турции, уже начала войну с Персией (1826–1828 гг.) и готовилась к войне с Турцией (1828–1829 гг.). В ответ на это Турция стала призывать всех мусульман к поголовному ополчению против России. Царское правительство усматривало в волнениях букеевских казахов нечто вроде проявления внешнего влияния. В данном случае оно приписывало движение казахов Букеевской орды влиянию турок, как единоверцев казахов. Вследствие этого царское правительство поспешило командировать в Букеевскую орду сенатора Энгеля для проведения там глубокой ревизии. Сенатор прибыл в орду, когда движение казахов уже было подавлено.

Хан Джангир, стремясь показать орду с самой хорошей стороны, принял все меры, чтобы скрыть от сенатора ее действительное состояние. Своими предусмотрительными распоряжениями он разогнал с пути Энгеля всех казахов, кочующих там, с тем, чтобы сенатор знал не больше того, чем надо было в интересах хана. И, действительно, сенатор Энгель на всем своем пути движения от Оренбурга до Ханской ставки встретил всего не более 10 кибиток казахов, так как все здешние казахи заранее были далеко угнаны, так что он увидел лишь тишину голой степи.

Хан Джангир, собрав около себя самых преставительных султанов и старшин в сопровождении свиты выехал навстречу к Энгелю за 60 верст от его ставки. Он встретил Энгеля как "посланника царя", окружил его весьма большим вниманием и почестями и устроил ему довольно пышную встречу, нечто вроде "потемкинской деревни".

Хан Джангир очень хорошо сделал свое дело. Сенатор Энгель в орде не нашел ничего серьезного, и очарованный гостеприимством хана, был всецело на его стороне. Он даже не нашел нужным проводить в орде ревизию, а ограничился лишь некоторыми распросами. Сенатор объяснил "тишину степи"[1] не столько благоразумием народа, сколько "благоразумными распоряжениями хана". Он остался в совершенном восторге от мудрого управления хана Джангира, влиянию которого приписывал бескровное усмирение "столь дикого народа". При отъезде своем из Букеевской орды сенатор Энгель написал письмо Оренбургскому губернатору, в котором, между прочим,

[1] *Рязанов А.* Сорок лет борьбы..., стр. 285.

было сказано, что "восстание произошло из-за нелепых слухов". При этом он предупреждал губернатора, что в орде есть неблагонамеренные люди, которые "ложными слухами развращают народ". По возвращении Энгеля из орды центральное правительство было весьма удовлетворено.

Министр иностранных дел 7 мая 1828 г. сообщил Оренбургскому губернатору высочайшее благоволение за умелый выбор "лиц, посланных для умиротворения орды". Выражая по этому поводу свое удовольствие, министр писал, что "Киргизы увлеклись к мятежу не заграничными какими-либо происками и коварными влияниями врагов наших, а нелепыми слухами о каком-то намерении преобразовать их существование, слухами, в лживости коих легко можно было удостоверить киргизов и успокоить их"[1].

В 1829 г. многие аулы орды снова пришли в движение, стремясь прорваться за Урал. Во главе движения оказался опять Каип-Галий Ишимов. Однако движение было уже обессилено в самом начале самим же Каип-Галием, который добровольно предался на милость царской администрации. Он был арестован и отправлен в Оренбург, где был заключен в тюрьму, откуда в 1830 г. бежал и больше не возвращался в орду. Таким образом, трусливая осторожность Каип-Галия сорвала движение в самом его начале. Так безрезультатно кончились движения казахов 1827—1829 гг., возглавляемые султаном Каип-Галием Ишимовым.

Весьма странно объясняли причины волнений казахов царские чиновники и хан Джангир. Они считали эти причины то психологическими особенностями казахов, то разными слухами, то слабостью местных начальников и т.п., но почти никто из них не говорил о действительных причинах волнений — о колониально-феодальном гнете, о тяжелом социально-экономическом положении казахов, о тяжелых поборах хана и злоупотреблениях его султанов. Так, хан Джангир объяснял причины волнений букеевских казахов анархическим настроением казахов. В 1828 г. он писал Оренбургскому губернатору: "Киргизы наши любят жить за Уралом, там они хотят — так повинуются, а не хотят — так каждый считает себя за наибольшого, хотят — так платят зекет, а не хотят — так бьют того, кто требует его".

Дальше хан приписывал волнения букеевских казахов деятельности Каип-Галия, преувеличивая его значение и обвиняя его в возмущении и подстрекательстве казахов к переходу на внешнюю сторону. А о крайне бедственном положении казахов он ни одного слова не проронил.

---

[1] Там же, стр. 286.

Председатель Пограничной комиссии И. Генс объяснял причины движения казахов психологическими особенностями казахов. Он считал казахов "легкомысленным и ветреным народом", который по своей легкомысленности и впечатлительности готов был из-за всяких нелепых слухов бежать за Урал "как встревоженное стадо". Главной причиной волнений казахов 1827 и 1828—1829 годов Генс считал "слухи", распространяемые злонамеренными людьми. Причем он не указывает, что это за слухи, в чем они выражаются и откуда они исходят. Генс и Джангир объясняли причины волнений казахов также слабостью Уральских войсковых частей, допустивших эти волнения и не сумевших подавить их в самом начале. Таким образом, Генс и Джангир дали извращенную картину причин недовольства трудящихся масс Букеевской орды.

Так безрезультатно кончился первый этап общего движения казахов Букеевской орды. Пограничная администрация ничего не сделала для того, чтобы несколько улучшить положение казахов. Оно, напротив, неотступно поддерживало по-прежнему хана, султанов и баев, которые, оставаясь неуязвимыми, продолжали чрезмерно эксплуатировать и угнетать казахские трудовые массы, что не могло не вызвать взрыва народного возмущения.

Следующее крупное движение казахов Букеевской орды было в 1837—1838 гг. Народные массы, возмущаясь против произвола и вымогательства хана и его приближенных, выступили против их злоупотреблений. По размаху своему это движение было довольно широким, а по характеру — стихийным крестьянским движением, но, тем не менее, оно отличалось некоторой организованностью. Во главе этого движения встал Исатай Тайманов. Он был одним из самых влиятельных народных биев. "Умный, деловитый Исатай любил свободу и независимость, имел властный характер"[1]. Негодуя против невыносимого гнета и злоупотреблений хана и его приближенных, Исатай во главе народных масс, обрушился на аулы султанов и биев, осадил Ханскую ставку и стал подготавливать массовое откочевание казахов за реку Урал. Исатаю помогал его друг народный поэт Махамбет Утемисов, который пользовался большим авторитетом среди народа Букеевской орды.

Объединенные силы царской администрации и ханской власти разбили движение Исатая. Самому Исатаю удалось уйти от преследований царских карательных отрядов. Потеряв надежду на победу над

[1] История КазССР с древнейших времен до настоящих дней. КазОГИЗ, 1943 г., стр. 207

ханом Джангиром и отчаявшись, Исатай перешел за Урал и там соединился с султаном Каип-Галием Ишимовым. Оба они стали искать покровительства и защиты у хивинского хана. Летом 1838 г. Исатай, Махамбет и Каип-Галий со своими повстанцами были окружены вооруженными силами Генса на реке Акбулак. Исатай был убит, его друг и соратник Махамбет был казнен, а союзник Каип-Галий бежал в Хиву.

После подавления восстания Исатая Тайманова положение народных масс еще более ухудшилось. Царское правительство ничего не сделало для облегчения положения народа. Мало этого, произвол хана и его поборы еще больше возросли. Злоупотребления султанов и старшин стали еще больше. Султаны и баи, имущества которых были разгромлены восставшими, стали преследовать участников восстания Тайманова и на них стали вымещать всю свою злобу.

Но тем не менее, движение масс еще не совсем улеглось. Все еще продолжалось глухое брожение. Ненависть трудовых масс против хана и феодально-байской знати – родоправителей, биев и старшин все более усиливалась, выливаясь в некоторых случаях в открытые выступления.

Однако движение масс в последующий период не могло иметь прежней силы. Оно стало постепенно спадать, принимало более пассивный характер. Вожаки, предводители народных масс боролись против произвола феодально-байской верхушки не путем вооруженных восстаний, а путем подачи жалоб на хана и султанов царской администрации, надеясь при этом найти правосудие у царских чиновников, что лишний раз свидетельствует о слабости движения. Примером может служить движение Аппаса Кушаева.

Аппас Кушаев, не видя из-за дерева леса, стремится от имени масс подать жалобы на произвол хана и злоупотребления его султанов царским чиновникам и ищет у них покровительства, защиты и правосудия.

Ввиду того, что такого рода движения представляют собой большой интерес, рассмотрим его несколько подробнее.

В 1839 г. хан Джангир, узнав, что Аппас намеревается ехать с жалобой в Оренбург, приказал задержать и посадить его в каземат при ставке. Аппас бежал, но вскоре он снова был задержан и посажен в тюрьму, где его держали целый год, после чего он был отпущен на поруки. Но Аппас не переставал выступать против хана. 3 ноября 1842 года Аппас Кушаев с казахом Мусой Лаубаевым явился к наказному атаману Бизянову и жаловался на произвол хана и его биев. Они заявили, что желают ехать в Оренбург к губернатору с жалобой на хана. Атаман Бизянов их обоих в сопровождении казака отправил в

Оренбург. В Оренбургской пограничной комиссии они снова повторили свои показания, данные ими в Уральске. Вот краткие выдержки из их показаний:

"Киргизы по распоряжению хана – начали они свои жалобы – наделены были землею, за что в свое время хан взыскал с них "большое количество верблюдов. Ныне же хан отбирает эти земли у них и перепродает их другим. Ежегодно хан делает с киргизов большие денежные сборы". Тут приводятся ими подробные цифровые данные с указанием родов, уплативших эти сборы. Дальше говорится, что хан "каждогодно осенью с каждой кибитки на зарез для ханского стола по одной хорошей лошади или деньгами по 70 руб.". Перед отходом табунов на зимние пастбища с каждого табуна берутся по 2 лошади, а с баранов по 2 барана со стада. Собирается с каждой кибитки сена, сколько навьючится на одного верблюда, а кто не имеет сена, тот должен дать 2 рубля. С зажиточных киргизов берется по 3 сажени белой кошмы". В подарок хану собираются также верблюды, которые затем продаются в Астрахани и др. местах. По приказу хана собирается зекет и татарским муллам, которых очень много в казахских родах и отделениях. У хана имеются письмоводители, которых не меньше 10 человек, каждому из них собираются деньги в сумме 1000 рублей в год, и на канцелярские расходы – 1000 руб., а правителю канцелярии до 3000 руб. Собираются пошлинные деньги с продаваемого киргизами скота по 1 руб. с головы, где бы продажа не производилась. Затем они говорили о злоупотреблениях ханских сборщиков, которые "объявляя волю хана производить сбор, стараются как можно больше умножить количество денег, из которых отправляя хану назначенную им сумму, остальные затем берут в свою пользу". "Сборы эти делаются в разное время для большего успеха и чтобы не произошло возмущения". Дальше они говорили, что "ханом назначены особые сборщики над киргизами, кочующими на берегах Каспийского моря, которые по воле хана ежегодно собирают кроме ханского сбора половинную часть оного собственно для себя". Сборщиком ногайского рода был шурин хана Хусеинов, которому "по приказу хана отдано 700 лошадей, а потом он уже сам каждогодно собирает для себя половинную часть ханского сбора". Затем говорили они, в каждом роду имеется депутат для бытия при следствиях, которому ханом дано право пользоваться от киргиз нужными припасами по своему произволу. Говорили еще, что "хан назначает с каждого рода по одному человеку в служители при себе, которым собирается с народа жалование от 150 до 300 руб. каждому, по 4 лошади для разъезда и одежда". Кроме того Аппас Кушаев заявил, что у казахов султаны часто отбирают баранов, верблюдов и лошадей. Так, бий У. Чумбалов, по приказу хана, захватил у

него из конского табуна 6 самых лучших лошадей и передал их зятю хана, а султан Менгли-Гирей захватил на ярмарке еще 22 лошади.

"Представляя все эти притеснения со стороны хана и его султанов на благорассмотрение Пограничной комиссии, они просили обратить начальническое внимание на утеснение народа"[1].

В этом документе мы видим полную картину того, как и в какой мере эксплуатировались трудовые массы букеевских казахов ханом Джангиром и его султанами.

Пограничная комиссия не только не принимала никаких мер против явных злоупотреблений хана и его султанов, но, напротив, по требованию хана она арестовала "жалобщиков" и посадила в тюрьму. 16 января 1843 г. был арестован еще один казах маскарского рода Лаубай Мантаев, бывший участник Исатаевского движения, который также привез Пограничной комиссии несколько документов о злоупотреблениях хана и султанов. По делу их было произведено следствие, которое окончилось осенью 1843 г. Все арестованные были отпущены в орду под надзор хана.

Но царская тюрьма еще больше усилила их ненависть к угнетателям. Вернувшись в орду Аппас и Лаубай не только не повиновались хану, а, напротив, стали разъезжать по аулам и призывать казахов не платить зекета, не подчиняться хану и султанам. Призывы их нашли сочувствие среди народных масс и около них стали собираться недовольные. Это вызвало сильное беспокойство хана, султанов и старшин. В декабре 1843 г. Аппас Кушаев с двумя братьями был уже арестован. При Аппасе была найдена новая жалоба за подписями 206 человек из разных родов. В этой жалобе было обрисовано крайне тяжелое положение разоренных казахских масс, произвол хана и возмутительные злодеяния султанов.

В марте 1844 г. хан отправил Аппаса и Лаубая с их соучастниками в Уральск для предания военному суду. Там они были заключены в острог. По их делу было назначено следствие, которое продолжалось с перерывами до 1847 г. В 1847 г. Лаубай Манжаев, Турка Кумаев (брат Аппаса) и Каратау Алдияров умерли до суда. 22 июля 1847 г. Оренбургская пограничная комиссия постановила: "Аппаса Кушаева, обвиняемого в непослушании покойному хану Джангиру Букееву и в произведении между киргизами разных смут, заключавшихся в том, чтобы они следующий зекет хану не платили, а ему не подчинялись, также в составлении ложных от имени киргизов просьб на притеснение их ордынским начальством и поборы и наконец в самовольном

[1] КазЦАУ, ф.4, д. 2029, стр. 253–258.

переходе на Зауральскую сторону", сослать в крепость Аланд Лифляндского инженерного округа в числе крепостных арестантов на 4 года, причем по окончании этого срока отдать его в солдаты, а если окажется негодным, то сослать на поселение в Иркутскую губернию. Джанибек Кошаев был приговорен к ссылке в Аланд на 2 года с таким же условием, что и Аппас. Остальные двое были отпущены в орду[1].

Так закончилось это новое своеобразное проявление недовольства казахов Внутренней орды произволом феодально-байской верхушки.

[1] КазЦАУ, ф.4, д. 2029, стр. 253–258.

Глава IX. Влияние русской культуры на казахов Букеевской орды

Колониальная политика царизма сопровождалась насилием и произволом. Она подавляла всякое проявление самостоятельности, преграждала все пути к росту и самостоятельному развитию казахского народа, сдерживала развитие его производительных сил, всемерно толкая его на путь ассимиляции и вымирания. Букеевские казахи попали в орбиту капиталистических отношений. Товарно-денежные отношения внедрялись и проникали в казахские массы и пускали там глубокие корни. Торговля развивалась в орде и весьма разорительно действовала на кочевое хозяйство, выкачивая из него все соки, и, тем самым, усиливала процесс дифференциации казахского населения.

Дифференциация казахов заключалась в том, что они по занимаемому в орде экономическому положению, стали делиться на разные категории. Из среды самих казахов стали выделяться крупные купцы, торговцы (вроде самого хана, ходжи Бабажанова и др.), которые в союзе с крупными русскими купцами грабили казахские массы. Из них также выделялись среднего типа торговцы, которые, являясь посредниками между крупными торговцами и низовыми слоями казахского населения, возили русские фабрикаты в глубь степи и тем самым все более расширяли сферу торговли.

Процесс дифференциации букеевских казахов особенно усилился в результате захвата общественных земель в частное владение феодально-байской верхушкой. Самые лучшие земельные массивы отошли в исключительное пользование султанов, баев, а основные казахские массы были обезземелены или в самом лучшем случае, оттеснены на худшие участки. На этой основе произошло сильное расслоение казахов.

С одной стороны, выделилась в обособленную группу небольшая кучка землевладельцев, которые стали пользоваться землей не как общинной, как было прежде, а уже как своей частной собственностью. Поэтому они стали сдавать свои отдельные земельные участки тем, кто нуждался в земле.

С другой стороны, основные массы кочевников оказались в крайне тяжелом положении. Они лишились земли, потеряли свои пастбища, им негде стало вести свое кочевое хозяйство. Для ведения коче-

вого хозяйства они теперь вынуждены арендовать землю у помещиков, у Уральского казачьего войска или у своих султанов и баев. За пользование "чужой" землей казахские массы платили или деньгами, или скотом, или же отработкой. Иного выхода им не оставалось.

Таким образом, среди букеевских казахов возникла совершенно новая форма землепользования – арендная форма землепользования, – чего до этого времени не было в казахской действительности.

Но арендовать землю и платить за нее могли только зажиточные казахи, а широкие низовые массы такой возможности не имели и в конце концов остались без земли. Безземельные казахи вскоре потеряли и свой скот – основное средство своего существования.

Экспроприация земель общего пользования почти полностью разрушила кочевое хозяйство широких казахских масс и прямиком привела их к разорению и обнищанию. Создалось невыносимо тяжелое для этих низов положение. Они искали выхода из этого положения. Одним из выходов для себя они считали уход за реку Урал, но туда их не пускали, а при попытке прорваться – силой штыков возвращали на старые места.

Казахская беднота, оказавшись в крайне тяжелом положении, вынуждена была искать себе пропитания. Часть ее в поисках средств существования стала ютиться около своих богатых сородичей, обслуживая бесплатно их обширное скотоводческое хозяйство. Родовая султанско-байская знать под видом "помощи" отдавала этим беднякам "майн" и "саун" и посредством такой "помощи" сделала своих обнищавших сородичей объектом самой безжалостной эксплуатации.

Было немало казахов, которые в поисках пропитания уходили в отходничество – на разные промыслы: соляные, рыболовные, на уральские заводы и пр., уходили также и в соседние русские селения в пастухи и батраки и т.п. Часть бедных казахов, научившись русскому языку, "поступала на работу в качестве чернорабочих или переводчиков", к разъезжавшим по Букеевской орде купцам, перекупщикам, торговцам, прасолам.

Однако не все разорившиеся казахи устроились таким путем. Основные же массы все же остались неустроенными. Они оторвались от кочевания, высвободились из-под опеки кочевого скотоводческого быта, стремились переключиться на другие формы хозяйствования, стали искать средства к существованию уже другими путями, одним из которых для этих масс становится переход к оседлому земледелию. Оседание делается главной потребностью казахских масс и становится делом неизбежным.

Оседлость также нужна была и султанско-байской знати. Сконцентрировав в своем частном владении самые лучшие земельные мас-

сивы кучка казахской феодально-байской верхушки также сконцентрировала у себя и основное богатство казахов – скот.

В условиях сильного проникновения капиталистических отношений продукция кочевого скотоводческого хозяйства стала принимать товарный характер, что требовало ее увеличения и качественного улучшения.

Открывалась новая перспектива интенсификации скотоводческого хозяйства путем полного использования всех пастбищных угодий, увеличения поголовья скота и улучшения его породы. Это становилось возможным лишь при условии перехода к стойловому кормлению скота. Это обстоятельство, в свою очередь, породило необходимость более широкого использования наемной рабочей силы в крупных султанско-байских хозяйствах. Однако интенсификация скотоводческого хозяйства была немыслима без оседания казахских масс. Поэтому у казахских султанов и баев также обнаружилась тенденция к оседанию.

Таким образом, вопрос об оседании казахов Букеевской орды становится общим, и в этом смысле интересы основных масс почти совпадали с интересами султанско-байской верхушки.

Вопрос об оседании казахов уже давно был поднят царским правительством. Еще правительство Екатерины II проводило политику оседания казахов. В нем царское правительство усматривало верное средство "укротить их буйный нрав" для того, чтобы обеспечить безопасность караванной торговли со Средней Азией. Для поощрения оседания казахов правительство тогда отпускало большие средства на постройку "дворцов ханам и султанам", примеру которых, по мысли царского правительства, должны были последовать казахские массы. Все эти мероприятия дворянского правительства, разумеется, не имели тогда успеха даже среди ханов и султанов, так как они тогда не отвечали ни политическим, ни хозяйственным интересам кочевников. Казахи укочевывали тогда в глубь степей, делая тысячекилометровые переходы, и пользовались обширными пастбищами, которые предпочитали всяким "дворцам" и дворам.

В совершенно иных условиях жили казахи Букеевской орды. Окруженная военными крепостями, она имела ограниченные кочевья. К тому же ее территория подвергалась частным урезкам, границы ее часто менялись. Путем дополнительного вселения казахов из-за реки Урал проводилось уплотнение населения орды.

Казахи орды превратились в "поданных Российской империи". Под влиянием роста товарно-денежных отношений и феодализации казахских земель создались новые экономические условия, вызвавшие всеобщее стремление казахов к оседанию, а отсюда, и к земледе-

лию. Но это стремление встретило препятствие со стороны пограничной администрации, которая оказалась теперь против оседания казахов. Она всеми мерами мешала развитию у казахов земледелия, запрещала им строить себе небольшие жилища, даже заставляла сносить уже построенное ими в некоторых местах жилье.

Царское правительство рассматривало переход казахов на оседлость как переход к земледелию, которое, по его мнению, могло, во-первых, вызвать упадок скотоводческого хозяйства у казахов, и, во-вторых, могло создать конкуренцию на хлебном рынке, – а это не входило в план царской администрации, которая смотрела на Букеевскую орду, как на сырьевую базу для внутренних рынков Российской империи.

Политику царского правительства относительно развития земледелия у казахов один из царских чиновников выразил так: "Оно причинит вред русским и сделает подрыв меновой хлебной торговли пограничных жителей с дальними родами, кайсак дальней орды скорее доверится кайсаку же и променяет ему скот с большей охотой, нежели русскому, которому придется получать баранов из вторых рук, следовательно, с меньшей выгодой. Поэтому-то земледелие киргизов, отвлекая их от скотоводства, которое однако делается полезным для России, лишит значительную часть пограничных жителей единственного и легчайшего сбыта произведенного, отклонить киргизов от земледелия необходимо, а достигнуть этого возможно поощрением скотоводства, раздачей наград и разных льгот тем из них, которые более других успеют в этом"[1]. Кроме того, переход казахов на оседлость и развитие земледелия могли вызвать уменьшение всего поголовья скота, а это означало сокращение вывоза сырья и продуктов скотоводческого хозяйства на внутренние рынки.

К тому же царские чиновники, будучи заинтересованы в сохранении этой экстенсивной формы скотоводческого хозяйства казахов на одном и том же уровне, старались по возможности законсервировать эту форму хозяйства, ибо она создавала, с точки зрения этих чиновников, самые благоприятные условия для полного успеха колониальной политики, для распыления и растворения казахских масс.

Но как ни старались царские чиновники, все же не могли приостановить колесо истории, исторический процесс неудержимо развивался дальше. Процесс оседания казахов начался стихийно. В некоторых местах стали появляться зимние жилища: землянки, лубяные избенки, мазанные глиной и т.п. Переходящим на оседлость казахам

[1] *Бларамберг И.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков..., СПб, 1848 г., стр.102.

большим препятствием было отсутствие стройматериалов на территории Букеевской орды.

В год коронования Николая I, т.е. в 1826 г., хан Джангир был в Петербурге у царя, а на обратном пути – в Москве, он выпросил у царского правительства 35 000 рублей на постройку себе "дворца", который был выстроен в 1827 г. в северо-западной части Букеевской орды, урочище Жаскус, где впоследствии появился большой поселок, названный казахами Хан-Урдасы, т.е. Ханской ставкой. Вскоре в Урде появились и дома султанов, приближенных хана. Таким образом, 1827 г. был официальным началом оседания букеевских казахов.

Вслед за ханом в разных местах стали возводить себе жилища султаны-правители, старшины и те простые казахи, которые в состоянии были построить себе что-нибудь. Спустя некоторое время, несмотря на отсутствие строительных материалов кроме камыша и глины, в разных местах Букеевской орды уже появились жилые дома, землянки, появились и "жатаки", т.е. осевшие бедняки. Султаны, старшины и баи жили в зимних жилищах лишь зимою, а летом уходили на джайляу (летовки), при этом на своих зимовках они обычно оставляли жатаков (своих обедневших и отставших от кочевания сородичей), которым в виде "помощи" оставляли "саун". Жатаки, будучи не в состоянии самостоятельно строиться, пользовались байской "помощью" и, оставаясь на их зимовках сторожили эти зимовки, накашивали им сена и выполняли другие работы.

Переход букеевских казахов на оседлость и к земледелию был закономерным процессом. В условиях Букеевской орды этот процесс произошел вследствие изменений условий хозяйственной жизни казахов, в связи с основательной пауперизацией казахских масс. При этом он проходил очень быстро, так что сам хан Джангир был "изумлен" его скоротечностью. Ниже приводится документ, где хан Джангир описывает переход казахов на оседлость. Вот, что он пишет:

"Пример, который я подал к домозаведению, и мои личные убеждения побудили родоначальников и некоторых старшин к постепенному устройству домов и землянок с некоторыми хозяйственными принадлежностями. Простые киргизы мало-помалу начали устраивать и свои землянки. Стремление к таким постройкам, при почти всегдашних холодах зимой, развивалось так быстро, что я сам изумлен был многочисленностью землянок: число их во всей степи далеко заходит за тысячу. Каждый зажиточный киргиз думает и старается, несмотря на трудность доставки и дороговизну леса, сделать себе землянку. Все эти жилища в орде можно разделить на зимовые ставки родоначальников и зимовки старшин и простых киргизов. Первые находятся на зимовых местах, занимаемых родоначальниками, и со-

стоят из небольшого дома для самого родоначальника и 2–3 землянок для других помещений и самых необходимых небольших хозяйственных построек. Вторые, ставки старшин и простых киргизов, расположены на участках, назначенных мною отделениям родов для зимнего их кочевания. На зимовки султаны, старшины и простые киргизы прикочевывают с наступлением осенних холодов, кто имеет дома или землянки, тот живет в них, а у кого их нет, тот по-прежнему живет в кибитке до наступления теплого весеннего времени. С этой поры все уходят со скотом на летние пастбища, в степь и кочуют опять до осени, до холодов"[1].

Как видно из этого документа, хан Джангир совершенно по-другому объясняет причины – переход казахов к оседлому образу жизни он всецело ставит себе в исключительную заслугу.

Хотя почвенно-географические и атмосферные условия территории Букеевской орды не совсем были благоприятны для получения значительного урожая, ход развития исторического процесса неизбежно привел букеевских казахов к земледелию. Почти одновременно с процессом оседания и в связи с ним началось и земледелие.

Живя летом и зимою на одном и том же месте, жатаки по возможности старались выращивать для себя просо и пр. Это уже было началом перехода букеевских казахов к земледелию.

Вскоре жизнь казахов Букеевской орды стала претерпевать серьезные изменения. Часть кочевников стала полукочевниками, а обедневшие казахи уже превратились в жатаков, т.е. оседлых.

Родоначальники – султаны, старшины, баи и зажиточные казахи с наступлением весны уходили в степь, на жайляу, где кочевали целое лето, до наступления осенних холодов. Теперь общественный жайляу оказался в их исключительном пользовании, так как обедневшие массы уже давно отстали от кочевания. Осенью они возвращались на свои зимовки, где проводили зиму. Такое чередование пастбищ у баев было и раньше. Но разница тут заключалась в том, что раньше богачи и зимой кочевали, а теперь они зимой не кочевали, а уже жили в теплых жилищах. Таким образом имущий класс казахского общества (султаны, старшины и др.) стал вести полукочевой образ жизни.

Итак, в Букеевской орде было положено начало оседлости казахов. Дальше продолжалось развитие этого процесса. Казахи оседали там, где находили себе более или менее удобные места, пригодные для земледелия. Переходя на оседлость, казахи обычно жались ближе к русским селениям. Это объяснялось, во-первых, тем, что вблизи

[1] *Солдатенков К.* Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской орды, М., 1859 г., стр. 85–86.

русских поселков почвенный покров земли был несравненно лучше, чем где-нибудь дальше от русских селений, в песчаных местностях, во-вторых, близость к русским поселкам была выгодна казахам, так как облегчала им доставку необходимых на первый период оседлой жизни материалов: стройматериалов, сельскохозяйственного инвентаря, предметов домашнего обихода и т.п. Такие материалы казахи легко выменивали себе в русских селениях. Кроме того, это самое главное, соседство с оседлым русским населением побуждало интерес к земледелию, облегчало обмен между казахами и русским населением и благотворно повлияло на казахов в смысле усвоения последними некоторых навыков земледелия, жилищного и хозяйственного строительства, и, в частности, методов ведения земледельческого хозяйства. Во всем этом и сказалось огромное влияние русской культуры на казахов Букеевской орды, и это влияние имело для них исключительно важное значение.

Оседлый образ жизни требовал от казаха переустройства стада, организации его стойлового кормления, его отгонного содержания, заготовки корма и т.п. Таким образом создавалась устойчивость поголовья скота, а отсюда и рост его продуктивности и товарности.

Характерно то, что раньше у казахов было мало рогатого скота, по сравнению с другими видами скота. Это объясняется тем, что зимой, в условиях кочевого хозяйства, рогатый скот требовал большего ухода за собой, он не способен доставать себе корм из-под снега. Кроме того, он часто подвергался эпизоотии. Теперь же, в связи с переходом казахов на оседлость и стойловое кормление, разведение рогатого скота стало более рентабельным. Казахи стали переходить к молочному хозяйству.

Байские стада несравненно лучше перестраивались, чем у бедных, так как они находились в более благоприятных условиях. Они имели лучшие участки для заготовки корма для скота, применяли в своих хозяйствах более совершенную технику. Разумеется, баи в своих хозяйствах применяли труд рабочих, которыми являлись, главным образом, свои обнищавшие сородичи.

Процесс оседания казахов и переход их к земледелию коренным образом изменил жилищно-бытовые условия букеевцев. Появилась новая обстановка, новые предметы домашнего обихода, новая утварь и т.д. Изменение хозяйственной жизни вызвало и изменение всей бытовой стороны казахов.

В Букеевской орде начался процесс просвещения казахов. За малым исключением, казахи были почти поголовно неграмотны. Они считались мусульманами, но казахских мулл было мало. В основном муллы были из татар, их влияние было очень сильным.

Делопроизводство в ханской канцелярии велось на татарском языке. Поэтому многие казахские имена и отдельные слова были искажены и переиначены на татарский лад. Некоторые из этих искаженных слов вошли и в русскую литературу. Так, например казахское имя "Сыгай" изменено татарскими муллами в "Шигай", "байгус" – в "байгуш", казахи произносят "зекет", а татары "закят" и прочие. Влияние татарских мулл особенно усиливалось со времени женитьбы хана Джангира на дочери оренбургского муфтия Хусеинова. После женитьбы хана усилился приток в орду татарских мулл.

До самой смерти хана Джангира в их руках находилось, главным образом, обучение и воспитание казахских детей.

Когда была открыта первая мусульманская школа в Букеевской орде, точных сведений не имеется. Но известно, что "мектебе" открывались еще при хане Букее. Вскоре число татарских школ стало увеличиваться. В первое время помещением для них служила кибитка и зимою, и летом. С течением времени стали строиться теплые помещения. Постройка мечети, приглашение мулл из татар и прикрепление кочевников к определенному пункту проводились с ведома пограничных начальников. Так, 29 июля 1820 г. Джангир (тогда еще он не был ханом) ходатайствовал перед Оренбургским генерал-губернатором Эссеном о награждении войскового атамана Скворцова за то, что он способствовал постройке мечети и училища[1]. Муллы в Букеевской орде обычно утверждались ханом. Но были и частные неутвержденные муллы. Их приглашали баи, которые отдавали им в ученье своих детей. В большинстве случаев муллы сами были малограмотными.

Обычно учеба среди кочевников происходила на жайляу (летовках), куда казахи выкочевывали большими группами, а в населенных пунктах учеба проводилась при мечетях или в какой-либо частной землянке. Учеников в таких школах было не более 10–15 человек.

Что касается программы учебы, то она состояла в заучивании арабского алфавита, в чтении и письме, в заучивании наизусть молитв, правил их совершения и некоторых выдержек из Корана.

Муллы каждую пятницу получали от учеников "жумалык" (пятничный) – недельный подарок. Родители учащихся нередко делали мулле более солидные приношения натурой.

Несмотря на то, что число татарских мулл в орде с каждым годом становилось все больше и больше, грамотность слабо развивалась. В таком виде татарские религиозные школы продолжали существовать в Букеевской орде почти до 70-х годов XIX века. Более или менее точные сведения об обучении казахских детей мусульманской грамоте

[1] КазЦАУ, ф.78, оп.1, д.20, л.70.

мы имеем со второй половины XIX века. В 1861 г. всех мусульманских школ, т.е. мектебе в Букеевской орде насчитывалось 55 с 1300 учащимися, в 1866 г. – 93 мектебе с 3141 учащимися, а в 1872 г. – 154 мектебе с 3821 учащимися.

Министерство народного просвещения в Собрании распоряжений за 1870 г. перед образованием "инородцев" ставило такую задачу: "целью образования всех инородцев, имеющих в пределах нашего отечества, бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом". В том же 1870 г. (26-го марта) царское правительство издало особое Положение об инородческих школах. Этим положением вводилось в "инородческие школы" обязательное обучение русскому языку. Но некоторые татарские муллы отрицательно отнеслись к этому положению и даже противились ему. Вследствие этого оренбургский муфтий прислал муллам циркулярное постановление о введении в своих школах русского языка, после чего муллы вынуждены были ввести его. А казахский язык в этих школах так и не был введен.

По официальным данным, в 1872 г. число мусульманских школ в Букеевской орде составляло 157 с 3821 учащимся. В последующие годы число таких школ стало сокращаться. Так, по сведениям инспектора ордынских школ в 1888 г. в орде было 52 мектебе с 1262 мальчиками и 102 девочками.

Такова была картина мусульманских школ в Букеевской орде с начала образования орды до ее ликвидации.

Теперь переходим к описанию положения русской школы в Букеевской орде.

Как нам известно, школьное образование определялось основами "русской государственности". Под этой фразой, как известно, понималось "самодержавие, православие и народность". Правда, в Букеевской орде делались некоторые уступки в зависимости от местных условий.

Первая русская школа в Букеевской орде была открыта 6-го декабря 1841 г., и с этого времени было положено начало русскому образованию. В первое время на содержание этой школы ханом Джангиром отпускались небольшие средства из ханской казны. Для казахских детей был открыт при этой школе пансион. В школу допускались также приходящие, из татар и русских, проживающие в ставке. Так было поставлено дело образования при хане Джангире.

Уже после смерти хана, в 1848 г. последовал царский указ об отнесении содержания школы за счет податного сбора в сумме 1404 руб. в год. А впоследствии к этой сумме было прибавлено еще 251 руб. Весь штат служащих школы состоял из следующих лиц: два учителя, из которых один с жалованием 250 руб., а другой 150 руб. в год, один надзиратель с жалованьем 50 руб. и два служителя по 25 руб. На

учебные пособия отпускалось 50 руб., на пищу учителям, 20 воспитанникам, надзирателям и служителям – 805 руб., а на одежду воспитанникам, ремонт и отопление помещения – 300 руб.

Один из учителей с окладом в 250 руб. обучал детей русскому языку, чистописанию, грамматике и арифметике, а другой обучал казахскому, персидскому и арабскому языкам и был "законоучителем магометанского исповедания". Вопрос об учителях в Букеевской орде был очень трудным. Отсутствие подготовленных учителей немало препятствовало делу образования. Первым учителем и заведующим школой был ветеринарный врач Ольдеко. И впоследствии учителями школы назначались случайные люди, иногда служившие в совете. Так, в 1862 г. ветеринарный врач Яковлев преподавал русский язык, арифметику преподавал переводчик совета есаул Рогожников (и разные чиновники совета, также занятые своим делом). Школа была запущена: регулярных занятий не велось. Помещение школы состояло из классной комнаты, двух комнат для спальни, кухни и карцера. Воспитанники спали вповалку.

В 1861 г. в ставке при школе было открыто геодезическое отделение с трехлетним обучением, в котором 6 учеников занимались изучением межевого дела под руководством командированного в орду для геодезических работ офицера. В 1879 г. ставочное училище было преобразовано в двухклассное училище, в котором обучалось 45 пансионеров и 14 приходящих из детей русских и армян, проживавших тогда в Ханской ставке.

Вначале ордынские школы находились в ведении Временного совета по управлению Букеевской ордой.

Царским чиновникам необходимо было ослабить влияние мусульманского духовенства на образование казахов. Для осуществления этой задачи председатель совета, полковник Герн выдвинул вопрос об открытии школ при участковых управлениях, где бы казахские дети обучались русскому и казахскому языкам и арифметике. Не дождавшись разрешения этого вопроса, Временный совет уже стал открывать школы при участковых управлениях. Помещением них служили землянки, а летом кибитки. Учителями могли быть письмоводители правителей и их переводчики.

17 октября 1866 г. последовало разрешение правительства учредить при участковых управлениях семь первоначальных школ для казахских детей. На обзаведение школ единовременно было отпущено 1050 руб. и на содержание их с 1867 года по 6580 рублей.

В каждой школе предполагалось по 25 воспитанников из казахов. Допускались ученики приходящие. На учителя школы возлагалась и обязанность смотрителя школы. Срок обучения составлял 4 года.

Программа состояла в обучении чтению и письму на казахском и русском языках с переводом с казахского языка на русский и обратно, в объяснении граматических форм обоих языков и в усвоении четырех арифметических действий. Допускалось и применение ланкастерского способа обучения.

Школьные здания строились на средства старшинств. В 1867 г. они были уже построены во всех частях орды и расположены следующеим образом:

Торгунская школа при озере Шолак-Копа находилась в 7 верстах от Ханской ставки, Калмыцкая в урочище Шунгтай – в 55 верстах от ставки, Таловская при Таловском форпосте – 140 верстах, Камыш-Самарская – около Глининского форпоста в 180 верстах, Нарынская на урочище Уялы-Куль близ Толенгутской станции в 115 верстах, школа I округа на Каспийском побережье около управления Кокаровского Кордона в 320 в. и школа II округа на Каспийском побережье около упраздненного Бокаевского кордона в 280 верстах от Ханской ставки.

Первыми учителями этих школ были: три казаха из обучавшихся межевому делу при ставочной школе, один ученик этой школы и один башкирский офицер, окончивший гимназический курс. Для остальных школ не было учителей. Председатель совета возбудил ходатайство перед попечителем Казанского учебного округа о подготовке учителей для Букеевской орды. Но оно было отклонено.

Как уже было сказано выше, все ордынские школы находились в ведении Временного совета. В 1874 г. эти школы были переданы в ведение Оренбургской дирекции народных училищ. В силу высочайше утвержденного 14 января 1877 г. положения Комитета Министров учебная часть осталась в ведении Оренбургского учебного округа. В 1879 г. был назначен особый инспектор казахских школ Букеевской орды, и с этого времени учебная часть в орде поступила в его ведение.

В 1883 г. в Ханской ставке было открыто так называемое начальное училище с интернатом на 20 казахских и русских девочек.

С 1883 г. по 1889 г. в Ставочном двухклассном училище число обучавшихся было 243 учащихся, из них окончило курс обучения всего 26 человек, а в остальных школах за эти же годы всего обучалось 822 воспитанника. В 1889 г. всех мужских школ было 7 (при 230 тыс. населения обоего пола), одна школа приходилась на 32 857 человек.

Скажем несколько слов относительно школ более высокой ступени. Дети султанов и баев получали и среднее, и высшее образование. Для них открывалась дорога к более высоким должностям и чинам Российской империи.

Если раньше пограничная администрация проводила свою колонизаторскую политику среди казахского народа руками ханов и султанов, то теперь она продолжала проводить ту же самую политику, но опираясь на создаваемую ею же казахскую интеллигенцию из детей султанской и байской знати. Получив среднее и высшее образование, они тем самым имели возможность создавать себе значительную карьеру – и служебную, и экономическую. Достигнув довольно высокого положения в политической и общественной жизни, эти образованные казахи сговаривались с представителями народившейся уже русской буржуазии, включившейся в общее русло капиталистических отношений, совместно с ней выжимали все соки из своих же сородичей.

Дети знатных казахов поступали в средние или высшие учебные заведения Российской империи, где для них специально учреждались определенные стипендии. Еще при хане Джангире, в 1841 г., при Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, существовавшем с 1824 г., учреждено было 10 стипендий для детей знатных казахов "белой кости" Букеевской орды. На содержание стипендиатов ежегодно отпускалось 1300 рублей из средств этой же орды. Дети знатных казахов посылались в азиатское отделение кадетского корпуса, где воспитанники получали военное образование. По окончании курса воспитанники-казахи не принимались на военную службу, они не использовались по военной линии, а их назначали на разные административные должности в орде. Но их было очень мало для Букеевской орды. Стал чувствоваться большой недостаток в кадрах – казахах, в достаточной мере грамотных по-русски. Для увеличения числа образованных казахов, преданных царской администрации, председателем совета в 1860 г. было возбуждено ходатайство об учреждении 10-ти стипендий при Казанском университете по медицинскому и камеральному факультетам и 25 стипендий при технических ремесленных и хозяйственных школах империи. Но оно не было удовлетворено. Почти до 1865 г. продолжалась посылка казахских детей в Оренбургский кадетский корпус.

В 1866 г. Неплюевский кадетский корпус был преобразован в военную гимназию, в связи с чем прием стипендиатов был прекращен (принятые же в низшие классы были исключены). Окончивших курс в Неплюевском корпусе насчитывалось до 20 человек.

В 1868 г. в Оренбурге открылась гражданская гимназия, где на средства казахов было учреждено 30 стипендий для детей казахов Зауральской и Букеевской орды. Из этого числа в 1871 году было выделено 8 стипендий для детей букеевских казахов.

В 1878 г. по ходатайству казахов Букеевской орды Астраханский губернатор возбудил вопрос о переводе казахских стипендий из Орен-

бургской гимназии в Астраханскую. Но Министерство внутренних дел не согласилось на это. С 1872 г. по 1882 г. в Оренбургской гимназии окончили курс три ордынских стипендиата, из которых один вскоре умер, а двое поступили в Санкт-Петербургский и Казанский университеты на филологический факультет. Впоследствии они занимали должность участковых правителей в орде.

В 1875 г. на средства казахов Букеевской орды были учреждены еще три стипендии: одна при пансионе Астраханской мужской гимназии и две стипендии в Оренбургском детском приюте – для казахских девочек.

Дети хана Джангира получили специальное образование и воспитание в Пажеском корпусе. Царское правительство пожаловало их в княжеское достоинство, с переименованием их в Чингис. Первый сын вскоре после смерти отца умер. Второй сын Ибрагим Чингис по указу царя был зачислен в гусарский полк, был адъютантом генерала Перовского, участвовал в 1853 г. в хивинском походе. Третий сын хана – Ахмет Гирей 15 августа 1879 г. был внесен в V-ю часть дворянской книги Самарской губернии и по Ново-Узенскому уезду. Был гвардии полковник. В 1864 г. был уволен в отставку[1].

[1] Фонд Герольдии, N1343, "О дворянстве рода Чингиза", Л.

Заключение

Образование Букеевской орды было тесно связано с разложением Малой орды, которое явилось результатом осуществления колониальной политики царского правительства. Путем деления части казахов Малой орды и переселения ее на внутреннюю сторону реки Урал царизм стремился ослабить Малую орду. Поэтому он всемерно форсировал этот перепуск казахов. При этом царское правительство ни с чем не считалось – ни с действительной потребностью казахского кочевого хозяйства в пастбищах, ни с наличием пастбищных возможностей той территории, на которую переселялись казахи.

С другой стороны, переход казахов на правую сторону реки Урал царское правительство считало значительным достижением в смысле увеличения количества податного населения Российской империи.

Закончив перепуск части казахов Малой орды на правую сторону реки Урал, царское правительство закрыло границы. Для этого была протянута целая цепь крепостей вдоль реки Урал, которые были усилены соответствующими военными отрядами. Таким образом переселившиеся казахи оказались окруженными военными крепостями и отделенными от своих сородичей. Оттуда их не выпускали. Обратный переход за Урал был воспрещен.

Заселив пустовавшие до того времени полупесчаные пространства казахами и удерживая их там насильственными мерами, пограничная власть стремилась включить казахов в общую систему экономики Российской империи и превратить орду в прямой придаток нарождающегося российского торгово-промышленного капитала.

Окружив казахов русским оседлым населением и укрепленными форпостами, царское правительство стремилось обеспечить безопасность передвижения внутри орды, и тем самым создать благоприятные условия для полной всесторонней эксплуатации широких казахских масс.

Такова была, в основном, политика царского правительства в период перехода казахов на “внутреннюю” сторону реки Урал, в период образования Букеевской орды.

А казахские массы расценивали переход совершенно по-другому. Они рассматривали этот переход на внутреннюю сторону реки Урал как выход из создавшегося в Малой орде тяжелого хозяйственного кризиса, вызванного земельной теснотой, явившейся, в свою очередь,

следствием обострения и углубления феодальных распрей, постоянно происходивших в Малой орде.

Перешедшие казахи заложили основу нового ханства, которое было названо царским правительством "Внутренней, или Букеевской ордой". В связи с усилением переселения зауральских казахов на правый берег Урала население ее все увеличивалось, границы занимаемой ею территории передвигались и расширялись.

Казахи переселялись на правую сторону реки Урал отдельными родами. Каждый род управлялся родовым старшиной. Во главе был султан Букей, который управлял всеми родами через родовых старшин, которые им утверждались. Управление основывалось на обычном праве казахов и отличалось заметной упрощенностью.

В первое время существования жизнь казахов этой орды ничем не отличалась от жизни остальных казахов (зауральской орды). Они все были кочевниками. Круглый год жили в кибитках, теплых жилищ себе не строили. Основным занятием казахов было кочевое скотоводство, что составляло единственный источник их существования. Скот круглый год кормился на подножном корму. Сена на зиму они не запасали. Хозяйства их отличались крайней экстенсивностью и часто подвергались стихийным бедствиям. Других занятий они почти не знали. Сами они были в основном неграмотными, нравы грубые, характер довольно буйный.

Первое время казахи спокойно переходили из-за Урала, размещались, устраивались в Астраханских степях, осваивались на новых местах и жили более или менее спокойно. Однако, жизнь букеевцев стала претерпевать большие изменения. Эти изменения касались и социально-экономической, и культурно-бытовой жизни.

Прежде всего, довольно значительные перемены произошли в административном устройстве Букеевской орды. В административном отношении она находилась в ведении Оренбургской пограничной комиссии, которая стала проводить царскую колонизаторскую политику через султана Букея.

В 1812 г. султан Букей был возведен царским правительством в ханское достоинство и с этого времени стал управлять ордою на правах хана. Главной опорой хана служили военные отряды царского правительства, а внутри самой орды – султаны и старшины.

Став ханом, Букей провел в орде нечто вроде административного деления. Для этого он распределил все кочевья, летние и зимние, между отдельными родовыми общинами. Каждая община должна была кочевать на том участке, который закреплялся за ней ханом Букеем. Закрепление кочевий проводилось ханом через старшин этих общин и устно, и письменно.

Хан Букей брал с казахов налог скотом: зекет и согум. Так как хан круглый год вел кочевой образ жизни, потребности его были ограниченными. Поэтому и налоги его были сравнительно небольшими.

Букей был ханом недолго, он умер в 1815 г. На его место вступил брат хана – Шигай, который управлял ордою не как хан, а как временный правитель вплоть до совершеннолетия малолетнего ханского наследника – Джангира.

Вскоре количество населения Букеевской орды во много раз увеличилось. Получилось некоторое перенаселение предоставленной царским правительством в пользование казахов территории; казахи испытывали большой недостаток в пастбищах. Между наличием пастбищно-кормовых возможностей этих степей и общим поголовьем прибывшего казахского скота создалась большая диспропорция, послужившая в дальнейшем причиной упадка казахского кочевого хозяйства. Упадок казахского хозяйства происходил и по другим причинам. Так, постоянные ветры и вьюги в многоснежные суровые зимы в ничем не защищенных, почти открытых Астраханских степях пагубно повлияли на кочевое хозяйство. В 1807, 1819, 1827 гг. были большие джуты, унесшие у казахов огромное количество скота. Засушливые годы, частые эпизоотии также наносили огромный ущерб. Необеспеченность хозяйств пастбищами и кормовыми ресурсами, а также частые джуты вызывали у казахов обратную тягу в зауральские степи. Но туда их не пускали. Это порождало массовое недовольство.

Еще до прихода казахов лучшие земли на правой стороне Урала уже были захвачены либо русскими помещиками, либо Уральским войсковым управлением, либо русским оседлым населением. Из того, что оставалось до прихода казахов еще свободным, более удобные для скотоводческого хозяйства места были заняты кундровскими татарами и калмыками.

Казахи заняли менее удобные земли. Правда, в первое время казахам было просторно. Но беспрерывный приток казахов из-за Урала увеличивал плотность населения. Кроме того, длительное сосредоточение огромных гуртов скота на одних и тех же солончаковых и полупустынных степях при знойности лета и скудности атмосферных осадков довольно быстро истощило кормовые возможности земли. Тогда казахи стали занимать прилегавшие к их территории свободные земли. Это повысило ценность свободных земель, что повлекло за собой чрезмерное стеснение казахов в пользовании этими землями. Казахские хозяйства нуждались в пастбищах и водопоях.

Пользуясь затруднительным положением казахов, помещики, коменданты форпостов и богатых русских селений жестоко эксплуатировали кочевников. Это также вызывало недовольство казахов.

Новый период в жизни букеевских казахов начинается с хана Джангира. Этот период характеризуется в основном оформлением и усилением ханской власти, коренным переустройством всего общественного строя букеевских казахов.

В политическом отношении роль хана была незначительна: она была ограничена чиновниками пограничной администрации, которые проводили колонизаторскую политику царского правительства. Но в пределах орды хан стремился централизовать в своем лице всю власть, поставив от нее в зависимость и строго подчинив ей все местные органы. Поэтому внутри орды хан проводит целый ряд мероприятий, направленных на усиление своей власти.

Хан имел крепкую поддержку со стороны Оренбургской пограничной администрации. Опираясь на военные силы царского правительства, хан проводил свои мероприятия более чем решительно. При этом он совершенно не считался с традиционными обычаями казахов.

Прежде всего он устранил от управления всех влиятельных биев и старшин, которые противодействовали хану в его новых мероприятиях и заменил их новыми, послушными себе лицами из среды султанско-байской верхушки букеевских казахов. Освободившись от влияния хранителей старого традиционного порядка казахов, хан Джангир сосредоточил у себя и административную и судебную власть в орде. При этом хан увеличил состав ордынской администрации, для чего ввел в него новые должности, как, например, должности многочисленных "депутатов", "вестовых", "сборщиков податей" и т.д. Попутно с этим хан усилил свою личную охрану. В орде была учреждена должность полицмейстера. На местах были многочисленные султаны родоправители, которые беспрекословно подчинялись хану и выполняли его распоряжения.

Однако прежнее административно-родовое деление букеевских казахов, проведенное с учетом родовых признаков, было оставлено ханом Джангиром почти без изменения.

В результате всех административных мероприятий хан Джангир значительно усилил свою власть и стал самовластным правителем.

Джангир стремился также усилить роль и значение мусульманского духовенства. Для этого он приглашал в орду много татарских мулл, строил мечети, открывал религиозные школы. Хан ревностно насаждал ислам. Мусульманское духовенство было поставлено в особо привилегированное положение. Хан освободил мулл от всяких налогов и повинностей. При хане Джангире букеевские казахи стали более религиозными. По указанию Пограничной администрации хан Джангир должен был открыть в орде и русские школы для казахских детей. В 1841 г. в Ханской ставке была открыта первая русская школа.

Следующие мероприятия хана Джангира касались налогов и повинностей в орде. Они в орде были и раньше. Хан Букей и правитель Шигай, будучи кочевниками, собирали налоги исключительно натурой – скотом и продуктами скотоводческого хозяйства. Налоги были тогда не особенно большие. У них сбор налогов имел даже некоторые черты "добровольности".

Совершенно иной была картина при хане Джангире. Он давно отказался от кочевого образа жизни, перешел к оседлости. Образованный хан роскошно жил в своем "дворце". У него были большие потребности. В условиях капиталистических отношений, в условиях проникновения товарно-денежных отношений, ханские потребности стали почти неограниченными. Это обстоятельство повлекло за собой увеличение как форм налогов и повинностей, так и размера каждого их отдельного вида.

Хан Джангир ввел обязательные налоги – зекет, согум и прочие, а также ввел ряд повинностей. В дальнейшем он перевел все эти налоги и повинности в денежную форму. Одновременно с этим хан расставил во всей орде своих агентов – родовых правителей, старшин, "депутатов", вестовых, сборщиков – и с их помощью стал всеми методами выколачивать налоги, которые собирались совершенно произвольно и бесконтрольно. Все налоги поступали в пользу ханской семьи. При их сборе ханские сборщики совершали большие злоупотребления: они во много раз увеличивали размер собираемого ими налога и жестоко избивали тех, кто по тем или иным причинам не мог своевременно уплатить причитавшийся налог.

К концу жизни хана все виды налогов настолько возросли, что народные массы оказались не в состоянии их уплатить. Поэтому у людей накопилось очень много недоимок, которых потом ордынской администрации никак не удавалось восполнить. Налоговые тяготы неоднократно вызывали недовольство народных масс и послужили одним из главных поводов тех волнений, которые весьма часто вспыхивали в орде при хане Джангире.

Большие изменения в жизнь букеевских казахов были внесены и торговлей. Вначале с казахами велась меновая торговля. Потом меновая торговля стала принимать развозный характер, т.е. купцы разъезжали по орде, возили мануфактуру и промышленные изделия вглубь степи и выменивали их на скот и продукты скотоводческого хозяйства. Затем внутри орды стали возникать населенные пункты, где оживленно велась меновая торговля.

С 1832 г. торговля в орде переходит в ярмарочную форму. Ханская ставка становится центром всей ордынской торговли. Развозная форма была воспрещена, что было сделано в интересах хана, т.к. разъез-

жавшие торговцы не поддавались его учету и контролю. Сосредоточив всю ордынскую торговлю в своей ставке, хан облагал все объекты налогами и извлекал из торговли большие выгоды.

В связи с открытием в Ханской ставке ярмарок торговля в орде развивалась с поразительной быстротой. В орду приезжали купцы со всех концов Российской империи, привозили мануфактуру и фабрично-заводские изделия. При этом они часто продавали товары самого низкого качества, разными методами обирали казахов и наживались. Меновая форма торговли уже перешла в денежную форму.

Под влиянием роста торговли казахи сами стали торговать. Некоторые из них стали приказчиками у русских купцов, некоторые посредничали между русскими купцами и казахами-потребителями, а некоторые, по выражению сенатора Энгеля, стали "торговать на собственный счет", т.е. самостоятельно вели торговлю. Таким образом, из казахов выходили торговцы, что было совершенно новым явлением в их жизни.

Хан Джангир способствовал развитию в орде торговли, поощрял ее, оказывал покровительство купцам. Он сам вел очень крупную торговлю, выполнял военные заказы. При нем товарно-денежные отношения глубоко внедрялись в широкие казахские массы, разорительно действовали на казахское хозяйство и усиливали классовую дифференциацию казахов.

Хан Джангир проводил коренную ломку социально-экономического строя букеевских казахов. Усилив свою власть, он стремился создать себе крепкую социальную опору внутри самой орды. С этой целью он сплачивает вокруг себя султанско-байскую знать и мусульманское духовенство. Стремится также поднять их значение, предоставляя им разные льготы и привилегии. Хан освобождает их от всяких налогов и повинностей, назначает на ответственные и выгодные служебные места по управлению родами, укрепляет их экономическое положение в орде, усиливает их роль в ордынской торговле. Чтобы увеличить число этой правящей султанско-байской верхушки, хан Джангир возводит простых казахов в тарханы, приравнивая их тем самым к знати, к "белой кости". С этой же целью хан приглашает в орду татарских мулл.

Хан Джангир упразднил основу казахского землепользования. Узурпировав общественное право на землю, хан подменил его правом исключительного пользования землей, т.е. почти установил частную собственность на землю, чего до этого не было в практике букеевских казахов.

Из общего пользования ханом Джангиром были изъяты огромные земельные площади, из которых самые лучшие участки были

присвоены им самим в исключительное владение, а остальные участки были им же розданы своим родственникам – султанам и приближенным – также в собственное пользование. Немало участков общественных пастбищ было отведено оседавшим тогда крупным баям, старшинам под их зимовки. Хан Джангир также ввел в практику букеевских казахов аренду и куплю-продажу земельных участков.

Султаны и баи, получившие от хана ярлыки на право исключительного владения землею, насильственным путем очищали "свои" участки от живших на них казахов и стали пользоваться ими на правах частной собственности. Путем сдачи в аренду, а также путем продажи "своих" земельных участков эти казахские "землевладельцы" жестоко эксплуатировали своих безземельных сородичей.

Царское правительство не препятствовало проведению ханом Джангиром феодализации земель. Тут нам кажется несколько странным, что царское правительство заведомо допускало превращение в частную собственность букеевской территории, представлявшей собой государственную собственность ("Положение 1806 г."). Этот политический зигзаг можно объяснить ни чем иным, как беспринципной уловкой колонизаторской политики царских чиновников.

Процесс феодализации земель в орде коренным образом разрушил кочевое хозяйство основных масс букеевских казахов. За неимением пастбищ многие кочевники лишились скота: потеря пастбищ привела их к разорению. Многие из них совершенно обнищали и теряли способность кочевать. Обедневшие казахи были поставлены в самые тяжелые условия жизни. Двойной колониально-феодальной системой эксплуатации казахские массы были доведены до крайней нищеты.

Обнищавшие казахские массы дошли до такого состояния, что в поисках средств существования они вынуждены были идти в любую кабалу и к любому эксплуататору.

Таким образом, в результате коренного изменения социально-экономического строя, роста налоговых тягот, экспроприации земель, чрезмерного усиления эксплуатации в условиях развертывающегося торгово-промышленного капитала обнищавшие казахские массы буквально изнывали под сильным гнетом и оказались под угрозой вымирания. Это крайне бедственное, невыносимое положение вызывало у казахов сильное недовольство, перераставшее потом в свирепую злобу и ненависть как к царскому правительству, так и к своим феодалам.

В первое время существования орды казахи безропотно переносили свои страдания. Но в последующее время, когда условия жизни для них стали почти невыносимыми, они свою ненависть стали выражать в форме открытого массового выступления, – и против царского правительства, и против своих феодалов.

Букеевские казахи выступали стихийно.Их выступления в разные периоды имели разные цели. Так вначале они происходили под лозунгом обратного уход за Урал. Это объяснялось тем, что по прибытии своем на новые места, они совершенно разочаровались, т.к. вопреки их ожиданиям, они подвергались земельному утеснению и испытывали большой недостаток в пастбищах.

Во главе этого выступления казахов оказался представитель господствующего класса – султан Каип-Галий Ишимов, который мечтал использовать народное движение в своих узко династических интересах. Поэтому оно уже в самом начале было обречено, потерпело неудачу.

Следующим массовым вооруженным движением в орде было выступление казахов под руководством Исатая Тайманова (1838 г.). По своим движущим силам и характеру это выступление было крестьянским, но классовой сознательности в нем было весьма незначительно, но тем не менее оно проходило более организованно, чем движение казахов под руководством Каип-Галия.

Выступая под руководством Исатая Тайманова, широкие казахские массы стремились заставить хана Джангира пойти на ряд уступок. Но когда этого достигнуть не удалось, движение стало развиваться дальше, и в своем развитии оно перерастало в форму крестьянской войны. Естественно, поэтому, в силу чисто крестьянского характера, движение Исатая Тайманова закончилось поражением.

Движение Исатая Тайманова было довольно крупным. Оно получило широкий размах и охватило всю орду. После него в орде такого движения больше не было. Царское правительство, подавив это восстание, усилило реакцию против казахских масс и движение казахов пошло на спад. Однако в народе глухое брожение еще долго продолжалось.

Вследствие своего бессилия казахские трудовые массы орды в последующий период своей борьбы против ханского режима избрали себе более пассивный путь борьбы, а именно, путь подачи жалоб на хана и его султанов. Они жаловались на них царской администрации и искали правды и правосудия у царских чиновников. Представителем такой пассивной формы борьбы был Аппас Кушаев.

Итак, при поддержке царского правительства хан Джангир оформил и усилил свою власть. С усилением ханской власти поднялось значение султанско-байской знати, поднялось так же и значение татарских мулл. В руках господствовавшей тогда феодально-байской верхушки букеевских казахов сконцентрировались огромные земельные массивы, богатые кормами и водопоями, в руках этой верхушки сосредоточился и казахский скот. А основные же массы букеевцев, насильственно лишенные пастбищ, пауперизировались. В связи с чрез-

мерным усилением эксплуатации положение казахских низов сильно ухудшилось. Свою ненависть эти казахские низы направляли против виновников своего бедственного положения – хана, султанов, баев. Вследствие этого в орде часто вспыхивали казахские волнения. Таким образом, с точки зрения обострения социальных конфликтов период ханствования Джангира имеет большое значение для развития казахского самосознания.

Что касается культурно-бытовой стороны жизни букеевских казахов, то период ханствования Джангира характеризуется созданием сети религиозных школ, началом открытия русских школ, началом проникновения в казахские массы влияния русской культуры и перехода к оседлому образу жизни. В этот же период букеевские казахи стали заниматься земледелием. Они переходили к стойловому содержанию скота, получило развитие молочное хозяйство. Развивалось и ремесло.

Хан Джангир умер. Ханская власть была ликвидирована навсегда. Взамен нее царская администрация создает совершенно новый институт – Временный совет по управлению Букеевской ордою. Это уже было начало коренной реорганизации административного управления ордою.

Первоначальный состав совета состоял из трех казахов. Спустя некоторое время состав совета стал пополняться. В него вошли: один русский чиновник и "депутаты", которые теперь не выбирались, а назначались из числа людей, получивших образование в русской школе. Постоянный состав совета определился лишь к концу 50-х годов XIX века. Председателем совета был назначен царский чиновник (русский), в состав вошли: два члена из русских и два из казахов. Делопроизводство было переведено на русский язык. При совете была учреждена самостоятельная должность полицмейстера, которому дано пять полицейских.

Временный совет всю свою деятельность направил на упразднение всей системы ханского управления. Отменив право верхушки букеевских казахов на "землевладение", Временный совет снова пустил всю землю орды в общее распределение между казахскими аулами в соответствии с количеством имеющегося скота этих аулов. Совет упразднил также все тарханские грамоты и сословные привилегии.

В 1860 г. царским правительством было проведено новое административное деление Букеевской орды. Она была разделена на 7 частей, по типу деления на части внешней орды. Каждая из этих частей в свою очередь была разделена на старшинства.

Этим делением царизм нанес довольно большой удар по остаткам родового строя казахов, так как новое административное деле-

ние было проведено по территориальному признаку, и оно не только не совпадало с прежним родовым делением казахов, а напротив, разбивало и расчленяло родовые общины и тем самым перемешивало членов разных родовых групп. Канцелярское делопроизводство и в низовых органах административного управления стало вестись на русском языке.

Временный совет проводил ряд мероприятий в области культуры. Эти мероприятия преследовали в основном цель усиления русского влияния в орде и сокращения татарских школ и замены их русскими. В татарские школы вводился русский язык, как обязательный. Открывались первоначальные русские школы, которые, по мысли царских чиновников, должны были вытеснять татарские школы, популяризировать среди казахских масс русский язык и, наконец, готовить кадры, в том числе и для обслуживания низовой сети нового административного управления.

Таким образом, все дела по управлению этой ордой были поставлены Временным советом в рамках общей колонизаторской политики царского правительства. А это сводилось, в конечном счете, к унификации, внедрению и углублению в орде системы управления Российской империи.

Довольно большой сдвиг произошел и в области хозяйственной и культурно-бытовой жизни букеевских казахов.

Постоянное общение с русским и другими народами основательно разрушило патриархальную замкнутость казахов. Благодаря такому общению казахи перенимали у русских технику и методы ведения как сельского хозяйства, так и ремесленного труда. Побывав на отходничьих работах в разных русских селениях и фабрично-заводских районах, многие трудовые казахи учились разным специальностям и, возвращаясь к своим местам более опытными, начинали у себя некоторые виды ремесленного труда. Под влиянием развивающейся торговли казахи попадали и в сферу торговой деятельности. Постоянное общение с русскими требовало от казахов знания русского языка. А знание русского языка и русской грамоты способствовало проникновению русской культуры в казахские массы. В результате казахи начинали усваивать новую гражданственность. Быт казахов неуклонно изменялся. Вся жизнь казахов Букеевской орды коренным образом перестраивалась. По этому поводу исследователь жизни казахов А. Харузин пишет: “На что бы мы ни взглянули – на религию, семью, сословность, родовое устройство, игры, песни и т.д. – повсюду мы видим упадок старинного быта, лишь переживание старого”. Это действительно отражает картину изменений в жизни казахов Букеевской орды в 80-х годах XIX века. Такой она на самом деле и была.

Мы должны ответить на вопрос, какое значение имело для казахов образование Букеевской орды: положительное или отрицательное, иначе — прогрессивное или же не прогрессивное?

Казахи Букеевской орды составляли часть казахов Малой орды и образование этой орды явилось результатом присоединения Малой орды к царской России. Вследствие этого поставленный нами выше вопрос, по существу, составляет часть общего вопроса, — о том, какой смысл, вообще, имело присоединение казахского народа к царской России.

Известно, что казахи ходом развития исторических событий были зажаты, так сказать, в тиски, были поставлены в определенные рамки, из которых они никак не могли выскочить. На казахов напирали со всех сторон: с Востока наступал Китай, а с Запада — царская Россия, не говоря уже об Иране и среднеазиатских ханствах, которые также имели свои захватнические планы и жали казахов с юга. Самостоятельное существование казахов ставилось на карту под вопросом; даже само существование их находилось под угрозой. Перед казахами стояла историческая альтернатива: подчиниться царской России или Китаю — или-или? В такой сложной международной обстановке принятие казахами русского подданства было вполне законным, оно для казахов являлось наименьшим злом.

Китай вследствие своей вековой отсталости не мог бы дать казахам того, что могла дать им тогда царская Россия. Россия имела огромные преимущества перед Китаем. О русском государстве Ф. Энгельс писал, что оно "... было цивилизующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии"[1]. И действительно, царская Россия еще тогда уже имела цивилизующее влияние на Среднюю Азию, а там и на казахов.

В этой чрезвычайно трудной исторической обстановке казахи приняли российское подданство. Это был единственный путь к спасению их от порабощения некультурными народами. Подданство России должно было способствовать объединению всех казахских жузов, находившихся тогда в составе разных государств, предотвратив тем самым дальнейшие их раздробление. И действительно, последующий ход развития исторических событий подтвердил правильность такого положения. Все части казахского народа, в результате принятия им российского подданства были собраны воедино, так что и с этой точки зрения присоединение Казахстана к России не может считаться наибольшим злом.

---

[1] Письмо Ф. Энгельса К. Марксу 23 мая 1851 г. (Письма Ф.Энгельса К.Марксу, стр. 32).

А если рассматривать этот вопрос объективно, с точки зрения перспективы, исторических результатов, то присоединение казахского народа к царской России является фактом безусловно прогрессивным.

Из такого общего положения должны мы исходить, отвечая на поставленные выше вопросы о значении образования Букеевской орды. Объективно оно было положительным для казахов.

В результате образования Букеевской орды сложились совершенно новые условия жизни для казахов; под влиянием разных факторов и в хозяйстве, и в общественном строе их происходили глубокие перемены. Казахи перешли к оседлости, начали заниматься земледелием. Тесное общение с русским народом благотворно повлияло и на экономику, и на культуру, и на быт казахов. Постепенно разрушилась патриархально-родовая замкнутость казахов, ликвидировалось их хозяйственное однообразие, ускорился процесс перестройки хозяйства на новых, более передовых началах.

Перечень архивных фондов Центрального исторического архива Каз.ССР, относящихся к истории Букеевской орды

N	Название дел	Год	N Фонда	N дел	Лист или страница
1	2	3	4	5	6
1	О перепуске киргизов Букеевской орды в Р-пески и обратно на степную сторону	1808	4	154	
2	О поездке сенатора Энгеля по высочайше возложенному ему поручению во Внутреннюю Букеевскую Киргизскую орду	1825	4	1321	Л. 3–23
3	Дело "О разграничении земель между Уральским войском и Внутренней Букеевской орды"	1833	4	1768	
4	О командировании чиновников к отмежению земель для киргизов Внутренней орды и устройстве орды. О переселении таможенной черты на новую линию	1849	4	1336	
5	По предписанию военного министра относительно назначения границ между землями Уральского войска и Внутренней Киргизской орды	1845		2608	
6	О справочных ценах, существующих на скот и прочее		4	2736	
7	Обращение киргиза Лаубая Манатаева в Оренбургскую пограничную комиссию с просьбой защитить его от претензии хана Джангира Букеева и ближайших ему султанов, советчиков и старшин		4	2655	л. 893
8	О киргизских обычаях, имеющих в степи силу законов	1845	4	2798	лл. 73–82
9	О тайном переходе киргиз Внутренней орды в Зауральские степи	1827	4	1285	лл. 111–116, 136–138
10	Дело "О числе народонаселения, скотоводчестве и коневодстве на землях Уральского войска"	1837	4	2665	лл. 903 об.

1	2	3	4	5	6
11	Дело "Об учреждении во Внутренней киргизской орде по случаю кончины хана Джангира временного управления и о мерах для рассеяния нелепых слухов насчет смерти хана"	1847	4	2663	лл. 76–78
12	Дело "О смерти старшей жены хана Фатимы, опись имения ее и отъезд в Петербург старшего сына хана, воспитывающегося в Пажеском кадетском корпусе Сахиб Гирея"	1845–1846	4	2658	
13	По предложению Оренбургского военного губернатора о ходе торговли на обеих ярмарках, бывающих при ставке хана осенью и весной и о числе лавок при ставке на 1846 г.	1846	4	2880	лл. 6–8
14	Дело "По представлению Временного совета по управлению ордою о сборе зекета и согума со времени смерти хана Джангира Букеева с 1846 по 1847 гг."	1846–1847	4	2888	л. 284
15	Дело об определении детей ордынцев в Неплюевском Кадетском корпусе	1847	4	3071	Стр.105–108
16	Дело "Об открытии школы для киргизских детей"	1847	4	3107	Стр. 117–136
17	Дело "По поездке сенатора Энгеля по высочайше возложенному ему поручению во Внутреннюю орду"	1827	4	1321	л. 51, лл. 28–29
18	О проверке выписки из корана и шариата "О закете"	1847	4	3090	
19	Об описи имущества, оставшегося после смерти князя Чингиса	1850	4	3453	ғ 435
20	Дело "Обзор положения Внутренней (Букеевской) орды в 1825 г. и принятии с того времени мер к устройству и благосостоянию ее"	1850	4	3557	л.17–20
21	О состоянии Внутренней Киргизской и Зауральской орды в 1825 г. и какие с того времени по настоящее время последовали изменения	1851	4		л. 27–31
22	Дело "По отношению исправляющего должность начальника штаба	1852	4	3293	л. 51–56

1	2	3	4	5	6
	отдельного Оренбургского корпуса о смерти корнета лейб-гвардии казачьего полка князя Чингиса”				
23	Дело “По предложению Оренбургского военного губернатора о приведении в известность имеющегося у киргизов Внутренней орды скота и кибиток”	1849	4	3299	л. 7–10
24	По журналу областного правления Оренбурского киргизами об истребовании из Временного совета сведений о депутатах Внутренней орды	1851	4	3669	
25	Дело “По жалобе киргиза Хусаина Асанова о стеснительных действиях бия Чумбала Ниязова”		4	3873	
26	По донесению Временного совета по управлению Внутреннею ордою о снабжении инструкциями родоправителей Внутренней ордой	1851	4	3670	
27	Дело фонда управления Внутренней киргизской ордой		78	946	л. 14–23
28	По предложению Оренбургского военного губернатора об обязательстве родоправителей над киргизами Внутренней орды покупать соль из казенных магазинов и продавать ее своим соплеменникам по вольной цене	1847–1852	4	3017	
29	По предложению Оренбургского военного губернатора о постройке при линии домов для султанов-правителей	1847	4	3075	67–76
30	О ходе торговли на Новоузенской ярмарке за 1851 г.	1851		3606	
31	“О торговле”	1833		1763	
32	“Собрание донесений о ходе меновой и заграничной торговли”	1848		3255	
33	“О причислении киргиз в башкиры”			29	
34	Следственная переписка по делу восстания Исатая Тайманова	1836	4	2039	1–22, 26–67, 79–80
35	О восстании Исатая Тайманова	1836		1992	

1	2	3	4	5	6
36	О Исатае Тайманове, восстании и проч.				
37	О сборе зекета и согума во времени смерти хана Джангира Букеева с 1846 г. по 1 января 1847 г.	1847	4	2888	
38	О возведении двух султанов Ширгазы Чувакова и Букея Нуралиханова на ханское достоинство	1812	4	269	
39	Оброчные деньги за кочевание на землях, принадлежащих наследникам графа Безбородко и указании в натуре земель, отведенных по Указу правительствующего Сената	1850	4	3445	
40	По рапортам старшин Кара-Кете Кунакаева и Абдрахмана Тестимирова об отводе им с подведомственными киргизами земель для кочевания	1848	4	3189	л.2–3
41	По прошению Джанибека Джанжигитова о притеснениях, делаемых ему в кочевании старшиной Джунусом Джантелиным		4	3207	
42	Дневник-журналы	1801	4	20	
43	Об убыли и расходе скота, и частью денег	78	8	35–40	
44	Об отводе земель Торгунского уезда под кочевья киргизов Внутренней орды	1836, 1865	78	58	62–78
45	О перераспределении земель киргизов Адаевского, Бершевского и Кердиринского родов в 1-ом Прикаспийском округе на основании письменного распоряжения покойного хана Джангира и сообразно с числом кибиток	1849	78	17	лл. 111,112, 115,122
46	О ярмарках при Ханской ставке		78	38	125
47	О выселке депутатов для присутствия при отводе земель для зимовки в дачах князей Юсупова и Безбородко для киргизов Внутренней орды				
48	Материал сенатора Энгеля “О податях и повинностях”	78	1	56–57	
49	Отчет Оренбургского губернатора и Оренбургской пограничной комиссии				68–78

1	2	3	4	5	6
50	Отчет Астраханской губернии				89–146
51	Отчет Саратовской губернии				146–189
52	Тетрадь 1-я – архив Народное хозяйство				1–7
53	Тетрадь 2-я – Политика, культура и быт				1–15
54	Отчет по управлению Внутренней ордой киргизских степеней				1–14
55	Ярмарка в Ханской ставке				38–62
56	Земельный вопрос, скот и прочее				63–150
57	Собрание сведений о ярмарках				151–163
58	О мерах и весах				164–166
59	Вопрос о шерсти, пухе и кошме				167–174
60	К вопросу о пошлинах				192–212
61	О путях сообщения в орде				213–226
62	О составлении статистических данных о Внутренней Букеевской орде				
63	О найме земель из дач земель наследников князя Юсупова	1862	78		659
64	По заявлению доверенного графа Кушелева Безбородко о постройке султаном Шигаем Нурмухамедовым деревянного дома на дарственной земле И. Безбородко и распоряжение о сносе этого дома		78	25	
65	Переписка о переходе киргиз в Букеевскую орду и обратно				
66	О разграничении Уральского казачьего войска и киргизов Внутренней орды		78		247
67	О вторжении киргиз на Уральские войсковые земли и земли Саратовской губернии	1833	78–2		
68	О ярмарках при Ханской ставке		78		231
69	О перераспределении земель Адаевского, Бершева и Кердиринского родов в 1-м Прикаспийском округе на основании распоряжения покойного Джангира и сообразно с числом кибиток	1849	7803		97
70	О дозволении киргизам пользоваться в течении 5-ти лет безденежно солью с находящихся в их степях мелких озер и солончаков	1847	78–3		46

1	2	3	4	5	6
71	О жалобе киргиз-алчанского рода Кадыра Сансыбаева об отводе ему земель	1846	78–4	12	
72	О неимении земли киргиз Бершева рода	1857	78–75		
73	О претензиях управляющего ордою на земле вблизи кордонных постов на берегу Каспийского моря, расположенных для постройки на оных себе и подвластных им киргизам домов	1820	78	12	
74	Переписка о недопуске киргиз на земли кундровских татар и задолженности киргиз	1826	78	23	
75	Материалы по делу Исатая Тайманова и его соучастниках		78	76	
76	По отношению Саратовского губернатора о принятии мер к пресечению в Букеевской орде корчевной продаже водок, бальзамов и других питий без очищения акцизом	1838	78	73	116–121
77	По отношению Оренбургского губернатора с объявлением высочайшего именного Указа, последовавшего 5 февраля 1838 г. "О причислении киргизов Внутренней орды к управлению Министерства гос. имуществ"	1838	78	64	
78	Об отдаче калмыцких земель казахам		78	57	142–155
79	О зимовьих местах на земле Юсупова		78	23	69–72
80	О переходе 1611 кибиток киргизов Внутренней орды с высочайшего разрешения согласно домогательству их за Урал	1818	78	17	109–120
81	О недопущении киргиз к кочеванию с кундровскими татарами				172–173
82	По производству торговли	1818–1829	78		110, 177–253
83	По ходатайству о производстве следствия по делам об ордынцах при ставке хана		78		122
84	О ярмарках при Ханской ставке	1832	78	36	4–8
85	О назначении пунктов для освидетельствования киргизского скота, пригоняемого на ярмарки в Н.Узеньский уезд		78–7	41	169

1	2	3	4	5	6
86	Об отводе земель Торгунского участка под кочевья киргиз Внутренней орды	1836	78	758	1,5, 28,29, 32, 99, 137
87	По отношению Н.Узеньского земского суда и командира 3-го Астраханского казачьего полка подполковника Тетеревникова о самовольном кочевании киргизов Внутренней орды по урочищам речек Торгуна и Пресной паники	1838	78		254
88	Об имуществе и скоте, оставшихся после смерти хана Джангира	1850	78–731	67	
89	О разъездах по орде торговцев и о делаемых у них захватах народными калмыками и казаками и калмыками Астраханского войска	1847	78–334		
90	Об убыли и расходе скота и частью денег		78–10	15	92–98
91	Сведения о состоянии орды	1862	4	13	68
92	Дело Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой	1846	78–413		121, 122
93	О торговле и мене, происходящей у жителей с киргизами			4	27, 33, 12
94	Регистрационные дела Чертайлы гос. крестьянина Мирона Гузаева о раздаче пшеничной муки под барана		78–280		
95	О найме земель наследников князя Юсупова	1862	78–7	659	127–135
96	Переписка хана Джангира (по поводу пожалования его в чин генерал-майора и утверждения сына его наследником ханского достоинства)	1841	78–299		173–179
97	Переписка о командировании есаула Кучагали Шигаева в г.Оренбург с 50-ю верблюдами и 100-а лошадями		78	3	48, 60
98	Об учреждении в орде полиции или управы	1849	78	87	25–68, 137–140
99	Об укрытии в ставке при Нарын-Песках и на существующих при ней двух ярмарках гостиниц мещанином Печкиным и купеческим внуком Калашниковым		78–78	193–219	
100	О направлении в Астрахань киргиз (о повышении цен на хлеб)	1850	78–21	5	240

1	2	3	4	5	6
101	По рапорту старшины 2-го округа о человеколюбивых подвигах камышинского 1-й гильдии купца А.Портного, оказавшего киргизам помощь, заключающуюся в снабжении их мукою безденежно	1852	78–21	13	41, 242
102	О выдаче киргизам билетов на отлучку из орды	1859	78–21		141, 261, 268
103	О порядке пользования киргизов землею		78	1726	1, 3, 38, 41, 43,48, 49, 52, 55,57, 62, 63, 65, 73
104	О поземельных спорах и стеснениях и землепользовании по Торгунской и Калмыцкой частям	1872	78	2162	4–6
105	Описи денежных дел по сбору податей с киргизов Торгунской и Калмыцкой частей и прочее	1872	78	1766	24, 26, 29, 31
106	По рапорту Таловского и Камыш-Самарской частей об излишнем сборе податей старшиной Кусаевым с киргиз его ведомства	1872	78	1722	80–82
107	По вопросу о разборе поземельных спорах между киргизами Внутренней орды	1872	78	1684	68, 72, 75, 80
108	По вопросу о разборе поземельных спорах между киргизами Внутренней орды	1872	78	1684	84–88, 91–110
109	О порядке пользования киргизов землею	1872	78	1726	58, 101, 103
110	Списки денежных дел по сбору податей с киргизов Торгунской и Калмыцкой частей и прочее	1872	78	1764	117, 119
111	Дело о надписи о Н.Узеньского уездного исправника с распиской о прекращении беспорядков по дороге в ставку при Нарын-Песках во время ярмарок	1877	78	2104	122
112	Часть переписки об упразднении депутата по делам, касающимся внутренних ордынцев в судах, смежных с Внутренней ордою губерниях	1877	78	2140	126, 128

1	2	3	4	5	6
113	Об учреждении Оренбургской пограничной комиссии особого Временного Стола по делам Внутренней орды, о выселке содержания		78	347	63, 65
114	Об эпизоотии в орде		78	240	1–3
115	Сведения о ставке	1889	78	156	4–8
116	Составление годового отчета за 1887 г.	1887	78	90	9–11
117	О зекете и согуме по Торгунской части	1862	78	724	81–84
118	О распашке в орде	1861–1869	78	630	85–87
119	Журналы Временного совета по управлению Внутренней киргизскою ордою	1840	78	13	48–52, 56–58, 60–62
120	О представлении в Оренбургскую комиссию ведомости о недоимках согума и зекета	1852–1855	78	71	147,158, 167, 170
121	Делоуправление Внутренней киргизской ордою	1819	78	6	143
122	По сбору согума и зекета с киргизов Байбактинского рода		78	609	235, 239
123	По определению и увольнению чинов ведомства совета и участкового ордынского управления, а также казачьего кордона в ставке и Казначействе Киргизской орды	1863	78	4	
124	О составлении аккуратных списков султанов и ходжей Букеевской киргизской орды	1847	78–3	375	
125	Поздравительные письма хану по поводу пожалования его в чин генерал-майора и утверждения сына его наследником ханского достоинства	1840	78–2	99	

Библиография

Алекторов А.Е. Очерки Внутренней Киргизской орды // Известия Оренбургского отделения РГО, Оренбург, в.II 1893 г., в.III 1894 г.

Альбом видов из киргизской степи // Известия Императорского географического общества, 1865 г., т.1, N9.

Артемьев А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства // Журнал министерства внутренних дел, октябрь 1859 г.

Астрахань А.Л. "Новое время", 18 апреля 1889 г., N 17171.

А.Л. Отношение русских к киргизам // Самарские губ. ведомости, 1852 г., N5.

Бабажанов Х.М.-С. Заметка киргиза о киргизах // Журнал "Северная пчела", 1861 г., N4.

Его же Заметка киргиза о житье-бытье и участии его родичей // Санкт-Петербургские ведомости, 1861 г. N136.

Его же Апелляция киргиза к публике // Журнал "Северная пчела", 1861 г. N 138. По поводу статьи М. Железнова "Киргизомания".

Его же О каменной бабе, найденной в киргизской степи // Этнографичекий сборник Императорского русского географического общества, 1864 г., вып. VI.

Его же Спор уральских казаков с киргизами Внутренней орды // Журнал "Деятельность", 1868 г., N 109. Спорные участки.

Его же Внутренняя киргизская орда // Журнал "Деятельность", 1870 г. N127. О необходимости колонизации киргизской степи.

Его же Охота во Внутренней орде // Журнал "Охота", 1871 г. NN 1 и 2.

Его же Лошади и их испытание во Внутренней киргизской орде // Журнал "Охота", 1871 г. NN 6 и 7.

Бекмаханов Е.Б. — О зависимых феодальных категориях – рабочих и толенгутах (1-я половина XIX века) // Вестник АН Каз.ССР, 1947 г., N6.

Бларамберг И.Ф. — Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи, СПб., 1848 г., т.XIV, ч. 3.

Внутренняя киргизская орда // Журнал "Северная пчела", 1842 г., N111. О податях.

Вяткин М.П. — Казахское общество в середине XVIII века // Известия КазФАН СССР. Серия историческая, вып. I, 1940 г.

Его же — Толенгуты в XVIII в. // Известия КазФАН СССР. Серия историческая, вып.I, 1940 г.

Его же — "Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII в. – начале XIX вв." // Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, Л., 1940 г.

Заметка о хлебопашестве в киргизской степи // Газета для сельских хозяйств, 1861 г., N18.

Добромыслов А.И. — Тургайская область // Известия Оренбургского отдела РГО, 1901 г., в. XVI.

Еврейнов А. — Внутренняя, или Букеевская орда // Журнал "Современник", 1851 г., отд. 1, N10. Описание перехода киргизов на сторону Урала с Букеем.

Железнов И. — Киргизомания // Журнал "Русский вестник", 1860 г., т.30.

Зобнин Ф.К. — К вопросу о невольниках, рабах и толенгутах в Киргизской степи // Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г., Семипалатинск, 1901 г.

Иванин М.И. — Внутренняя, или Букеевская киргизская орда // Журнал "Эпоха", 1864 г., N12, с.11–48.

О недостатках в управлении ордой Джангира, о наделе земли, о судебном разбирательстве, о торговле, о волнениях.

История Каз.ССР с древнейших времен до настоящих дней. Под редакцией М.Абдыкалыкова и А.Панкратовой. КазОГИЗ, 1943 г.

Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, Ленинград, 1940 г.

Несколько слов о киргизах, бывших в Петербурге в 1860 г. // Русский художественный листок, 1861 г., N 21.

Казанцев П. — Описание киргиз-кайсаков // Очерк Букеевской орды. СПб., 1867 г. О границах, родах, Джангире и его семействе, скотоводстве и торговле.

Каличер А. — Киргизский способ приготовления лошадей к скачкам во Внутренней Киргизской орде // Журнал "Коневодство", 1885 г., N3.

Материалы для изучения юридических обычаев киргизов // Вып. 1-й (Семипалатинская область, Степной Комитет), Омск, 1886 г.

Кеппен П. — Десятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857 г.

Киттары М.Я. — Ставка хана Внутренней Киргизской орды // Журнал Министерства внутр. дел, 1849 г., ч. XXVIII. Описывается подробно устройство ханской ставки и дворец хана.

Его же — Киргизский туй // Журнал Министерства внутренних дел, 1849 г., ч. XXV.

Колачев К. — Охота у киргиз-кайсаков // Журнал "Сын Отечества", 1860 г., NN 11 и 12.

Его же — Свадебные обычаи у киргизов Оренбургского ведомства // Московские ведомости, 1862 г., NN 151, 154 и 158.

Крафт И.И. — Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898 г.

Левшин А.И. — Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсакских орд и степей //СПб., 1832 г., ч. I– III.

Медведский П.И. — Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал

	Министерства гос.имущества, 1862 г., июль, авг., сент., октябрь. Описывает почву и климат степи. Говорит о переходе казахов из-за Урала, рассказывает об устройстве кибитки, зимнего дома букеевского казаха, о скотоводстве: болезнях скота, народных средствах его лечения, выделывании шкур.
Мейер Л.	Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России. // СПб., 1865 г.
Морозов М.	Об истории Казахской ССР // Журнал "Большевик", 1945 г., N6.
Мустафа-Бек Шенсинович	Эпидемическая холера в Камыш-Самарской части Внутренней киргизской орды, 1866 г. // Архив судебной медицины, 1867 г., N2.
Неизвестный автор	О Внутренней, или Букеевской орде // Журнал "Сын Отечества", т. V, 1840 г. Очерк истории и топографии степи, описывает одежду киргизов.
Небольсин П.И.	Очерки Волжского низовья // Журнал Министерства внутренних дел, СПб., 1852 г., ч. XXXIX (гл. IX).
Его же	Путешествующие киргизы // Журнал "Русский вестник" – Современная летопись. 1860 г., т. XXIX.
Его же	Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Оренбург. губ. ведом., 1852 г., N 46.
Его же	О переустройстве Внутренней Киргизской орды // Новое время, 1881 г., N 2044.
Островский Э.	Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью // Журн. Министерства внутр. дел., 1859 г., январь, февраль, май.
Его же	Описание ставки и торговли орды // Журн. Министерства внутр. дел., 1859 г. (январь, февраль и май).

Плотников Л.	По поводу статьи “Путешествующие киргизы” // Журнал “Русский вестник” – Современная летопись, 1860 г., т.30.
Его же	Письмо к издателю “Русского вестника” // Журнал «Русский вестник” – Современная летопись, 1861 г., т. XXXIII, август.
Рязанов А. Ф.	Восстание Исатая Тайманова (1836–1838) // “Труды общества изучения Казахстана”, Кзыл-Орда, 1927 г., т. VII, в. 4.
Его же	Батыр Сырым Датов // “Советская Киргизия” 1924 г., N 10.
Его же	Пугачевское восстание и хан Малой орды Нуралы // “Советская Киргизия”, 1924 г., N 8–9.
Его же	Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1798–1838 гг.) // “Труды общества изучения Казахстана”, Кзыл-Орда, 1926 г., т. VII, в. II.
Его же	Султан Каратай Нуралиев // “Советский Казахстан”, 1925 г., N 7–8.
Сабанщиков	Рын-Пески // “Заволжский муравей”, 1832 г., N 12.
Сербаринов Г.	Исатай Тайманов // “Труды общества изучения Киргизского края”, 1924 г., т.V, вып. II.
Слюз П.	Тризны у киргизов // Журнал “Северная пчела”, 1862 г., N 283.
Созонтов Т.	Киргиз из окрестностей Гурьева городка // Оренбург. Губ. ведом., 1862 г., N 2–3.
Солдатенков К.	Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской орды М., 1859 г.
Султан Джантюрин	Очерк “Киргизское коневодство” // Журнал “Коневодство”, 1883 г., N 7–8.
Терещенко А.	“Следы Дешт-и-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда” // Журнал “Московитянин”, 1853 г., т. VI, N 22. Описывает ставку, говорит о Джангире и об управлении.

Ханыков Н.В. — О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малою ордами // Журнал Министерства внутр. дел, 1844 г., ч. VIII, N 10.

Ханыков Я.В. — "Описание киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малою ордою". Описание топографии степи // Журнал Министерства внутр. дел, 1844 г., ч. VIII.

Его же — Карта земель Внутренней и Малой орды // Журнал Министерства внутр. дел, 1845 г., ч. X.

Его же — Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. // Записки Импер. Русского географического общества, кн. I и II, 1849 г.

Харузин А. — Степные очерки. Киргизская, Букеевская орда // Странички из записной книжки, М., 1888 г.

Его же — Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк) // в.I, СПб., 1889 г.; в.II, СПб., 1891 г.

Чулошников А. П. — "К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII–XVIII вв." // Известия АН СССР, N 3, 1936 г.

Шахматов В. Ф. — Земельные отношения во Внутренней (Букеевской) орде в начале XIX в. // Известия КазФАН, серия историческая, вып. I, Алма-Ата, 1940 г.

Его же — "Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова" // Изд. АН КССР, 1946 г.

Юридические обычаи киргизов // Туркестанский ежегодник, вып. IV, 1876 г.

Якунин А. — Восстание Исатая Тайманова // Исторический журнал, 1940 г., N 10.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. *БИЛЯЛ АСПАНДИЯРОВ.* СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Статьи по истории и источниковедению (1947–1950 гг.)

Слово о Букеевской орде

(Доклад Б. Аспандиярова при защите диссертации, 1947 г.)

В течение всего XVIII века Россия неуклонно расширяла свои границы путем присоединения к империи территорий малых народов, становившихся потом объектом колониального гнета. Царское самодержавие становилось "тюрьмой народов". Закончив захват чужих земель на Западе и Юге России, дворянское правительство активизировало агрессию на Востоке – в сторону Средней Азии.

Еще Петр I считал Казахстан "ключом и вратами" для торговли со Средней Азией, Индией и Западным Китаем. В царствование Екатерины II царское самодержавие усиливает свое политическое влияние на Среднюю Азию. Захватив Башкирию, оно уже стояло на пороге завоевания Средней Азии. Для продвижения в Среднюю Азию царизму необходимо было сперва присоединить Казахстан к России и использовать его как плацдарм для завоевания Средней Азии.

В отношении Казахстана царизм имел свою ближайшую задачу, которая состояла, между прочим, в том, чтобы прибрать к рукам полностью всю территорию Казахстана, разведать ее и в промышленном, и в торговом отношениях.

Политика царизма в отношении Казахстана и Средней Азии составляла лишь часть общей политики царизма, его международной политики и была тесно связана с интересами царизма на Ближнем Востоке и с борьбой против захватов английского империализма в Азии.

Эта политика диктовалась и экономическими интересами, развитием капитализма "вширь", стремлением разрядить напряженную внутреннюю обстановку в России. Эта политика была в интересах русских капиталистов, помещиков и военно-бюрократических верхов царской России.

Такова была, примерно, политическая обстановка в царской России в период, предшествовавший образованию Букеевской Орды.

Посмотрим, каково было положение казахских жузов в описываемый нами период.

В XVIII веке положение в Казахстане характеризовалось тем, что казахские жузы, не имея своей сильной государственности и будучи раздираемы внутренними межфеодальными раздорами, не имели не-

обходимых условий для широкого экономического и культурного развития. Будучи ослаблены постоянными межфеодальными распрями, казахские жузы часто подвергались грабительским нападениям джунгарских ойратов, кокандских и хивинских феодалов и оказывались под угрозой завоевания и порабощения Китаем и среднеазиатскими ханствами.

В первой половине XVIII века казахи Малого жуза, теснимые и преследуемые джунгарскими ойратами, близко подошли к границам России. Создалась чрезвычайно тяжелая для казахов обстановка. Находясь в такой трудной обстановке, казахи стремятся избавиться от постоянных междоусобиц и от вторжения в Казахстан джунгарских ойратов и среднеазиатских ханов. В этих условиях внешнеполитических и внутренних трудностей казахи Младшего жуза вынуждены были принять подданство России, в чем они видели единственный выход из создавшегося тяжелого положения – своеобразную форму союза для борьбы с чужеземными захватчиками и средство для прекращения внутренних межфеодальных войн.

Таким образом, в описываемый период казахи Младшего жуза уже числились подданными царской России.

Приняв казахов в подданство, царское правительство действительно предотвращало всякие нападения на казахов извне, но зато оно отнюдь не допускало внутреннего сплочения казахских родов. Напротив, оно стремилось ослабить казахов Младшего жуза, расчленить их на отдельные враждующие между собой группировки. При этом царизм придерживался принципа "разделяй, да властвуй". Царизм всеми мерами разжигал межфеодальные и межродовые раздоры, использовал всякие случаи, усиливающие внутреннюю вражду казахских родов.

Царская администрация еще задолго до образования Букеевской орды стремилась разложить, раздробить Младший жуз на несколько враждующих между собой ханств. По этому поводу 10 июня 1786 года начальник Оренбургской Пограничной администрации Игельстром в своем донесении Екатерине II писал: "Я отложившихся от хана старался, сколько возможно, не допускать примириться с ним, в чем руководствовало меня Вашего и.в. именное повеление. Вместо одного хана поставить трех в орде, дабы единовластие разъединить".

Такую политику "разъединения единовластия" Младшего жуза царизм неуклонно осуществлял. В результате всего этого казахские феодалы беспрерывно вели борьбу между собою, одни нападали на других, шла взаимная беспрерывная барымта, угоняли друг у друга скот и т. д. При этом казахские феодалы вовлекли в борьбу и широкие казахские массы, которые от этих междоусобиц страдали.

В обстановке междоусобной борьбы различных феодальных групп и интриг пограничной администрации вырос Букей, сын Нурали хана. Он был в числе сторонников царизма, председательствовал в ханском совете, учрежденном в 1797 г. "для обуздания власти ханской". Султан Букей был одним из главных претендентов на ханское достоинство в Малой орде, но не имея шансов на успех, он решил уйти из Малой орды.

По мановению царской администрации, Букей обратился к императору Павлу I, прося его о принятии его, Букея, в "вечное подданство" с подвластным ему народом, с тем, чтобы киргизам было позволено кочевать между Волгой и Уралом и заводить, где удобнее сыщется, в лесных местах селения на зимние пастбища".

11 марта 1801 г. царь ответил рескриптом, что "охотно принимает к себе Букея, позволяет ему кочевать там, где он пожелает, и в знак "благоволения" назначает ему золотую медаль". Получили награды и те царские чиновники, которые в той или иной мере содействовали Букею в этом важном для царизма деле.

По получении такого царского указа несколько казахских родов Малой орды перешли границу и поселились в Астраханских степях (перешли в "вечное подданство"). Спустя некоторое время после переселения казахов на внутреннюю сторону границы были закрыты. Казахов обратно не выпускали. Царская администрация усилила охрану границы, протянула целую цепь сторожевых форпостов вдоль реки Урал и тем самым отрезала казахов от своих сородичей и держала их изолированно. Перешедшие казахи заложили основу нового ханства, названного после царскими чиновниками "Внутренней, или Букеевской ордой".

Таким образом, Букеевская орда появилась в результате осуществления колониальной политики царизма, имевшей своей целью разложение Малой орды.

В первое время жизнь букеевских казахов ничем не отличалась от жизни казахов зауральских. Казахи-букеевцы круглый год кочевали так же, как и казахи зауральские. Жили в кибитках, зимних жилищ не строили. Казахи жили отдельными родами. Во главе всех родов стоял султан Букей, который управлял всеми родами через родовых старшин. Каждый род имел определенную территорию для своих кочевий.

Основным занятием казахов было кочевое скотоводство, составлявшее единственный источник их существования. Других занятий у них почти не было. Скот круглый год держали на подножном корму. Хозяйство казахов часто подвергалось стихийным бедствиям.

Букеевская орда была подчинена Оренбургской Пограничной комиссии, проводившей колониальную политику через султана Букея.

В 1812 году Букей был возведен в ханское достоинство. Но это являлось иллюзией, фикцией. На самом деле роль хана сводилась к роли обыкновенных чиновников, которые действовали по указанию пограничной администрации. Но, тем не менее, внутри орды власть Букея имела значительный вес. Главную опору ханской власти составляли вооруженные отряды царского правительства.

На новых местах букеевцы вскоре стали испытывать большие затруднения. Дело в том, что приход казахов на ранее пустовавшие земли поднял ценность этих земель. Нашлись претенденты на эти земли. Территория орды считалась "государственной", она была предоставлена казахам лишь во временное пользование. На этом основании территория орды часто подвергалась произвольным захватам и урезкам, так, часто площадь пастбищных угодий с течением времени все более и более сокращалась.

Вследствие недостатка атмосферных осадков Астраханские степи часто выгорали. Большие гурты казахского скота вытаптывали растительный покров солончаковой почвы. Вскоре создалась большая диспропорция между кормовыми возможностями и поголовьем казахского скота. Кочевое хозяйство нуждалось в пастбищах и водопоях. Казахи вынуждены были арендовать землю у прилегавших к ним русских селений – помещиков, комендантов сторожевых форпостов, кулаков, которые сильно эксплуатировали казахские аулы. Обострение земельного вопроса вызвало у казахов обратную тягу за Урал. Но царские войска обратно их не пускали.

Так протекала жизнь букеевских казахов при хане Букее. Особых изменений в их жизни не было. Хан Букей был кочевником, кочевником он и умер.

Следующим ханом орды был Джангир – сын Букея. Он получил по тому времени солидное образование. Он был сторонником царских порядков и проводником колониальной политики царизма. Так как царская администрация проводила свою политику в орде через хана, то она стремилась укрепить там царскую власть. Так, начальник пограничной комиссии Ганс на собрании султанов и старшин заявил: "Малейшее неповиновение, малейшее уклонение от приказаний будет преследуемо всею силой высшего начальства".

В период ханствования Джангира в жизни букеевских казахов происходят большие перемены. В основном, этот период характеризуется крепкой ломкой традиционного строя казахских родов, оформлением и усилением ханской власти, насаждением религии, усилением налоговых тягот, сильным проникновением товарно-денежных отношений, экспроприацией общественных земель, усилением эксплуата-

ции, пауперизацией широких казахских масс, резким обострением социальных конфликтов.

Опираясь на поддержку царской администрации и ее вооруженные отряды, хан Джангир смело проводит в орде такие мероприятия, которые были в пользу себе и угодны царскому правительству.

В первую очередь, хан Джангир переустроил административное управление, устранив от управления весь старый его состав, заменив его новыми лицами, более послушными себе. Хан Джангир сосредоточил у себя и административную, и судебную функции и строго подчинил себе все местные органы власти.

Затем хан начал строить в орде мечети, открывать религиозные школы, приглашать татарских мулл и распределять их по родам и отделениям родов. В результате всего этого режим царской политики стал внедряться в сознание казахских масс путем религиозного убеждения.

Дальше. Хан Джангир усиливает существовавшую до него в орде налоговую повинность, придает ей характер обязательности, вводит еще новые формы налогов и увеличивает их размер. Увеличение налогов было связано с ростом денежных обращений в орде, с переходом хана к оседлости, с новым этикетом, который завели у себя хан и султаны, короче говоря, с ростом потребностей господствующей верхушки букеевских казахов. Все эти налоги и связанные с ними злоупотребления легли тяжелым грузом на плечи народных масс. Налоги в орде стали настолько тяжелыми, что народные массы оказались не в состоянии уплатить полностью весь годовой ханский налог. Поэтому на народе стали накапливаться недоимки, которые потом невозможно было восполнить.

Проводя колонизаторскую политику царизма, хан Джангир всеми мерами способствовал развитию в орде торговли. Он охранял торговые интересы русских купцов. Орда стала объектом жестокой эксплуатации развивающегося российского торгово-промышленного капитала. С поднятием роста торговли многие казахи стали сами втягиваться в торговлю. Некоторые жили приказчиками-переводчиками у русских купцов, некоторые – посредниками между купцами и потребителями, а некоторые – уже были самостоятельными торговцами. Все эти казахские торговцы возили товары во внутрь орды и способствовали внедрению там товарно-денежных отношений.

Русские купцы вступали в союз с казахской феодальной верхушкой и совместно с ней грабили казахские массы. Сам хан вел крупную торговлю, выполнял военную поставку.

Далеко неэквивалентная торговля разорительно действует на кочевое хозяйство и значительно усиливает классовую дифференциацию казахов и обостряет социальные противоречия.

Следующие мероприятия хана Джангира были проведены им по линии землепользования казахов. Земельный вопрос в орде был самым жгучим и самым сложным. Ордынская земля считалась "государственной", а казахам она была предоставлена на время. У казахов она была в общинном пользовании. С разрешения царской администрации хан Джангир проводит экспроприацию общественных земель. Огромные земельные массивы, богатые кормами и водопоями, были изъяты из общего пользования и переданы частным лицам в исключительное пользование.

Произошел процесс феодализации земель, находящихся у казахов во временном их пользовании. Царские чиновники не препятствовали такой феодализации "государственной земли" казахским ханом, допустив тем самым явное нарушение установленных ими самими законов. Одновременно с этим хан Джангир в практику казахов вводит куплю-продажу и перепродажу земли, а также и аренду ее, чего раньше не было у букеевцев. Казахские "землевладельцы" в лице хана и его султанов стали применять у себя некоторые методы поместной системы эксплуатации – земельная рента, отработка и т. п.

В результате процесса феодализации в руках землевладельцев оказались общественные водопои, нарушились кочевые пути, образовались чересполосицы и т. д.

В результате процесса феодализации букеевские казахи сильно дифференцировались: с одной стороны, выделились новые крупные землевладельцы, с другой – обезземеленные широкие казахские массы. Обезземеливание широких масс вело их к разорению, потеря земли влекла за собой потерю скота. Положение казахских масс сильно ухудшилось, бедствия трудящихся масс все более и более усиливались.

Таковы, в общих чертах, главные мероприятия, проведенные ханом Джангиром в Букеевской орде с благословения царских чиновников.

Все эти ханские нововведения вызвали глубокие перемены в жизни букеевских казахов. Казахские массы в основном разорились. Они были поставлены в исключительно тяжелые условия жизни: от привычной формы ведения хозяйства они были оторваны, а новых форм еще не выработали. Они испытывали все ужасы такой резкой ломки традиционной общественной жизни. Обнищавшие казахские массы в поисках средств существования вынуждены были идти в любую кабалу.

Само собой разумеется, что такое крайне тяжелое положение не могло не вызвать взрыва гнева народных масс. В народе все время накапливалась злоба, которая в дальнейшем переросла в ненависть.

Эта ненависть была направлена как против феодалов, так и царского правительства. Народные массы главным виновником своего бедственного положения считали хана. Вот почему в Букеевской орде часто вспыхивали волнения казахов, направленные против хана. Но выступления были стихийными, и в разное время они имели разный характер.

В первый период выступления казахов развертывались под лозунгом обратного ухода за Урал. Казахские массы стремились избавиться от всех видов гнета путем ухода за Урал. Во главе такого движения казахов оказывались представители господствующего класса, которые хотели использовать выступления народных масс в своих узкодинастических целях. Вследствие этого такие выступления заранее обреклись на неудачу.

Самым крупным выступлением народных масс Букеевской орды было движение казахов под руководством Исатая Тайманова.

Тезисы диссертации "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" (1947 г.)

1. История Букеевской орды до сего времени недостаточно изучена. Правда, буржуазные историки собрали немало материалов по истории Букеевской орды и написали ряд работ, но все они рассматривают историю орды в сугубо классовом разрезе в интересах колониальной политики царизма.

Ни один из них не дает удовлетворительного освещения социальной истории этой орды. Они почти совсем не затрагивают внутреннего социально-экономического строя казахского общества.

2. В советский период по истории Букеевской орды вышло несколько работ: Рязанова, Вяткина и др. Но эти работы освещают отдельные стороны истории орды и не дают общего представления истории этой орды. Моя задача состояла в том, чтобы изучить историю Букеевской орды на основе архивных фондов и литературных источников и дать полную картину истории этой орды с момента образования этой орды до ее ликвидации. Таким образом, моя работа явилась дополнением к тем разрозненным и отрывчатым сведениям, которые имелись в дореволюционной и послереволюционной литературе по истории орды. При изучении истории Букеевской орды иною были использованы и огромное количество, как архивных, так и литературных источников. Все собранные мною материалы приведены в строгую систему и изложены в моей диссертации. Краткий критический разбор архивных источников и литературы мною сделан в введении.

3. На основании тщательного изучения архивных фондов и литературных источников, мною установлено, что образование Букеевской орды тесно связано с осуществлением колониальной политики царизма в Казахстане и той межфеодальной борьбой, которая охватила Казахстана в конце XVIII века.

4. В обстановке междоусобной борьбы различных феодальных групп и интриг пограничной администрации вырос султан Букей, сын Нурали хана. Он был сторонником царизма и как таковой представительствовал в царском Совете М.О., учрежденном в 1797 году "для образования власти ханской". Султан Букей был одним из главных претендентов на ханское достоинство в М.О., но, не имея шансов на успех, он решил уйти из Малой Орды.

5. По совету царских чиновников султан Букей обратился к императору Павлу I с ходатайством о принятии "в вечное подданство с подвластным ему народом с тем, чтобы киргизам было позволено кочевать между Волгой и Уралом и заводить, где удобнее сыщется в

лесных местах селение на зимнее пастбище. Ходатайство было удовлетворено.

6. Часть казахов Малой орды отдельными родами, управляемыми своими родовыми старшинами во главе с султаном Букеевым в 1801 году – перешла р. Урал, составляющую тогда границу царской России и поселилась в Астраханских степях. Пропустив казахов на "внутреннюю" сторону границы, царская администрация закрыла границы, обратно казахов не выпускала. Она усилила охрану границу, протянув целую цепь сторожевых форпостов воль реки Урала, тем самым отрезала казахов от своих сородичей и держала их изолированно, удерживая их "внутри границ" насильственными мерами.

7. Перешедшие казахи заложили основу нового ханства, названного царским правительством "Внутренний или Букеевской ордой". Эта орда стала развиваться в совершенно иных условиях, чем внешняя орда и вследствие этого жизнь казахов "Внутренней орды" стала претерпевать большие изменения.

8. В силу того, что Букеевская орда была расположена внутри Российской империи, на нее стали оказывать влияние разные факторы, вызвавшие большие изменения в экономической и социальной жизни букеевских казахов. Прежде всего оформилась ханская власть. В связи с ростом ханской власти, повышается экономическое и политическое значение султанства и духовенства. Усилился налоговый гнет широких масс.

9. Вообще, ханский период орды характеризуется, в основном, насаждением религии, усилением налоговых тягот, узурпацией общественных земель, проникновением товарно-денежных отношений, ломкой общественного строя казахских родов, ухудшением положения широких казахских масс и резким обострением социальных противоречий.

10. В результате экспроприации общинных земель и жестокого феодального гнета со стороны султанско-байской верхушки, казахские массы обнищали и подверглись также жестокой колониальной эксплуатации.

11. Под влиянием разных факторов жизнь букеевских казахов претерпевала большие изменения. Вследствие пауперизации казахские массы стали переключаться на другие формы хозяйствования: переходят к оседлости и земледелию. В этом отношении влияние русской культуры на казахов имело колоссальное значение. Переходя к оседлости, казахи заимствовали формы и методы жилищного строительства, стойлового содержания скота, формы и методы молочного хозяйствования и т.д.

Приступая к земледелию, казахи переняли у русских готовые образцы и навыки ведения сельского хозяйства и сельскохозяйственные орудия.

12. В орде стали открываться русские школы, где обучение велось на русском языке. С течением времени число школ стало увеличиваться. Значение русского языка и русской культуры оказало огромное влияние на казахов. Благодаря знанию русского языка, казахи имели возможность приобщиться к передовой культуре великого русского народа.

За Кенесары шел народ

(Стенограмма выступления Б. Аспандиярова в г. Алма-Ата 16 июля 1948 г. в ходе дискуссии по книге Е.Б. Бекмаханова "Казахстан в 20—40 гг. XIX века")

Ввиду неожиданности для меня подготовки этой дискуссии, я, товарищи, не успел, как следует к ней подготовиться. Однако я решил внести в наше общее дело свою посильную лепту. Прежде всего, в течение этого короткого времени мне удалось проследить только один вопрос — это вопрос о том, является ли это движение ("движение Кенесары Касымова") массовым или немассовым. На этот вопрос мне удалось обратить свое внимание и собрать некоторые предпосылки для того, чтобы сделать некоторые выводы. И то, что я успел собрать, разрешите довести до вашего общего сведения.

Некоторые участники дискуссии по книге тов. Бекмаханова в ходе многочисленных обсуждений вопроса успели уже в корне изменить свои основные взгляды. Возьмем, например, тов. Якунина, о чем докладывал один из выступавших товарищей. Я был участником этой дискуссии, когда первый раз обсуждался вопрос о Кенесары Касымове. Тов. Якунин утверждал совершенно обратное тому, что он заявляет в настоящее время. Как видите, некоторые критики, т.е. некоторые противники этого вопроса в ходе исследования сами убеждаются, что это движение является ни чем иным, как общемассовым движением.

Затем возьмем тов. Шахматова. В марте месяце этого (1948 г.) года при обсуждении гранок второго издания "Истории Каз.ССР" тов. Шахматов доказывал, что движение Кенесары Касымова было феодально-монархическим. Проходит некоторое время, и Шахматов резко изменяет свое направление. На совещании при Президиуме АН Каз.ССР он заявляет, что движение Кенесары Касымова было национально-освободительным. Зато одновременно он выдвигает и другой тезис, что движение не было массовым, что в нем не участвовали широкие народные массы.

С таким же заявлением выступила на московской дискуссии тов. Х.Айдарова. Профессор Н.М. Дружинин бросил ей упрек, что свое заявление она не подкрепляет конкретными данными, что ее заявление носит абстрактный, огульный, довольно голословный характер.

Ввиду того, что этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение для оценки всего движения в целом, я хочу остановиться несколько подробнее и разобрать, кто в данном случае виноват: тов. Бекмаханов, считающий движение массовым, или тов. Айдарова, которая считает движение немассовым.

Разрешите привести некоторые доводы.

Тов. Бекмаханов утверждает, что движение Кенесары Касымова является массовым. Спрашивается, на чем тов. Бекмаханов основывается, утверждая, что это движение массовое, что в этом движении участвовали широкие народные массы. В его книге на стр. 168 по 170-ю страницу мы находим целый ряд таблиц с описанием всех родов, принявших участие в движении, возглавляемом Кенесары Касымовым. В нем участвовало много родов. Были отдельные роды, которые находились совершенно в другом краю Казахстана. Таблица эта составлена очень тщательно и добросовестно, это подтверждается тем, что против каждого рода и отделения мы находим указания, из какого архива заимствованы данные сведения, какими документами они подкрепляются. Мы имеем здесь дело с точными научно-обоснованными и документально подкрепленными данными, заимствованными из Центрального военно-исторического архива, исторического архива Казахстана, архива Чкалова (Оренбурга) и из центральных архивов Москвы, Ленинграда, Ташкента и др.

На странице 3 в единую таблицу сведен огромный фактический материал. Одно только собирание этого материала потребовало от автора, несомненно, очень долгих многолетних трудов, большой кропотливой, вдумчивой исследовательской работы. О чем говорит эта таблица? Данные таблицы неопровержимо свидетельствуют о том, что за исключением Адаевского, части Джапасского, Аргынского родов, которые в движении Кенесары не участвовали по каким-либо причинам, все остальные казахские роды принимали участие в этом движении, хотя выступали неравномерно, что объясняется передвижением Кенесары от одного жуза в другой.

Что касается архивных материалов, привлеченных для составления данной таблицы, то здесь имеем, главным образом, рапорты, донесения таких лиц, которые никак не были заинтересованы в том, чтобы преувеличить размах движения. Привожу примеры. Возьмем, например, султана Санали Мурзагалиева. Он пишет: "По сведениям, собранным мною, узнал, что киргизов при Кенесары состоит около 5000 аулов из родов: Багалинского, Аргынского, двух племен Жеваргы и Томгенти, Табынского, Таминского, Байбактинского, Чиклинского, Чумекеевского, Аппасского и других..." (читает). Султан-правитель Джантюрин, не заинтересованный в преувеличении сил Кенесары, показывает, что в восстании Кенесары участвовали целые казахские роды. Поручик генерального штаба Герн в своем рапорте председателю Оренбургской пограничной комиссии Ладыженскому пишет: "Скопище султана... (читает) Кенесары состоит из его тюленгутов (до 1000 человек) и примкнувших к нему бродяг аргынцев, торткаринцев,

чумекеевцев, тамын и табынцев, есть также баганалинцы, керейцы, кипчаки и со всех родов Оренбургского и Сибирского ведомства". Таковы данные царских чиновников.

Я должен довести до вашего сведения, что я являюсь сыном казаха, я из кипчакских родов, о которых здесь упоминается. Моя бабушка, а учтите, я уже в летах, рассказывала неоднократно, что все роды кипчаков участвовали в движении Кенесары, затем, преследуемые царскими отрядами, удалились временно в Чаусаки, потом вернулись обратно на свои места. Она была уверена, что целый ряд кипчаков участвовал в движении.

Я должен обратить ваше внимание на слово "бродяги". Бродяга значит одинокий. Этим словом представители царской администрации называли либо своих противников, либо бедняков, которых было много в составе вооруженных сил Кенесары. Оренбургский военный губернатор, генерал Обручев в докладной записке военному министру Чернышеву сообщал, что киргизы Оренбурского ведомства, присоединившиеся к мятежному султану Кенесары, вышедшие из повиновения ближайшего своего начальства следующих родов: Торткаринский, Чиклинский, Алчинский, Аргынский, Баганалинский, Чумекеевский и др., части Карабашевского рода. Значит, все роды участвовали полностью, а этот род — только частью. Кроме того, имеем рапорты Горчакова военному министру Чернышеву об активном участии в движении Кенесары Касымова многочисленного кипчакского рода, нашего рода (смех). Все это является документальными и неопровержимыми доказательствами.

Что противопоставляют этим документам и доказательствам тов. Айдарова и тов. Шахматов? Абсолютно ничего, кроме голословных фраз и утверждений. На совещании 14 июня тов. Шахматов заявил: "Движение не было массовым. Цифры, приводимые тов. Бекмахановым, преувеличены и случайны. Упоминаются роды, от которых в движении участвовали единицы". Примерно то же самое заявляет и тов. Айдарова. Как видите, товарищи, заявление тов. Шахматова очень ответственное, но оно решительно ничем не подкрепляется. Критики не дают своих цифр, от каких именно родов участвовали единицы. Конечно, не дают, потому что таких источников у них нет. Если бы они дали эти источники, мы бы действительно проверили, так это или нет. Поэтому эти критики выступают с громкими, но совершенно голословными заявлениями, которые ничего не дают.

Между тем мы знаем, что тов. Бекмаханов черпал свои данные из многих архивов, из более надежных источников. Я лично считаю, что тов. Бекмаханов на совершенно конкретном материале доказал, что движение Кенесары было массовым, иначе и быть не могло. Ибо,

если бы в нем участвовали только единицы, как говорили критики, то оно не могло бы так долго продолжаться. Единицы не двигаются, а если и двигаются, то скоро уничтожаются. За Кенесары шли широкие народные массы на протяжении более 10 лет. Вот почему я считаю, что движение Кенесары было не только освободительным, но и массовым.

Однако чем же объяснить утверждение о том, что движение Кенесары – феодально-монархическое, в котором участвовали лишь одиночки.

За Кенесары шел народ, а народ – это не одиночки. Движение казахских народных масс объясняется очень просто. Царские чиновники изымали лучшие земли и тем самым лишали жизненных условий, это стимулировало народное движение. Такова почва, на которой появился Кенесары. Он обещал и землю, и свободу, и независимость. В глазах широких масс Кенесары боролся и против внешних врагов. Вот почему массы шли за Кенесары и поддерживали его, и это является естественным. Народ поднимался на борьбу, как говорили московские ученые, за право на жизнь, за право на существование, на борьбу против самодержавия. Шли казахские массы, которые сильно страдали от колониального гнета. Таким образом, движение было массовым, национально-освободительным, направленным против царизма. При этом надо сказать еще, что цели и задачи участников движения у каждой отдельной социальной группы могли быть и различными.

Мое заключение таково: я на основе этих неоспоримых фактов считаю, что движение было массовым. Это неопровержимый факт. На этом я закончил бы свое выступление, поскольку я специально занимался только этим вопросом. Но выступление тов. Айдаровой заставляет меня продолжать. Разрешите мне высказать мнение по поводу рецензии тов. Айдаровой.

Во-первых, тов. Айдарова упрекает тов. Бекмаханова в том, что он не мог видеть класса уходящего, клики султанов. Я считаю – это неправда, класс султанов не уходил и не собирался уходить тогда. Класс султанов не уходил, а царизм насильно ломал его, что вызвало взрыв этого класса. Мне кажется, тут есть компетентные ученые, которые, возможно, могут подтвердить, что отождествлять то, что сам уходит со сцены, с тем, что насильственно убирается, нельзя. Уход – это одно положение, а убирают, ломают, разрушают его – это другое положение. Эти две вещи, как небо и земля. Поэтому тов. Айдарова неправильно применяет в данном случае указание товарища Сталина об отмирании классов. Тут не было отмирания класса, а тов. Айдарова применяет это положение. И я считаю это неправильным.

Дальше тов. Айдарова говорит, что "разложение патриархально-феодального строя, а вместе с тем и его политической формы – власти ханства – в условиях XIX века в Казахстане является шагом вперед". Я спрашиваю – а почему же в таком случае организацию ханства в этом же веке на новой феодальной основе она не может считать шагом вперед, а считает шагом назад? Как видите, сама тов. Айдарова здесь заходит в тупик.

Дальше, движение народных масс тов. Айдарова считает движением господствующей группы султанов. Это также неверно. Султаны без поддержки масс – изолированы, не могут двигаться. Султаны сильно боятся смерти, а если и двигаются, то только стоя за спиной тех, чьими руками они жар загребают. Следовательно, они могли двигаться только при поддержке масс. А отсюда выходит массовость движения. Поэтому заявление тов. Айдаровой, что движение является голым султанским движением, не выдерживает никакой критики.

Тов. Айдарова утверждает, что движение Кенесары направлено на восстановление национально-замкнутого государства – ханства. Это также неверно. Кенесары вовсе не стремился к созданию замкнутого ханства. Он не мог стремиться к этому, то есть к тому, чтобы окружить Казахстан китайской стеной, как говорили об этом московские ученые, а стремился изменить форму подданства, форму связи с Россией, облегчить форму подданства как себе, так и всем, о чем свидетельствует целый ряд документов.

Дальше тов. Айдарова говорит, что присоединение Казахстана к России было меньшим злом. Об этом говорили вчера, об этом говорил сегодня тов. Турсунбаев. Мы давно знаем, что это было наименьшим злом. Об этом говорила и тов. Айдарова, и все.

Однако никто из говорящих не ставил и не ставит вопроса о том, какое было бы зло в том случае, если бы Казахстан каким-то чудом превратился в тот период в самостоятельное государство. Это абсурд, но я просто сознательно допускаю. Мы должны рассуждать. Допустим, что в этот период Казахстан превратился в самостоятельное государство. Что бы тогда случилось – было бы это зло или не зло. Можете ответить? Тут, товарищи, возможны два ответа: либо да, либо нет.

Если вы скажете да. Что значит это да? Если создание самостоятельного государства является злом, тогда нельзя ставить вообще вопрос о самостоятельном развитии народностей, тогда не надо бороться за независимость.

Если вы скажете нет зла, что самостоятельное существование не является злом, то борьба за независимость также не будет злом. Тогда остается, товарищи, считать, что мы должны и приветствовать движение угнетенных национальностей против империалистов. Раз так и такое движение мы считаем прогрессивным фактом, то почему же не

может считаться народным движение, направленное против царской России. Мы должны его считать прогрессивным фактом. И тут тов. Айдарова не права.

Дальше тов. Айдарова отрицает массовый характер восстания, объясняя это текучестью состава участников и насильственным вовлечением казахов, которые при первой возможности оставляли Кенесары и уходили. Она утверждает, что Кенесары вовлекал их в движение путем запугивания. Мне кажется это неправильно, не совсем так.

Во-первых, само передвижение Кенесары является вынужденным, не произвольным. Почему он передвигался? В силу неравенства воюющих сторон. Вооруженные царские войска наступали, преследовали все время. Кенесары вынужден был все время отступать. Этим объясняется передвижение.

Во-вторых, тов. Айдарова объясняет текучесть состава участников восстания запугиванием со стороны Кенесары. Если так, то я задал бы ей вопрос – а карательные отряды царского правительства меньше запугивали? Разве вся система карательной политики не нагоняла страх на казахские массы, разве карательные отряды не разоряли казахские аулы? Не применяли своих методов для того, чтобы оторвать отдельных сторонников Кенесары? Кто в данном случае был сильней? Царское правительство больше запугивало, больше карало, больше отрывало народные массы от движения, возглавляемого Кенесары Касымовым.

И, в-третьих, текучий состав движения является обычным явлением в истории движения народных масс. Я преподаю 15 лет историю и знаю, что такое народное движение. Возьмем движение Болотникова, Степана Разина, Пугачева. Вы знаете высказывание Сталина, что крестьяне дальше своего села не идут. Естественно поэтому, что казахи не уходили далеко от своих пастбищ. И этим частично объясняется их отход от движения.

Тов. Айдарова заявляет, что тов. Бекмаханов не задается целью выяснить – могут ли участники движения выразить общность интересов в борьбе против царизма. Речь идет о том, что в движении Кенесары Касымова участвовали и другие народы: русские, казахи, башкиры и т.д. И тов. Айдарова спрашивает, могут ли эти представители выразить общность интересов. Это положение мне кажется странным. Как же они могли выразить общность своих интересов в борьбе? Какого выражения она от них требует? Маркс и Энгельс только появились на горизонте. Наших великих вождей В.И. Ленина и И.В. Сталина тогда еще не было. Поэтому участники восстания – казахи и не казахи – не могли идейно выразить общность своих интересов. У них не было идейных руководителей. Тем не менее, они выражали эту общность по-своему. Выражали тем, чем могли выражать, а именно: вместе боролись против царизма и вместе умирали.

Следовательно, они выражали общность своих интересов своей собственной кровью. Больше ничем выражать эту общность они не могли.

На этом я хочу закончить свое выступление. Правильно, что царское правительство угнетало казахов и другие народности на территории России. Это неспоримый факт. Но теперь не царское правительство, а советское правительство.

У меня единственное желание, чтобы жила наша великая, чудесная, великолепная Родина, чтобы мы едиными общими усилиями очистили нашу историю от того мусора, которым была загромождена история казахов. Призываю Вас, всех молодых историков, объективно, без вкладывания героического темперамента, серьезно, хладнокровно обсудить проблему, давайте общими усилиями разрешим этот запутанный вопрос (аплодисменты).

Мое заключение – я убежден: движение Кенесары Касымова массовое, и я считаю это движение колониально-освободительным.

* * *

Участники дискуссии 1948 года о выступлении Биляла Аспандиярова:

С.Г. Медведев, ученый секретарь редакции "Вестник АН КазССР": Чтобы разгромить книгу Бекмаханова, противники его точки зрения подходили с разных сторон. Отрицание массовости (движения Кенесары - ред.) - эту версию разбил здесь тов. Аспандияров";

И. Уразбаева: "Я хочу ответить на упреки тов. Ахинжанова, который с этой трибуны заявил, что "плоды буржуазного национализма", якобы протащенные тов. Бекмахановым, видны в выступлениях тт. Жиренчина, Аспандиярова и др. Я бы хотела сказать, что опасения тов. Ахинжанова необоснованны. Эти товарищи, и я в том числе, не потеряли чувства сознания и партийной совести".

Из отзыва ведущего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва) О.Г. Зайцевой (2000 г.):

"О гражданской и научной смелости ярко свидетельствует выступление Б.Аспандиярова в ходе кампании, направленной против трактовки казахской истории, высказанной Е. Бекмахановым. Б. Аспандияров был одним из очень немногих ученых, не побоявшихся поддержать молодого историка и его точку зрения. Научную истину он поставил выше не только карьерных соображений, но даже личной безопасности. Выступление Б. Аспандиярова представляет собой документ эпохи, обладающий огромной моральной силой".

Из архива Б.А. Аспандиярова:

Освещать историю К-а только
с точки зрения фабрикования традиции
борьбы за независимость

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ,

открытые Б.Аспандияровым в фондах Центрального исторического архива Каз.ССР, но не вошедшие в "Документальный сборник по истории Букеевской орды" в 1948–1950 гг.

Документы: январь 1801 г. – сентябрь 1858 г.

N 1. 1801 г. января 26. – Выписка из "дневных журналов" Оренбургской пограничной комиссии о наказании киргизов Таминского рода: Испая Абдулова, Толяна Байнарова и др. за ловлю рыбы

По выслушении выписки, учиненной из дела, произведенного над киргизами Таминского рода: Испаем Абдуловым, Толяном Байназаровым и Ижень-Алием Кунакуевым, пойманными на Нижне-Уральской линии Орловского форпоста караульными на рыболовстве, / при урочище Ку-Кушкиною перебойною называемом/ имели суждение, что хотят киргизцы они, при учиненных им в комиссии о убедительнейшим увещеванием допросах и не сделали признания в ловле ими в реке Урале рыбы; но поелику Уральская воинская канцелярия в донесении по сему предмету свидетельствует, что они действительно пойманы на самом месте рыболовства, что они в сем поступке добровольно уже там признались и что настану их в знак поличного, найдено наловленной ими рыбы осетров и белуг девять /штук/. А посему самому отрицание их не следует принимать во уважение, и особенно потому, что воинская канцелярия, яко место присужденное, не имела никакой нужды писать, в их допросе того, чтобы они сами добровольно не показывали, основываясь на указе 1775 мая 20 дня довлеет принять их за точных виновников; признавая виновными, по содержанию сборного уложения 21 главы, 20 статьи в страх другим и в отрицание их от подобных своевольев полагают, наказать их через г-на Плацмайора в аманатном дворе/легчае/палками, и потом освободя из-под караула отпустить в орду, с подтверждением, что если они впредь будут изобличены или пойманы будут на рыболовстве, то подвергнут себя всей строгости закона, с чем для внушения и прочим киргизцам отписать хану-совету, то и управляющим Байлинским и Семиродским родам султанов, каковое заключение и ПРИКАЗАЛИ: представить г-ну военному губернатору и кавалеру на апробацию особенным рапортом.

Председатель: генерал-лейтенант Лебедев.
Статский советник – Петр Чучалов
Асессоры – Кадомцев, Сапожников, секретарь – Шапошников

ЦИА Каз.ССР, ф.4, оп. д.20, л. 231–232.

N 2. 1807 г. ноября 15. – Прошение хана Букея Нуралиханова – Астраханскому вице-губернатору Малиновскому о защите и присылке казаков для охраны

Первый из султанов возымел желание удалиться от меньшей орды, от неспокойной их жизни с подвластными разных отделений киргиз-кайсаками, и по всемилостивейшему благоволению великого государя императора перешел, с помощью г-на ген.-майора и кавалера Павла Семеновича Попова, со Степной на внутреннюю сторону, и я тогда пленясь с подвластными таковою благоденственною и покойною жизнью, каковую имел в трехлетнее пребывание и питал себя навсегдашнею надеждою препроводить в оной, но в прошедшую зиму от подвластных высокостепенного хана Джантюри киргизов разные чикены были обиды и угон лошадей, о чем я тогда ж относился по начальствам, как и ныне, со испрошением возврата разного скота, однако не имел счастья воспользоваться удовольствием. В нынешнем же году в сентябре месяце по поводу самого хана Джантюри переправясь из за Урала на здешнюю сторону киргизы Семиродского рода в разных партиях до трехсот человек, с огнестрельным и прочим оружием при легких, кошах с присовокуплением к оным двух султанов; первый брат хана Ток Ходжа Айчуваков, и второй племянник Абдекен Агимов, при наставлении, если первые .... 1/ мои аулы, то быть на оные или не скот мой, кои разделясь по частям и в последних числах сентября угнали у ослевозцев 25 волов и по донесению во мне от г-на сотника Рябова, за коими тогда же послана погоня и воры киргизы устремясь оставили волов, удалились бегством, которые мною и доставлены Рябову. В октябре месяце на 4 число у меня и тюленгутов угнано 6 верблюдов и 360 лошадей, на 12 число Маскарского рода у мурзы Кидея Истемисова от трех отделений 545 лошадей, на 15 число Танинского рода у старшины Коная Ходжа Моярова 435 лошадей, на 22 число – Ногаевского рода у Айбаса Исангузыева с братьями 670 лошадей, на 24 число у кундровских татар в два раза 603 лошади, на 19 число у калмыков в два раза же 310 лошадей и всех угнано 2918 лошадей и в последний числа сего месяца получил известие от его сиятельства кн.Тюменя, что воры-киргизы ищут аул мой или скот киргизский, почему я вынужденным нашелся взять особенную предосторожность, известя поблизости и киргизов, собрав около ста человек, откомандировал в то место, где оных калмыки видели, которые на рассвете преследованы и воры и состоящие из ста тридцати человек и двух султанов, сделавши удар и ружейные выстрелы пораня много людей и лошадей, и мои, видя таковой немилосердный поступок вынужденными нашли себя защищать, и по смешении и темноте ночи неведомо кем убит султан Агимов, и прочие при брате ханском удали-

лись бегством, чему я мало мог верить, чтоб имел высокостепенный хан таковое намерение расстраивать и посылать от лица своего на грабительство и разорение, который всемилостивейшою монаршею всем награжден, и награжден без остатка, однако по долгу своему тогда ж послал к сей особе старшин и кундровского татарина Абдулгалия / которого изволите лично спросить, что хан мыслит/ с благосклоннейшим испрошением о возвращении хотя моих, кундровских и калмыцких лошадей/ которые при собственном его табуне находятся/, но мною упоминаемая особа не только не приняла просьбу мою во уважение, и даже не хотя слышать об оной и устыдяся говорить посланным моим, что чей бы скот не попался, мне надобности нет, лишь бы смежно был с Букеевским, да и цель его к тому клонится, чтоб обесскотить со мною пришедших и расстроить с обитающими здесь народами, и из сего изволите рассмотреть выше высокородие, что мне не благоприятствуют ни сам хан и даже и все почти братья мои, имеющие непримиримую злость, но видно и Уральская линия хана уважая поводом служить перепуска таковых бродяг при орудии на здешнюю сторону не малыми партиями, что в прошедшие времена таковой слабости ни в какое время не могло быть.

Почему и прибегая под покровительство и защиту вашего высокородия со испрошением куда следует по начальству, о сем происшествии дать знать, и по таковым угрозам хана, нижайше прошу соблаговолить доставкою ко мне для сохранения жизни моей и семейства моего ста человек казаков.

С подлинным верно:

Губернский секретарь Никита Тихонов

ЦИА Каз.ССР, ф.4, д.104-а, лл 150—152 об.

N 3. 1818 г. — Свидетельство, выданное Искенину Толегену о возведении его в старшинское достоинство

Предъявитель сего киргиз-кайсакской меньшей орды Кердаринского рода киргизец Толеген Искенин во уважение хорошего поведения его и усердия к российской стороне, вследствие предписания г. Оренбургского военного губернатора и кавалера утвержден Оренбургскою пограничною комиссиею в старшинское достоинство с представлением ему права управлять теми киргизцами, кои имеют к нему приверженность, а потому как народ киргизский равноти г.г. линейные коменданты и начальники имеют признавать его старшиною и оказывать ему при приездах на линию пристойное уважение в справедливых же настояниях делать возможное удовлетворение, на противу чего должен и он Искенин сохранять верноподданническую свою

к высочайшему престолу великого государя императора всероссийского присягу и всемерно стараться усугублять ревность свою к российской стороне и подчиняющихся ему киргизцев содержать в том порядке и приверженности, в каком озабочиваются видеть пограничное начальство и отнюдь не допускать их чинить противу стороны Российской и между ординцами дерзости и шалости, в противном случае малейшая какая замечена будет со стороны нерадивость и уклонение от предлежащей обязанности по службе, тогда подвергнет себя строгому взысканию и поступлению по законам, но если он Искенин усугубит и службе усердие, то несомненно может надеяться приобрести отличнейшее о себе со стороны пограничного начальства внимание. В засвидетельствование чего подписуется.

Подписи.

ЦИА Каз.ССР, Ф.78, оп.1, N6, за 1818–1820 гг.

N 4. 1819 г. октября 4. – Отношение генерал-майора Бородина султану Шигаю о разрешении казахам в составе 1611 кибиток перейти обратно за р. Урал

Его высокопревосходительство Оренбургский военный губернатор ген. Ст. инфантерии и кавалер Эссен дал мне знать, что приносившим просьбу о переходе со Внутренней на Зауральскую сторону: султану Ильтаю Нуралиеву и старшинам: Байбактинского рода Джантлеу Джангутлыеву, таминского рода Исенгильдию Аймурзину и алачинского рода Тархану Кунгуз Сафрабиеву, – всего в 1611 кибитках переход с внутренней на киргизскую сторону высочайше дозволен.

Из сего усмотрится ваше степенство, что всемилостивейший государь император, даровав покойному хану Букею обширные земли в Астраханской губернии, не имеет однакож намерения против воли удерживать на сих землях киргизцев и всегда готов склонить слух милосердия к их желаниям, если только они изъявлены законным образом и не соединены с своеволием и неповиновением к установленным властям.

И потому, вследствие повеления его высокопревосходительства, доводя сие обстоятельство до вашего сведения, я прошу употребить сей случай в пользу ко внушению вышеписанного ордынцам под управлением вашего степенства состоящим, давая при этом знать, что я со своей стороны некоторым султанам на внутренней стороне находящимся.

Генерал-майор Бородин

ЦИА Каз.ССР, ф,78,. Оп.1, д.7, лл. 6 и 6 об.

N 5. 1819 г. октября 4. – Уведомление наказного атамана Уральского казачьего войска старшине И.Тайманову о даровании хану Букею земель

Его в-во Оренбургский военный губернатор г-н ген. от инфантерии и кавалер Эссен дал мне знать, что приносившим просьбу о переходе со внутренней на зауральскую сторону: султану Ильтяю Нуралиеву и старшинам: Байбактинского рода Джантлеу Джангутлыеву, Таминского рода Шоянгильдию Яммурзину и Алачинского рода тархану Кунгузя Сафрабиеву всего в 1622 кибитках переход с внутренней стороны высочайше дозволен.

Из сего усмотрите Вы, почтенейший старшина, что воемилостивейший государь император, даровав покойному хану Букею Общинные земли в Астраханской губернии, не имеют однако и намерения против воли, удерживать на сих землях киргизов и всегда готов отклонить слух милосердия к их желаниям, если только они извъявлены законным образом и не соединены с своеволием и неповиновением к установленным властям.

И потому вследствие повеления его в-ва дав Вам о сем знать, я прошу употребить сей случай в пользу ко внушению вышеописанного ордынцам под управлением Вашим состоящим, уведомляю при сем, что я с своей стороны писал о нем управляющему Букеевскою ордою султану Шигаю Нуралиеву.

Ген. майор – Покатилов/.

ЦИА Каз.ССР, ф.4 д. 2039, т. 1, л. 608 об.

N 6. 1819 г. ноября 1. – Количество киргиз, кочующих на степях Астраханской губернии

	Число кибиток	Число мужчин, женщин и детей
Киргиз, кочующих на степях Астраханской губернии	13.762	68.810

С отпуском верно правитель киргиз-кайсакской Меньшей орды султан Шигай Нуралиев приложил именную печать свою.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.1, д.4, л.4.

N 7. 1819 г. ноября 1. – Ведомость о количестве скота у казахов Букеевской орды

	Число голов
Верблюдов	110.736 978 1/
Лошадей	650 765 2/
Рогатого скота	235.856
Баранов	3.985.707
Козлов	127.442

1.Верблюдов – зачеркнуто 120, осталось 978, наверху написано 110736.

2. Лошадей – зачеркнуто 178759.

ЦИА Каз.ССР., ф.78, оп.1, д.4, лл.4 об.

N 8. 1819 г. декабря 23. – Свидетельство, выданное Оренбургской пограничной комиссией казаху таминского рода Дусаю Хайбасарову об утверждении его старшиной

Предъявитель сего Киргизкайсацкой меньшей орды Таминского рода киргизец Дусай Чайбасаров во уважение хорошего поведения его и усердия к российской стороне, вследствие предписания г-на Оренбургского военного губернатора и кавалера утвержден Оренбургскою пограничною комиссиею в старшинское достоинство с представлением ему права управлять теми киргизцами, кои имеют к нему приверженность. А потому, как народ киргизский равно и г-да линейные коменданты и начальники имеют признавать его старшиной, показывать ему при приездах на линию пристойное уважение, в справедливых же настояниях делать возможное удовлетворение, на против чего должен и он Чайбасаров сохранять верноподданническую свою к высочайшему престолу великого государя императора всероссийского присягу и всемерно стараться усугублять ревность свою к российской стороне и подчиняющихся ему киргизцев, содержать в том порядке и приверженности, в каком озабочивается видеть пограничное начальство и отнюдь не допускать их чинить против стороны Российской и между ординцами дерзости и шалости, в противном случае малейшая какая замечена будет со стороны его нерадивость и уклонение от предлежащей обязанности по службе, тогда подвергнет себя строгому взысканию и поступлению по законам, но если он Чайбасаров усугубит к службе усердие, то несомненно может надеяться приобрести отличнейшее о себе со стороны пограничного начальства внимание. В засвидетельствование сего и подписуется сей присутствующими погра-

ничной комиссии с приложеним казенной печати. Декабря 23 дня 1819 г.

Асессор и кавалер – Такиринов
Асессор – подпись неразборчиво
Коллежский асессор – подпись
Секретарь – подпись

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д. 6, лл. 18 и об.

N 9. 1820 г. январь 14. – Отношение управляющего Внутренней ордой Шигая Нурали-Ханова Астраханскому войсковому атаману Скворцову о передаче управления ордою, в связи с откочевкой его к Каспийскому морю, султану Чуке Нурали-Ханову

Я во всегдашнее время за откочевкой своей к Каспийскому берегу препоручаю подвластный мне киргиз-кайсакский народ, кочующий в Рын-Песках и около Камыш-Самара, находящемуся под/моим/ управлением степенному султану ЧОКЕ НУРАЛИ-ХАНОВУ, с кем дал знать войска Уральского войсковую канцелярию и войсковому старшине Копитину, коих просил, чтобы они за поясненную моею откочевкою отнюдь, как Уральской, так и Астраханской линии, начальники кои отмежны с кочующими мне около поясненных мест киргизцами, отнюдь бы киргизцев без билетов его, султана Чоке Нурали-Ханова, чрез черту кордонную во все селения не пропускали.

А как он, султан Чока Нурали-Ханов, ныне по приезде своем ко мне в отставку объявил, что киргизцы, как всегда ездят чрез черту кордонную по Узенской линии без выданных от него билетов, то дабы, в случае каких иногда неприятностей, сделанных киргизцами, не мог он оставаться в ответственности, просить моего с кем следует об оном сношении.

Доведя сие до сведения вашего высокоблагородия я не могу о сем умолчать, чтобы не просить об утверждении нашим Узенской линии начальником с тем, чтобы они отнюдь без билетов его, султана Чоки Нурали-Ханова, вселении чрез черту кордонную пропусков не делали, так же, ежели где и случится что либо сделанное подвластными мне киргизцами неприятное, те бы доводили до сведения его, Чоки Нурали-Ханова, о последующем прошу не оставить меня вашим уведомлением.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д.20, л.38.

N 10. 1820 г. март 1. – Отношение управляющего Внутренней ордой Шигая Нуралиева Астраханскому войсковому атаману Скворцову о прикомандировании в Калмыковскую крепость отряда казаков для охраны порядка при перепуске за Урал казахов

Я уже имел честь уведомить ваше высокоблагородие от 23 ноября прошлого 1814 года ₣ 328 о полученном мной от Оренбургского военного губернатора высочайшем дозволении киргизцам из моих подвластных, в числе 1611 кибиток, перейти за реку Урал, на Бухаровскую сторону. По случаю сему я тогда же просил его, господина военного губернатора назначить для перепуска киргизцев сих в одно место и дозволить быть при том от меня доверенному султану, а так же не оставить прикомандировать на случай сей, из командуемого вами войска, офицера с приличною командою.

Ныне получил я уведомление войска Уральского войскового атамана и кавалера Бородина от 7 февраля прошлого года ₣ 77-м с таковым требованием, чтобы назначать от меня для надзора за пропуском киргизцев чиновника, прислать оного в Калмыковскую крепость и Котельный форпост к марту месяцу, в котором положено произвесть между означенной крепости и Котельного форпоста оный перепуск.

Посему обращаюсь я с покорнейшею просьбою моею к вашему высокоблагородию об откомандировании из командуемого вами войска благонадежного офицера, с 10-ми казаками для общего, с отряженным от меня султанам, надзора при перепуске за Урал киргизцев и для точного верного ведения притом отчета оных, будучи уверен на самом опыте и доброжелательстве, выслать, более всего полагаю надежду мою на вашего офицера. О последующем не оставьте меня вашим уведомлением.

ЦИА Каз.ССР, ф.76, оп. 1, д.20, л.46 и об.

N 11. 1820 г. апреля 30. – Сообщение Уральской войсковой канцелярии управляющему Букеевской ордою Шигаю Нуралиеву о перепуске за Урал 35 кибиток приверженцев Байтерека Бердалина

Войсковой атаман г-н ген.-майор и кавалер Бородин, через адъютанта своего сотника Логинова предъявил присутствию сей канцелярии рапорт есаула Скворкина на имя его войскового атамана от 17 апреля за ₣ 58-м присланный, изъясняющий, что он согласно предложения войскового атамана киргизца Алачинского рода Байтерека Бердалина с приверженными не 35-ю, а 22-мя кибитками, состоящими всего из 38 человек и скотом–баранов в 2000, рогатого – 140, верблюдов – 58, лошадей – 32 перепустил в Яманкалинском форпорсте, а об остальных 13-ти кибитках, следующих к переходу он, Байтерек, объявил ему словесно, что из оных некоторые по падежу у них скота, другие бывшие в пастухах у линейных жителей, по несдаче хозяевам скота, за дальностью для переправы прикочевать не успели, а когда

/прикочуют/[1] к линии, настоял о перепуске их также в Яманкалинском форпосте, при его виде, при коем представил как взятую им от перепущенных киргизцев подписку в том, что они при кочевании за Уралом, будут повиноваться высокостепенному хану и его совету во всех их законных требованиях, так равно и перепущенным киргизцам именной список и что в перепуске сем взят в аманаты двоюродный брат Байтерека киргизец Камырбай Асанов, находящийся в Яманкалинском форпосте под присмотром, на освобождении коего киргизец Байтерек и настаивает просьбою.

Посему в войсковой канцелярии ОПРЕДЕЛЕНО:

Сообщить вашему степенству, дабы благоволили в непродолжительном времени уведомить канцелярию, что в числе перепущенных ныне по высочайшей воле на азиатскую сторону 23 кибиток киргизцев Бердалина нет ли посторонних, не принадлежащих к тому перепуску, и ворованного скота.

Советник Назаров
Губернский секретарь /подпись неразборчиво /.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д.7, лл. 19, 21.

N 12. 1820 г. июля 14. — Указ губернского правления Красноярскому земскому суду о подчинении Букеевской орды Астраханской губернии

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Астраханского губернского правления Красноярскому земскому суду.

Астраханский комендант г.ген.-майор Делпоццо отношением от 4 марта на имя г. гражданского губернатора, писанным им губернскому правлению предложение прописывает, что правитель киргиз-кайсакского народа, на степях Астраханских кочующего Сигай-султан Нуралиев, получив от Оренбургского военного губернатора г.Эссена дозволение завесть ему с киргизцами постоянное заселение. Для этого приготовил уже часть нужного леса, с тем, чтобы летом сего года таковое поселение начать, непременно, построением для себя дома близ кордона Коневского. /Он/ с подвластными ему киргизцами назначает место, близ всех кордонных постов, на берегу Каспийского моря расположенное; поставляя себе долгом уведомить г. губернатора, как начальника губернии, в коей должно /быть/ заветное помянутое новое поселение, просил не оставить со стороны его распоряжением как в плане построения, так и в отводе для того удобнейших мест...

Губернское правление, соучиненной 7 апреля резолюцией, красноярскому земскому исправнику указом предписывало отобрать не-

[1] В подлиннике "приближутся".

медленно от султана Сигая Нуралиева, сведение, какие именно, места он иметь желает под заведение постоянного /селения[1]/ для себя и вверенного ему народа. По отобрании какового сведения исправник обязан удостоверить на месте – нет ли каких в том препятствий, – и губернскому правлению донести. Красноярский земский исправник Арефьев на сие предписание губернского правления рапортом от 29-го июля доносил, что он к означенному султану, Сигаю Нуралиеву, съездил. На сделанное им, исправником, лично ему, Нуралиеву, сношение таковым же дано знать, что он, Нуралиев, место желает занять под построение дома своего, для постоянного заселения, от поста Коневского кордонной линии верстах в 3-х также и подвластные ему, Нуралиеву, султаны, старшины и киргизцы располагаются поселиться по той же линии, от места Телепневской ватаги до Кульуату, как сказано в высочайшем повелении 1801 года марта 11 числа, подкочевку назначаются киргизцам земли, начиная от реки Большого Узеня через гору Чепчаги на ватагу Телепневскую и до моря, где, по-видимому, и ныне желают они поселиться, или, где удобнее могут изыскать под постройку домов.

Поелику известно исправнику Арефьеву, что султан Сигай Нуралиев желает занять земли под заведение постоянного заселения для себя не на том самом месте, где он в прошлые годы имел зимовье свое, а внутри кордона на обливном водою бугре, где теперь имеется провиантский магазин Коневского кордона. Каковое место должно принадлежать к дачам. Теперь намерен правитель киргизского народа султан Онгай Нуралиев поселить подвластных ему султанов, старшин и киргизцев должно подлежать так же к дачам князя Николая Юсупова, да и сам он, Нуралиев, в письменном отношении к нему, исправнику, изъявляет, что он не только занять может кочевье. Зимние места, но и там где за удобное отыщется по Каспийскому берегу, а удобных мест /нет/, кроме дач князя Николая Борисовича Юсупова, и графини Безбородко, на коих он, султан Нуралиев, по воле здешнего правительства с подвластным ему народом, в прошедшие года имел кочевье свое в зимнее время. Других казенных пустопорожних земель в тамошнем уезде не имеется.

А потому он, султан Нуралиев, едва-ли в праве будет на владельческих землях сделать постоянное поселение, впредь до особого рассмотрения, с чем и со стороны его исправника султану Нуралиеву благовидным образом было объявлено, да и на постройку дома никакого леса в заготовлении еще, на предположенном им месте, не предвидится, а ожидал он, султан Нуралиев, доставления из Астрахани

---

[1] В подлиннике "оставился"

какого-то купленного старого строения, причем подлинное отношение его, Нуралиева приложил.

И по делам губернского правления открылось, что прошедшего 1819 года декабря 17 числа, по выслушании выписки по делу о возникших распрях между киргизским народом и кундровскими татарами, кочующими в Красноярском уезде, в границах кочевых мест, г. гражданский губернатор и кавалер объявил, что г. Оренбургский военный губернатор по жалобе правителя киргизского народа султана Сигая отнесся к нему, г. гражданскому губернатору, от 22 сентября с требованием предписать комиссии в Астрахани для наделения означенных кочующих народов землями учрежденной, – до взаимного между ними – военным губернатором г. главноуправляющим в здешнем краю – соглашения, по полученной от 29 июля депеше статс-секретаря Нессельроде, не утверждать формальной межи разграничению киргизцев и других народов; и чтобы спор о землях / был оставлен/[1] в том положении, в каковом до последних действий комиссий находим. Вследствие чего он, г. губернатор, предложил о прекращении всяких действий по разграничению киргизцев и кундровских татар.

По возвращению оттуда землемеров /буде находятся/ отнестись с комиссией губернского правления с учиненной того же числа резолюцией по прочим /делам/ в комиссию о наделении кочующего народа землями, учрежденного для учинения, распоряжения по предложению г. гражданского губернатора о прекращении всяких действий, по разграничению земель между киргизцами и кундровскими татарами, равно о возвращении оттуда землемера с командою, буде таковой откомандирован передать в журнальной статье копию, и потом учиненною 23 декабря резолюциею заключило: действия по губернскому правлению производством дела о землях киргизцев и кундровских татар оставить впредь до разрешения. Но как такового еще в губернском правлении ни отколь не было получено, то губернское правление заключило / из рапорта Красноярского земского исправника Арельева – явствует/, что правитель киргизского народа султан Сигай Нуралиев располагает завсегда постоянное свое и киргизского народа им управляемого население на землях, принадлежащих графине Безбородко и князю Николаю Борисовичу Юсупову, а не на местах, для кочевья им назначенных и высочайше утвержденных, и потому губернскому правлению и нельзя дать своего согласия на удовлетворение желания султана Сигая НУралиева, тем более, что и в самих кочевьих их местах с кундровскими татарами происходит спор, который тоже впредь до разрешения началь-

[1] Слово не прочтено.

ства оставлен без действия, какового разрешения еще в губернском правлении не получено.

Поелику же главное действие на счет земель кочующего народа и сведения о местах кочевки их зависит от комиссии, учрежденной здесь по высочайшему повелению, для наделения кочующего народа землями, то в оную 24-го июня с N 8993 передана в журнальной статье копия, с требованием о последующем уведомлении, о чем дано знать Астраханскому г. коменданту Делпоццо под N 8595 сообщением, а красноярскому земскому суду указом под N 8523-м велено объявить о сем султану Нуралиеву. Сего июня 2 числа от красноярского земского исправника Арефьева получен рапорт, в коем / объясняя обстоятельства 1/ в первом рапорте/ дополняет: что султан Сигай Нуралиев при приезде его, исправника, чрез Коневский рыбный промысел, сделалось известно, что он, Нуралиев, в начале первых чисел июня, при проезде из Астрахани водою в восьми досчаниках /привез/ старое строение и часть нужного на обстройку того дома леса. /Не сообщив/[1] об оном знать ни ему, исправнику, ни земскому суду, самовольно занял тот самый бугор, о котором объявлено было в первом донесении сему губернскому правлению и поставил дом не более от Коневского рыбного промысла верстах в 4-х, но совершенно еще не окончил /его/, что и по личному его, исправника, /заключению/, найдено о воспрещении, чего к нему, султану Нуралиеву, не был отправлен от земского суда по предписанию губернского правления дворянский заседатель Бульгин. Однако он, султан Нуралиев, несмотря ни на что и теперь производит постройку того дома. Под надзором казачьего чиновника и, полагать должно, что оное не иначе окончится к августу м-цу. Прочих же султанов, старшин и киргизцев никакого заготовленного леса на обстройку домов /тогда/ не предвидится.

По указу его императорского величества, губернское правление приказал/о/: в именном высочайшем его императорского величества указе, данном 17 июля 1808 года бывшему Оренбургскому военному губернатору г. Волконскому изображено: в 16-м пункте, как султан Букей, с подвластными его, хотя и подчиняется наравне со всем киргизским народом Оренбургской пограничной комиссии, но для всегдашнего кочевания составляется по-прежнему в Астраханской губернии; то, во избежание впредь замешательств и недоумений, он должен во всяких случаях относиться прямо к Астраханскому губернскому начальству, а сего уже последнего обязанностью будет сообщать вам о всех делах и случаях, до него касающихся, и в разрешениях по оным основывается на их предварительных с вами сношениях. 17-е, – вооб-

[1] В подлиннике "не давши".

ще, для соблюдения в ордынских делах надлежащего единообразия Астраханскому губернскому начальству предписано, благовременно, по оным с вами относиться, дабы и все местные распоряжения и все по оным представления впредь чинимы были по общим соображениям главного над киргизским народом начальства. В другом высочайшем указе, того-ж 17 июня 1808 года, последовавшем на имя бывшего Астраханского губернатора Коровникова /видно, что/, подчинение Букея султана Оренбургской пограничной комиссии /считать/ нужным для избежания разности и недоумения по ордынским делам. Вы не оставите объявить ему о сем и, сообразно тому во всем, что до него, или других ордынцев частно или вообще, может касаться, имеете предварительно относиться с Оренбургским военным губернатором, и распоряжения по сему вами основывать уже на сих сношениях. Обязанностью вашею будет извещать его и о всех происшествиях, кои в продолжении кочевания киргизцев во вверенной вам губернии встретиться могут, – во всех таковых случаях вы не оставите в то же время доносить Министру внутренних дел.

На основании таковой высочайшей воли надлежало бы Астраханскому губернскому начальству, прежде еще заведения султаном Сигаем жилых для него и подвластных ему киргизцев домов и прочих заселений иметь предварительные сведения от г. управляющего Министерством внутренних дел, или же от гг. главного управляющего в здешнем краю и Оренбургского военного губернатора о последовавшем на сие повеление верховного правительства, равно на участках, какие именно к заседанию назначаются, дабы при исполнении повеления не иметь /нежелательные/ неудобств, или же жалоб на неправительственные притяжания к земле, кочевья киргиз ее неподлежания. Кои настоящее дело обнаруживает.

Поелику губернское правление ни того ни другого в виду не имеет, кроме отношения постороннего начальства, и именно отношения г. ген.-майора Делпоццо, извещающего о дозволении, данном г. Оренбургским военным губернатором султану Сигаю завесть между киргизами постоянное поселение. Следственно, и предстоит теперь крайнее затруднение в приведении в действие сего поселения, а, паче еще, по причине занятия султаном Сигаем, как исправник Арефьев рапортует, и так принадлежащих владельцам князю Юсупову и графине Безбородко, какового занятия, без особенного поселения, дозволить не можно, о чем хотя и было объявлено султану Сигаю. Но он оставя предписание губернского правления без внимания, продолжает постройку по собственному желанию.

По всем сим обстоятельствам, отнесясь к г. Оренбургскому военному губернатору, просить его уведомления /т.е. уведомить/ о содер-

жании дозволения/, данного султану Сигаю, как и о том, – в праве ли он застраивать места, подлежащие под кочевье киргизцев, а /также/ при /переходе их/ в собственность другим владельцам; между тем благоволил бы удержать меня /от излишней переписки / по начальству своему, и подвластных – ему от самовольных действий, о чем донести на уважение и г.главно-управляющему в здешние краю, известив и г.ген. майора Делпоццо. Для равномерного представления г.управляющему Министерством внутренних дел, со стороны управляющего губерниею передать в губернскую канцелярию копию с журнальной статьи. Об объявлении же султану Сигаю предписать красноярскому земскому суду.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д.12, лл. 27–32.

N 13. 1820 г. августа 31. – Письмо войскового атамана Уральского войска генерала-майора Бородина правителю Букеевской орды султану Шигаю о намерении казахов к обратному переходу за Урал

Дошло до моего сведения, что Байбактинского рода Батакова отделения киргизец Илемек Бей, подлежащий к задержанию по повелению пограничного начальства, в числе перепущенных по высочайшему дозволению киргизцев 1611 кибиток, якобы мог прогнать и свой скот на Зауральскую сторону.

Я полагаю, что сия переправа скота своему сделана им едва-ли не по тому предположению, чтобы впоследствии и самому прокрасться за Урал. А потому, счел нужным отнестись к вашему степенству и просить вас покорно по достоверном разведывании уведомить меня: точно-ли Илемек скот свой успел провести на Зауральскую сторону и под чьим именем из тех ординцев, кои воспользовались переходом по высочайшему дозволению. Не имеет-ли он намерения, чтобы и самому прорваться туда же и нет-ли с ним кого-либо единомышленников его.

Таковое сведение я буду ожидать в возможной скорости, для донесения пограничному начальству и принятия предварительных мер к отклонению таких неприязненных покушений. Равно и ваше степенство, конечно, не оставите сии обстоятельства без внимания, и распоряжениями вашими будете содействовать к непропуску киргизцев за Урал, не имеющих на сие права. О чем я особо сношусь и с султаном Чукой Нуралиевым, как доверенным от Вас при бывшем пропуске оных 1611 кибиток.

Генерал-майор Бородин

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д.7, лл.40 и 40 об.

N 14. 1820 г. Объяснение правителя орды султана Шигая о захвате казахских пастбищ купцом Сапожниковым

Командир 1-го полка есаул Рябов, имея от вашего превосходительства предписание, что султан Аблай причиняет купцу Сапожникову якобы притеснения, которым приказываете удалить со всеми его табунами.

Не зная до сего об оном, и ни от кого не доходили ко мне жалобы, что султан Аблай делает купцу Сапожникову стеснение, наконец, узнаю, что Аблай султан кочует на тех местах, где прежде киргизцы всегда имели свободную кочевку в зимнее время, теперь я познаю причину, которая купца Сапожникова вынудила просить ваше превосходительство, каковую я не излишним почел вашему превосходительству объяснить. Купец Сапожников в нынешнее лето имел здесь конный табун более двух сот лошадей, продовольствия оных на тех местах /не говоря кому оные принадлежат/, где только были лучшие корма, потом с начала осени имел мену разного хлеба с киргизцами на баранов, каковых у него здесь имеются, более нежели до десяти тысяч. Следовательно, купец Сапожников таковое обширное количество скота не может продовольствовать, чтоб не занимать мест, принадлежащих киргизцам. Из сего ваше превосходительство усмотреть изволите, что жалоба дошла к вам от купца Сапожникова неосновательная, доводя оное к сведению вашего превосходительства и между тем исполняя волю вашу приказал султану Аблаю откочевать с киргизцами и табунами со всех тех мест, которых для продовольствия скота купца Сапожникова признаны нужными его приказчиками и именно оставил у бугров под названием Дашлынской, Бирючек, Еводной, Цацынской, Безыменной, Затонной и Шихов, лежащих пространством более нежели до моря на пятнадцать верст, лаская притом себя надеждою, что ваше превосходительство скажете о сем купцу Сапожникову, что я уступку оную ему сделал чрез посредство с вашего превосходительства, между тем прошу ваше превосходительство, также сказать Сапожникову, чтобы он подтвердил приказчикам на промыслах его состоящим, чтоб они ненужных им бугров и изводною корысти отнюдь не занимали. Впрочем ваше превосходительство я сам в зимнее время не могу быть немало спокоен, ибо места киргизские за многою настойною просьбою моей к начальству не разграничены с метами владельческими, а потому не оправдываю ваше пр-во и киргизцев / жители по приморским берегам и промысловые приказчики всегда стараются занять бугров больше, оградить их маяками и после даже в гибельное время делают захваты у киргизцев скота, требуют несоразмерно удовлетворения, другие дают из оброку и от того даже происходят жалобы к начальству, в чем могут ваше превосходительство уве-

рить кордоновые начальники, особенно г-н есаул Рябов который есть главный виновник в приморских /землях/ по сему случаю происходящих у россиян с киргизцами ссор и захватов.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д.12, лл.39.

N 15. 1821 г. февраль 22, – Предписание Оренбургского военного губернатора Эссена правителю букейской орды Шигаю о прекращении постройки дома на спорном месте

На представление вашего степенства от 6 минувшего января, в коем изъясняете вы несправедливость жалобы на вас Астраханского губернского начальства, касательно устроения вами дома на землях, принадлежащих князю Юсупову и графине Безбородко, присовокупляя, что жалоба сия учинена единственно по неосновательному и пристрастному донесению земской полиции, что вы при постройке сего дома никогда не ссылались на мое дозволение, а губернское правление объявило вам указ свой о прекращении оной, тогда как стройка была произведена уже до половины, и, наконец, что место вами для сего избранное, принадлежит народу, вами управляемому, по силе высочайших повелений и лежит от земель помещичьих в значительном расстоянии, предлагаю вам степенный султан не увлекаясь собственным мнением о принадлежности вам земли сей, всякие требования и притязания свои, на оную отложить беспрекословно впредь до разрешения высшего правительства и соблюдать в точности всю силу последнего моего к вам по случаю сему предписанию от 27 сентября минувшего 1820 г. Что же касается до удержания гражданского начальства и соседственных с вами жителей от причинения вам неприятностей, как вы прописываете в донесении вашем, то обстоятельство сие поставил я вместе с сим на вид Астраханского гражданского губернатора, препроводив к нему список с представления вашего.

Дано в главной квартире города Оренбурга 22 февраля 1821 года.

Его императорского величества всемилостивейшего государя моего ген. от инфантерии Оренбургский военный губернатор, командир отдельного Оренбургского корпуса и разных орденов кавалер. Эссен.

ЦИА Каз.ССР, ф. 78, оп. 1, д.12, лл 42–48.

N 16. 1823 г. декабря 14 – Ведомость о числе казахов, кочующих в степях Астраханской и саратовской губерний, с указанием количества скота

Число душ к 1823 г.	
Мужского пола	83.122
Женского пола	85.992
Затем налицо оставалось у подвластных мне Киргиз-кайсаков разного скота Число разного скота голов к 1823г.:	
Верблюдов	– 146.920
Лошадей	– 788.388
Коров	– 340.449
Баранов	– 14.443.366
Козлов	– 352.490

Подписано значит – декабря 14 дня 1823 г.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.1, д.15, л. 14

N 17. 1824 г. февраля 29. – Предложение Оренбургского военного губернатора хану Джангиру о доставлении сведений о султанах Урманове, Пиралиеве и др., желающих перейти на "внутреннюю" сторону

Из представления вашего степенства от 24 минувшего января за ґ 46 и приложенных при оном донесений, на имя ваше поступивших от находящихся за Уралом султанов Чингалия Урманова, Тюгалия Пиралиева, Мирхайдара Артыкова и Аблая Клычкарина, я с удовольствием вижу приверженность их к Вам, по которой они с подведомственными им ордынцами, желают перейти на внутреннюю сторону, дабы состоять под ближайшим управлением вашим и чрез то быть ограждением от беспокойства, в залинейных степях, их тревожащих.

Но как на таковой переход их надлежит испросить высочайшее разрешение, а чтобы приступить к тому, предварительно нужно знать подробно: сколько кибиток каждый из означенных султанов намеревается перевести на внутреннюю сторону, сколько в них душ мужского и женского пола, и какое число скота всякого рода порознь находится при сих кибитках, то предлагаю вам доставить мне с поспешностью оное сведение, по получении коего я и не премину войти с представлением к высшему правительству, пребывая к вам с почтением доброжелательный.

Оренбургский губернатор подпись.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д.21, стр. 1 и об.

N 18. 1824 г. сентября 24. – Письмо хана Джангира Оренбургскому военному губернатору Эссену об оказании содействия в деле постройки ему, хану, дома на берегу Каспийского моря

Желание мое есть построить для себя дом около Каспийского берега, на месте от Николаевского селения расстоянием от 10-ти до 13 верст вверх к гор. Астрахани, потому и прошу покорнейше вашего высокопревосходительства исходатайствовать на сию постройку разрешение и наконец, 2-е, ежели не будет противно Российскому положению, то исходатайствовать в оной постройке от кого следует мне вспомоществования, на что и ожидать буду вашего высокопревосходительства уведомления.

N 1319
24 сентября 1824 года.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д. 12, л.53.

N 19. 1825 г. февраля 8. Запрос Оренбургского военного губернатора Эссена хану Джангиру относительно перепуска во внутреннюю орду для постоянного кочевания султанов Чингалия Урманова, Мир хайдара Артыкова и старшины Чайбека Токтабаева с подведом ственными им казахами в количестве 640 кибиток

По двум донесениям вашего высокостепенства о перепуске во вверннную вам орду, для всегдашнего кочевания, султанов Чингалия Урманова и Мирхайдара Артыкова в числе 630 и старшины Чибака Токтабаева в числе 10 кибиток, с 2276 душ обоего пола и со скотом, состоящим из 554440 голов, я готов действовать к удовлетворению сего представительства вашего.

Но как бывший правитель Внутренней орды султан Шигай Нуралиев и ваше высокостепенство неоднократно приносили мне жалобы на чувствуемое подведомственными вам киргизами стеснение в земле ими занимаемой, то предлагаю вам, высокостепенный хан, доставить мне предварительно сведения: не произойдет ли вящего для них стеснения, чрез перепуск означенных 640 кибиток в орду, и не будут ли оттого некоторые из кочующих теперь в Астраханских степях киргиз-кайсаков принуждены просить позволения перейти за Урал. Если же вы ответствуете, что ни того, ни другого не произойдет, то о сем уведомите меня, с объяснением причин, по которым того быть не может, и распоряжений, какие вы к отвращению того сделать можете.

Генерал от инфантерии Эссен

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д.21, лл. 6 и об. 8.

N 20. 1825 г. июня 23. – Прошение сотника Уральского казачьего войска Д. Назарова хану Джангиру о побуждении султанов Джангалиных к погашению их долга за взятые ими товары

Подвластные вашему высокостепенству орды Бершева рода султаны Сююнучь-Гулий и Балпан Джангалины, в сентябре месяце про-

шлого 1824 года, по состоянию заведения моего дня проживания на Узенском-Глининском форпосте, взяли у меня взаимообразно, первый Сююнучь-Галий: десять пудов двадцать фунтов пшеничной муки, пять концов китайки, шесть аршин с половиною черного плису, всего ценою на семьдесят пять рублей пятьдесят копеек, а последний Балпан, хлеба и разных вещей ценою на сорок восемь рублей, из коих Сююнучь-Галий уплатил мне сорок рублей, а за остальные 35 руб. 50 к., как он, так и Балпан за свой долг, обещались весною 1825 г. доставить мне платеж баранами, но по многим моим требованиям, даже в течение нынешнего месяца, при нахождении в ставке вашего высокостепенства, хотя и уверяли своими к платежу обещаниями, однакож сего не сделали и открыто уехали в свой аул.

О сем объяснив вашему высокостепенству, покорнейше прошу по власти вашей о помянутых султанов Сююнучь-Галия и Балпана Джангалиных за долг показанного мною количества взыскав деньги меня удовлетворить, хотя при возвращении моем, по исправлении порученного начальством дела, из Астраханской губернии.

К сему прошению сотник Назаров руку приложил.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.1, д. 23, л. 32.

N 21. 1825 г. июня 25. – Отношение управляющего Внутренней ордою султана Шигая есаулу Астраханского казачьего войска Рябову об удалении казахов

Сношение есаулу Рябову 1-му.

По отношению вашему от 13 июня месяца ₹ 121 ко мне дошедшему – отправлял я старшину с откомандированным от вас нарочного для сего сотником кн. Урусовым – для удаления киргизцев из черневых мест за черту кордонную, так же для производства следствия над султанами Карабаевыми и киргизцами по описанным в отношении вашем причинам, учиненным в селении Николаевском. Они, возвращаясь сего числа ко мне в ставку, объявили мне, /что/ они киргизцев, находящихся на черновых местах против своих зимовок и до сего /времени/, за меловажною частью, удалили всех за черту кордонную с предупреждением[1], чтобы они опять не вкочевывали в черновые места. А султанов Карабаевых и киргизцев, которые нужны /были/ к производству[2] следствия не застал; они откочевали еще, прежде сего, в Рын-Пески, о чем вас извещаю.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.1, д.20, л. 73 и об.

[1]В подлиннике "подтверждением".
[2]В подлиннике "произведению".

Документы: май 1826 г. – март 1840 г.

N 22. 1826 г. мая 19. – Сообщение Астраханского гражданского губернатора А. Осипова хану Джангиру о недопустимости назначения казачьего бодокчея для постоянного нахождения при калмыцком базаре

Бывший гражданский губернатор Попов, отношением от 11 сентября 1824 г. /ѣ3746/ уведомил ваше высокостепенство, что к удовлетворению требования вашего, об утверждении киргизца Мурадбая Мурсалимова бодокчеем при калмыцком базаре со стороны подвластного вам народа, предложено от него здешнему губернскому правлению сделать немедленно распоряжение.

Губернское правление, не приступая само собою к таковому распоряжению и дабы основать оное на правилах, или ближайших примерах, предварительно требовало от Оренбургской пограничной комиссии уведомления, могут ли быть допущены со стороны киргизского народа бодокчеи по примеру калмыцких, и в чем состоять должна их обязанность.

На все пограничная комиссия сообщила, что определение со стороны внутренних киргизцев избранного от сего народа Мурадбая Мурсалимова бодокчеем при калмыцком базаре, с тою обязанностью, чтобы входить ему в разбирательство споров, превосходящих между продавцами и покупщиками скота, считает совершенно излишним, тем более, что при таковых случаях за порядком возможно иметь наблюдение градской и земской полициям, или такого чиновника, которому в особенности сделано будет о том поручение. Сверх того, Комиссия не имеет законных правил, по коим бы следовало определить со стороны киргизцев таких бодокчеев, как выше упоминается.

За таковым отзывом Оренбургской пограничной комиссии, губернское правление не находя себя в праве приступить к утверждению по предположению вашему помянутого киргизца Мурсалимова бодокчеем при калмыцком базаре, и посему предписав Астраханским полиции и земскому суду, дабы киргизские бодокчеи нигде допускаемы не были, ибо, состоя в числе внутренних поданных России, киргизцы они долженствуют сохранить все те правила, каким в подобных случаях подвергаются все поданные государства в отношении полицейского влияния, и частных разбирательств между ими и между русскими совокупно, постановлением, состоявшимся 26 минувшего апреля предоставило мне уведомить о том ваше высокостепенство.

Согласно таковому заключению губернского правления, извещая о сем вас, милостивый государь, для надлежащего сведения, имею

честь быть с истинным высокопочитанием и совершенною преданностью.

Милостивый государь вашего
Высокостепенства покорнейшим слугою
Александр Осипов

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д. 10, лл. 53,54 и 54 об.

N 23. 1826 г. июня 26. Прошение сотника Уральского войска Назарова Д. хану Джангиру о взыскании с наследников старшины Баракова денег за взятые в долг товары

В последней половине июля месяца прошлого 1825 года подвластный вашему высокостепенству орды, Бершева рода, старшина Устемир Бараков, при проживании моем в Узенском Глининском форпосте, взял у меня взаимообразно: зипун серого сукна, обложенный гарнитуром, шерстяной ковер, тринадцать с половиной аршин нанки, – всего на сто пятьдесят рублей, с условием, в весну нынешнего года, заплатить мне двадцать пятью баранами, полагая каждого по пяти рублей. Но, по отысканию моими посланными, оный Устемир в его кочевке не найден, а известно стало, что он помер.

О таковом предмете осмеливаясь довести до сведения вашего высокостепенства, в необходимости нахожусь покорнейше просить, по высочайше возложенной на вас власти – наследников изъясненного старшины Устемира принудить к заплате мне ныне же, или баранами на Глининском форпосте, или же взыскав за мой долг показанными деньгами, по возвращении моем, после окончания возложенного от начальства на меня дела из Астраханской губернии, оными удовлетворить меня. Июня 23 дня 1826 года.

К сему прошению сотник Назаров руку приложил.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д. 23, л. 33.

N 24. 1827 г. января 14. – Предложение Оренбургского военного губернатора Эссена хану Джангиру о том, что дела о султанах, не повинующихся ему, хану, подлежат рассмотрению Оренбургской пограничной комиссии

Усматривая из представления вашего высокостепенства от 19 декабря истекшего года, что некоторые султаны, в управлении вашем находящиеся, оказывают вам неповиновение, а киргизам деляют обиды и притеснения, для обуздания коих испрашиваете к руководству предписания, предлагаю вам, высокостепенный хан, принять в основание всех тех ордынцев под ведением у вас состоящих, кои будут примечены в неповиновении законной власти, над ними установлен-

ной, и в нарушении порядка между киргизами оставлять при строгом исследовании вины их для поступления с таковыми по законам в Оренбургскую пограничную комиссию, которая по рассмотрении поступка их не оставит делать заключение и о том, что должно ли их после сего водворять в настоящие кочевья или удалять из оных, куда надлежать будет по мере преступного их поведения.

Генерал от инфантерии Эссен

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д. 81, л. 76, с оборот.

N 25. 1827 г. апреля 11. — сообщение председателя Оренбургской пограничной комиссии полковника Генса хану Джангиру о мерах успокоения казахов

Проезжая через кордон Александровский, я узнал, что по требованию Вашего высокостепенства наряжается команда казаков для усмирения будто непокорных Вам киргизов. Узнав же, что вверенная Вам орда находится в таком положении, что только мерами благоразумия должно на нее действовать, вооруженная же сила может произвести последствия важные и противные видам правительства, я воспретил высылку в орду сей команды, а вашему высокостепенству советую отправить немедленно обратно и ту, которая прислана к вам с Елтонского поста; самим же вам прибыть немедленно к Глининскому форпосту, где я вас буду ожидать. Если же паче чаяния вы не могли решиться поехать через кочевья вверенной вашему управлению орды, то благоволите меня уведомить без потери времени, в каковом случае я отправлюсь к вам.

Верно: надворный советник Ларионов.

ЦИА Каз.ССР, я. 4, д. 1285, лл. 949—950.

N 26. Милостивый государь Петр Кириллович I

Государь император высочайше повелеть изволил означенных в приложенных при сем ведомостях арестантов 195 человек, по окончании в самоскорейшем времени принадлежащего их преступлению решения, виновных из них, которые не будут следовать в каторжные работы, но определены к наказанию или ссылке в Сибирь, отдать в солдаты без наказания; тех же, которые обвинятся в краже свыше пятисот рублей, по наказании, коль скоро они окажутся не только годными по правилам рекрутским, но просто способными нести военную службу, а малолетних из них определять в батальон военных кантонистов, всех без зачета за рекрут.

Таковую монаршую волю сообщаю вашему в-ству к исполнению.

Имею честь быть с совершенным почтением Вашего в-ства покорнейший слуга.

Подписал Н.Муравьев.

Верно:

Правитель канцелярии Оводов

N 1748
С.Петербург
13 ноября 1827 г.

N 27. 1828 г. май 8. – Уведомление Астраханского гражданского губернатора Осипова чиновнику Оренбургской пограничной комиссии Ларионову о незаконности требований Уральского казачьего войска в отношении спорных земель

Получив отношение вашего высокоблагородия от 18 минувшего апреля г 24 касательно поступивших от поверенных войска Уральского войскового старшины Бородина и есаула Черторогова требований, что будто бы земля, которая входит по высочайшему повелению и отмежеванию киргизскому народу, принадлежит по бывшему в 1802 году межеванию Уральскому войску, предлагал я в то же время обстоятельство сие к рассмотрению комиссии, учрежденной здесь о размежевании кочующих народов землями.

По соображению предмета сего земельная комиссия, усматривая, что, высочайше утвержденное положение о наделении кочующих народов землями, состоялось в 1806 году, по коему силою 35 пункта киргизам назначены земли от реки Узеня. Поверенные войска Уральского представляют, что сии земли отмежеваны Уральскому войску якобы в 1802 году, следовательно, прежде высочайшего повеления, чего же однако же и быть не могло; ибо все сии земли были в соображении и рассмотрении начальства при составлении означенного положения и ни прежде, ни после никаких споров по сему участку от войска Уральского предъявлено не было. А потому комиссия, находя притязания поверенных не заслуживающими уважения, а навлекающее только проволочку и расстройство в деле сем, в постановлении своем заключила: просить распоряжения Уральской войсковой канцелярии об удержании поверенных Бородина и Черторогова от излишних и неуместных требований, подтвердить с тем вместе землемеру Петухову, дабы он отнюдь не останавливал в действиях своих согласие данного ему повеления под опасением за медленность взыскания по законам. О сих встретившихся обстоятельствах донеся с моей стороны г-ну Оренбургскому военному губернатору, испрашивая главноначальственного его выс. Прев-ства распоряжение, чтобы поверенные войска Уральского нисколько не препятствовали настоящему разме-

жеванию киргизских земель. Почему нужным считаю уведомить и ваше выс. Благ-е к надлежащему соображению.

Подлинное подписал гражданский губернатор А.Осипов.

После сего собственною его рукою написано: "Если бы в положение 1806 года вошло к слову: Узень прилагательное, то вероятно и споров не было бы".

Верно надворный советник Ларионов

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д. 51, лл. 39 и 50.

N 28. 1828 г. августа 29 – Запрос Астраханского губернатора А. Эссена хану Джангиру о времени и месте учреждения базара в орде

Вашему высокостепенству известно, что высочайше утвержденного 19 мая 1806 г. положения о наделении кочующих в Астраханской губернии народов землями 38 пунктом ОПРЕДЕЛЕНО:

"Для киргизского базара назначить место при реке Ахтубе, между постоев кордонных, Белой мечети, и Долот Хана".

Базара сего доселе не существует. Причины тому в делах не найдено.

Долгом службы почитая и сию статью очистить, обращаюсь я к вам, высокостепенный хан, с покорнейшим испрашиванием, какие бы точно неудобства облежали вышеозначенное место, чтоб не быть ему киргизским базаром.

Другое обстоятельство еще сверх сего, обращает внимание для будущего прочного благосостояния подвластного вам народа, которое равномерно предаю я вашему благоусмотрению, а именно: киргизцы всегда имеют нужду в покупке или вымене для себя хлеба. Два пункта известны доселе, на кои хлеб доставляется и променивается на скот: один в дачах Безбородко, другой на землях кн. Юсупова. За то и другое место, промышленники, хлеб привозящие, платят владельцам деньги: и за право торговли и за траву, которою довольствуют скот, на хлеб выменивaемый. Все сие, натурально возвышает цену на хлеб, киргизцам отпускаемый.

Покорнейше прошу Вас, достопочтенный хан, преподать мне ваши мысли, каким вы образом, по вашему, милостивый государь, мнению, избежать неудобств сих для киргизов и где вы заблагорассудите назначить:

1. Общий киргизский базар, в какое время года и на какой срок.

2. Приплав и складку хлеба, необходимого для киргизцев, с отдалением всех причин и повышению цен на оный.

Далее не состоит ли в видах вашего высокостепенный хан того, чтоб потребное количество хлеба заготовлять в Саратове и в других поволжских местах, и делать из оного собственные запасы.

По законам нашим внутренняя промышленность, а паче промышленность хлебом, должна быть совершенно свободна, и все препятствия оной надлежит устранять по крайней возможности; а денежный подбор с промышленников сею жизненною потребностью и соединенные с сим притязания, естественные не есть уже свобода.

Ваше высокостепенство много обяжете меня вашим благоразумным и опытным наставлением в пользу народа, вам подвластного.

Покорнейший слуга Александр Эссен

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.1, д.10, лл. 113–114.

N 29. 1829 г. – Прошение Астраханского 2-й гильдии купца Измайлова управляющему Астраханским государственным коммерческим банком Остолопову разрешить ему взять часть своего заложенного в банке товара

В дополнение причин изъясненных в просьбе вашему высокородию от здешнего купечества, поданной упадку торгов их оборотов, я по обстоятельствам моим нахожу себя объяснить все те – кои изменяли действие собственно по моей торговле, которые состоят в следующем:

До 20-летнего возраста моего занимался я только в степи пастьбою стад. В 1792 г. был вызван в город Астрахань дядей моим купцом, и находился в его услугах пять лет. По смерти его, приключившейся в 1797 г., остались у него малолетние дети с капиталом 22 тыс. рублей и с товаром московского купца Василия Жигарева, перешедшим в руки дяди моего, по оценке комиссии, – на 100 т. руб. Сии товары и капитал по просьбе матери малолетних и по желанию Жигарева поступили в мое распоряжение. Производя /торговлю/ с того времени до 1816 г. один и вместе с детьми дяди моего /до совершеннолетия их /, успели приобрести капиталу 1.600.000 руб., кроме понесенного в то время убытка в 300 т.руб. при разделе нами в 1816 г. сего капитала причиталось мне получить до 400 т. руб.. Но вместо того, братья мои выдали мне только наличными 64 т. руб., долговыми актами 122 т. руб., кои и до сих пор мною с должников не взысканы, почему я вступил в торговлю одним своим лицом в начале 1817 г. с 64 т. руб. и, и приобретя до того полное сведение по торговле, пользуясь в Москве и других торговых городах многих коммерчествующих лиц кредитом, – производил дела мои столь счастливо, что в том же 1819 г. имел уже в руках капиталу 1.195.000 руб., из коих состоял должным 896 т. руб., за исключением которых я расходу имел тогда собственности 250 т. руб., а в 1819 г. уже до 442 т. руб.. Но при перемене торговых обстоятельств потерпел я убытков от продажи шелков и платежа интересов в 1820 г. осталось у меня собственности 280 т. руб.

В начале же 1822 г., когда всевышний даровал мысль блаженные вечно достойные памяти государю императору Александру 1-му, как для подкрепления купечества, так и для всеобщей пользы в государстве, учредить в Астрахани контору государственного коммерческого банка, я в надежде, что ход коммерческого одолжения при сем счастливом случае будет доведен до вашей степени... тем паче, что тогда позволено было пользоваться ссудами оной конторы, почему я старался всемерно увеличить круг действий моих, что самое и было побудительной причиной к заготовлению значительного количества товаров, но по несчастью предположение мое разрушилось как переходом всей всеобщей торговли в руки тифлисцев, отчего круг купеческих оборотов в Астрахани уменьшился, как я полагал до 10 т.руб. каждогодно, так равно и войной с Персией, – более же враждою между Бухарией и Хивой довершили все, ибо товары, заготовленные мной в значительном количестве для сих последних, остались потому без всякого уважения, а между тем неблагоприятные толки в отношении дел моих с конторою до такой степени распространены и увеличены от корыстолюбцев, – не только в здешней публике, но, даже, и в самой столице, что все, а особенно бухарский и хивинский народы ежечасно ожидали, что я подвергнусь взысканию /за/ состоящие за мною долги по конторе, как несостоятельный в намерении раскупить товары мои с публичных торгов, отчего и цены на оные постепенно пришли в большой упадок, ибо сие самое побудило российских торговцев сбывать товары свои скорее, а потому дошло до того, что контора юфть, купленную от 35-ти и до 40 руб., принимала от меня /не более только/ от 16 до 18 руб. По сим несчастным обстоятельствам торговли в течение семилетнего времени, начиная с 1822 г. по сей год, я крайностью был вынужден, дабы продажей товаров купленных ценами высокими, за цены упавшие не впасть в совершенное разорение, полагать только в залог те товары свои в здешнюю контору государственного коммерческого банка, коих во все то время было на сумму простирающуюся более 2 милл. руб. и за сие как равно и за учет векселя и за вексельную и гербовую бумагу до 300 т. руб.

Таким образом, при бездейственности торговли от означенных выше причин не получив в надлежащей степени прибылей, а с тем вместе по обязанности уплатил такое большое количество процентов, я поставлен в совершенное затруднение. По истощении наличного капитала, предпринять какие либо средства к движению торговых дел мои, товары мои в залоге в конторе ныне состоящие, стоят мне 800 т. руб., а если их выпустить теперь в продажу, то можно выручить за оные не более 400 т. руб., чтобы при всем невыгодном положении торговли теми товарами, которые имею я дать полезнейшее направле-

ние к сбыту их, я признаю совершенно необходимым / с чем надеюсь согласится всякий благомыслящий купец / иметь теперь поддержку в наличном капитале, хотя для приведения в действие одного следующего предположения. Конторе известно, что мне принадлежащей пряденой белой бумаги состоит в залоге у нее до 1500 пуд. за должные под оную 67 т.руб. ежели бы благоугодно было правительству принять от меня в замен сего залога, векселя, мне данные купцами по торговле и сверх того ссудить под таковые же векселя наличной суммой 100 т.руб., чтобы я деньги сии употребил на окраску сей бумагу и на провоз ее на ярмарку, выручив за оную до 1-го сентября сего года, полагая по меньшим ценам, за пуд коих составится по краске бумаги 1875 пуд., наличной суммы до 300 т.руб. и следовательно тогда же бы уплатил как ныне просимые 167 т.руб., так и прибыльные до 120 т.руб., а с тем вместе, оживив торговлю свою, мог бы свободнее как надлежит купцу в добром положении находящемуся, действовать по вымену товаров своих ныне без движения остающихся на другие, коим существует большая потребность, с значительной выгодой. Таким образом если кредит мне в конторе будет не прекращаться, но в некоторой степени увеличиваться, я при поддержании тем себя несомненно надеюсь иметь всю возможность постепенно уплатить долг ее.

Все сие поистине объясняя вашему высокородию, осмеливаюсь всепокорнейше просить начальственного ходатайства вашего об удовлетворении сей просьбы, для пользы не только моей – сколько казенной, а мне тем доставить способы остаться навсегда честным гражданином, каковым никогда не переставал быть, чему доказательством своим осмеливаюсь поставлять разные деяния мои на пользу особую, – известные и начальству, по которым употребил в жизнь мою собственного капитала до 300 т.руб., кроме склонения прочих татар к пожертвованиям во время французской войны, – простиравшейся более ста тысяч рублей.

ЦИА Каз.ССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, лл. 102–107.

N 30. 1829 г. января 17. – Ведомость о стоимости верблюдов, купленных ханом Джангиром для нужд войны

Число верблюдов	По сколько рублей	Ценга в стоимости
1	2	3
65	95	760
10	98	980
61	100	6100
9	105	945
65	110	7150
50	112	5600

1	2	3
52	114	5928
120	115	13800
85	118	10030
40	119	4760
ИТОГО: 500 верблюдов		**56053 рублей**

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д. 10, л. 146.

N 31. 1829 г. января 19. – Отношение Уральской войсковой канцелярии хану Джангиру о воспрещении казахам самовластного увоза сена из района абинского форпоста

Командир Узенской линии есаул Логинов рапортом от 14 декабря N 923 с такового же к нему начальника Абинского Форпоста урядника Беляева канцелярии сей доносит, что накошенного при Порогах киргизцами и законфискованного сена, тюленгуты султана Шигаева разломали один стог и берут самовольно, несмотря на воспрещение означенного урядника Беляева, говоря при том, что как земля, равно и сено принадлежит им.

Вследствие чего войсковая канцелярия, сообщая вашему высокостепенству просит, дабы вы благоволили подтвердить султану Шигаеву о недопуске тюленгутов его к поясненному самовольству, каковое подтверждение не оставили бы сделать и прочим подведомственным вам султанам и старшинам, о недопуске из киргиз под команду им вверенных, к подобным поступкам, под собственною их ответственностью.

Советник /подпись неразборчиво/.
Секретарь Михайлов

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д.80.

N 32. 1829 г. февраля 29. – Запрос Оренбургского военного губернатора хану Джангиру о количестве людей и скота у султанов Чингалия Урманова, Тюгалия Пиралиева и др., желающих перейти на внутреннюю сторону Урала

Из представления вашего степенства от 24 минувшего января за ѣ 46 и приложенных при оном донесений, на имя ваше вступивших от находящихся за Уралом султанов Чингалия Урманова, Тюгалия Пиралиева, Мирхайдара Артыкова и Аблая Клычкарина, я с удовольствием вижу приверженность их к вам, по которой они с подведомственными им ордынцами, желают перейти на внутреннюю сторону, дабы состоять под ближайшим управлением вашим и через то быть огражденным от

беспокойств, в залинейных степях их тревожащих. Но на таковой переход их надлежит испросить высочайшее разрешение, а чтобы приступить к тому, предварительно нужно знать подробно; сколько кибиток каждый из означенных султанов намеревается перевести на внутреннюю сторону, сколько в них душ мужского и женского пола, и какое число скота всякого рода порознь находится при сих кибитках; то предлагаю Вам доставить мне с поспешностью оное сведение, по получении коего я и не премину войти с представлением к высшему правительству, пребывая к вам с почтением доброжелательным.

Февраль 29 дня 1824 г. гор. Оренбург.

ЦИА Каз.ССР, ф. 78, оп. 1, д. 21, лл. 1.

N 33. 1832 г. ноября 26. – Отношение управляющего Уральским казачьим войском Покатилову хану Джангиру о водворении султана Чингалия Урманова с толенгутами на назначенные в орде места

Султаны Тугум Шигаев и Медет-Галий Чокин относятся ко мне с позволения султану Муенгалию Урманову и семейству Чингалия Урманова с толенгутами и скотом зимовать на землях Уральского войска – по причине настоящих холодов и худобе скота. Об этом представляет мне, с их же настояния, и командир Узенской линии есаул Саратовцев. На сие я дал знать есаулу Саратовцеву, что такового позволения дать не могу и что султаны Урмановы и семейства их должны следовать по назначению на земли, занимаемые киргизами Внутренней орды.

Имея честь довести до сведения вашего высокостепенства о таковом домогательстве означенных султанов я покорнейше прошу неблагоугодно ли сделать зависящее от вас распоряжение, дабы султан Урманов с семейством, толенгутами и скотом достигли непременно назначенных мест.

Полковник Покатилов

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 1, д. 21, стр. 119 и об.

N 34. 1833 г. мая 21. Предписание хана Джангира старшине Исатаю Тайманову о порядке торговли

Перевод с татарского.
Почтенному старшине Исатаю Тайманову.

На рапорт ваш от 29 апреля за ґ 28 даю знать, что никакие торговцы не должны быть допускаемы к производству торговли, разъезжая по орде; но всякий из них может торговать только при ярмарках. А потому предписываю вам почтенный старшина, если вы откроете где либо торговца, какой бы он нации не был, кроме киргизов, то

взять его и со всем находящимся при нем товаром, за присмотром благонадежного человека отправить в место, предназначенное для ярмарок, не дозволяя нигде производить торговли.

Хан Джангир Букейханов печать приложил.

Перевел толмач Долгоаршинов

N 479
21 мая 1833 г.

ЦИА Каз.ССР, ф. 4, д. 2039, лл. 647 и об.

N 35. 1833 г. декабря. – Отношение Уральской войсковой канцелярии хану внутренней орды Джангиру Букееву об условиях допуска скота казахов на войсковые земли

Председатель Оренбургской пограничной комиссии полковник Генс относился к г-ну управляющему войском, что киргизы западной части, нуждаясь в пастбище для прокормления скота в зимнее время, настаивают о перепуске оного на внутреннюю сторону, почему просил уведомить его согласно ли будет войсковое начальство допустить сей скот, а в таком случае можно предложить киргизам прислать поверенных для определения платы по числу скота ... сия /войсковая/ канцелярия соглашается допустить скот зауральских и букеевских киргизов в нынешнюю зиму на уральские земли на следующем предварительном основании.

Одними сими урочищами киргизы должны пользоваться, не пуская уже скота своего в другие места дабы не причинить обид или помешательства войсковым скотоводам, не должны рубить произрастаемые леса или травить сена уральцами накошенного, а тем менее пускаться на какое либо хищничество, в противном разе, за причиненный вред или воровство доставляет полное удовлетворение во всяком таковом случае ручательство примите на себя ваше высокостепенство. Перегон же сего скота намечается на дистанциях между форпостов Антоновского и Котельного, против крепости Кулагинской и между крепости Баксайской и форпоста Яманталинского, а на Узенской линии через р. Большую Узень в одном месте по усмотрению Узенского командира. Плата полагается с мелкого скота по 15 коп., рогатого по 50 коп., лошадей по 50 коп. и верблюдов по 80 коп. с каждой штуки; деньги сии обязаны киргизы доставить по окончании перепуска дистаночному командиру, а сей представит в войсковую канцелярию на приобщение к войсковой сумме, при чем представьте ведомость о числе перепущенного скота разного рода. Впрочем для согласия вам и должны быть присланы от вашего высокостепенства к командиру Узенской линии поверенные, а по заключению с ними /соглашения/ киргизский скот поступит на войсковые земли, обратно за Урал /уходят/

по прошествии зимы, но не иначе как еще по льду в одно же время перейдет на свои места. Они не должны переносить с собой на войсковые земли кибитки, а только одни кошары и иметь установленные билеты с каковым предположением согласился и г-н командующий отдельным Оренбургским корпусом и кавалер.

Войсковая канцелярия уведомив о сем ваше высокостепенство просит выкомандировать для общего согласия командира Узенской линии поверенного, а когда киргизский скот вверенной вам орды будет перегоняем на войсковые земли, тогда при самом допуске оного благоволите доставить и деньги по вышеозначенной цене с каждой штуки.

Подпись

ЦИА Каз.ССР, ф. 78, д. 46, лл. 10–13.

N 36. 1834 г. февраля 10. – Предписание Уральской войсковой канцелярии командиру Узенской дистанции Есаулу Сумкину об установлении точного количества казахского скота при выпуске его на войсковые земли и сборе денег за скот

В разрешение рапорта вашего от 21 сего января ѣ 128, войсковая канцелярия дает знать, что хотя вы о донесении к вам султанов и старшин донесли войсковой канцелярии от 21 января ѣ 128, что желающие киргизы пасти скот свой на уральских землях, по дальнему расстоянию, по гололедице не могут пригнать для счету на назначенные вами место, ваших Порогов, потому султаны и старшины будут собирать за скот деньги сами и доставлять вам. При уведомлениях, обозначая число скота без малейшей утайки, но таковое ваше распоряжение сколько неосновательно, только же и противно порядку на сей предмет установленному, ибо не может быть, чтобы киргизские султаны и старшины соблюли и счета скота и в сборе за оный денег, а потому предписывает вашему благородию, чтобы вы, не полагаясь на доставление к вам сборных денег киргизскими родоначальниками, действовали во взыскании оных, лично соблюдая при том весь установленный порядок без всякого упущения, впрочем, если и за сим последуют от вас подобные отзывы в исполнении возложенной на вас обязанности, тогда подвергнете себя строгой ответственности, а за отступление от порядка в перепуске скота и слабое при том действие делаем вам замечание.

Советник Гизанов.
В должности секретаря Харчев

ЦИА Каз.ССР, ф. 78, оп. 2, д. 13, лл. 31 и об.

N 37. 1836 г. марта 22. – Из предписания хана Джангира всем управляющим казахскими родами о переходе из ведения Министерства иностранных дел в ведение Министерства государственных имуществ

Его Пр-во г. Оренбургский военный губ. известил меня, что высочайшим именным указом, данным 5-го февраля правительствующему Сенату, повелено: киргизов, под начальством моим состоящих, сопричислить к управлению Министерства государственных имуществ.

Об этом высочайшем повелении, являющем новый залог внимания его императорского величества к подвластному ему народу, извещая в-е с-во, предписываю объявить ордынцам ведомства вашего, с внушением, что по всегдашнему попечению государя императора о благе верноподанных, изображенное постановление состоялось для пользы ордынцев.

ЦИА Каз.ССР, ф. 78, оп. 2, д. 64, лл. 3–4.

N 38. 1836 г. сентября 15. – Письменное обязательство старшины толенгутского рода Мекеня Балуанкулова о пастьбе табунов, приезжающих на ярмарку купцов силами своих пастухов

1836 г., сентября 15 дня, я нижеподписавшийся внутренней киргизской орды, Толенгутского рода старшина Мекень Балуаннулов объясняю желание, с дозволения его высокостепенства нашего хана и кавалера Джангира, во время наступившей ныне при ставке его ярмарки по 15 число будущего октября месяца сего года пасти своими и наемными работниками-пастухами, на подножном корму конный табун проезжающего купечества, торговых и разного рода людей, буде кто из них объявит на то свое согласие и надобность, на следующем основании: каждую свою приведенную, купленную здесь, или вымененную лошадь, шерсть, приметы и с ценою сколько стоит рублей записывать при мне самому хозяину и имеющуюся у смотрителя ярмарки шнуровую книгу, данную ему от хана. В принятии лошади от хозяина выдать, тогда же за своею печатью, расписку. За паству с объявленной и записанной цены лошади и с каждого рубля отдать мне по пяти копеек, по курсу на серебро, половинное число вперед при самой отдаче и записке, – а другую половину при возвращении оной из табуна хозяину, самому лично, а не работнику, хотя бы ранее месяца, или чрез неделю оную потребовал, но платы уже нисколько не вычитать и не удерживать. Он обязан тогда возвратить мне расписку и сверх того в получении лошади расписаться под статьею сам в той же книге, где была она записана; без того она не будет ему возвращена до исполнения сего правила и без платежа остальных денег за паству. А после 15 числа октября, по миновении еще одной недели

содержание табуна прекращаю и роздаю лошадей хозяевам на том же, как выше значит, основании. Сам я обязываюсь во все время наблюдать осторожно за паствою, несмотря по количеству собранного табуна, с достаточным числом благонадежных и вооруженных пастухов и за присмотром сыновей моих; особенно увеличивать караул в ночное время, — всегда на своих и работничьих от каждого лошадях. На отданных же "в табун никогда и никому не" ездить и на них не пасти, их не изнурять; убегающих оттуда преследовать и ловить, или укреплять таковых осторожнее, доколе не привыкнут; содержать на хорошем подножном корму, при водопоях и не в дальнем от ярмарки расстоянии, если места дозволяют, чтобы и сами хозяева могли надсматривать сохранность их, буде желают. Немедленно и в тот же день извещать кого либо из них и требовать для осмотров, чья лошадь от болезни или скоропостижно пропадет, не резать оную, не повреждать примет и не снимать с нее кожи до хозяйственного осмотра; також извещать его в случае начала болезни, или какого повреждения, убега или покражи из табуна. Во всех /этих/ случаях, а в последнем до отыскания, другой половины денег за паству, взыскивать я не буду, ибо первое может случиться от воли божией и нечаянно, а другое от неосторожности моей и пастухов. Если лошадь убежит, или будет кем покрадена из табуна и через три дня, по распоряжениям моим не будет отыскана, то чья она, тому хозяину немедленно заплачу за нее ту сумму денег, во сколько объявлена и записана она в книге, и за других в подобных сему несчастиях от покраж и убегов, также ответствовать буду своим платежом денег, скотом, или из собственного моего имени по записанной цене каждой лошади, кои затем, по сыску, или по обличении воров, останутся уже в мою собственность, вместо заплаченных мною денег, а если желает, то возвративши оные мне все сполна, может каждый получить от меня после обратно свою сысканную лошадь, хотя бы через полгода, неизувеченную и не изнуренную. И я ни в каком случае, не должен уже доводить хозяина ни до каких следствий и убытков. А когда сделаюсь к платежу несостоятельным и имения моего не достанет, то таким же точно платежом будут ответствовать ниже подписавшиеся, одобрившие мое поведение Внутренней киргизской орды значительные поручители, по окончании этой ярмарки, не долее недели, которых я удовлетворю после от себя, по согласию с ними и с пособием детей моих. Но в книге, для верности хозяин также, с возвращением уже поручителям моей расписки, распишется сам, под статьею, как в получении от них, или от меня платежа за украденную лошадь, или убежавшую и не сысканную лошадь, так и в том засвидетельствуют подписом, если она пропадет в табуне от болезни; или повреждения. Сие обязательство мое, буде

приезжающие желают им воспользоваться, как учреждает его высокостепенство, хан, должно быть объявлено прежде на ярмарке, для всеобщего сведения, а потом содержать оное для выполнения при той же шнуровой книге. В том я старшина Мекень Балуанкулов, за неумением грамоте, прикладываю именную печать свою.

Мы, нижеподписавшиеся и означенные под сей подпискою внутренней киргизской орды поручители, удостоверяем, что старшина той орды толенгутского рода Мекень Балуанкулов, поведения хорошего и заслуживает доверия поручить ему на прописанном в обязательстве его основании пасти своими работниками конный табун приезжающих сюда на ярмарку, по 15 октября сего года, с тем, что если в сие время и чрез одну неделю после от неосторожности его и пастухов, чьи либо лошади из табуна убегут, или будут украдены, и не сыщутся им через три дня от сего происшествия, то он должен из собственных своих денег, имения, или скота, заплатить безоговорочно хозяину ту цену каждой таковой потерявшейся лошади, во сколько она записана хозяином по шнуровой табунной книге, данной от высокостепенного хана смотрителю ярмарки. Но если впоследствии у него, старшины Мекеня Балуанкулова, и сыновей его на уплату собственных денег, скота и имения недостанет, то ручаемся за него, в течение одной недели, после окончания ярмарки сей, сделать платеж хозяевам за каждую украденную, или потерявшуюся лошадь, по той же цене, во сколько записана она в книге, дабы не довести их до убытка, а со старшины Мекеня и сыновей его сами будем просить о взыскании заплаченных нами денег, распоряжении нашего высокостепенного хана.

В чем и подписуемся:

Султан Метерей
Букейханов печать
Прилагаю.

Султан Алиш
Букейханов печать прилагаю.

Старшина Дюйсенбай Раманкулов
Тамгу свою прикладываю.
Азирбай Ходей Бергенов тамгу прикладываю.
Айбулет Идельбаев тамгу прикладываю.

N 39. 1836 г. октября 11. — Жалоба И. Тайманова на имя степного султана 12-го класса М. Чукина о притеснениях казахов представителями хана внутренней орды Джангира

Перевод с татарского языка

Имею честь уведомить ваше степенство, что при перекочевывании нашем в 1836г. октября 25 дня к берегам Каспийского моря мы много переносили от подведомственных Карагул-Ходже Баба-Ходжи-

ну киргизов обид и притеснений; об этом и об угнанном у нас скоте несколько раз, прежде всего словесно было объявлено; а теперь принуждены на счет этих обстоятельств объяснить вам на бумаге: 25 октября старшины Айгань Джантуков, Каракубен Утепов, Джума-Газый Ебаров, Суюныч Утепов, Амантай Чурка Агымов, Байгана Каратай Джантуков, Алдар Дисенов, Манкус Чекаманов, Ить Имгян Чакаманов, Юсуф Ить-Имгянов, Кидырберген Кара-кубенов, Асирбек Суюнучев, Сиксенбай Утепов, Усербай Исбасаров в числе 15 или 16 человек разъезжали по берегам Каспийского моря, не хотели давать состоящим в ведении моем киргизам места водопоя для скота и причинили киргизам побой; 2-го и 27 октября Асраб Кишлаубаев гнал принадлежащих ему баранов к водопою и в это время из числа тех старшин встретились с ним Алдар Дисенов и Амантай Агимов, которые избили его совершенно; 28 числа того месяца, когда киргизы Джунбар Рахметев и Нарурнбай Кичубаев возвращались в свой аул с берега моря, где производили заячью охоту, попались им на дороге старшины Каракубен Утепов, Сиксенбай Утепов, Суюнуч Утепов, Булякбай Сексенбаев, Асирбек Суюнучев; эти старшины били их, а Кичубаеву ранили голову; того ж числа Суюнуч Утепов с несколькими товарищами напал на киргиза Байгару Диньгузбаева и причинил ему побой; 2-го числа ноября Юсуф Ить-Имгянов, Кидырберген Каракубенов, Туляк Дисенов отняли у киргиза Исенбека Айдарова краски и ранили ему голову; 8 ноября эти ордынцы сломили хлева киргиза Байназара Аяпова и украли верблюда, Аяпов тотчас погнался за ними, достиг и хотел взять того верблюда, но они не отдали, причинили побой и ранили ему руку; 3-го ноября у старшины Исатая уведены три барана; 3-го числа того ж месяца у Дурута Ирмякова покрадена чернопестрая корова; в прошедшую ночь у Алюбая Тайманова похищена яловая корова; у Турмамбетя Айтиева уведен двухгодовалый бычок; во время лета сам Карагул-Ходжа с несколькими товарищами ездил по нашим зимовкам и потравил принадлежащие нам сенокосные места.

Покорнейше прошу Ваше степенство о таких причиняемых нам обидах и притеснениях довести до сведения г-на войскового старшины Сиротина и ес-ла Ширвана Убрекова.

Старшина Исатай Тайманов

На обороте сказано:

По получении вашей бумаги я отправил трех человек, чтоб привести, если они встретят его на дороге и как скоро доставят ко мне я ни минуты немедля объявлю.

Перевел толмач Батиршин

ЦИА Каз.ССР, ф.4, д. 2039, лл. 626–627 и об.

N 40. 1836 г. ноября 6. – Протокол допроса И. Тайманова по делу об убийстве некоего-то Жапирова, организованного ханом Джангиром, с целью очернить и оклеветать руководителя восстания

1836 г. ноября 6 дня в присутствии следователей:

войскового старшины Сиротина и есаула Узбекова при депутате со стороны высокостепенного хана султана 12 класса Недетегалие Чукине, по предписанию г-на наказного атамана Уральского войска от 31 августа за ѣ 2102 старшина Исатай Тайманов допрошен и показал:

Исатаем меня зовут, сын Тайманова, от роду себе имею 45 лет, веры магометанской, напредь сего был под судом в Оренбургской пограничной комиссии назад тому лет 12 или 13, настояще не припомню по навету в убийстве киргиза Таминского рода Бизсарина отделения Насана Утетлявова, которою по невинности был оправдан. Грамоте читать и писать не умею, указанный старшина, имею от пограничной комиссии указ от 25 ноября 1814 г. за ѣ 2334 и печать, полученные чрез покойного хана Букея Нуралиханова.

В мае месяце сего года ехав я по собственной надобности по аулам с 3 товарищами: Мухаммедом Утемисовым, Текалием Тайсугановым и Даутом Ирмековым и близь ур. Ташегил повстречался с нами 8 Уральского полка сотник Донсков с 20 казаками или более, не припомню, требовал от меня 4 верблюдов для доставления оных на Кулпинский кордон, пойманных им в орде 4 беглецов, из числа коих 2 были с семействами, почему я оных доставил к нему уже на другой день, собственных своих на ур. Нар-ульган близь аула киргиза Утела Бабакина, у коего в ауле остановились и на доставленных мною 4 верблюдах прибыли к аулу, расположенному на ур., называемом Аба-Жабаги киргиза Таминского рода Кулзяшана по отцу неизвестного, где и ночевали, а на другой день прибыли в аул киргиз Камышбая и Сандыбая по отцу неизвестных, где означенный сотник Донсков дал мне от себя отношение и копию с открытого предписания, данного ему от полкового командира войскового старшины Маркова, которые я у сего представляю, просил дать ему вооруженных людей для того, что собрались злонамеренные киргизы, вооруженные до 70 человек, подведомственные есаулу Караул-ходже Бабаджанову и бию Валкию Худайбергенову, а именно: Салык Мамыков, Мергень, Давид Салыковы, Танычлык, Сарын, Баубек, Джанбек Сарыевы, Альбек, Улыкбай Байбурины, Утю, Байтек, Кусубай Айдаровы, Балта, Шумубай, Исенбек, Танбек Джадыгеровы, Байтжин Кучуков, Чутаяк Бектемиров, Итбул Турмин, Шанбай Токбурин, Тляек Тугаев, Даулет Биктенев, а прочих имена не запомнил и намерены у него Донскова пойманных им бродяг отбить, почему я и набрал вооруженных киргиз человек до 20 именно: старшину Мухаммеда Утемисова, киргиз Теналия Тайсуй-

ганова, Даута Ирмекова, Исмамбетя Хангильдина, Мамбетя Бускулова, Умурбека Айтина, Тайсару Тангатарова, Аюпа Тинисова, Айдай по отцу неизвестного, а прочих не припомню. Сведение об отнятии бродяг киргизами получено Бершева рода Исенова отделения от киргиза Таскинбая Джубанова, в удостоверение сей истины был послан урядник Соколов, с киргизом Умуркаем Мурзаевым, старшиною Мухаммедом Утемисовым и киргизом Таскинбаем Джубановым, который по возвращении доставил киргиза Серкибаева, а по имени неизвестного обще с лошадью и саблею и притом объявил, что на сборища этого киргизец Серкибаев с ругательством ударил толстою палкою один раз казака Мурзаева, отчего они возвратились назад к своей команде, а Серкибаев, догнав их, опять ударил Мурзаева палкою, потом вынув из ножен саблю, хотел и ею нанести таки удар, но старшина Утемисов оную у него вырвал и, стащив с лошади, связал и как выше значит, доставили к команде, в ауле этом Донсков, оставив семейство означенных двух бродяг, взял только 4 бродяг и Серкибаева с лошадью, следовали к аулу Адайского рода, но чей он не помню, на пути к коему сборище это команду преследовали, а нападения не делали, но с каким намерением мне неизвестно, а по приезде в аул, означенное сборище все неизвестно куда разъехались и сотник Донсков из аула того писал своему командиру выслать на помощь к нему его команду, а после того отправились на другой уже день в аул Бершева рода, Тнычева отделения киргиза Кабака Казанова, куда также на другой день прибыла и команда под начальством сотника Алексея Попова, в это время сотник Донсков меня с киргизами отпустил в свои места, а взял только проводника киргиза Умарбека Айтина с тем, чтобы по доставлении бродяг на кордон Кулпинский, доставить верблюдов обратно ко мне в аул. Во время препровождения нами сотника Донскова через аулы до означенного кордона и в обратный путь на местечко Джобаги, я и товарищи мои киргиза Исджана Каржанова не били и у него 6 баранов, одной тельной коровы и 2 верблюдов никогда и ни у кого не только не брали, и его уже два года я не видел, из числа моих товарищей 9 человек к скоту старшины Толегана Танышлыкова и прочих никогда не ездили и киргиз Бершева рода Буляк Джаикова отделения Кучука Джапарова и Танбека Джадыгарова не били и их вовсе не видели, в чем свидетельствуюсь сотником Донсковым и бывшими при нем казаками, смерть приключилась киргизу Джапарову, как я слышал после Бершева рода Булак Джаикова отделения от киргиз Джамгура Тамбулатова и Джайлгана Кусинова от ударов грома или молнии, который имел от роду 80 лет, а спустя дня четыре или 5 я был в гостях в ауле Бершева рода, Исенгулова отделения у киргиза Азнасиита Баракбаева вместе с Мухаммедом Утемисовым и 4

киргизами, имен коих не помню, куда приехали султан хорунжий Кусяк Галий Шигаев, советник ханского совета Бос Бузданов и старшина Тюмень Кузайдаров, которые говорили, что они посланы были от хана для освидетельствования мертвого тела киргиза Кучука Джапарова, и что на оном никаких боевых знаков и раны не было, что слышали бывшие тут киргизы Бершева рода, Исенева отделения Алипен Барлыбаев, Юсуп Тлясов, Аука Тангатаров и хозяин той кибитки Азнасиит Баракбаев, а потом из них первый спросил меня, откуда и зачем приехала казачья команда в орду и какие имел начальник их предписания, на что я отвечал, что для поимки беглецов и имел предписание не от хана, а от своего командира, который дал мне от себя отношение и при ней копию о предписании к нему от полкового командира и что эти бумаги хранятся у меня в ауле и если угодно будет, то я доставлю к нему или куда прикажет, но хорунжий Шигаев сказал, что не нужно, а только требовал от меня Мухаммеда Утемисова с товарищами к хану, но я спросил его, что имеет ли он на это предписание от хана, или бы от себя мне сношение о высылке их, но Шигаев сказал, что предписания от хана не имеет и от себя сношение не даст, а когда приедем к хану, то доложит ему и об этом пришлют бумагу или сам он Шигаев приедет; меня же он тут и после к хану никто не требовали, но я сам к хану не вооруженною шайкою, не для переговора о народных делах, или с умышленными и дерзкими разглашениями, что мне будто бы дана будет с Уральской линии опять команда для разыскивания, каких то беглых или в табунах лошадей с русскими таврами, или же нелепыми слухами требовжить народ показывать о себе, что я имею будто бы право поступать таким образом в орде и против хана, а для подачи прошения на есаула Караул-ходжу Бабаджанова в нанесенных им мне и кочующими со мной киргизами обидах, действительно ехал вместе с таршинами Исою Тюляганoвым, Мухаммедом Утемисовым, Таналием Тайсугановым, Исмамбетом Джантуминым, Рахметом Абдулкаримовым, киргизами Умбаем Джамгуриным, Хуббою Усиным, Атонтаем Нукановым, Кужебаем Фатмуллиным и прочими имен коих не припомню, а всего было с вышеписанными человек до 17, которых не по приглашению моему, а каждый по своей надобности, но через какие аулы я ехал не припомню, только в ауле Байбактинского рода, но какого отделения и у кого, такие не припомню, на ур. Талубаев расстоянием от ставки хана верстах в ста или более повстретились мы с султаном Балпаном Джаналиевым и ходжою Дарою Бабажановым, которые спросили нас, куда мы едем и зачем, на что я отвечал, что для подачи прошения, но они на то сказали, что хан приказал им от нас прошение принять и нам возвратиться назад в аулы, почему я отдал прошение свое, писанное 30 июня

султану Джаналиеву с распискою, в котором изъяснены все потерпенные нами притеснения и убытки от Караул-ходжи Бабажанова, и оное теперь во всей силе утверждаю. А кто подвал ли еще таковые из ехавших со мной киргиз я не видел, а только султаном Джаналиевым приказано было всем возвратиться в свои аулы, что мы и исполнили, и во время нахождения нашего в означенном ауле Байбиктинского рода прибыл туда бий Алтай и объявил, что в аулах наших будут им разбираемы все претензии, для чего и обещался приехать к нам через 12 дней, а если не приедет, то можем мы подавать просьбы свои туда, куда желаем, почему я, дожидаясь его 14 дней и не дождавшись, подал объявление начальнику Уральской линии, писанное 14 июля, в котором изъяснил все терпимые нами притеснения. Что же касается до нападения на нас 24 марта сего 1836 г., убийстве и разделении нашего скота сборищем вооруженных киргиз до 800 человек под начальством есаула Караул-ходжи Бабаджанова получили мы сведения от киргиз рода Кирдиринского Сатыбалды по отцу неизвестного, и Бершева Исенева отделения Таскинбая Джубанова, после чего прибыли к нам в аул от хана старшины Дусенбай и Сеитберген с предписанием дабы я ехал к хану, но я им сказал, что если они остановят набранное есаулом Бабаджановым сборище, то поеду, которые на то согласясь, поехали к ходже и сказали, что если они сегодня или завтра не приедут к нам, то подлинно есть какое-нибудь повеление от хана. А потом, примерно через 5 или 6 дней из означенных двух старшин Дусенбай прислал ко мне письмо с киргизом, но чьим не припомню, которое при сем представляю. А после я узнал от киргиз Кирдиринского рода Сатыбалды называемого, что старшина Дусенбай в сборище ходжи уже вооруженный пистолетом едет на нас, а другой Сеитберген услан Караул-ходжей с какой-то бумагой к хану, потом вскоре также приехал к нам бий Алтай Досмухаметов с киргизами Шаригатом Джубановым и Ирсакой Кундукаровым и читал нам предписание хана, чтобы я ехал к нему, хану, но я им отозвался также как и старшинам Дусенбаю и Сеитбергену, почему бий Алтай тогда же послал к Караул-ходже означенных киргиз Шаригата и Ирсаку, которым вручил и предписание, данное ему бию от хана для показания Караул-ходже, причем спросить для чего хочет поступить со мной так немилосердно и сказать, что через это легко может случиться в народе расстройство, но посланные, возвратясь объявили, что Караул-ходжа на предписание хана не смотрит и его бия Алтая не слушает, а отзывается, что он делает то, что ему приказано от хана, а он бий Алтай исполнял свое поручение и что о расстройстве народа он не жалеет, потому что народ не его, а ханский, а старшину Исатая хочет сделать как хорошего человека, нехорошим, белого очернить, а батыра трусом, слова я, пола-

гаю, могут подтвердить бий Алтай и киргизы Шаригат и Ирсак, а в противном случае я ссылаюсь на старшин Ису Тиляганова, Исета Тюлегенова, Наизабека Бикитаева, Сарыма Байсарова, Тугая Бигалиева, Алигза по отцу неизвестного, Исенамана Бурумбаева, Мамбета Бускунова, Камбара Тайсугунова и Кузбая Искараева при сем случае бывших, после чего бий Алтай не могши сделать мне никакого пособия, с сожалением сказал, что если так, то верно его хан обманул и сказавши, что мы как хотим так и делаем, уехали в свои аулы. А Караул-ходжа, продержав нас в осаде 6 дней, а в 7 прислал 5 человек почетных киргиз Тагучу, Кабыла, Батырбека, Сагыр-адая и Басбергена с предложением, дабы мы во избежание погибели жен и детей наших оставили в аулах, а сами вышли из оных к могиле, называемой Киляли, где он будет с нами драться, почему мы на означенное место и выехали человек до 150 невооруженные, а только были у меня сабля и пистоль, где был уже и Караул-ходжа со своим сборищем, расположенным в виду нашем. В удостоверение, что сборище это было собрано Караул-ходжею из каждой кибитки по одному человеку, я представляю при сем предписание на татарском письме, данное от Караул-ходжи, на имя подведомственному старшине Айгану Джандукову, случайно мне угодившее, откуда прислал опять тех же 5 человек с объявлением, что он услал к хану бумагу, от которого дождется ответа, но я им сказал, что ответа он бы дожидался у себя в ауле, а не здесь, потому что мы его боимся, дабы на нас ночью не напал. Опасаясь этого нападения мы, дождавшись ночи, уехали в свои аулы, а Караул-ходжа, переночевав у могил, на другой уже день возвратился также к себе в аул.

О письме, присланным ко мне от Дусенбая, я хотя в прошении своем и оговорил, что его высокостепенство увидит, но по ошибке в прошение не вложено. Поданное нами прошение в копии на имя хана о перемене начальствующего над нами бия Балка Хадайбергенова за разные его противозаконные действия я утверждаю в полной силе, подлинное же это прошение хранится у меня. А в поданном мною к начальнику Уральской линии объявлении мной упомянуто не было, что все султаны, старшины и бии питают к нам неудовольствие, а кажется сказано: что все султаны, старшины и бии, которых я и объясню именно: султан Куванич Джаналин самовольно угнал из табуна моего 2 лошадей, стоющих 180 руб., принадлежащих ближайшему моему родственнику Атантаю Муканову, да еще одну вскоре изранили в табуне пикою, и куда первых двух лошадей он девал после того, я не знаю, сие им сделано из того, что взят из его кибитки сотником Донсковым один беглец, будто бы по указанию моему.

Ходжа Джубан хан Гужин, старшины Куган Игизов, Тюлюгун Танычлыков, сын бия Балкия Бисень, посланного мною нынешним

летом на ханскую ярмарку киргиза – пастуха моего Исенгельду Каржауова с 33 баранами для продажи, задержали у себя, через что неизвестно куда пропали означенные бараны, а с киргиза Каржауова за освобождение просили 60 руб., который и отдал им 52 рубля, а в недостающих 8 руб. поставил порукою Кирдаринского рода старшину Биртагу Бурбаева и потом отпустили. У него Каржауова старшины Зюмагаза, Амангул Баяровы отняли 5 баранов и один шелковый халат. Также по неудовольствию из пойманных сотником Донсковым бродяг. Султан Кучук Галий Шигаев после свидания с нами в ауле киргиза Азнасиита взял у родного брата моего Альбая Тайманова одну лошадь, стоющую 70 руб. под вид доезда на оной в Ставку хана, но по требованию от него оной лошади султан не отдал. Сверх этого лишился я с однородцами своими нынешним летом сенокошения через притеснения Караул-ходжею, который вышедшим однородцам нашим для сенокошения киргизам: Джаику Урусбаеву, Кумусбаю Рахметову, Тенигзбаю Абдулкаримову, Джуке Кустабаеву с прочими, через старшину Агыма Айбулатова с товарищами, запретил косить сено и сказал, что им нет тут места для сенокошения и Кустабаева избив, вымогали с него денег 50 руб., и Кустабаев, обещаясь отдать оные через своего отца Кустабая, поэтому они его отпустили, но Кустабай по просьбе сына доставил оные деньги к Караул-ходже, но сей не приняв оные, приказал отдать деньги означенному старшине Агыму, коему и были отданы. Почему мы, опасаясь таковых побоев и притеснений, уже для сенокошения не выходили и теперь на продовольствие скота сена на зиму не имеем, тем паче, что и подножный корм им Караул-ходжей на зимовках наших вытравлен, почему и остаемся со скотом нашим в самом крайнем положении. Об обидах, потерпенных теми старшинами, кои приложили печати на объявлении мною, поданном к начальнику Уральской линии могут объяснить сами. Что же касается до того, как сказано в объявлении моем, что хан Джангир, султаны и состоящие в их ведомствах старшины и Караул-ходжа заключили общее условие не принимать никаких просьб от простых киргизов, заключили мы из того, что вышеозначенный бий Алтай не допустил нас к хану для подачи прошения, сказал, что все претензии наши будут разбираемы в наших аулах.

Более сего показать ничего не имею, а вышеописанное объяснил по чистой совести справедливо, в том и печать свою прилагаю.

Показание отбирали:

Войсковой старшина – Сиротин. Есаул – Казбеков

При отобрании показаний находились депутат хана 12 класса Султан Медет Галий Чукин.

ЦИА Каз.ССР, ф. 4, д. 2039, лл. 758–772.

N 41. 1837 г. ноября 6. – Объявление Астраханского калмыцкого совета казахам Букеевской орды о сдаче в арендное пользование земли калмыков

Совет Калмыцкого управления препровождает при сем объявление о предположенных к отдаче на основании высочайшего повещения в 23 день февраля 1837 г. состоявшегося в оброчное содержание желающим калмыцких землях, покорнейше просит вас, высокопочтенный хан, приказать заблаговременно опубликовать в подведомственных вам местах, дабы желающие взять в содержание земли явились для торгов в Совет и 15 января 1838 года и о последующем Совет почтит уведомлением.

Товарищ главного попечителя Николаев

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д. 57, лл.4.

N 42. 1837 г. мая 30. – Рапорт хорунжего Куб-булсына ходжи Караулова хану Джангиру об аренде калмыцких земель

Во исполнение предписания вашего высокостепенства от 6 мая за N 491 – явился в Совет Калмыцкого управления и по торгам состоявшим 19 и 23 мая числах я купил в откупное содержание на три года участок земли из 83273 десятины, граничащей с Внутренней ордою, за ежегодную плату по четыре тысячи рублей ассигнациями на утвержденных кондициях и заключил контракт сего мая числа, при чем внесено мною в залог третья часть годового оброка тысяча триста тридцать пять рублей, выданную мне из оного совета засвидетельствованные копии о контракте кондиции и квитанцию во внесении денег, при сем представляя вашему высокостепенству имею честь покорнейше донести.

Хорунжий Куб-булсын Ходжи Караулов

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д. 57, л.25.

N 43. 1838 г. января 31. – Из отношения хана Букеевской орды Джангира в Оренбургскую пограничную комиссию об И. Тайманове и М. Утемисове

Бывший с командою и киргизами, в отряде г-на подп-ка Геке, султан Юсуф Шигаев, по возвращении своем, сам лично представил мне найденное в кибитке Исатая Тайманова прошение на имя г-на Оренбургского военного губернатора на татарском языке от 11 июля минувшего года за N 17, надобно полагать, оставленное у него в виде отпуска, потому что под ним подшита подлинная расписка, данная 19 августа того же года киргизу Бершева рода Таялину, ушедшему вместе

с Таймановым за Урал, начальником Калмыковской крепости ес-м Бородиным 2-м, в принятии прошения и еще конверт на татарском диалекте. Прошение это писано будто бы от имени старшин, богачей и прочих всех родов и отделений здешней орды и содержит жалобу на меня, на султанов и биев; потом изъяснено несбыточное желание о дозволении просителям прикочевать к Уралу; быть подчиненными уральцам и делать помогу службе посылкою в дальние командировки, как например, посылаются в Ново-Александровское укрепление и другие города и чтоб управлял ими старшина Исатай Тайманов и проч. Утверждено оно тамгами некоторых; о других сказано – прилагаются их печати, но не приложено; а приложенных на этом прошении есть от разных, наименованных старшин, пять печатей. По рассмотрении признал я печати поддельные, так как приложены от имени некоторых старшин, вовсе печатей не имеющих, а другие – простые киргизы, несправедливо названы в прошении старшинами; народ киргизский не употребляет номеров ни для каких прошений, потому выставляемый на этом прошении ₹ 17, конечно означает номерацию писаний куда либо от Исатая; бумага же найдена у него в кибитке; стало быть он составлял ее при содействии злоумышленников для обмана, но совсем не от просителей; остатка подписей, тамг и печатей нет, кроме как только от четырнадцати человек; продолжение фальшивых рукоприкладств, или печати, вероятно, сделано на подлинном прошении, судя таковое дошло до того пр-ства по расписке в принятии уральским чиновником. Другой обман, или же нелепое изъяснялось желанием быть им в подчиненности уральцев; отправлять и вспомогать службе вместе с ними; и это не могло быть мнением народным, без посторонних тайных связей и одобрений ложных, под какими либо предлогами, с другими; в чем со стороны их соблюдалась только цель для достижения своих намерений сделать злодейства и бежать за Урал.

Видимые доказательства столь поддельных жалоб, кои умышленно оставлялись во время совершавшихся в орде злодейств, разбойником Исатаем Таймановым и сообщником его Мухаммедом Утемисовым от имени будто бы народа, клонившихся к его возмущению и расстройству, тогда как самих давно велено было задержать под стражу и способствования от уральцев в пересылке тех жалоб вынудили меня обо всем этом довести до сведения Оренбургской пограничной комиссии, с покорнейшей просьбой: не угодно ли будет раскрыть несправедливость таковых поступков.

С этим намерением имею честь препроводить при сем, по составлении у себя копий, представленные мне султаном Юсуфом Шигаевым две бумаги: одну в виде отпуска, названную прошением от народа

и другую при нем подлинную расписку ес-ла Бородина в принятии; обе эти бумаги не имеющие никаких черновых поправок, закрепленные моим подписом. С распоряжения же, какое по сему от Пограничной комиссии последует, покорнейше прошу меня уведомить.

Хан Внутренней киргизской орды – Джангир.

ЦИА Каз.ССР, ф. 4, д. 1992 а, лл. 340–341 об.

N 44. 1838 г. февраля 8. – Письмо Саратовского военного губернатора хану Джангиру о содействии в борьбе с тайной продажей спиртных напитков

Управляющий Камышинскими питейными сборами Калашников обращался с жалобою к предместнику моему, действительному статскому советнику Степанову, на подрыв производимый откупу через продажу в ведомстве вашем водок и бальзамов, провозимых торговцами тайно в противность высочайше утвержденных откупных условий, без платежа откупа акцизы и в предупреждение сего просил дозволить ему преследовать корчемников во владении вашем, с тем, чтобы разрешен был въезд в ставку Рын-Пески откупной корчемной стражи и оной, соответственно N 335 откупных условий и N 4 и 8 временных правил, для пересечения корчемства, оказываемо было от киргиз законное содействие и защита при поимке корчемников, а также давалась бы для того стража, квартира и потребное число лошадей с проводниками, для перевоза корчемных питий и самих корчемников в гор. Камышин.

Губернское правление, в котором рассматривалась сказанная просьба, в удовлетворении оной, сделав должное распоряжение к открытию виновных и поступлению с ними по законам, за тайный провоз питий, без очищения акцизов и признавая правильным оказанное домогательство Калашникова о поимке корчемников войти о сем с вами в сношение.

Вследствие чего сообщая вам милостивый государь, вышеописанное обстоятельство, покорнейше прошу ваше высокостепенство, принять зависящие от вас меры, чтобы ордынцы, в случае преследования корчемников, делали вспомоществование поимщиков, сообразно законным правилам, без всякого послабления и охраняли бы последних в пути до селения от нападения с чьей либо стороны; о последующем же не оставьте почтить меня уведомлением.

Покорнейший слуга Илларион Бибиков

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.2, д.73, лл. 1–2.

N 45. 1838 г. июня 14. – Уведомление наказного атамана Уральского казачьего войска ген.-майора Покатилова в Оренбургскую пограничную комиссию о расправе над повстанцами И.Тайманова

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного в войсковом военном суде, над киргизами орд: Внутренней Капаем Косумбаевым и Зауральской Чудабаем Айдабековым, Сагибаем Ургушпаевым и Макетом Билюкпаевым оказались они виновными: первый, в сообществе с разбойником Исатаем Таймановым и прочими его товарищами, в побеге с ними с Внутренней на Зауралуьскую сторону, в участии в разбоях и грабежах, произведенных во Внутренней орде и в тайном переходе через р. Урал между Кулагинской крепостью и Гребенщиковского Форпоста с Зауралуьской во Внутреннюю орду за лошадьми по приказанию разбойника Тайманова, вместе с киргизом, находившимся с шайкой Тайманова, Утемисовым, по имени неизвестным; а последние в самовольном и тайном переходе вместе с Косумбаевым и Утемисовым через р.Урал в вышеозначенном месте, якобы для свидания с родственниками во Внутреннюю орду, в которой они, кроме Утемисова, неизвестно куда скрывшегося, пойманы киргизами Джайлявовым с прочими, через что ясно доказывается, что и они также имели с разбойником Исатаем Таймановым сообщение и делали ему вспоможение к удалению в глубину Зауральской степи во время побега его туда с единомышленниками своими, ибо они, видя Косумбаева, не должны были с ним соединиться, но обязывались его поймать и доставить к начальству, если они не имели с ним участия.

А потому г-н командир отдельного Оренбургского корпуса изволил определить подсудимых Косумбаева, Адайбекова, Ургумпаева и Билюкпаева наказать шпицрутенами, прогнав через двести пятьдесят человек первого два, а прочих по одному разу и потом отослать их в крепостную работу в Киев: Косумбаева на пять лет и последних на три года, а по миновении этих сроков отдать в солдаты, буде годными окажутся, в противном случае отправить в Иркутскую губернию на поселение.

О чем в Оренбургскую пограничную комиссию имею честь уведомить для надлежащего сведения.

Ген.-майор Покатилов
Есаул Матвеев

ЦИА Каз.ССР, ф. 4, д. 1992а, л. 553–555.

N 46. 1838 г. июня 18. – Рапорт ханского советника бия Шумбала Ниязова хану Джангиру о воспрещении казахам кочевать вдоль солевозных трактов Покровского и Эльтонского, а также в районе реки Таргуна

На предписание вашего высокостепенства от 23 мая за ґ 623, почтеннейше имею честь донести, что подведомого мне Качаевского рода киргизы, аулами своими и скотоводством не кочуют у трактов Покровского и Элтонского солевозных, и они не осмеливаются на недозволенных местах кочевать, а как в некоторых годах в летнее время по неурожаю трав и от сильных жаров на принадлежащих ордынцам дачах, или в зимнее время от жестоких буранов и холоду по необходимости приближались на сие пространство реки Таргуна, и тогда не без сведения главного саратовского начальства о таковых необходимостях, на вновь отмежеванные 10-ти верстное расстояние в длину и по солевозным трактам до 25 верст смежно, начиная от речик Таргуна до урочища Малой безводицы, Белой и Соляной кубы никогда ордынцы, приближаясь, не кочевали и не травили у жительствующих, по солевозным трактам, крестьян сена. В конце прошлого и в начале сего года, когда возвращались ордынцы со скотоводством, были весьма осторожны от пущения скота до потрав, и наши киргизы даже боятся, о чем вашим высокостепенством нам и киргизам было подтверждено. А почему я полагаю на киргизовы кочевании и потраве сена, просители крестьяне по своим неразумениям и ленностям не знают, кто бывает на вышеизъясненных местах. Ибо проходят через оные места, возвращаются с ярмарки при ставке вашей во время весны и осени учрежденной, разных губерний, равно и Саратовской, торговцы с большими табунами выменянного скота и они прогоняемый скот прокармливают иногда все лето, о чем мне объявляют подведомственные мне киргизы. Посему можно полагать и делалась потрава, об этом не догадываясь крестьяне делают притязания соседственным киргизам. В особенности в прошлом 1837 году во все лето на Внутренней стороне речки Таргуна, например при урочищах Безводицы и далее поблизости Кубы, до 6 и 7 т. баранов и большое количество рогатого скота, прокармливал Саратовской губернии Кузнецкого уезда татарин Мифтахитдин Торегулов и другие купцы. Обо всем этом, доводя до сведения вашего высокостепенства, я за обязанность почту о недопуске подведомственных мне киргизов кочевать на объясненные места; в чем бий Чумбал Ниязов печать приложил.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д. 64, лл. 13 и об.

N 47. 1838 г. июля 3. — Отношение командира 3-го полка Астраханского казачьего войска из камышина войскового старшины Тетерина хану Джангиру об удалении от таргунского поста старшин Чумбала и Саламата с подведомственными им казахами

Начальник Таргуновского поста хорунжий Сорокин доносит мне, что подвластных вашему высокостепенству старшин Чумбале и Сала-

мате подчиненные им киргизы и ныне, невзирая на воспрещение постового начальника, усиливаются с многочисленным скотом своим кочевать на речку Таргун, близь поясненного поста, и вытравливают сенокосные места.

О чем, имея честь довести до сведения вашего высокостепенства, покорнейше прошу сделать ваше распоряжение об удалении от Таргунского поста киргизцев со скотом, и чтобы сим последним они вытравливали сенокосные места, на которых должно заготавливаться сено для продовольствия военнослужительских лошадей.

О последующем же по сему почтить меня уведомить.

Войсковой старшина Тетерин

ЦИА Каз.ССР, ф. 78 , оп. 2, д. 54, лл. 9.

N 48. 1838 г. сентября. Справка об активных участниках восстания под руководством И. Тайманова

1-й из сих военнопленных Ходжа Ахмет Утемисов родной брат Мухаммеда Утемисова, главного советника и наставника Тайманова во всех совершенных им злодеяниях. Ходжа Ахмет также брал[1] деятельное участие в беспорядках во Внутренней орде, неотлучно находясь при Исатае Тайманове и с ним вместе перешел в прошлую зиму за Урал. Он состоит в списке, полученном в то время от хана Джангира, у которого состоит на весьма худом замечании: ныне киргизец сей вновь находился в скопище Тайманова и 12 июля взят с оружием в руках, защищаясь против русских.

Киргизец Худай Берген Илемесов был причиной, что султану правителю не удалось в прошлую зиму захватить Исатая, у коего лошади начали уже уставать; Тайманов нашел убежище у Худай Бергена, который снабдил его и лошадьми на дальнейший побег. Этот киргизец был уже перед тем замечен в дурном деле, за которое подвергался наказанию, но тогда получил прощение от правителя. Теперь султан просит не возвращать его более в степь, где считает присутствие его вредным.

На подлиннике написано: верно: полковник Геке

ЦИА Каз.ССР, ф. 4, д. 2039, т. 1, л. 83.

N 49. 1838 г. декабря 3. — Ответ атамана Уральского казачьего войска хану Джангиру о высылке в орду казахов, проживающих на территории войска

Из отношения от 12 августа сего года за ₹ 2303, вашему высокостепенству известно распоряжения об удалении во Внутреннюю орду

[1] Так в подлиннике. Публикуется с копии.

требуемых вами киргизов: Найку Науразалина с прочими, в числе 9-ти кибиток, кочевавших при урочище Аксу, но впоследствии оказалось, что эти киргизцы кочевали в Чижинской дистанции Уральского войска, и вследствие предписания моего, от 24 октября, начальник этой дистанции донес мне, что из числа 9-ти киргиз Мюзюк Кубанов оказался Зауральской орды, имеет письменное удостоверение от султана Махмута Алгазина и билет на проживание у хорунжего Утяпова, а киргизцы Ударбай Санбаев, Норышбай Ударбаев, Мамабетов Истаев, Танас Кирчин, Диниябдин Утяблин, в Внутреннюю орду высланы и что все они находились в работе у казахов по установленным билетам: Наик Науразалин по болезни до выздоровления оставлен во 2-м Чижинском Форпосте по билету у казахов Гарбулей Аюшева, Джумагул Найкин в пастухах у казака Пимона Федулова и кочует со скотом на узенях и Джангильда Науразалин находится при пастве скота Саратовской губернии в селе Александровском.

О чем ваше высокостепенство имею честь уведомить на отношение от 29 июля сего года за ₹ 869, присовокупляя, что о высылке в орду киргизцев Джумакула Найкина и Найки Науразалина предписано от меня начальникам Внутренней Уральской линии и Чижинской дистанции, а одного принадлежащего Внешней орде, как вышеизъяснено, и не приказал высылать.

Ген.-майор подпись.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д. 60, л. 14.

N 50. 1840 г. марта 30. – Письмо управляющего синеморским именьем бакунева родоправителю султану Тугуму Шигаеву о правах казахов на сенокошение на дачах Юсуповых и Безбородко

На отношение ваше от 17 марта сего года ₹ 143 полученное мною 29 число того ж месяца, коим требуете вы защиты от конторы сей противу крестьян кн. Юсупова, пользующихся сенокошением на принадлежащих, якобы, вам по условию с Синеморскою конторою буграх, контора имеет честь уведомить, что крестьяне кн. Юсупова, не находясь в ведении ее, и не жительствуя в имении вышепоименованных владельцев, не должны косить сена ни на каких в оном имении находящихся буграх и кажется не имеют надобности сие делать; впрочем если они по замечанию вашему косят на показанных выше буграх сена, то контора сия не может взять на себя обязанности содержать караул против самовольства посторонних людей, причиняющих вам обиды. Крестьянам же ловцам и для самих рыболовных промыслов в ведении сей конторы находящимся, нельзя запретить косить сена на тех буграх, на кои допускаются киргизцы, ибо

им киргизцам, предоставлены для сенокошения только те места, кои останутся излишними.

Управляющий Бакунев

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д.86, л. 2.

Документы: ноябрь 1842 г. – сентябрь 1858 г.

N 51. 1842 г. ноября 11. – Жалоба казахов ногаевского рода Куисова отделения Габбаса Кучаева и черкеского рода Сююнучева отделения Муса Айбалатова Оренбургской пограничной комиссии о притеснениях хана Джангира и его султанов, биев и старшин

1842 г., ноября 11 дня. Явясь в Оренбургскую пограничную комиссию киргизы Внутренней орды Ногаевского рода Куисова отделения Габбас Кучаев и Черкесского рода Сююнучева отделения Муса Айбулатов объявили:

Что кроме объявленной ими в Комиссии 6 ноября жалобы, об отнятии у них султаном Миндагиреем Букеевым и бием Чумбалом Ниязовым лошадей, они приехали сюда особенно довести до сведения начальства о разных сборах, производящихся во Внутренней орде по приказанию хана Джангира, а именно:

1. Киргизы по распоряжению хана наделены были прежде землею каждый род и отделение особо, за что взыскано было с них большое количество верблюдов. Землею этой киргизы владели долгое время беспрекословно, но ныне хан начал отрезывать от владельцев землю по саженям и продавать другим по 1 рублю за каждую сажень и таким образом начал беспрепятственно перепродавать ее.

2. Каждогодно делает с киргизов следующий денежный сбор: с Ногайского рода – 40.000 руб., Алачинского – 40.000 руб., Кызылкуртского – 30.000 руб., Байбактинского – 40.000., Джабассова – 30.000 руб., Адайского – 25.000 руб., Маскарского – 10.000 руб., Таминского – 20.000 руб., Исентемирова – 10.000 руб., и Семиродского – 20.000 руб. Ассигнациями.

3. В тот же год осенью собирают с каждой кибитки на зарез для ханского стола по одной лошади, стоющей непременно 70 руб., если же кто не имеет такой лошади, то должен отдать 70 руб. деньгами.

4. Когда киргизы осенью отгоняют на зимнюю тебеневку конный или бараний табуны, то берется с каждой коши по две лошади, а с баранов по два же со ста.

5. Осенью собирается с каждой кибитки сено, сколько может навьючиться на 1 верблюда; если кто не имеет сена, должен непременно отдать два рубля деньгами.

6. Кто имеет хорошее состояние, с тех берется по три сажени белой кошмы.

7. Собирают с достаточных киргизов с кибитки по одному верблюду, в подарок хану, который будто имеет большой недостаток в верблюдах, а потом собранных верблюдов отправляют в Оренбург, Астрахань и другие места.

8. В каждом роде, в отделениях, определены муллы, которым киргизы по приказанию хана должны непременно отдать в зекет сороковую часть со всего имеющегося у них скота.

9. Собираются каждодневно деньги на жалованье письмоводителей при хане, полагая каждому по 1000 руб. в год, на канцелярские расходы 1500 руб. и правителю канцелярии Раевскому до 3000 рублей; письмоводителей уже у хана бывает не менее десяти человек.

10. Собираются пошлинные деньги с продаваемого киргизами разного скота по 1 рублю с головы, где бы продажа не производилась.

11. Все эти сборы производятся по приказанию хана определенными в каждом роде и отделении султанами, старшинами и биями, которые объявляя волю хана о произведении сбора, стараются как можно более умножить количество денег, из которых отправляя хану назначенную им сумму, остальную затем берут в свою пользу. Сборы эти делаются в разные времена года для большого успеха и чтобы не произошло возмущения.

12. Имена султанов, старшин и биев, кто именно и в каком роде и отделении для сборов, следующие:

в Ногайском роде советник хана Чумбал Ниязов, Вийжан Ниязов, Джумаш Юсупов, Айбулат Сангрыков, Юлкут Наурузбаев, Саламат Исекенев и Ирубай Джамандыков.

В Черкесском роде: султаны – Давлетгирей Шигаев, Миндигирей Букеев, советники хана Чултыр Бикмамбетов, бии: Уъяу Тунгачин, Фейзулла Биуболатов и Сатай Баймуратов.

В Берчевском роде – советник хана Балка Худай-Бергенов.

В Алачинском роде – султан Джамбубек Сапаков, бии: Алтай Куканов, Чура Бакунаков, Букенбай и Клыч Майканов.

В Кызылкуртовском роде – султан Кучак Галий и бий Джубаным Айтуганов.

В Байбактинском роде – султан Чука Нуралиев и сын его Медет Чукин.

В Джапасском роде – бий Юзбай Бутаканов.

В Исыковом роде – султан Тяука Букеев и бий Джантюря Актанов.

В Китинском роде – Буз.

В Адайском роде – бий Савгабай Мамбетов.

В Семиродском роде – султан Султан-Гирей Хан-Султанов.

В Исентемировском роде – бий Татан.

В Маскарском роде – Чура Кижеев.

В Таминском роде – бий Худай-Бергень Кинджебаев и старшина Караша Акынов.

Сверх этих чиновников назначены ханом особые сборщики для киргизов, кочующих на берегах Каспийского моря, которые разделены на две части, в первой Ходжа Караул-Мурза Караулов, а во второй султан Тугум Шигаев. Они по воле хана ежегодно собирают, кроме ханского сбора, половинную часть оного собственно для себя.

Еще был сборщиком в Ногайском роде шурин хана Емирджан Хусеинов, который ныне определен чиновником особых поручений к Астраханскому военному губернатору. Когда Хусеинов прибыл к хану и /был назначен родоначальником, то на первый раз было отдано ему по приказанию хана 700 лошадей, а потом уже он сам каждогодно собирал для себя половинную часть против ханского сбора.

В каждом роде назначен депутат для бытия[1] при следствиях, которому дано ханом право пользоваться от киргизов в каком он находится роде всеми нужными жизненными припасами по своему произволу.

Хан назначает с каждого рода по одному человеку в служители при себе, которым собирается с народа жалованье от 150 до 300 рублей каждому, по четыре лошади для разъездов и одежда.

От хана выдаются билеты на проезд куда-либо со взысканием за это по 50 коп. в месяц. С пастухов киргизов берется по талеру за каждый месяц.

Сверх того Габбас Кучаев объявил, что у него насильственным образом отобрано Чумбалом Ниязовым назад тому четыре года 10 верблюдов, 160 баранов и 8 бухарских халатов, каждый по 40 руб. Назад тому три года /отобрал / лошадь – иноходец в 200 руб. В прошлом году – на зарез две кобылы и два верблюда и мерин гнедой, резвый, стоящий 300 руб.

Мусы Айбулатова насильственным образом отобрали султаны Мендыгирей Букеев, Давлет Гирей Шигаев и советник хана Чултыр Бикмамбетов в разное время 15 лошадей, денег 7.500 руб. и 20 голов рогатого скота.

Все эти притеснения со стороны хана и прочих, представляя на благорассмотрение Пограничной комиссии, просят обратить начальническое внимание на утеснения народа. При чем присовокупили, что между киргизами Внутренней орды носятся слухи, будто бы они со временем поступят в крепостное состояние к хану, а поэтому никто не осмеливается прекословить распоряжениям его, опасаясь подвергнуться

[1] Присутствия.

через это большому угнетению. Исатай Тайманов решился было сказать хану, что он слишком притесняет народ и просил его отменить означенные сборы или по крайней мере уменьшить их. Хан принял его за бунтовщика, донес об этом начальству и приказал задержать Исатая, но он ушел с частью приверженцев своих за Урал.

Многие хотели бы пожаловаться на притеснения ханские, но боятся и того, что словам хана дастся более вероятия и тогда претендатели погибнут. Причем просят сделать начальственное распоряжение о дозволении перейти им кочевать с одноаульцами их в числе 80 кибиток и со скотом в какое-либо удобное место на Новоузенской линии.

В чем приложили тамги: Габбас Кучаев таковую и Муса Айбулатов таковую.

В присутствии Оренбургской пограничной комиссии киргизы Кучаев и Айбулатов показания эти утвердили без перемены в том тамги приложили.

Слова переводил В.Кочетов.
Присутствовали: советник – подпись неразборчиво.
Советник – подпись[1]

ЦИА Каз.ССР, ф. 4, д. 2655, лл. 27-30 об.

N 52. 1842 г. ноября 12. – Предписание Астраханского военного губернатора родоправителю султану Тугуму Шигаеву о праве казахов косить сено на арендованных ими десяти буграх

Вследствие отношение ко мне превосходительного хана Внутренней киргизской орды, на поселян Красноярского уезда, позволяющих себе вытравливать и мять траву и камыш в местах, отведенных киргизцам в пользование, сделано было воспрещение тем крестьянам.

Ныне управляющий синеморским имением, стат. Советник Павлов жалуется на киргизцев, что со времени отвода в синеморском имении под зимовье киргизцем земель, на местах, из десяти бугров состоящих, а именно: Черный, Лабозный, Еваницкий, Голубев, Ботохонский, Пояновский, Рыбочкин, Мальцев, Солодов, Самарнов; хотя они, киргизцы, косили сено, но приступали к тому же прежде, как по удовлетворению поселянами вполне собственных нужд в заготовлении сена; с тем вместе не возбраняется им пасти на тех буграх стада свои; но в нынешнем году поселяне чрезвычайно стеснены были киргизцами; которые не дозволяли им ни косить сено, на пасти скот, и как при повторении подобного стеснения и в будущем лете надобно ожидать, что поселяне лишаясь всякого терпения, будут принуждены

[1] Подписи неразборчивы.

оставить жительство в имении, отчего помещики лишатся значительных доходов, каке получаются с вольных поселян, и от самих рыболовных вод через уменьшение ценности их по недостатку исправных и опытных ловцов, то по таковым неприятным обстоятельствам г-н Павлов просит моего в сем деле посредства в охранении прав и польз по имению доверителей его.

Из собранных мною сведений открылось, что киргизцы не вправе косить сено в откупаемых у красноярских помещиков дачах: ибо по заключаемым условиям киргизцы могут продовольствовать свой скот подножным кормом, но отнюдь не накошенным, потому что луга сберегаются для крестьян и вольных поселян и для ватажного скотоводства, коим сено нужно в равной мере, как и киргизцам; в противном случае скотоводство первых могло бы бедствовать и поселяне от собственности своей принуждены были бы сами покупать сего из сторонних рук за дорогую цену; а это допущение не согласно с справедливостью. Впрочем киргизам не запрещалось косить сено в отдаленных от поселений и промыслов местах, по согласию управляющих имениями, но, как ныне оказалось они употребили во зло такое дозволение.

Сообразив описанные обстоятельства и обоюдные нужды поселян и киргизцев, я для сохранения сих обоюдностей и для отклонения впредь подобных неудовольствий и стеснений, согласил управляющих, чтобы они в будущих годах указывали киргизцам для накошения сена именно такие луга, кои для поселян остаются без употребления так, чтобы с одной стороны киргизцы не осмеливались бы касаться других мест, а с другой стороны и поселяне не могли бы уже иметь притязаний на луга отведенные киргизцам и, наконец, чтоб сии последние отнюдь не возбраняли поселениям пасти и свои стада на вышеозначенных 10-ти буграх.

О всем вышеизложенном извещая вас, почтеннейший султан, я по уважению справедливого ходатайства управляющих имениями помещиков, прошу вас с получением сего немедленно объявить всем подведомственным киргизцам, дабы они в точности исполняли изъясненное условие и отнюдь не превышали определенную меру дозволенных им прав, под опасением за нарушение оных строгого с виновных взыскания; зачем и вы обязаны иметь ближайший надзор.

О получении сего предписания моего и распоряжения к исполнению оного мне донести в свое время для объявления управляющим имениями, которые о сем мною предуведомлены.

Военный губернатор –
Генерал-лейтенант /подпись/
Правитель канцелярии /подпись/

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.2, д.86, лл.13-14.

N 53. 1842 г. декабря 10. – Показание казаха Букеевской орды Аппаса Кушаева, данное им пограничной комиссии по вопросу недовольства ханом Джангиром и участия его в мятеже

1842 г., декабря 10 дня, задержанный вследствие предписания г-на Оренбургского военного губернатора от 25 декабря, киргиз Внутренней орды Аппас Кушаев при допросе показал:

Зовут меня Аппас Кушаев, от роду имею 40 лет, киргиз Внутренней орды, Ногайского рода, Куясова отделения, кочую на р. Малом Узене, в 1827 и 1829 гг. я кочевал в Нарын-Песках с султаном Каимпгалием Ишимовым. В произведении мятежа я не участвовал и его в то время даже не видал, и где он находился не слыхал. В 1835 г. я действительно был вызван в Черноярский земской суд и опрошен по делу о пропавших тогда без вести Вязниковских торговцах, но задержан не был. Во время мятежа, произведенного во Внутренней орде старшиною Исятаем Таймановым я им был захвачен и пробыв у него четыре месяца от него бежал к хану, сообщником я Исятая не был и с ним не участвовал, после же старался усмирять киргизов и бунтовщиков представлять к начальству; в чем имею от хана свидетельство при сем представляемое 1/. В краже в 1834 г. у Дербетского калмыка 9 верблюдов и у старшины Майкина 40 лошадей, я не участвовал, а слышал от киргизов, что в краже этой учавствовали Когайского рода, Джаныбек и Айткул Кучаковы, которые были задержаны бывшим Кантонным начальником Бородиным, но находились ли под судом не знаю. В 1839 г. имел я намерение прибыть в Оренбург и довести до сведения начальства поступки хана, о которых ныне я в показаниях своих объявил, но узнав тогда об этом хан Джангир заключил меня под стражу при ставке его, где я содержался один год, а после самим им был отпущен; во время содержания моего под стражею делали ли какие киргизы нападения на кордон, в котором я содержался с намерением освободить меня я не знаю, потому что был тогда закован в остроге. Ни у какого крестьянина Саратовской губернии лошадей я не воровал, по ярмаркам не ездил, денег не собирал, а выведено это ханом несправедливо по настоянию Чумбала Ниязова, который узнав, что я на него поехал жаловаться в Оренбург предупредил хана и сей последний, чтобы отмстить мне написал на меня такие несправедливости. Поступившее на меня от ногаевских киргиз Наурубая Джамандыкова и прочих прошение написано, как я полагаю, тоже по научению Чумбала Ниязова, ибо все эти киргизы родственники Чумбалу. Сверх того можно заметить несправедливость сего прошения из того, что, когда был в Оренбурге хан, то я слышал, что он обещался прислать на меня сюда жалобы, и что все ордынцы Внутренней орды

опасаясь хана, готовы все для него сделать и даже оклеветать кого он захочет.

Объявив это сущую правду в том тамгу приложил.

Слова переводил Хорунжий Кимченков

Присутствовали: советник Бишмаев, советник Ванеев

ЦИА Каз.ССР, ф. 4, д.2655, лл. 55–56 и об.

N 54. 1843 г. – Письмо хана Джангира Астраханскому губернатору И.С.Темирязеву с просьбой о содействии в разрешении вопроса о наделении казахов землей

Дозволение данное вашим пр-вом полк-ку Бабету отправиться во Внутреннюю орду по возложенному на него поручению ген. –от инфантерии Обручевым столь полезное в настоящем случае, для уничтожения смут, направленных двумя мятежниками киргизами для нарушения спокойствия орды, обязывает меня принести вам искреннейшую благодарность.

Имею честь узнать о распоряжении вашем относительно полк-ка Бабета из отношения вашего ко мне от 7 ноября из этой же бумаги усмотрел я мнение ваше, которым ваше прев-во признаете, что для заключения учрежденной в Астрахани комиссии для наделения киргизов зимовыми кочевьями, не нужно обозрения кимиссиею дачь владельческих. Важность вопроса об обозрение владельческих дачь, для заключения по делу касательно наделения зимовья киргизов, от которого зависят единственные средства для существования третьей части управляемого мною народа, и глубокая уверенность в том, что причины уважительные всегда обращают на себя ваше внимание, заставляют меня изъяснять вам в этом частном письме моем следующие обстоятельства:

1. Дело о назначении киргизам зимовых кочевьев, с совершенной необходимости, которых в продолжении 40 лет представляло правительству высшее местное управление Оренбургским и Астраханским краем, в том числе и ваше превосходительство представление Сенату от 8 ноября 1834 г. за ѣ 1660 не решено доселе потому, что правительство не имело мнение Государственного совета 9 ноября 1842 г. к разрешению этого дела достаточных сведений; вследствие чего и учреждена в Астрахани комиссия, которой повелено точнейшим образом удостовериться, какое пространство земли из приморских дач наследников кн. Безбородко и Юсупова можно отделить киргизам без стеснения хозяйства и права на рыболовства владельцев, а в дополнение по распоряжению об учреждении этой комиссии правительствующий сенат в указе к вам от 30 марта 1843 г. за ѣ 15449 поставил комиссии

в безусловную обязанность отправится, после первоначального совещания и по соглашении о мерах исполнения для обозрения самих мест и собрать требуемые от нее данные к решению вопроса и на таковые обозрения указом сим назначены и потребные издержки на счет казны, таким образом само правительство требует от комиссии обозрения владельческих дач, имея ясною целью на основании сведений на самых местах комиссиею собранных решить вопрос.

2. Обозрение комиссией мест, которые просят киргизы как единственно достаточное убежище на зиму для 3-ей части народа совершенно необходимо для киргизов, ибо этим комиссия решительно и точнейшим образом сама удостоверится справедливым доводам представляемым от киргизов и можно ли назначить им просимые земли, без стеснения для хозяйства и рыболовства владельцев и только посредством такового обозрения соберет достаточные для разрешения дела сведения, требуемые от него правительством, ибо отзыв от поверенных киргизов и владельцев будет противоречить один другому и без обозрения местного, по таковым отзывам не сама комиссия с верностью сделать своего заключения, не правительство не будет иметь для решения удовлетворительных данных.

Изложенные здесь причины побуждают меня убедительнейше просить ваше превосходительство дозволить комиссии произвести, как позволено ей приведенным мною указом сената на имя ваше от 30 марта 1843 г. N 15449 обозрение владельческих дач, согласно ее постановлений.

Примите милостивый государь Иван Семенович, эту просьбу мою основанную и на распоряжениях правительства и на важнейших нуждах народа, силою управляемого с тою добротою, какую столько раз уже вы оказывали ко мне и которая привязала меня к вам всею душою и навсегда.

С нетерпением жду приезда Бабета, который еще в орду не прибыл для того, чтобы по сделанию здесь нужных распоряжений скорее увидеться с Вами в Астрахани.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.1, д.26, лл.201-203.

N 55. 1843 г. апреля 7. — Письмо калмыцкого князя Тюменова хану Джангиру об удалении казахов ногаевского рода с калмыцких земель

По засвидетельствовании вам и семейству вашему от души истинного моего высокопочитания приятнейшее для меня письмо ваше от 17 марта я имел удовольствие получить, и, из оного узнав о благополучном состоянии вашем, равно и семейства, я весьма обрадовался, равно и о благосостоянии народа вам подвластного. О себе я вам также скажу, что слава богу, здоров со всем моим семейством и наро-

дом моего ведомства. Услыхав о благополучном возвращении вашем с Уральской линии, я весьма обрадовался. Последнее письмо ваше хотя дошло мне медленнее, но все таки я теперь рад.

Затем уведомляю вас, что о взятой мною земле из калмыцкого совета в оброчное содержание начальством здешнего края мне объявлено, что впредь до решения о сей земле законным порядком и по случаю поступления от вас за сии земли /причитающихся[1]/ деньги заключено оставить оных за вами. Затем уже оспаривать мне с вами будет стыдно, хотя предоставленными мне старыми землями завладеют ваши киргизы, я и тогда в суд земский[2]/ не пожелаю /подать/. Ныне и в нынешних днях на принадлежащих мне землях кочуют киргизы ногаевского рода и без моего дозволения пользуются /ею/. Посланных от меня для удаления – неслушают, даже намереваются произвести неприятности и ссоры. Потому нельзя-ли распорядиться об удалении их от чужих пределов. Если вы находите взятые вами в оброк земли за свою цену, то до окончания срока пользовались бы вами киргизы, и на будущий срок 486 рублей серебром два раза в год следует вносить в суд. А до сих пор ... поступило в казнуют с залогом – всего 1141 руб. серебром, не считая других издержек. Отдав мне остальные и по примеру, как вышесказано, следует вносить каждогодно, чем понапрасно входить в переписку лучше разделаться подушевно. Затем уведомляю вас, что Иван Семенович, выбрав из конского завода моего послал великому князю, наследнику лошадей, взамен коих его императорскому величеству угодно было прислать мне саблю с золотой подписью в знак памяти, и для вручения мне оного приглашали меня в Астрахань и дней через два тороплюсь послать туда, в русский праздник и потому прошу продолжать со мною приятную вашу переписку, аминь!

Еще уведомляю вас, что нашего Аганияза, батыр Мурзу князь Урусов за оставшуюся от Ильяса дочь потребовал следующей ей части имения, заключил под стражу, где/он/ содержится уже два месяца, несмотря на разбирательства суда и Урусов не принимает ничего в оправдание и тем ему, делает стеснительную обиду, почему из сожаления к участи его нельзя ли милостиво написать Ивану Семеновичу об указании ему снисходительной милости тем, чтобы И.С. сделал со своей стороны распоряжение скорее окончить и решить его дело, и предписал бы о том магистрату, и я по приезде в город с своей стороны приму участие. Если и с вашей стороны последует пособие то было бы гораздо сильнее, затем остаюсь навсегда готовый к услугам Вашим.

Дошедшую со стороны кавказских гор ко мне палку при сем к вам посылаю в подарок.

ЦИА Каз.ССР, ф.78/, оп. 1, д. 26, лл.41-42 и об.

N 56. 1844 г. сентября 30. — Из рапорта состоящего при ярмарке с командою хорунжего Симонова хану Джангиру о количестве купленного в орде жителями Черного яра баранов

Жители города Черного Яра отставной подпоручик Тимофей Бужинский, купцы Афанасий Лукинский, Василий Калашников и урядник Василий Карашманков на здешней ярмарке у гиргиз накупила баранов: первый 900, второй 1042, третий 900, четвертый 600 и последний 1300 штук, на которых не взяв как-бы следовало свидетельств, отправились в место своего жительства. Узнав о сем удостоверительно от Черноярского купца Алексея Бровкина, я долгом считаю вашему превосходительству донести.

Хорунжий Симонов

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д.38, лл.233 и об.

N 57. 1845 г. сентября 30. — Ведомость о приезжающих на осеннюю ярмарку при нарын-песках купцах и прочих сословиях

Саратовской губернии	Купцов ..... 19 Из татар ..... 1 Мещан ..... 32 Из татар ..... 1 Крестьян ..... 149 Из татар ..... 3 Колонистов 20
Воронежской губернии	Крестьян 3
Пензенской губернии	Крестьян ..... 1 Из татар 1
Тамбовской губернии	Крестьян 6
Московской губернии	Крестьян 2
Астраханской губернии	Купцов ..... 3 Мещан ..... 4 Армян ..... 36 Туркменцев ..... 6 Крестьян ..... 3 Из татар 1
Нижегородской губернии	Крестьян 1
Рязанской губернии	Мещан ..... 2 Крестьян 1
Симбирской губернии	Крестьян 2
Казанской губернии	Купцов из татар ..... 2 Мещан “ ” ..... 8 Крестьян тоже 1

Вятской губернии	Купцов 1
Ярославской губернии	Мещан 2
Черниговской губернии	Купцов ..... 1 Мещан 5
Всего купцов, крестьян и мещан разного сословия	**317 человек**

Хорунжий Станкович

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д.38, л.270 и об.

N 58. 1845 г. октября 1. – Донесение генерального штаба штабс-капитану Чижикову об итогах торговли на военной ярмарке при Ханской ставке

На отношение Ваше ко мне от 30 сентября N 14 имею честь сообщить вам милостивый государь:

1. Что в нынешнем году весенняя ярмарка началась 15, а окончилась 31 мая. Причиною столь, позднего ее открытия, против назначенного для того времени, был несвоевременный пригон киргизами скота, который они после сильного изнурения от жестокой зимы и недостатка кормов, старались прежде продажи поправить;

2. Привезено было товаров красных, пушных на 1.243.400 руб. ассигнациями. Из них продано – 431.383 пуд. Хлеба, пшена и круп на 4.800 руб.; козьего пуху продано 1.298 пуд. На 49.324 руб.; верблюжьей шерсти продано 1.152 пуд. На 22.062 руб.; мерлушек продано 700 штук на 4.200 руб.; шкур конских, верблюжьих, рогатого скота и бараньих на 81.220 руб.; кибиточных жердей на 7.000 руб.

3. Пригнато киргизами Внутренней орды скота на ярмарку лошадей 5.000 голов, продано из них 723 – на 50.610 руб. асс., верблюдов 1.110 голов, продано на 25.900 руб., рогатого скота 6.000 голов, продано 4.811 на 96.220 руб., баранов 60.000 голов, продано 24.743 на 148.458 руб. ассигнациями.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп.2, д.38, лл.266.

N 59. 1846 г. марта 1. – Выписка их журнала Временного совета по управлению Внутренней ордой о снятии старшины Бикбаева за отказ собрать зекет и сугум с казахов

СЛУШАЛИ: 1. Рапорт султана родоправителя Иссыкова рода Тяуки Букейханова от 18 марта за N 821 коим доносит:

1. что согласно предписания покойного хана от 23 марта 1845 г. за N 821 о смене за дурные поступки старшины Кадыргулова отделения Тубезша Бикбаева и избрание вместо его из подотделения Ту-

ругбаева способного и благонадежного киргиза, он избрал киргиза Биктургана Кулбалаева и просит киргиза этого утвердить на место Бикбаева и дать ему об этом предписание и

2. что Бикбаев, киргиз вверенного ему отделения зекет и сугум собрал не сполна и даже сам смущает киргизов /чтобы/ сборов сих не отдавать и имеется справка в татарской канцелярии, по коей оказывается, что действительно покойный хан дал вышеизясненное предписание султану Тяуке,

ОПРЕДЕЛИЛИ:

1/ Согласно распоряжения хана /Джангира/ Башбаева от должности старшины удалить, строго предписав отнюдь не осмеливаться делать киргизам внушений о невзносе зекета и сугума.

2/ Кулбалаеву предписать .... [1]/ впредь до усмотрения Временным советом его благонадежности и исполнительности исправлять должность старшины в Кадургуловом отделении и немедленно озаботиться сборами, во-первых недобранных от прошлого года зекета и сугума, а во-вторых назначенного на сей год и

3/ султана Тяуку об этом уведомить.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 4, д.13, л.45 об.

N 60. 1846 г. марта 15. — Выписка из журнала Временного совета по управлению Внутреннею ордою по поводу разбора дела о калыме

N 12. Предложение Оренбургской пограничной комиссии от 27 февраля за N 3597, коим предписывает разобрать жалобу, принесенную председателю комиссии в 1842 г. киргизца Таминского рода Кызылкуртского отделения Илгулда Уланова с товарищем относительно увоза жены брата их Бикмана — Маниказу Нуржанову, которая при выходе в замужество получила от Бикжана калым 16 коров, двое лошадей, 1 верблюда, 30 баранов, ружье и 120 руб. ассигнациями.

ОПРЕДЕЛЕНО: о доставлении киргизца Бикжана для разбора претензии киргизов Уланова и Тюралина предписать султану Хангерею хан султанову с тем, чтобы он выслал его немедленно сюда в ставку и о последующем донести.

Управляющий ордою

М.П. Советник от Министерства государственных имущества Матвеев

Советники от орды м.п. /две/

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 4, д.13 лл.26 и об.55.

---

[1] В подлиннике журнала написано столбцом: русский текст с левой стороны, а татарский с правой стороны.

[2] Не прочтено.

N 61. 1846 г. апреля 4. – Выписка из журнала Временного совета по управлению Внутреннею ордою об отказе Араловым и др. платить зекет и сугум

N 7. СЛУШАЛИ: 1. Рапорт старшины танинского рода Кораша Тукина от 22 марта, в коем он изъясняет, что озабачиваясь вследствие предписания г. Управляющего ордою сбором недобранного с киргизов его отделения за 1845 г. зекета и сугума, посылал он от себя киргиза Тышканбая, Джалтыра Шумана и Байбула объявить киргизу его отделения Досаю Аралову и киргизам Байбазовым и Байдауовым о немедленном представлении ими оставшихся за ними зекета и сугума, но они в числе 8 человек не только ничего не отдали его последним и даже покушались затеять с ними драку и сказали, что не знают оставшегося за ними зекета, ни сугума и если захотят, то отдадут в свое время кому следует; затем старшина Караш о взускании с означенных киргизов недоимки от зекета 561 руб. 50 коп. ассигнациями/ и двух сугумов просит сделать распоряжение;

2. Справку: а/ сбор зекета и сугума с вышепоименованных киргизов должен производить, как видно из дел татарской канцелярии, старшина их Кореш Тукин,

б/ киргиз Досай Аралов с кочующими с ним его родственниками, как видно из дел русской канцелярии, был замечен прежде в упорном неповиновении – своим старшине и родоначальникам, и кроме взысканий деланных с него покойным ханом, ханом же отдан с товарищами своими за самовольный переход за Урал под следствие, которое производил бывший при хане по особым поручениям гвардии поручик Гусейнов, но представил нескончленным.

Временный Совет, принимая во внимание прежнее неповиновение местному ордынскому начальству киргиза Досая Аралова с товарищами и усматривая, что обыкновенное как с другими киргизами меры с ним недействительны,

ОПРЕДЕЛИЛ: 1. Подлинный рапорт старшины Кораша о поступках Досая Аралова с товарищами препроводить к султану войсковому старшине Медет-галию Чокину и предписать сему султану немедленно произвести по сему рапорту строгое следствие при депутате от танинского рода;

2. уведомив о таковом распоряжении родоправителя танинского рода, приказать ему назначить к означенному следствию депутата и вместе с тем непременно понудить Досая Аралова с товарищами по взысканию старшине их Корашу о следующих с них недоборов от 1845 г. зекета и сугума, а если он и товарищи его и за сим ослушаются, то ослушников взять под арест в свою ставку и донести о сем временному Совету;

3. Производившееся Гуссейновым вышеозначенное следствие, равно как и им начатое и над Испулаем Араловым и товарищами его по убийству дочери киргиза Бацкабылова передать для окончания тому же султану Чокину.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 4, д.13 лл.47 и об. 48 и об.

N 62. 1846 г. апреля 24. – Журнал временного совета по управлению Внутреннею ордою о назначении султана Токжана Мусагалиева для надзора за торговлей на ярмарке

РАССУЖДАЛИ О НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМ:

1. По распоряжению покойного хана на бывающие при ставке – весеннюю и осеннюю – ярмарки назначались:

а/ для наблюдения за киргизами и сохранения должного /порядка/ между самими и в отношениях с иных мест торговцами султан Токжан Мусагалиев;

б/ для наблюдения за приезжающими торговцами, промышленниками и разного рода людьми из других мест, сохранения узаконенных на ярмарках по торговле правил, тишины и порядка, во всех отношениях между приезжими, кроме киргизов, офицер из кардонной при ставке стражи с достаточной командою, и

в/ для свидетельствования покупаемого промышленниками киргизского скота ветеринарный врач в орде Ольдекоп.

2. Каждому из этих лиц давались особые об их назначении и действиях инструкции.

Соображаясь сим распоряжением, инструкциями и существующими для торговли на ярмарках узаконениями временный совет ОПРЕДЕЛИЛ:

1/ предписать султану Токжану находиться на наступающей весенней ярмарке:

а/ строго наблюдать, чтобы киргизы в продаже скота и пр. и в покупках нужных им товаров не имели ни малейших ни от кого стеснений, оказывать им деятельное, но справедливое заступничество, а в случае недействительности своего заступничества доносить временному совету;

б/ строго смотреть, чтобы киргизы, приезжающие на ярмарку, отнюдь ни одноплеменникам своим, ни приезжим на ярмарку извне орды не делали никаких обид, не дрались, не покушались ни/на/ какие беспорядки, и тем более, ни воровство и другие важнейшие преступления, и за причиненные кому-либо обиды, за драки без ран, за невадные беспорядки и воровство /оштрафовывать/ на незначительную сумму – не свыше 3 руб. серебром; тотчас по открытию виновного на месте проступка в важнейших драках с ранами, в воров-

стве, в непослушании и убийстве, и в других важнейших преступлениях непременно разыскивать и представлять во временный совет, донося тотчас же о всяком таковом преступлении;

в/ в ссорах, драках и пр. проступках и преступлениях киргиз с русскими разбирать, разрешать, что дозволено выше и разыскивать виновных вместе с офицером, назначенным на ярмарку;

г/ продажу киргизами лошадей и крупного скота записывать в особую данную от совета книгу, с означением кем, кому и каких примет продана лошадь или крупная скотина другого рода и книгу эту по окончании ярмарки представить совету, а о количестве проданных киргизами баранов, кож, сала, шерсти, кошем, другого рода мелкого скота сколь возможною точностью собрать и доставить совету сведения разного рода скота и, хотя, примерно, на какую сумму привезено киргизами сала, кож и пр.,

д/ от проезжающих на ярмарку торговцев собрать сведения о том, сколько и какого рода привезено ими товаров, сколько продано;

е/ о всех случаях, требующих наставления и разрешения доносить совету.

2/ Поручить хорунжему Уральского войска Мазанову с казаками его команды находиться на ярмарке:

а/ строго наблюдать чтобы каждый приезжий извне орды на ярмарку непременно имел паспорт и производил торговлю на точном основании узаконений о правилах торговли вообще и торговли на ярмарках и чтобы каждому из проезжающих никто не делал никаких стеснений и обид и чтобы они сами того не делали никому;

б/ оказывать им в их жалобах и просьбах, само собой разумеется, основательных, деятельное заступничество, а в недействительности своего заступничества и в случаях важных им обид или преступлений над ними доносить совету;

в/ беспаспортных, виновных в драках, буйстве, беспорядках вообще и, тем более, в каких-либо преступлениях уголовных брать под арест и представлять в совет;

г/ посредством команды наблюдать в особенности ночью, за тишиной и порядком на ярмарке, за недопущением воровства, за сохранением зданий ярмарки от пожаров и пр., принимая для сего твердые и благонадежные меры и, в нужных случаях, прося содействие совета;

д/ дела киргизов с русскими и обратно разбирать и исследовать вместе с султаном Токжаном и

е/ о всех важных на ярмарке происшествиях и о всем требующем особого разрешения доводить до сведения совета. Для записки же паспортов выдать Мазанову особую книгу;

ж/ г-ну Ольдекопу, поручить освидетельствовать пригоняемый на ярмарку скот, действуя в сем случае по установленным правилам и

выдавать покупщикам свидетельства на записки для представления в совет и получения свидетельства на пригон скота.

Управляющий ордою М.П.

Советник от Министерства государственных имуществ Матвеев

Советник от орды М.П. Советник от орды М.П.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д.38, лл. 285– 286. и об.

N 63. 1846 г. апреля 26. – Из журнала временного совета о сбережении сенокоса и зимовок по Большому и Малому Узеням

СЛУШАЛИ: 1. Рапорт войскового старшины Мелет-Дилия Чукина от 16 апреля за г 228-м коим Чукин изъясняя, что по разрешению покойного хана всегда сберегалось им Узенское место, на коем зимуют киргизы и косят сено и, в особенности, по сему сбережению берегов Большого и Малого Узеней в 1845 г. киргизы накосили сена более противу прошлых лет, что письменно удостоверяют старшины и баи кочующие в означенном месте и единогласно просят его дабы и в этом, по примеру прошлых лет, сделал он распоряжение для сбережения ими и подчиненными им киргизами тех мест, и, представляя просьбу сих биев и старшин, просит разрешение – следует ли ему, по примеру прежних лет, приступить к распоряжению о сбережении узенок их земель, на которых можно косить сено и иметь киргизские зимовья ...

Временный совет принимая в основание

а/ прежнее распоряжение хана, имеющее целью одну из важнейших потребностей для хозяйства киргизов, кочующих при узенях и несомненную для них пользу и

б/ удостоверенные о благоразумной распорядительности султана Чукина от вышеприписанных старшин, –

ОПРЕДЕЛИЛ: султану Чукину поручить по примеру прежних лет оберегать для соскоса и зимовок места по Большому и Малому Узеням, занимаемые теми старшинами с их киргизами, которые просили в приведенной выше бумаге султана Чукина.

Управляющий ордою М.П.

Советник от Министерства государственных имуществ Матвеев

Советники от орды М.П. Советник от орды М.П.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 4, д.13, лл. 65,66

N 64. 1846 г. мая 6. – Постановление Временного совета по управлению Внутреннюю ордою о недопущении самовольного захвата общественных земель султанами

СЛУШАЛИ: 1. Рапорты султана Куваныча Джаналиева от 30 апреля и 4 мая N 2, – справку из дела по предмету его жалобы, по коей оказывается:

а/ покойный хан Джангир летом 1842 г. по жалобе киргиз Танинского рода и других, что султан Куваныч самовольно присвоил, кроме данной ему и достаточной для него по хозяйству земли, другие земли совершенно необходимые для означенных киргизов, допуская на эти места тех, кто платил в пользу его сбор, поручил султану Менглигирею отвести и султану Куванычу и киргизам Танинского рода и др. следующие им участки, что и было исполнено;

б/ султан Куваныч, недовольный сим приносил на это жалобу господину Оренбургскому военному губернатору. Его высокопревосходительство предложением своим покойному хану от 11 генваря 1844 г. за N34 признали жалобу султана Куваныча по неосновательности ее не заслуживающею уважения, – что и было султану Куванычу объявляемо по распоряжению покойного хана и так как дать подписку в слышании сего он ослушался, то об этом хан доводил о сем до сведения г. Оренбургского военн. Губернатора от 29 марта 1844 г. за N 286-м, а его высокопревосходительство приказал о сем произвести следствие и

в/ г. управляющий ордою по жалобе ему Куваныча о том, что танинцы вкочевывают на его земли, разумеется только те участки предоставленными в его пользование, которые отведены ему по распоряжению хана, утвержденному г. военным губернатором Султану Менглигирею, предписывая /кому следует/ не вкочевывать в них, а султана Куваныча о сем 14 апреля уведомил.

ОПРЕДЕЛИЛИ: 1. Против рапорта султана Куваныча от 30 апреля потребовать от есаула Караул-Хаджи должного сведения о том, справедливо ли доносит султан Куваныч все изъясненное в его рапорте;

2. Так как до сведения Совета дошло, что султан Куваныч для отогнания танинцев с земель, почитаемых им в своем пользовании, а танинцы в своем для защиты собираются шайками, и уже из рапорта Куваныча от 4 мая видно, что произошли и драки:

а/ Куванычу строжайшим образом предписать, чтобы он земель, отведенных в 1842 г. по распоряжению хана утвержденному господином военным губернатором султаном Менглигирием танинцам и др. киргизам отнюдь не занимал, а иначе, он, как ослушник воли высшего начальства подвергнется строжайшей ответственности;

б/ танинцам через старшину Сеита дать приказ за подписью членов Совета отнюдь не сметь занимать тех земель, которые по вышеозначенному отводу оставлены Куванычу;

в/ Куванычу особо, а танинцам общим приказом вмнить в строжайшую обязанность отнюдь никогда не дозволять себе никакого само-

управства и, спаси их от этого бог, сбора шайками и драк, – ибо у них есть свое высочайшею волею установленное начальство, которому они и должны приносить жалобы на чьи либо притеснения и от которого получать должное удовлетворение, – а междуусобные драки не поведут ни к чему, кроме строгой за это ответственности;

г/ султану Куванычу с избитыми его караульщиком и киргизами, которых он обвиняет велеть явится в Совет для разбирательства и

д/ все эти бумаги послать с особым от Совета нарочным из вестовых киргизов.

3. Родоначальника танинского рода о сем уведомить, поручив ему непременно наблюсти в исполнении танинцами сего предписания Совета.

Управляющий ордою М.П.

Советник от Министерства государственных имуществ Матвеев

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 4, д.13, лл.68–69.

N 65. 1846 г. мая 16. – Постановление Временного совета по управлению Внутреннюю ордою о сборе зекета

Временный совет по личном объяснении с некоторыми родоначальниками 14 и 15 мая нашел, что некоторые родоначальники и в количестве назначения и в самом сборе зекета нам 1846 г. имеют недоразумения, препятствующих им действовать в сем сборе как следует.

9-м пунктом постановления Оренбургской пограничной комиссии 29-го марта сего года, основанного на высочайше утвержденном положении в 21 день генваря 1846 г. о временном управлении Внутреннею киргизскою ордою, об обязанностях и действиях Временного совета между прочим изъяснено: в сборе зекета и сугума, которые ханом Джангиром для облегчения народной тягости значительно уменьшены, Временному совету ограничится распоряжениями покойного хана и приступить по взысканию зекета и сугума за 1846 г. без потери времени, без изменения сроков, для сего введенных обыкновением, и средств, с наблюдением, чтобы суммы ни в каком случае не были менее собранных в 1845 г.

Временный совет по соображении сего ОПРЕДЕЛИЛ:

1. В разрешении всех, и возникших, и могущих возникнуть недоразумений о количестве назначения, т.е. назначаемого сбора зекета и о само сборе зекета на 1846 г. предписать родоначальникам обирать зекет на 1946 г., как уже и предписано было им, точно в таком количестве, в каком назначен был этот сбор покойным ханом с каждого отделения в 1845 г. и затем самый сбор производить точно так, как производился он весной 1845 г. покойным ханом, за исключением только того, как было предписано, что сбирать деньгами;

2. по окончании же весенней ярмарки, сбор зекета, представить совету рапорт, какие затруднения / если будут таковые встретились каждому родоначальнику по сбору зекета в его роде и что полагает каждый родоначальник полезным / но отнюдь не стеснительным для народа / к устранению этих затруднений;

3. по достижению этого рапорта совету, на основании того-же постановления пограничной комиссии, пункта 9-го, иметь особое о сем рассуждение и войти с особым в комиссию представлением; и

4. пограничной комиссии о настоящем постановлении совета представить.

Управляющий ордою /М.П./
Советник Министерства государственных имуществ Матвеев
Советник от орды /М.П./
Советник от орды /М.П./

ЦИФ Каз.ССР, ф.78, оп.4, д.13, лл 72 и об.

N 66. 1846 г. – Сведения о торговле на весенней ярмарке при ханской ставке

Ведомость О торговле на весенней ярмарке при ханской Ставке И о числе бывших на ней людей разного сословия.

	Продано			Привезено товаров на ассигнации руб. коп	Продано на ассигнации руб. коп
	Количество кож и овчин	Количество скота	Число пудов		
Разного товару				1.375.568	767.109
Хлеба высеянного и простого			1794 пуд. четверти		1-й от 8 до 11 руб. четверть 2-й от 8 до 1 руб. 20 коп.
Лошадей		560			от 35 до 125 руб.
Рогатого скота		9158			“15 до 50 руб.
Верблюдов		420			“40” 80”
Баранов		32511 2300			“60” 11” “3” 7”
Кож: Овчин	5434				“50 коп до 1 руб.
Шерсти			7465		“7 до 8 р. 50 к.
Козьего пуху			775		“20 до 25 руб.
Сала			113		“4 до 7 руб.
Кибиточного лесу палок			11.320 тысяча		“35 до 50 руб.

Каких губерний приезжие	Каких званий	Число
Астраханской губернии	2-й гильдии	1
	3-й гильдии	1
	Армян	50
	Государственных крестьян	47
	Калмыков	65
	Татар	30
	Хивинцев	4
	Туркуменцев	19
	Итого	223
Саратовской губернии	3-й гильдии	42
	Мещан	64
	Государственных крестьян	267
	Помещичьих	77
	Татар	4
	Колонистов	5
	Итого	459
Пензенской губернии	Мещан	5
	Государственных крестьян	30
	Помещичьих	2
	Итого:	37
Тамбовской губернии	2-й гильдии	2
	3-й гильдии	4
	Мещан	19
	Государственных крестьян	28
	Помещичьих	7
	Итого:	60
Казанской губернии	3-й гильдии	2
	Мещан	24
	Государственных крестьян	179
	Итого:	205
Симбирской губернии	3-й гильдии	3
	Мещан	6
	Государственных крестьян	8
	Помещичьих	1
	Итого:	18
Владимирской губернии	3-й гильдии	4
	Мещан	4
	Государственных крестьян	13
	Помещичьих	11
	Итого:	33
Нижегородской губернии	Государственных крестьян	7
	Помещичьих	23

	Мещан Итого:	1 31
Московской губернии	3-й гильдии Государственных крестьян Помещичьих Итого:	3 2 3 8
Воронежской губернии	Государственных крестьян Помещичьих Итого:	1 7 8
Курской губернии	Мещан Государственных крестьян Итого:	1 2 3
Рязанской губернии	3-й гильдии Мещан Государственных крестьян Итого:	1 3 3 7
Черниговской губернии	3-й гильдии Мещан Государственных крестьян Итого:	2 10 1 13
Ярославской губернии	3-й гильдии Мещан Государственных крестьян Итого:	2 5 2 9
Вятской губернии	3-й гильдии Мещан Государственных крестьян Итого:	2 1 6 9
Оренбургской губернии	2-й гильдии 3-й гильдии Мещан Итого:	1 17 12 30
Донского войска Уральского войска Астраханского	Казаков Казаков Казаков Итого:	3 23 7 33
	Всего:	**1186**

Советник от Министерства государственных имуществ Матвеев
Примета: Подписать — копии.

ЦИФ Каз.ССР, ф.4, д.2880, лл. 7—8.

N 67. 1847 г. декабря 1. – Прошение старшины Бикая Мамбетова о представлении ему и другим содержания почтовых станций

Перевод с татарского

До сего времени я объясняя также временному совету касательно содержания подвод при урочище Бурж-куме, т.е. кто содержал при хане там подводы, тот пользовался сенокошением при этом урочище. Урочищем пользуется теперь Калдыбек Бектемисов и Тилеу..., а пользуются пространством между тремя барханами в помянутом урочище, которые, говоря, что они уже не пользуются этим урочищем, стесняют нас, требуя лошадей для подвод. Между тем, как они при 30 кибитках в настоящее лето исключительно пользовались только при этом урочище.

Посему покорнейше прошу, временный совет, если возможно, отдать содержание подвод и пользование сенокошением исключительно нам и в таком случае мы не стали бы требовать лошадей с Бектемисовых, ил же предоставить им все, или же потребовав всех нас в свое присутствие, сделать разбирательство, а справедливость моих слов увидите из плана, имеющегося у главного подврдчика Утегула, остальные же слова надеюсь досказать в совете.

На подлинном приложена печать старшины Бикая Мамбетова.

Перевел Ижбулатов

ОПРЕДЕЛИЛИ: Предписать старшине Бикаю Мамбетову, чтобы он явился в совет с Бихтемисовым и с старшим содержателем подвод Утегулом Бийбитовым.

22 декабря

Управляющий ордою М.П.

За Советника от Министерства государственных имуществ Кондарицкий

Советник от орды М.П.

Советник от орды М.П.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 4, д.1д. лл.9 и об.

N 68. 1848 г. апреля 30. – Предложение Оренбургской пограничной комиссии Временному совету по управлению Внутреннюю ордою о назначении депутата для участия в разборе жалобы Ахмедова Яхни на злодеяние управляющего ногайским родом бия Чумбала Ниязова

Пограничная комиссия, предписав вместе с сим сотнику Кипиченкову немедленно приступить при депутате со стороны киргизов к производству строжайшего исследования по принесенной в 1840 г. киргизом Внутренней орды Яхнею Ахмедовым на управляющего Но-

гайским родом бия Чумбала Ниязова жалобы об отнятии последним у отца его Ахмеда Кинжалина сундучка с 6556 руб. 26 коп. ассигнациями, 16 лошадей, 17 рогатых скотин, 16 баранов, предлагает временному совету к следствию назначить депутата и принять зависящие меры к тому, чтобы нужные Кипченкову сведения и люди, по его требованиям, были своевременно доставляемы, с последующим же обязывается Совет донести.

Советник /подпись не разборчиво/

Секретарь /подпись неразборчиво/

Столоначальник /подпись неразборчиво/

ОПРЕДЕЛИЛ: предписать султану Мустафе Сююнучгалиеву находиться депутатом при этом следствии, о чем уведомить следователя Кипиченкова и донести пограничной комиссии.

Управляющий ордою М.П.

Советник от орды М.П.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 3, д. 65, л.1 и об.

N 69. 1849 г. июля 8. – Указ сената о правах казахов на кочевание в дачах наследников князя Юсупова и графа Безбородко

Указ его императорского величества, самодержца всероссийского, из Правительствующего сената Оренбургскому военному губернатору.

По указу его императорского величества правительствующий сена в обще собрании первых 3-х департаментов и департамента герольдии слушали предложенное г-ном мин–ром юстиции, статс-секретарем т.с. гр. Виктором Никитычем Паниным, мнение Государственного совета, следующего содержания:

Государственный совет, в департамент экономии и в общем собрании рассмотрев переданное, по высочайшему повелению из комитета мин-ров представление мин-ра юстиции, по определению Правительствующего сената, о наделении киргизов Букеевской орды местами для зимовок из земель наследников князей Юсупова и Безбородко, и разделяя и с своей стороны, согласное с мнением мин-ра государственных имуществ, заключение сената, о необходимости назначения для киргизов, на время зимовки мест в дачах наследников кн. Юсупова и Безбородко о ненадобности проложения особого пути для следования киргизов от степей к Каспийскому морю, и о мерах отвращения взаимных между ними и владельцами, притязаний, остановился собственно на вопросе, каким образом удовлетворить киргизов землями для зимних кочевок, и следует ли определить владельцам вознаграждение, и если следует, то на счет ли казны или самих киргизов и в какой именно мере. Для разрешения сего вопроса Государственный совет признал необходимым рассмотреть:

Во-первых, право владельцев на принадлежащие им по берегу Каспийского моря земли, и

Во-вторых, право киргизов на пользование там местами. В отношении первого предмета Государственный совет нашел, что право наследников князей Юсуповых и Безбородко на принадлежащие им земли не подлежит никакому сомнению: ибо хотя, по докладу сената 1803 г. и предположено было, оставив на своих местах поселениях владельцами крестьян, отвести к каждой ватаге по одной квадратной версте и затем всю остающуюся между селениями и промысловыми заведениями по берегу моря землю, обратить в общее употребление желающим пользоваться морскими промыслами, без всякого от казны замена; но меса сия осталась без действия, а в 1842 г. последовало высочайшее утвержденное мнение Государственного совета, которым все земли береговых владельцев, на кои выданы планы и межевые книги, признаны их собственностью и оставлены в полном распоряжении тех лиц, которым они достались на законном основании. А как из дела видно, что наследники кн. Юсуповам и Безбородко, на владеемые ими дачи, имеют выданные узаконенным порядком, межевые акты, то за сим право их на те дачи не может и не должно быть нарушаемо, на каком бы условии они не приобрели их от казны. По второму предмету о праве киргизов пользоваться пастбищами, в дачах упомянутых владельцев, Государственный совет принял на вид, что киргизы еще до окончательного перехода своего через Урал на внутреннюю сторону, имели там зимние кочевья, и до 1825 г. пользовались тем бесплатно и беспрепятственно, хотя те земли принадлежали уже и тогда тем же владельцам: одним по всемилостивейшему в 1793 г. пожалованью, а другим по покупке в 1772 г. от Межевой канцелярии. В 1801 г. последовал именно высочайший указ, коим при переходе киргизов из за уральских степей и по вступлении их в подданство империи, предоставлено им кочевать в Астраханских степях, там где пожелают, а высочайше утвержденным положением 1806 г. назначены им, впредь до окончательного рассмотрения дела о нарезке, все те земли, которые по вышеприведенному докладу сената 1803 г. должны были отойти от береговых, по Каспийскому морю, владельцев, ни общем употреблении. Затем в 1803 г. по положению Комитета министров, поручено было Астраханскому военному губ-ру, по случаю возникших обоюдных между киргизами и владельцами притязаний, войти в сношение с помещиками, вследствие коего первые согласились платить последним ежегодно по 3 т./тысячи/руб.асс., что и продолжается поныне. Отсюда ясно, что киргизы с самого начало перехода за Урал, тем более, после состояния высочайшего указа 1801 г., положения 1806 г. и последовавших затем об устройстве их распоряжений правительства, получи-

ли законное право иметь зимовку на землях наследников князей Юсупова и Безбородко и хотя в 1842 г. владеемые сими последними дачи действительно признаны их собственностью, однако же существовавшее еще до этого времени высочайшее дозволение киргизам иметь зимовку на тех дачах не отменено, но вольно лишь удостовериться на счет необходимого для них пространства земли, и о том следует ли назначать владельцам вознаграждение. Таким образом, из самого постановления Государственного совета 1842 г. видно, что отвод зимних пастбищ киргизам в приморских дачах кн. Юсупова и наследников кн. Безбородко, признан был повинностью /сервитудов/, лежащею на имении сих владельцев, нисколько не нарушающую прав их собственности, в противном случае вопрос о вознаграждении заключался бы только в назначении размера оного и источников удовлетворения, ибо безусловная собственность, по закону не может быть в пользовании стороннем, как за вознаграждение по добровольному условию владельца с наемщиком. По сим уважениям Государственный совет, признавая, что сказанные владельцы обязаны и впредь отводить в своих дачах места для зимовья киргизов, принял и по сему предмету заключение Правительствующего сената, согласившегося с мнением Министерства государственных имуществ именно, чтобы для такового зимовья назначать и впредь те самые участки в количестве 83,481 десят., которые по соглашению с ними, в 1833 г. отведены были, чтобы владельцы, как настоящие так и те, к коим означенные дачи могут перейти во владение по наследству покупке, или иным образом беспрепятственно распоряжались в тех участках производством рыболовства, но как само собою разумеется, не отдавали мет в оных на откуп или другим образом в постороннее пользование, и чтобы киргизы не занимали в них тех бугров, на коих будут находиться рыболовные владельческие ватаги и не делали вообще им помешательства в рыболовстве. Переходя затем к предмету вознаграждения владельцев, Государственный совет признал справедливым для соглашения обоюдных выгод как владельцев, так и киргизов и для прекращения всяких дальнейших споров, обязать и на будущее время последних платить первым по 3 т./ысячи/ рус.ассигн. или по 857 руб. 40 коп. серебром в год, так как по отзыву Министра государственных имуществ, платеж такой для киргизов не отяготителен, с тем однако же, чтобы оный согласно его мнению, возложен был на начальство киргизов и чтобы киргизы, если пожелают распространить места зимовки вне назначенных участков, нанимали уже таковые у владельцев по добровольным условиям. Если же владельцы на меру сию не изъявят согласия, в таком случае предоставить Министру государственных имуществ;

Во-первых сделать надлежащее распоряжение об отобрании от них отзыва: какое они желают получить единовременное вознаграждение

за лежащую на них повинность отвода киргизам пастбищ, и буде выпрошенная сумма окажется несоразмерною, то нарядить местную комиссию для оценки означенной повинности, применяясь к правилам об учреждении частной собственности по распоряжению правительства / св.зак. т.х. зак. Гражд. Ст.494–503/; и

Во-вторых сумму, какая предположена будет к выдаче, отнести на государственное казначейство, а для возмещения убытков казны установить соответствующий ежегодный сбор с киргизов по ближайшему усмотрению Министра государственных имуществ и по сношению его с Министром финансов, о чем и представить потом Государственному совету на окончательное утверждение. Находя что мерами сими отвратятся все затруднения, возникающие в сем деле, по исключительному оного положения, Государственный совет мнением доложил, разрешить настоящее дело на изложенных выше основаниях. Его императорское величество воспользовавшись мнением в общем собрании Государственного совета, по делу о наделении киргизов Букеевской орды местами для зимовки из земель наследников князей Юсупова и Безбородко высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

Подписал за председателя Государственного совета граф А.Гурьев, 6 июня 1849 г. ПРИКАЗАЛИ:

О приведении вышеизъясненного высочайше утвержденного мнения Государственного совета в исполнение, представить исправляющему должность Астраханского военного губернатора учинить надлежащее с его стороны распоряжение и о том к нему, с препровождением представленной г-ном Министром государственных имуществ выкопировки из уездного плана, тем участкам, которые в дачах кн. Юсупова и наследников кн. Безбородко для зимовки киргизам назначаются, послать указ, каковым уведомить г-д Министров государственных имуществ и финансов и Оренбургского военного губернатора.

Июля 8 дня 1849 г.

Подписали: обер-секретарь Вильдбрехт, старший секретарь Якимов и Помощник секретаря Кареев.

Копию эту скрепили: в должности начальника отделения Масленников и столоначальник Ситников.

Верно: столоначальник Левацкий.

Помощник столоначальника подпись неразборчиво.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 3, д. 94, лл.86–91.

N 70. 1849 г. сентября 24. – Предписание Временного совета "почетному" ордынцу Атамбеку Саугабаеву о назначении последнего базарным депутатом

По случаю имеющих быть с 1 октября сего года на нижней дистанции Уральской линии в разных местах базаров, куда съезжается значительное число киргизов для сбыта их скота и прочих своих произведений, временный совет, избирая вас со стороны киргиз депутатом, предписывает к непременному и неупустительному вашему исполнению следующее:

1. иметь наблюдение за приезжающими на эти базары киргизами Внутренней орды, чтобы они во всех сношениях своих с местными и другими жителями были тихи и торговали как следует, отнюдь не дозволяли себе никакого своеволия, буйства, драк и воровства, а в маловажных случаях, как-то: ссор между самими киргизами или с посторонними разбирать их на месте, доставляя справедливой стороне удовлетворение, стараясь сколь возможно прекращать таковые ссоры миром.

2. В случаях стеснений киргизам на означенной торговле непременно деятельно ходатайствовать у местного полицейского начальства о должной защите и удовлетворении обиженным; в противном случае доносить временному совету обстоятельно.

3. В розыскании виновных в своеволии, буйстве, драке, воровстве, а тем более в других важнейших преступлениях киргизов Внутренней орды, оказывать местному начальству ревностнейшее содействие и о всех подобных случаях доводить до сведения Временного совета.

4. Собирать сведения и представлять совету сколько было пригнано Киргизами Внутренней орды на означенные базары скота и привезено сала, кож, шерсти и проч.; отнюдь впрочем, не стесняя киргизов перечетом у них скота и проверкою их товаров, ограничиваться в этом случае только их словами и главное по окончании своего поручения донести совету, нет-ли каких-либо киргизам в торговле на тех базарных препятствий, и не нужно ли какого-либо со стороны совета ходатайства о покровительстве и распространения торговли. Настоящее предписание имеете предъявить по прибытии местному начальству на всех тех же базарах, где вы по обязанности своей будете находиться.

Верно: делопроизводитель подпись неразборчиво/.

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 3, д.88, лл.1, 2 об./

N 71. 1851 г. декабря 7. – Донесение есаула Оренбургского казачьего войска Житкова Оренбургскому ген.-губернатору Перовскому о состоянии тюрьмы и содержанию заключенных в Ханской ставке

Осмотрев тюремное помещение в ханской ставке Внутренней киргизской орды я нашел, что оно находится в правом флигеле Астраханского кордона и состоит из одной комнаты, пространство которой может вместить в себя не более 15-ти кубических сажень воздуха.

Относительно того количества арестантов, которое накопляется и соответствующего им числа стражи, помещение это до такой степени тесно, что в зимнее время воздух, насыщаясь испарениями при охлаждении их, производит течь по стенам, от которой кошмы и одежда лежащих на нарах гниют.

Такое состояние воздуха имеет вредное влияние на здоровье заключенных, что подтверждается постоянным увеличением числа больных в зимнее время.

Неудобство тюремного помещения еще более увеличивается тем, что по неимению в ханской ставке лазарета, здоровые арестанты находятся с больными, от чего первые легко могут заразиться прилипчивыми болезнями, преимущественно встречаемыми у киргиз, как и было при мне с киргизами Тяукою Джанрыковым и Салгием Умирбаевым, страдавшими венерическою, развитою у одного до такой степени, что он не мог вставать; вторые же не могут быть с успехом пользованы.

Имея честь почтительнейше донести вашему высокопревосходительству о неудобстве тюремного помещения, я осмеливаюсь изложить, что при довольно дешевой цене на лес в ханской Ставке, недорого будет стоить постройка удобного помещения для 30 арестантов, с соответственным при них числом стражи. Для больных же не только арестантов, но и казаков, служащих в кордоне при ханской ставке, можно отделать дом, купленный уже правительством для помещения прививших себе оспу, но не занимаемый никем по причине неустройства; сделав в нем некоторые поправки в крыше; стенах и временно вместо железных кроватей устроив нары, по тому убеждению, что и в настоящее время больные спят на нарах; по крайней мере будет средство отделить больных от здоровых.

Есайл Житков

ЦИА Каз.ССР, ф.4, д.3285, лл 80–81 об.

N 72. 1857 г. августа 9. – Рапорт временного совета по управлению внутренней ордою Оренбургскому к Самарскому генерал-губернатору о земельных спорах между наследниками хана Джангира и селением Болхуны

В 1841 году возник между ханом Джангиром Букеевым и государственными крестьянами селений Астраханской губернии Черноярского уезда Болхунского и Новоникольского споры о поземельном участке лежащем между бесспорными землями Внутренней орды и бывшею в прежнее время солевозною дорогою равно и об урочищах Большие и Малые Караколи, где не только киргизы кочуют и производят сенокошение, но и существует особое хозяйственное заведение,

устроенное ханом для собственных своих табунов. Государственные крестьяне присваивали земди эти для пополнения недостающей у них пропорции по числу ревизских душ, а хан Джангир остаивал оные на том основании, что они в числе прочих, всемилостивейше пожалованы под кочевье киргизов и обойдены межею и сняты на планы в 1825, 1826 и 1827 гг. генеральным землемером Петуховым по распоряжению бывшей Астраханской комиссии для наделения кочующих народов землями; сущность же спора состояла сверх того в том, что крестьяне указывали на солевозную дорогу в расстоянии 18 верст от реки А хтубы, а хан на другую в 10 или 15 верстах от той реки из села Болкунов до Баскучакского соленого озера. Из меющейся во Временном совете по этому предмету переписки хана с Астраханским военным губернатором, тамошнею палатою Государственных имуществ и землемерами, командированными на место спора от межевой канцелярии усматривается, что оброчная статья, так называемая Уральская степь, в которой заключаются и помянутые выше спорные участки и урочища, была по высочайшему повелению предоставлена под кочевье киргизов Внутренней орды только впредь до востребования, и потому дело по этому спору, в конце того же 1841 г., поступило на рассмотрение и решение в межевую канцелярию, а розыски о солевозной дороге, имевшей служить межею ордынских, Волхунских и новоникольских земель, продолжались до 1854 г. С того времени по настоящее возникали иногда жалобы на самовольный захват земли на спорных участках, за потравы и своеволие, то от киргизов на государственных крестьян, то от последних на киргизов, но жалобы эти были по возможности отстраняемы и успокаиваемы совокупным действием Совета и окружного начальства Государственных имуществ.

Ныне Черноярский окружной начальник, отношением от 11 минувшего июля за N 2950, уведомил Временный совет, что межевая канцелярия, заключением своим, состоявшимся на 13 ноября 1856 г., ПОЛОЖИЛА: спорный участок земель, в количестве удобной 4936 десят., 1290 саж., а с неудобною 7011 десят., 118 саж., присоединить к даче сел Болхунов и Новоникольского и границу сей дачи от земель киргизов Внутренней орды утвердить по бывшей, по показанию понятых, солевозной дороге, что на плане генерального землемера Кунина, от Е до Г, в 18 верстном расстоянии от реки Ахтубы находящейся. Оставшуюся же за сею дорогою дачу урочище Большие и Малые Караколи, обмежевать особо в казенное ведомство, с сочинением плана с книгою, показав в них, что в этой даче временно ночуют киргизы, восстановленные в натуре при розыскании солевозной дороги села Болхунов от Баскунчакского озера, от лит. А через В и С, до лит. Д и от лит. В до таковой же Е., в натуре уничтожить.

С таковым решением межевой канцелярии, по которому из владения киргизов Внутренней орды должно ныне же отойти в постороннее владение 7011 дес. 118 саженей, а урочища Большие и Малые Караколи должны впоследствии времени также поступить в казенное ведомство, Временный совет долгом поставляет донести до сведения вашего выс. Прев-ва почтенейше докладывая, что потеря объясненных земель, хотя само по себе незначительных, чувствительно для киргизов и без того уже ощущающих недостаток пространства, необходимого для их скотоводства. В особенности отход Каракольских урочищ, если со временем и они будут отобраны от орды, будет чувствителен для наследников покойного хана Джангира, имеющих ... немаловажное хозяйственное заведение. Не считая себя вправе возражать против решения межевой канцелярии, Временной совет полагает однако, что как отчужденные ныне от киргизов земли были предоставлены им по высочайшей воле, и отобраны от них должны быть не иначе, как по высочайшему же повелению.

В 1841 г. от межевой канцелярии были командированы землемеры для размежывания земель Черноярского уезда Астраханской губернии и положения межи между теми землями и землями Внутренней киргизской орды, именно на урочище Больших и Малых Каракулях, где имеются сенокосные луга и хозяйственное владение хана. Землемеры покушались и эту местность снять на план, но хан протестовал против этого притязания на том основании, что 8 пункт высочайше утвержденный 9-го декабря 1837 г. мнение Государственного совета велено снимать на планы только необмежеванные дачи, а киргизские дачи обойдены межею и на планы сняты еще в 1825, 1826 и 1827 гг. генеральным землемером Петуховым по распоряжению Астраханской комиссии для наделения кочующих народов землями. Землемер Комаров несмотря на то снял на план внутреннюю ситуацию тех урочищ, потому, что они действительно отрезаны в 1832 г. от земель села Болкунов и отданы орде во временное только владение впредь до востребования, но до утверждения межи он не приступил, и обозначил таковую межу Болкунскими и киргизскими землями солевозный тракт.

Окружной начальник Черноярского уезда известил хана от 18 июня 1841 г. за N 1990, что Болхунские государственные крестьяне мыслили удержать за собою Каракули по одному ошибочному толкованию, производивших генеральное межевание, но убедясь разъяснением почему этого не может быть оставили подобную мысль. Астраханская же Палата Государственных имуществ, в предписании 22 июня 1842 г. N 2666, велела землемеру Комарову объяснив, что бывшая оброчная статья, под названием Уральская степь, по высочайшему повелению вошла в надел кочующих народов и частью селения Бол-

кунов. А как плана на обмежыванную в 1832 году губернским землемером Гусаковским под кочевье киргизской орды в палате не имелось, то она заключила, что отмежеванные в том году из дач Болхунских для киргизов земли может быть впоследствии по усмотрению надобности, обращены в казенное ведомство или в надел государств/ енных/ крестьян, почему и представила Комарову обмеживать ту дачу особо с сочинением плана.

У хана по этому предмету переписка с Астраханским военным губернатором и палатою, и из оной, между прочим, видно, что хан, в отношении своем к главному директору межевого корпуса действит статскому советнику Пейкару от 22 ноября 1841 г. ₹1470, сам выразился: что высочайшему повелению предоставлена под кочевье киргизов Внутренней орды Уральская степь впредь, ло востребования и в 1830 г. положила границею между землями селения Болхунов и владениями киргизов бывшая солевозная дорога от села Владимировки к Боскунчакскому соленому озеру...

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 2, д. 20,Ю лл. 178—181.

N 73. 1858 г. сентября . — Предписание временного совета по управлению внутренней ордою бию Чунтуру Бекмухамедову о предоставлении объяснения по аренде у него земли казахом Телемгеном Таймановым

Бию Чунтуру Бекмухамедову.

Временный Совет, препровождая у сего копию с прошения киргиза Черкесова рода Чумакова отделения Телемгена Тайманова, жалющегося на то, что он отнял у вас землю для пользования с платою зо 30 руб. асс. В год, в число которых вы взяли лично вперед 320 руб. двух верблюдов, три кобылы и одну корову, в последствии отказали ему в пользовании землею и не отдаете ему ни денег, ни скота, предписывает вам против обстоятельств изложенных в просьбе Тайманова немедленно донести в Совет объяснение ваше.

Верно: делопроизводитель / подпись /

ЦИА Каз.ССР, ф.78, оп. 7, д. 153, лл. 2 об.

2. Статьи по исторической топонимике и этимологии (1950–1952 гг.)

К вопросам исторической топонимики

Этимология некоторых топонимических названий (1950 г.)

История народа, как известно, есть результат взаимодействия человека и окружающей его природы. Она должна рассматриваться как единый процесс географии и хозяйства, языка и культуры. Почему необходимо комплексное освещение истории в разрезе этих же аспектов. Такое освещение дало бы историкам возможность полнее охватить некоторые проблемные вопросы истории, выяснить и расширить уже разработанные ранее ее разделы.

Между тем, история казахского народа освещается неполно, в узком плане, весьма ограниченно и односторонне, и его исторические события часто трактуются абстрактно и поверхностно, в отрыве от той географической среды и от тех культурно-хозяйственных условий, в которых протекала и развивалась жизнь народа. Не все раскрывается историками, не все возможности используются ими. Так, материалы исторической географии и топонимики, а также материалы лингвистики, необходимые для истории, почти не привлекаются к делу, оставляются вне поле зрения историков, они просто игнорируются. Между тем, эти материалы крайне необходимы для древней истории казахского народа, как народа, не имевшего своей письменности в прошлом.

Истоки многих важнейших явлений истории казахов покоятся в далеком прошлом. Освещая вопросы древней истории казахского народа, историки обычно не выходили за рамки давно уже известного, они пересказывают лишь то, что уже давно сказано, выдавая при этом за открытие то, что уже давно открыто, излагая лишь результаты чужих работ. Самостоятельная обработка источников не проводится. Историки обращались, обычно, к давно известным положениям, которые в той или иной форме повторялись каждый раз, и этим путем была создана довольно устойчивая старая книжная традиция. Следуя этой традиции, новые историки повторяли эти ошибки предшествующей историографии и ничего нового и живого не вносили в эту историю, хотя, однако, они и знали, что устойчивая старая книжная традиция не может быть доказательством истинности. Напротив, известно, что историографическая традиция питалась далеко не объективными взглядами на казахскую историю, вследствии чего получалось о казахском народе искаженное представление.

Земная поверхность, как говорят, свидетель исторических событий. Некоторые топонимические названия зародились в глубокой древ-

ности, когда еще не было письменности. Они тесно связаны с народом, в своей основе они творились самим народом, творились на лоне природы, а не создавались в кабинетах ученых. А потому топонимические названия, как язык земли, весьма конкретны и убедительны, они четко характеризуют те или иные черты местной природы и отличаются исключительной меткостью и выразительностью. Изучение исторической топонимики позволяет охарактеризовать этнический состав населения данной местности, какие народности пребывали здесь, на каком языке говорили в древности аборигены, давшие эти названия.

Однако сами названия без помощи языкознания дать что-либо существенное не могут. Чтобы использовать полностью материалы топонимики необходимо соединить ее с лингвистикой, особенно с ее разделом – **семасиологией**, с помощью которой только и можно выяснить этимологию того или иного топонимического названия, раскрыть его подлинное содержание.

Настоящая работа посвящена выяснению этимологии некоторых топонимических названий. В ней мы познакомим читателя с такими названиями, которые возникли еще в глубокой древности, в этимологии которых заключены важные сведения о далеком прошлом казахского народа. С некоторыми из этих названий связаны также весьма серьезные ошибки, устранение которых становится крайне необходимым.

* * *

Откуда произошло слово "Иртыш" ?

Иртыш – это река Западной Сибири. Она имела в исторической жизни кочевых народов огромное значение. Название этой реки дано в татарском произношении, а казахи называют ее "Иртіс". В устной речи встречаются еще другие варианты этого названия. Например: Ертіс, Өртіс, Өртұс, Артуш и др. Как произношение названия этой реки, так и его правописание, как видно, были не унифицированными, что объясняется отсутствием в свое время письменности у носителей этих названий. Разумеется, что такое множество вариантов названия одной и той же реки затрудняет выяснение этимологии слова "Иртыш" или "Иртіс". Тут следует отметить, что все эти варианты названия этой реки находят свое объяснение в казахском языке, что позволяет полагать, что все они даны реке тюркоязычными племенами, говорившими почти на одном и том же языке, и каждое из этих племен, разумеется, могло внести в это название некоторые морфологические изменения, почему и получилось такое множество вариантов.

Начнем наши поиски

Общеизвестно, что реки вообще получают свои наименования от прилегающих к ним областей, главным образом, от гор, так как реки текут по наклонной плоскости сверху вниз. Географические названия, возникшие в глубокой древности, обычно являются отражением природной особенности конкретной территории. И слово "Иртыш", несомненно, отражает собой какую-то особенность той местности, откуда начинаются истоки этой реки. Эта особенность получает в языке словесное выражение, которое затем, в силу многократного повторения в одном и том же значении, одинаково приятном как для говорящего, так и для слушающего, становится наименованием этой реки. Чтобы найти эту особенность местности, нужно исследовать ее.

Чтобы ясно представить себе предмет нашего суждения, необходимо дать краткое описание этой реки.

Иртыш начинается на юго-западных склонах Монгольского Алтая, в пределах Китая. До впадения в озеро Зайсан он носит название "Черный Иртыш". В этой части река прорезает обширную равнину, течение ее более спокойное. Севернее озера, Иртыш с обеих сторон сковывают каменистые громады Алтайского кряжа. Река становится уже, вырастает скорость течения. Это создает благоприятные условия для строительства крупнейшего гидроузла.

Левый берег Иртыша – плоский, правый – высокий, сложен из рыхлых глинистых пород, поэтому часто подвержен обвалам. В среднем течении встречаются порожистые места и перекаты, а в нижнем течении их нет. В нижнем течении Иртыш принимает слева крупнейшие притоки: очень длинный Ишим и многоводный Тобол. После впадения Тобола ширина и глубина Иртыша увеличиваются, и река становится широкой, могучей, но с очень медленным течением. Впадает Иртыш в Обь. Длина его составляет более четырех тысяч километров, а площадь бассейна – свыше полутора миллионов квадратных километров.

В этом кратком описании сразу привлекается внимание тем, что "верховья р. Иртыш называются "Черным Иртышом".

Здесь кроется явная ошибка. Иртыш по своей природной особенности не может быть "черным". Он должен быть "снежным", так как он питается снегами и ледниками Алтайских гор или же он должен быть "горным", так как истоки его расположены в горах, в пределах Китая. И ошибка, по-видимому, вытекает из того, что тут смешаны созвучные казахские слова, а именно: слова – қар (снег), қыр (а) – (гора, кряж) и қара (Черный), которые при сочетании со словом "Ир-

тыш" последовательно дают следующие названия Иртыша: "Қар Иртыш" (т.е. Снежный Иртыш), "Қыр (а) Иртыш" (т.е. Горный Иртыш) и "Қара Иртыш" (Черный Иртыш). Тут ошибка произошла, видимо, оттого, что вместо слов "Қар Иртыш" или же "Қыра Иртыш" переводчик ошибочно поставил "Қара Иртыш", откуда и получилось это неверное название Иртыша. Таким образом, верховья Иртыша правильно было бы называть "Горным Иртышом", или "Снежным Иртышом", а не "Черным Иртышом".

Что значит **"Иртыш"** или "Иртыс"? Откуда произошло это слово? "Иртыш" – слово сложное; оно составлено из двух слов: первое слово – "Ир" (седловина, седло), оно может быть и "Ор", что значит – "гора" или "горный", и второе слово – "тыш" (слово татарское) или "тыс" (слово казахское), что значит – "за", "вне", "внешний", "наружный". В совокупности эти слова образуют "Иртыш" и "Өртыш", причем Иртыш означает – "седловина" + "внешний", что не имеет соответствия, а "Өртыш" означает: "гора" + "внешняя", что имеет соответствие, т.е. Иртыш и Өртыс в переводе на русский язык значит: "горы, расположенные за пределами". Отсюда мы можем заключить, что первоначально название реки было "Иртыш" или "Өртыс", а не "Иртыш" или "Иртыс". Значит, поначалу слово "Иртыс" (Иртыш) было названием гор, расположенных "вне пределов", "за пределами". Этими же горами были, как раз, горы, которые, как мы видели выше, в кратком описании Иртыша, лежали в пределах Китая, откуда берет свои истоки река Иртыш или Иртыс. Следовательно, река Иртыш получила свое наименование от китайских гор, называемых казахами "Иртыс", т.е. "горами внешними". Это один вариант решения данного вопроса.

Может быть и другой вариант выяснения этимологии слова "Иртыш" или "Иртыс".

Из вышеприведенного краткого обзора р. Иртыш нам известно, что эта река с обеих сторон сковывается "каменистыми громадами" Алтайского кряжа. А выражение "каменистые громады" есть перевод на русский язык казахского слова "Өртас", что значит "гора-камень". Слово "Өртас" созвучно со словом "Өртыс", что заставляет полагать, что название р. Иртыш могло произойти и от этого слова "Өртас".

Таким образом, тут мы имеем два возможных варианта в выяснении этимологии слово "Иртыш", одним из которых является "Өртыс", и другим – "Өртас", но какой из этих вариантов будет правильным, мы еще не можем сказать. Требуется дальнейшее исследование.

Обратимся к источникам.

В "Материалах по истории туркмен и Туркмении" мы находим следующее сообщение **Ал-Масуди:**

"На нем (Хазарское море) находятся многие из кочевых гузов, из (числа) тюрок, в пустынях, которые расположены там. А из больших рек, впадающих в море (Хазарское), – Черный Иртыш и река Белый Иртыш. Обе они велики, каждый из них больше Тигра и Евфрата, между устьями их около 10 дней пути; на них расположены зимовья и летние кочевья кимаков и гузов (племен) из тюрок.[1]

В примечании к этому тексту составители "Материалов" дают следующее объяснение: "По-видимому, Ал-Масуди смешал здесь Яик и Эмбу с Иртышом, на котором, действительно, жили **кимаки**; соединение верховий одних рек с устьями других встречается в арабской географической литературе нередко".[2]

С этим мнением составителей "Материалов" нельзя согласиться ни в какой мере, так как оно в корне неправильное мнение, оно пуще запутывает разбираемый нами вопрос, а по существу на нет сводит значение данного сообщения Ал-Масуди.

Дело в следующем.

"Яик" и **"Эмба"** – это современные названия этих рек, а Ал-Масуди называет их Иртышами. Выходит, что в тот период эти реки еще не имели своих современных названий, а вместо них употреблялось слово "Иртыш". Отсюда мы можем заключить, что Иртышом называлась не одна река, а несколько, что слово "Иртыш" было общим именем нескольких рек, следовательно, тут речь идет не об одной реке, а о нескольких реках. Поэтому нельзя сказать, что Ал-Масуди смешал Яик и Эмбу с Иртышом.

В самом деле, путешественники, посещая ту или иную страну, обычно знакомятся с этой новой страной через местное население, расспрашивают местных жителей и у них же заимствуют местные географические названия. А местное население хорошо знает свою землю во всех деталях; хорошо знает рельеф местности, горы и реки, животных и пр. Местное же население, разумеется, не будет смешивать устье одних рек с истоками других рек. И не может быть сомнения в том, что Ал-Масуди называет Яик и Эмбу Иртышами не от себя, а со слов местных жителей. А ошибки составителей "Материалов" заключаются тут в том, что они, зная под названием "Иртыш" только одну реку, а именно, алтайскую реку, и не допуская мысли о возможности существования под этим же названием других рек, делают натяжку и искусственно отождествляют уральские реки – Яик и Эмбу – с алтайской рекой, т.е. с Иртышом, и этим самым искажают факт.

---

[1] Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939 г., т. I, стр. 166.

[2] Там же, стр. 166.

Чрезвычайно трудно понимать историю кочевого народа, не зная его быта и языка и не зная технику и природу его хозяйства. Особенно трудно это для тех, кто знаком только с жизнью оседлого народа. На почве незнания языка изучаемого народа сплошь и рядом возникают весьма серьезные ошибки, которые сильно запутывают историю. Тут и составители "Материалов" допускают почти такую же ошибку, какую в свое время допустил **Левшин**. Вот что он писал:

"Турецкий географ Кятиб-Челебий в своем "Зеркале Мира" полагает, что Мавереннагер и Туран одно и то же, и потом сам себе противоречит, говоря в одном месте, что Мавереннагер, заключающийся между реками Джейхуном и Сейхуном, граничит на севере с Туркестаном, в другом же, что Туркестан имеет с запада Хорезм и Дагестан. Стоит только взглянуть на карту, дабы удостовериться, сколь неясное понятие имел Кятиб-Челебий о землях по обе стороны Сыра лежащих".[1]

Тут ошибка Левшина заключается в том, что вследствие незнания языка он невольно смешал один предмет с другим предметом, т.е. Кятиб-Челебий говорит об одном предмете, а Левшин говорит о другом предмете. Под словом "Дагестан" Левшин подразумевает горный район на Кавказе (Дагестан), тогда как Кятиб-Челебий говорит о горном районе на Мавереннагере, т.е. Левшин понимает слово "Дагестан" как собственное имя Дагестанских гор, а Челебий говорит о горах вообще, иначе – в общем нарицательном смысле – "горы" (**даг** – гора, **стан** – страна). Видимо, Челебий имел в виду горы Кульджунтау, хребет Нуратау и пр. Таким образом, Левшин собственное имя отождествляет с нарицательным именем.

Составители "Материалов" приводят материал еще об одном "Иртыше". Рассмотрим и этот материал. Вот что говорится там: "И еще река **Артуш** – тоже вытекает из этой горы. Воды в ней много, она черна. Однако воду можно пить – она пресная. Проходит (река) между областями гузов и кимаков, пока не достигает селения Джуни в области кимаков; затем она впадает в реку Атиль"[2]. В сноске к этому тексту составители "Материалов" добавляют от себя: "Артуш, т.е. Иртыш, здесь по-видимому соединен с Яиком"[3].

Составители "Материалов" тут правильно отмечают, что слово **"Артуш"** есть вариант слова "Иртыш". С этим можно согласиться. Однако они и тут повторяют свои ошибки в отношении "Иртыша".

---

[1] *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсацких орд и степей. 1832 г., ч. II, стр. 36.

[2] Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939 г., т. I, стр. 210.

[3] Там же.

К вопросам исторической топонимики

Этимология некоторых топонимических названий.

История народа, как известно, есть результат взаимодействия человека и окружающей его природы. ~~Этот~~ Это должна рассматриваться как единый процесс географии и хозяйства, языка и культуры. Почему необходимо комплексное освещение истории с разных этих аспектов. Такое освещение дало бы историкам возможность полнее осветить некоторые проблемные вопросы истории, выяснить и расширить уже разработанные ранее ее разделы.

Между тем, история казахского народа освещается неполно, в узком плане, весьма ограниченно и односторонно, и его исторические события часто трактуется абстрактно и поверхностно, в отрыве от той географической среды и от тех культурно хозяйственных условий, в которых протекала и развивалась жизнь народа. Не все раскрывается историками, не все возможности используются ими. Так, материалы исторической географии и топонимики, а также материалы лингвистики, которые необходимы для истории, почти не привлекаются к делу, оставляется вне поля зрения историков, они просто игнорируются. Между тем эти материалы крайне необходимы для древней истории казахского народа, как народа, не имеющего своей письменности в прошлом.

Первые страницы работы Б.Аспандиярова
"К вопросам исторической топонимики.
Этимология некоторых топонимических названий"

Истоки многих важнейших явлений истории казахов покоятся в далеком прошлом. Осмысляя вопросы древней истории казахского народа, историки обычно не выходили за рамки давно уже известного, они пересказывали лишь то, что давно уже сказано, выдавая при этом за открытие то, что уже давно открыто, излагая лишь результаты чужих работ. Самостоятельная обработка источников не проводится. Историки обращаются, обычно, к давно известным памятникам, которые в той или иной форме повторяются каждый раз, и этим путем было создано довольно устойчивая сфера книжной традиции. Следуя этой традиции, новые историки повторяют ее ошибки предшествующей историографии и никто никогда и никогда не вносили в эту историю, хотя, однако, они и знали, что устойчивая сфера книжная традиция не может быть доказательством истинности. Напротив, известно, что историографическая традиция питалась далеко необъективными взглядами на казахскую историю, вследствие чего получалось о казахском народе искаженное представление.

-

Земная поверхность, как говорят, свидетель исторических событий. Топонимические названия зародились в глубокой древности, когда еще не было письменности. Они ~~родились~~ тесно связаны с народом, в своей основе они творились самим народом, творились на лоне природы, а не создавались в кабинетах ученых. А поэтому топонимические названия, как язык земли весьма конкрет-

ны и убедительны. Они четко характеризуют те или иные черты местной природы и отличаются исключительной меткостью и выразительностью. Изучение исторической топонимики позволяет охарактеризовать этнический состав населения данной местности, какие народности пребывали здесь, на каком языке говорили в древности аборигены, давшие эти названия.

Однако сами названия без помощи языкознания дать что-либо существенное не могут. Чтобы использовать полностью материал топонимики необходимо соединить ее с лингвистикой, особенно с ее разделом <u>семасиологией</u>, с помощью которой только и можно выяснить этимологию того или иного топонимического названия, раскрыть его подлинное содержание.

Настоящая работа посвящена выяснению этимологии некоторых топонимических названий. В ней мы познакомим читателя с такими названиями, которые возникли еще в глубокой древности, в этимологии которых заключены ценные сведения о далеком прошлом казахского народа. С некоторыми из этих названий связаны также весьма серьезные ошибки, устранение которых становится крайне необходимым.

x x

x

Откуда произошло слово "Иртыш"?

Иртыш – это река Западной Сибири. Она имела в исторической жизни кочевых народов огромное значение. Название этой реки дано в татарском произношении, а казаки называют ее "Иртіс". В устной речи встречаются еще другие варианты этого названия, например: Ертіс, Ертіс, Ертуе, Ертуш и др. Как произношение названия этой реки, так и его правописание, как видно, велись не унифицированными, что объясняется отсутствием в свое время письменности у киргизов этих названий. Разумеется, что такое множество вариантов названия одной и той же реки затрудняет выяснение этимологии слова "Иртыш" или "Иртіс". Эти три варианта названия этой реки ~~а также каждый из них в отдельности~~ находят свое объяснение в казахском языке, что позволяет считать, что все ~~эти названия~~ они даны реке тюрко-язычными племенами, говорившими почти на одном и том же языке, и каждое из этих племен, ~~может~~ разумеется, внесли в это название некоторые морфологические изменения, почему и получилось такое множество вариантов.

Б.Аспандияров в молодые годы

Делегаты V-го Всероссийского съезда заведующих отделами народного образования. г. Москва, 31 мая 1926 г. В центре – Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, в четвертом ряду снизу, первый слева – Б. Аспандияров. Фотография из архива Музея им. В.И. Ленина (ныне – Центральный исторический музей РФ, г. Москва)

Участники Совещания по народному и сельскохозяйственному образованию. г. Кзыл-Орда, 1926 г. В центре: Ахмет Байтурсынов, за ним – Билял Аспандияров, слева от А. Байтурсынова – Абикей Сатпаев, справа от него – Смагул Садвакасов, в том же ряду третий справа – Тельжан Шонанов, в первом ряду второй слева – Мыржакып Дулатов

Во втором ряду, в центре – Санджар Асфендияров, Билял Аспандияров. Крайний справа, в этом ряду – Алимхан Ермеков. Среди студентов 1-го курса физико-технического отделения Казахского государственного университета г. Алматы, 1928 г.

Билял Аспандияров со студентами I курса КазПИ. г. Алма-Ата, 1928 г.

Дом, в котором жили С.Асфендияров, Х.Досмухамедов, Б.Аспандияров и др., в конце 1920-х гг. в г.Алма-Ата

Академик АН СССР
Е.В. Тарле, высланный в г.Алма-Ата в начале 1930-х гг., с которым был знаком Б. Аспандияров

Шакен Кульмагамбеткызы Аспандиярова,
супруга Биляла Аспандиярова

Вместе с коллегами. Крайний слева – Б.Аспандияров, шестая слева – А.М. Панкратова, член-корреспондент АН СССР, один из главных редакторов "Истории Казахской ССР", справа от нее – Е.Б. Бекмаханов, слева – Х.Г. Айдарова

Дом отдыха Совмина КазССР, 1948 г. Первый ряд слева направо: Будовниц И.У., Шахматов В.Ф., Бекмаханов Е.Б., Сауранбаев Н., Нусупбеков А., Ефимов, Елеуов Т. Второй ряд слева направо: Медведев С.Г., Жиренчин А., Маргулан А.К.

Б.Аспандияров.
Начало 1950-х годов

Билял Аспандияров, Шакен Кульмагамбеткызы с сыновьями Сериком и Булатом (1952 г.)

Ш.Аспандиярова с племянницей Биляла Базараим Досмаилкызы (Вера Досмаиловна Компакова)

Б.Аспандияров среди коллег и слушателей курсов по логике и психологии. г. Алма-Ата, 1956 г.

Жены историков – Шакен Аспандиярова и Зайда Акишева

С.Б. Аспандияров, член-корреспондент АН КазССР Бекежан Сулейменов, сын Серика Биляловича – Санжар.
г. Ленинград, 1975 г.

С.Б. Аспандияров и его внук Нуржан на встрече с Олжасом Омаровичем Сулейменовым в Представительстве Республики Казахстан в UNESCO. г. Париж, 2005 г.

Артуш – это не алтайский Иртыш, как полагают составители "Материалов", и не Яик, который, по мнению тех же составителей "Материалов", соединен с алтайским Иртышом, а особый, самостоятельный Иртыш, про который в тексте сказано, что он, т.е. Артуш, впадает в Атиль, т.е. в Волгу. Следовательно, Иртыш, названный в тексте Артушом – это река **Самара**, левый приток Волги, а река Яик впадает в Каспийское море, а не в Атиль. И полагать тут соединение реки Самары с алтайским Иртышом есть явная ошибка, вытекающая из неправильного представления составителей "Материалов" о реке "Иртыш".

Итак, мы нашли, что слово Иртыш есть название не одной реки, а целой группы рек. Мы отыскали четыре Иртыша. Можно было бы привести еще примеры, но пока ограничимся этими.

Невольно возникает вопрос: почему все эти Иртыши, расположенные в разных местах, протекающие в разных направлениях, носят одно общее название? Что их объединяет? Ключ к пониманию сущности этого вопроса мы находим в трудах основоположников. У **К.Маркса** мы читаем следующее место:

"На известном уровне дальнейшего развития люди дают отдельные названия целым классам предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира".

Это указание К. Маркса имеет прямое отношение к нашему вопросу и помогает нам ответить на поставленный нами выше вопрос.

На определенной ступени общественного развития люди действительно отличают на опыте от остального внешнего мира все реки, какие есть на земле, и дают всему классу этих рек такое общее название, как слово "река". Таким же путем, видимо, получили свои названия класс птиц, класс животных, класс растений и т.д. Очевидно, таким же образом получили общее название и реки "Иртыши".

То, что в древности слово "Иртыш" было общим названием целой группы рек, – это не является единственным случаем. В истории имеется немало таких примеров. Так, например, в древности было несколько "Араксов", несколько "Иргизов", целая группа "Итилей" и сюда же можно отнести и наши "Иртыши".

Теперь возникает другой вопрос – почему в древности несколько рек носило одно общее название? Необходимо дать ответ на этот вопрос, так как иначе мы не можем перейти к решению нашего вопроса о происхождении наименования реки "Иртыш", т.е. мы не выясним этимологию этого слова.

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, остановимся на некотором общем положении. Следует отметить, что топонимические названия вообще возникают тогда, когда возникает общественная по-

требность в их употреблении. Следовательно, то или иное топонимическое название, возникшее в глубокой древности, помимо своего прошлого значения до некоторой степени характеризует и время своего зарождения, что, в свою очередь, определяется уровнем "исторического развития людей".

История знает, что было время, когда человек еще не обладал членораздельной речью, она знает также и время, когда человек имел весьма ограниченный запас слов, когда лексикон его был беден, и он одним словом обозначал целую группу предметов или явлений природы, имевших по его представлению в каком-либо отношении некоторые общие, сходные черты между собой или переносил название одного предмета на другой предмет по ассоциации представления по сходству. Принимая во внимание эти положения, мы можем сказать, что в древности несколько рек носило одно общее название потому, что люди еще слабо дифференцировали предметы и явления природы, когда это общее название еще не достигало уровня собственных имен, а служило лишь общим нарицательным словом, обозначавшим целую группу предметов.

Теперь попытаемся ответить на вопрос о том, почему в древности несколько рек были одноименными.

Историк **Левшин** в своем труде "Описание киргиз-кайсацких орд и степей" пишет, что "Геродотов Аракс есть название общее Волге, Сырту (Сырдарье), Аму (Амударье) и нынешнему Араксу... В древности несколько рек носило название **Аракс**".[1]

Левшин приводит тут лишь слова Геродота, но не решает вопроса о том, почему "в древности несколько рек носило одно общее название". Правда, на первый взгляд это сообщение Геродота может показаться абсурдом. Но если хорошенько разобраться в нем, то оно окажется весьма ценным материалом, отражающим факты далекого прошлого народа. Почему именно, "Геродотов Аракс есть название общее Волге, Сырту, Аму и Араксу?"

Если в древности реки Волга, Аракс, Аму и Сырт, отстоявшие друг от друга на огромном расстоянии, были одноименными, то это есть прежде всего свидетельство того, что эти реки, по представлению людей того времени, были сходными между собой, а потому они названы одним общим именем; это есть свидетельство еще и того, что в тот период эти реки еще не имели своих названий, в противном случае они не стали бы носить одно общее название; современные же их названия, надо полагать, возникли несравненно позже; и наконец, это

[1] *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832 г., ч. I, стр. 221.

свидетельствует еще и о том, что аборигены бассейнов Волги, Аракса, Аму и Сырта жили не изолированно друг от друга, они отличались не изолированным образом жизни, между ними была связь на такой огромной территории. Это значит, что племена этого периода были охвачены процессом сближения языков, т. е. они уже говорили почти на одном и том же языке, о чем свидетельствуют сами эти названия: Волга, Аракс, Аму и Сырт.

Что такое **"Аракс"**? На этот вопрос дает ответ этимология слова "Аракс". Откуда оно произошло? Слово "Аракс" испорчено от слова "Оракс", которое составлено из двух слов: **"Өр"** (гора, кряж) и **"акс"**, что является вариантом слов "аrс" или "арыс" (поток, течение, то, что течет). В совокупности "Ар" и "акс" образуют сложное слово "Аракс", что значит в переводе на русский язык – "горный поток", или "то, что течет с гор". Выходит, что слово "Аракс" вполне соответствует своим объектам и правильно характеризует их как горные потоки, т.е. горные реки. Действительно, Волга, Аракс, Аму и Сырт по своей природе являются горными реками. Позднее, в последующие времена, когда племена стали вести изолированный образ жизни, слово "Аракс" стало собственным именем лишь одной реки, а именно: названием современного Аракса, а другие реки также приобрели свои современные названия.

Переходим к выяснению этимологии названия реки **"Иргиз"**. Выше было упомянуто, что имеется целая группа рек, носящих название "Иргиз". Пока найдено нами только четыре Иргиза, но их, судя по значению слова "Иргиз", должно быть больше. Иргиз – слово искаженное, правильная его форма – "Оркуз". Оно состоит из двух слов: **"өр"** – что значит: гора, горный, круг, кряж, возвышенность, высокий, верхний – и **"гуз"** – впадина, низина, котлован, долина. При слиянии этих слов первый звук второго слова – "ғ" переходит в "қ" и образуется сложное слово "Өрғуз" вместо "Өрқуз" в смысле "верхняя впадина", т.е. впадина, расположенная в горах – на высоте, а в осмыслении получается "горная долина", т.е. горная река. Значит, слово "Иргиз", как и "Аракс", первоначально было общим нарицательным именем, обозначавшим целую группу сходных между собой рек, а впоследствии эти же названия были закреплены за ними.

В пределах Казахстана найдено нами четыре Иргиза, они расположены на склонах Южного Урала, причем, два из них расположены на его восточных склонах, а два – на западных склонах. Одни из восточных Иргизов берет свое начало с возвышенности, называемой Орь, к югу от нынешнего города Орска, как раз там, где начинается и река "Өр". Река Орь и города Орск и Оренбург получили свои названия от этих же гор. Другой Иргиз начинается с плато **Берчугур** (пра-

вильное – **борша қыр**). Оба эти Иргиза впадают в реку "Тургай". Два других Иргиза – Большой и Малый – расположены на западных склонах Южного **Урала** и впадают в **Волгу**.

Выше было упомянуто, что имеется целая группа Итилей. Этот вопрос мы пока оставляем открытым, так как Итилю посвящена специальная работа, где этот вопрос освещается более подробно, а пока мы скажем только, что в древности многие притоки Волги носили название **"Итиль"**, откуда вся река стала называться Итилем.

Выше нами были установлены два возможных решения вопроса относительно этимологии слова "Иртыш", а именно: первое решение – это то, что слово "Иртыш" произошло от слова "Өртыс", что значит "горы, расположенные за пределами", т.е. горы, находящиеся в пределах Китая; и второе решение – это то, что слово "Иртыш" происходит от слова **"Өртас"** в смысле "каменистых громад", сковывающих реки с обеих сторон. Но мы не могли установить, какое из этих двух решений является правильным решением. Здесь слова "Өртыс" и "Өртас" нам понятны, так как каждое из них имеет свой определенный объект и соответственно они находят свое полное объяснение в казахском языке. Но совершенно непонятно нам, почему же и Уральские горы стали носить эти же названия: "Өртыс", или "Өртас", т.е. "Горы внешние", или "Каменистые громады".

Здесь мы должны осветить два вопроса:

1) какое из двух названий – Өртыс или Өртас относится к Уральским горам; и 2) почему Уральские горы стали носить это же название?

Для решения этих вопросов, необходимо несколько отвлечься от основной темы и сделать небольшой экскурс в область исторической географии.

Прикаспийская низменность, как известно, представляет собою обширное понижение, расположенное между европейским и азиатским континентами. Это понижение кругом окружено природными преградами, защищавшими в древности от неожиданных вражеских вторжений извне. Так, на востоке это понижение упирается в труднопроходимый Южный Урал (Предуралье), на севере и западе оно окаймлено широким низовьем реки Волги, которая ниже впадения крупнейшего ее притока Камы, имеет от 2 до 4 км ширины (с островами), а во время весеннего половодья в нижнем течении разливается на 20–40 км, а на юге это понижение замыкается Каспийским морем. Только между южной оконечностью Уральского хребта и Каспийским морем находится небольшой проход, который с древнейших времен называется **"Воротами народов"**, потому что через этот проход прошли из Азии в Восточную Европу азиатские кочевники: гунны, авары, хазары, угры, печенеги, **кипчаки** и многие другие.

Эта огромная низина имеет все условия, требуемые скотоводством, представляя собою прекрасное, наиболее удобное для кочевого хозяйства пастбище, обильное подножными кормами и водопоем, как летом, так и зимой, уютные камышистые прибрежные полосы Каспийского моря, удобные для присмотра за скотом и его охраны на дальнем расстоянии. Таким образом, эта впадина представляет собой обособленное замкнутое пространство.

Благодаря такому уютному положению эти прекрасные пастбища издавна были предметом постоянных раздоров, войн между отдельными скотоводческими племенами, народностями. И этим же удобством, по-видимому, объясняется тот факт, что в первой половине XIII в. чингизиды избрали эту замкнутую низменность местом своего постоянного пребывания и образовали здесь же Золотую Орду.

Вся левая сторона Волги еще с древних времен называлась **"Сырт"** или **"Тыс"** (сырт и тыс – синонимы), о чем, свидетельствуют сохранившиеся до наших дней местные топонимические названия: Сырт, Тыс, Общий Сырт, что в переводе на русский язык означает – "за",-"вне", "внешний", "потусторонний" – короче – "Внешняя сторона". Почему эта сторона р. Волги названа "Внешней стороной", и по отношению чего она стала называться внешней стороной, это пока не установлено. Известно, что в русских источниках эта сторона называлась "Заволжьем", что вполне понятно, так как соответствует фактической действительности того периода. Заволжье – это то, что расположено за Волгой по отношению к русскому государству.

Следует отметить тут, что низменная часть этого "Заволжья", или "Тыса" и "Сырта", в источниках значится "гуз" "куз" (низина, впадина, долина), а горная часть — Сырт или Ортыс, т.е. хребет или горная внешняя сторона. Отсюда ясно, что в древности Предуралье носило название "Өртыс", откуда, по-видимому, и получили свои названия уральские Иртыши (т.е. современные реки Яик, Эмба и Самара). Тут мы имеем возможность сделать вывод о том, что в разбираемую эпоху слово "Урал" как название гор еще не существовало, так как в ту эпоху современный Урал носил другое название, а именно название "Ортыс". Современное название этих гор "Урал" возникло видимо позже.

Уральские горы в южной части переходят в возвышенность, которая состоит из ряда отдельных широких плоских хребтов (гряд), каждый из которых носит особое название, как, например: "Белый Сырт", "Меловый Сырт", "Каменный Сырт", "Средний Сырт" и пр. Все эти Сырты или Тысы объединены под общим названием "Общий Сырт" (см. карту). Все эти хребты – гряды – крупными уступами обрываются в сторону Прикаспийской низменности. Горные террасы расположены на различной высоте друг над другом, и они идут ступенями к низменности. В древности эти террасы, видимо, назывались по-

разному, так как слова "тыс" и "сырт" встречаются в разных сочетаниях, как то: Өртыс, Артус, Артуш, Өрен-сырт (горный сырт), Тас-Сырт (ошибочно переведенные на русский язык "каменный сырт") и пр.

Слово **"тыс"** (внешний), благодаря созвучию, часто смешивается со словами: "тас" (камень), "тұс" (направление), "түс" (спускаться вниз), "тыс" (склон). "Камен-сырт" – этот неудачный перевод, правильно было бы сказать Внешний хребет.

Теперь мы можем дать ответ на поставленные нами выше вопрос о том, что является основой слова **"Иртыш"**: Өртыс (горная внешняя сторона) или Өртас (громада каменистая). Отвечаем, что слово **"Иртыш"** произошло от слова **"Өртыс"**, а не от слова "Өртас".

Подтверждением этого служит, во-первых, то, что нами найдено слово "сырт" (внешний), которое является дублером слова "тыс", а не "тас". Следовательно, в составе слова "Иртыш" вторым компонентом его является слово "Тыс", а не "Тас". И во-вторых, подтверждается это еще и тем, что Уральские горы, как и китайские горы, где начинается алтайский Иртыш, были "Внешними Горами", т.е. горами, расположенными за пределами страны. Итак, мы выяснили, что слово **"Иртыш"**, или "Иртыс", произошло от слова "Өртыш", или "Өртыс".

Таким образом, мы установили, что **"Өртыш"** или **"Өртыс"** есть древнее название Уральских гор, вернее, название Предуралья. Выходит, что и уральские реки – "Иртыши" **(Яик, Эмба, Самара)** получили свои названия от этого древнего названия Уральских гор. Значит, от одного слова Иртыш (в смысле "горы") образовалось новое слово с новым значением, (в смысле "река"), которое вытеснило старое значение этого же слова, а звуковой комплекс его остался тем же самым, но приобрел он новое значение.

Чем объясняется, что слово "Иртыш" (правильное – Өртыс, Өртыш), обозначавшее собою в свое время и современные Уральские горы, и современные реки Яик, Эмбу и Самару, совершенно исчезло, оставив лишь свои следы в исторических источниках? Это объясняется, видимо, в основном, процессом исторического развития людей, населявших данную территорию. Слово **"Иртыш"**, как историческое явление, возникло в тот самый период, когда были для его возникновения необходимые условия, а именно, когда современные Уральские горы служили "высокими внешними пределами". Люди этого периода отнесли эти "высокие внешние пределы" в определенный звуковой комплекс и превратили этот звуковой комплекс в значимое слово. Так получилось слово "Өртыс" (Иртыш), которое могло существовать лишь до тех пор, пока существовал лишь обозначаемый им объект. Но когда "Өртыс" в ходе исторического процесса перестал быть "внешней страной", а стал "внутренней страной", тогда и надобность в употреблении этого слова "Өртыс", в смысле "внешняя сторона", отпала, и оно

(Өртыс) было обречено на забвение, и действительно оно, как устаревшее и ненужное слово, вышло из строя. Но звуковой его комплекс остался прежним, став словесной оболочкой другого значения (реки).

Первоначально слово "Өртыс" несомненно, было общим нарицательным словом и обозначавшим все Предуралье в целом, куда, по представлению людей того времени, входило все, что было в этом целом, т.е. и горы, и низины, и реки, и леса и пр., которые могли казаться тогда неотъемлемыми частями единого целого, и каждая из этих частей в отдельности, вследствие скудности лексикона, еще не могла иметь своего дифференциального названия. Только общее имя объединяло все части единого целого. Позже, в последующие периоды, общее название начинает дифференцироваться на отдельные элементы, каждый из которых затем уже приобретает свое особое название. Очевидно, путем отпочкования получились все новейшие топонимические названия данной территории.

В вышеприведенном сообщении говорится, что **"кимаки"** и **"гузы"** являются племенами из тюрок и что их зимовья и летние кочевья расположены на Иртышах, т.е. на Яике и Эмбе. Это место текста сообщения требует разъяснения.

Кимаки и гузы первоначально были географическими названиями, обозначавшими определенную территорию, о чем свидетельствуют сами эти слова. Рассмотрим вкратце эти слова.

"Кимак" происходит от слова "кум", что значит песок, от слова "кум" образуется производное слово "кумак,", т.е. песчаный, супесчаный, и от этого же слова – қумақ, – получилось искаженное "кимак". Слово "қумақ" как географическое название и до сего времени существует в некоторых местах Казахстана. Так, например, недалеко от нынешнего города Орска (в Кустанайской области) расположена большая песчаная территория, которая и до сего времени называется "Кумак", т.е. Песчаная. Таким образом, в древности песчаная почва, всякая местность, покрытая песком, отдельные песчаные равнины носили название. Это название – "кумак", ставшее впоследствии "кимак". По представлению казахского народа основными песчаными районами считались, по-видимому, Прииртышская степь, территории, расположенные в верховьях рек Ишим и Тобол, юго-восточные и юго-западные склоны Уральского хребта, а также бассейны рек Яик и Эмба.

Слово "кимак", будучи поначалу географическим понятием, как общее нарицательное слово часто охватывало и насельников песчаных местностей, отдельных песчаных районов – в смысле просто "жители" этих районов по типу слов: украинец, уралец, сибиряк и т.п. В этом смысле слово "кимак" часто встречается в источниках. Так, по свидетельству восточных авторов, кипчаки представляли собой западную ветвь кимаков, кочевавших в районе р. Иртыш. Слово кимак тут

употреблено, несомненно, как нарицательное слово. Некоторые историки, не зная подлинного значения этого слова "кимак", воспринимают его односторонне, и признают его этническим названием, и это явно неправильное воззрение внесли в литературу и превратили его почти в традицию.

"Гуз" – слово, испорченное от слова "құз", что значит в переводе на русский язык – низина, долина, ущелье, пропасть, котловина, впадина; а в широком смысле слова "құз" – это понижение, направление от поверхности земли к низу, вниз, в глубину. В этом смысле – слово "құз" часто встречается в фольклоре, в этнических песнях, в сказках. Таким образом, слово "құз", как само слово говорит, поначалу было общим нарицательным словом, обозначавшим в свое время всякое углубление. И это слово – "құз" (или гуз), являясь географическим понятием, охватывало и обитателей "құзов" – обозначения в смысле слова "жители, живущие в долинах или низинах, а не горцы".

В тексте мы читаем, что в области кимаков есть селение **Джуни**. "Джуни" – это искаженное слово, правильная его форма "Джон" или **"Жон"**, что значит крестец или крестцовый (плоскогорье, возвышенность, наклонная поверхность). Действительно, в области Общего Сырта расположена возвышенность, через которую проходит река Самара, названная в тексте "Артуш", т.е. Иртыш.

В данном тексте реки Яик и Эмба названы "Иртышами" потому, что они вытекают из тех гор, которые в древности носили название "Өртыс" (внешние горы).

"Яик", названный в тексте "Белым Иртышом", начинается от пика "Ире-мель" (правильное **өр**-емен, т.е. гора-дуб – горный дуб), расположенного к югу от нынешнего города Миасса, как раз в том районе начинаются реки: Уй – приток р. Тобол и Белая – приток р. Волги. "Яик" – это в башкирском звучании, а казахи выговаривают его "Жайык", что значит приволье, раздолье в смысле широкого просторного пастбища. К названию этой реки казахи прибавляют эпитет "Ақ" (белый) и произносят – Ақ Жайық, т.е. Белый Жайык; это, по-видимому, указание на то, что она берет себе начало около снежных гор. Ақ Жайық часто упоминается в эпических песнях. Так, например, нередко попадается такая фраза: "Ақ Жайық жағалай біткен бидайық", – т.е.: Ақ Жайык, а вдоль по берегам которого пышно растет ржанка.

"Эмба" названа в тексте Черным Иртышом. Слово Черный ошибочно приложено к названию Эмбы. Эта ошибка, по-видимому, получилась от того, что вместо слов "Қыр Иртыш", что значит "Горный Иртыш", переведены на русский язык слов "Қара Иртыш", в значении слово "Черный Иртыш". Эмбу казахи называют **"Жем"**, что значит корм – в смысле "обильный подножный корм". Эмба, т.е. Жем, берет свое начало в Мугоджарских горах, которые в летнее время освобождаются

от снега и льда, а потому река Эмба бывает полноводной лишь в период половодья, а к концу лета она становится маловодной.

В тексте сказано также, что "вода в Артуше черна". Здесь ошибка: слово "черна", тут не отражает действительности, перевод неточный. Вместо слова "қарсу" (т.е. снеговая вода) переводится на русский язык другое слово – "қарасу" (черная вода), почему и получилась "вода черна". Про эту же воду Артуша сказано, что она "пресна". Это вполне понятно, так как р. **Самара**, названная в тексте "Артуш", питается снегами и ледниками, а потому вода в ней должна быть пресной.

Итак, мы выяснили этимологию слова "Иртыш" и другие топонимические названия, связанные со словом "Иртыш", установили их подлинное значение, в результате чего мы имеем возможность подвести всему сказанному некоторые итоги.

Словарь топонимов:

Аракс –	Джуни –	Урал –
Арал –	Иргиз –	Самара –
Артуш –	Иртыш –	Эмба –
Атиль –	Кимак –	Яик –
Берчугур –	Кипчак –	Сырт –
Гуз (куз) –	Орал –	Тыс –

* * *

8.11.2007 г.

Dear Mr S.B.Aspandiiarov,

On behalf of the British Library Board I have pleasure in thanking you for the gift of the journal *Baiterek* with the article by B.Aspandiiarov "Etimologiia nekotorykh toponimieheskikh nazvanii (k voprosam istoricheskoi toponimiki)" which you have presented to the Library.

This is very much appreciated and I hope that we will receive more published works by B.Aspandiiarov, as to the best of my knowledge they are being prepared for publication in Kazakhstan.

Yours sincerely,

Dr E. Rogatchevskaia
Head of the Russian collections
Slavonic and East European collections

On questions of historical toponymy

The etymology of certain toponyms (1950)

The history of a nation is known to be the result of the interaction between man and his natural environment. It should be seen as a single process of geography and economics, language and culture. This is why an integrated approach to history, taking both these aspects into account, is needed. Such an approach would allow historians to have a more complete grasp of certain difficult questions of history, to clarify them and to extend parts of it on which work has already been done.

At the same time, the Kazakh people's history has been studied incompletely, in a narrow, very limited and one-sided way, and its historical events are often interpreted abstractly and superficially, detached from the geographical environment and the cultural and economic conditions, in which the people's life took its course and developed. Not everything is revealed by the historians, not all possibilities are used by them. For example, the materials of historical geography and toponymy, and also the materials of linguistics, necessary for history, are hardly ever referred to, they are left outside the historians' field of vision, and are simply ignored. At the same time, these materials are extremely necessary for the ancient history of the Kazakh people, as a nation which did not have its own written culture in the past.

The sources of any of the most important phenomena of the history of the Kazakhs lie in the distant past. When studying questions of the Kazakh people's ancient history, historians have usually not gone beyond the bounds of what is already known, they simply re-tell what has already been told, presenting as a discovery what has already been discovered a long time ago, simply setting forth the results of other people's works. No independent work is conducted on the sources. Historians usually referred to propositions which had been known for a long time, and which had been repeated every time in one form or in another, and in this way quite a stable old tradition of book-learning was created. Following this tradition, new historians repeated the mistakes of historiography before them and contributed nothing new or live to this history, although they were aware that a stable old tradition of book-learning cannot be proof of its truth. On the contrary, it is well known that historiographic tradition was often fed by views of Kazakh history which were far from objective, which gave a distorted view of the Kazakh people.

The earth's surface is, as it is said, the witness to historical events. Some toponyms names came into being in the depths of antiquity, when written culture did not yet exist. They are closely linked to the people and they were basically created by the people themselves, created in the bosom of nature, and not created in scholars' studies. This is why toponymic names, like the language of the earth, are very concrete and convincing, they clearly describe certain features

of local nature and are distinguished by exceptional accuracy and expressiveness. The study of historical toponymy makes it possible to define the ethnic composition of a particular area, what peoples lived there, and what language was spoken in ancient times by the original inhabitants who gave these names.

However, without the help of linguistics the names themselves cannot give anything substantial. To make full use of the materials of toponymy, it has to be combined with linguistics, in particular with the part of it called "semasiology", with the help of which it is possible not only to elucidate the etymology of one or another toponymic name, but also to discover its real content.

The purpose of the present work is to elucidate the etymology of certain toponyms. In it, we shall acquaint the reader with names which arose in the depths of antiquity, the etymology of which contains important information about the distant past of the Kazakh people. In relation to some of these names, also, there have been very serious errors, which it is becoming very necessary to eliminate.

* * *

Where did the word "Irtysh" come from?

Irtysh is a river in Western Siberia. It was of enormous importance in the life of nomadic peoples. The name of this river is given in Tatar pronunciation, but the Kazakhs call it "Irtis". Other versions of this name can also be found in speech, such as Ertis, Oertis, Oertus, Artush etc. Like the pronunciation of this river's name, it seems that its spelling was not standardised either, which is explained by the lack of written culture among the people who used this name at a certain time. Of course, such a large number of versions of the name of one and the same river hinders elucidation of the etymology of the word "Irtysh" or "Irtis". Here it should be noted that explanations for all these versions of this river's name can be found in the Kazakh language, which makes it possible to assume that they were all given to this river by Turkic-speaking tribes who spoke almost the same language, and each of these tribes, of course, could have made certain morphological changes to the name, which is why so many versions arose.

Let us begin our quest

It is generally known that, on the whole, rivers receive their names from the areas adjoining them, mainly from mountains, as rivers run downwards along a sloping surface. Geographical names which arose in the depths of antiquity usually reflect the natural features of a particular territory, and there is no doubt that the word "Irtysh" reflects some feature of the area, from where the sources of this river sprung. This feature is reflected in language in words, which then, by being repeated many times with the same meaning, equally ac-

ceptable for the speaker and for the hearer, becomes the name of that river. In order to find this feature of the area, we must investigate it.

In order to have a clear idea of what we are discussing, a brief description of the river must be given.

The Irtysh originates on the South-West slopes of the Mongolian Altai, within the borders of China. Before it falls into Lake Zaisan, it bears the name of the "Black Irtysh". This part of the river cuts through a wide plain, and its flow is quite calm. To the North of the lake, the Irtysh is hemmed in on both sides by the rocky masses of the Altai Ridge. The river becomes narrower and the speed of its flow increases. This creates favourable conditions for the construction of an enormous hydroelectric power generation complex.

The left bank of the Irtysh is flat, and the right bank is high, composed of non-compact argillaceous rock, and is therefore subject to frequent landslides. In the middle course of the river places with rapids and bars can be found, but there are none in its lower course. In its lower course, large tributaries flow into the Irtysh from the left: the very long Ishim and the Tobol with its high waters. After the Tobol's confluence, the Irtysh's width and depth increase, and the river becomes wide and mighty, but with very slow flow. The Irtysh runs into the Ob. Its length is over 4000 km, and the area of its basin is over one and a half million square km.

In this brief description, our attention is immediately drawn to the fact that the upper reaches of the River Irtysh are called the "Black Irtysh".

There is an obvious mistake here. By its nature, the Irtysh cannot be "Black". It should be "snowy", as it is fed by the snows and glaciers of the Altai Mountains, or it should be a "Mountain" river, as its sources are in the mountains, in the territory of China. The mistake apparently comes from confusion between two Kazakh words, i.e.: the words – Kar (snow), Kyr(a) — (mountain, ridge) and Kara (Black), which, in combination with the word "Irtysh", give, in turn, the following names of the Irtysh: "Kar Irtysh" (i.e. Snowy Irtysh), "Kyr(a) Irtysh" (i.e. Mountain Irtysh) and "Kara Irtysh" (Black Irtysh). Here the mistake apparently occurred because, instead of the words "Kar Irtysh" or "Kyra Irtysh", the translator mistakenly wrote "Kara Irtysh", from which this incorrect name of the Irtysh came. Thus it would be correct to call the upper reaches of the Irtysh the "Mountain Irtysh" or the "Snowy Irtysh", and not the "Black Irtysh".

What does **"Irtysh"** or "Irtys", "Irtis" mean? Where does this word come from? "Irtysh" is a compound word; it is composed of two words: the first word is "Ir" (a col or saddle), which could also be "Oer", which means "mountain" or "mountainous", and the second word is "tysh" (a Tatar word) or "tys" (a Kazakh word), which means "beyond", "outside", "outer" or "exterior". Together these words form "Irtysh" and "Oertysh", and Irtysh means "col" + "outer", which does not fit, and "Ortysh" means: "mountain" + "outer", which does fit, as Oertysh or Oertys, translated into Russian, means: "mountains positioned beyond the borders". From this we can conclude that the river's

original name was "Oertysh" or "Oertys", and not "Irtysh" or "Irtys". This means that the word "Irtys" (Irtysh) was first the name of the mountains, situated "outside the border" or "beyond the border". These mountains were precisely the mountains which, as we saw above, in the brief description of the Irtysh, lay within the borders of China, from which the River Irtysh or Irtys springs. Consequently, the River Irtysh received its name from the Chinese mountains, which the Kazakhs called "Oertys",i.e. the "outside mountains". This is one version of the answer to this question.

There can also be another version of the explanation of the etymology of the word "Irtysh" or "Irtys".

From the brief review of the River Irtysh given above, we know that this river is hemmed in on both sides by the "stone masses" of the Altai Ridge. The expression "stone masses" is a translation into the Russian language of the Kazakh word "Oertas", which means "stone mountain". The word "Oertas" is similar in its sound to the word "Oertys", which makes us assume that the name of the River Irtysh could also have originated from this word "Oertas".

Thus we have two possible versions of the explanation of the etymology of the word "Irtysh", one of which is "Oertys", and the other "Oertas", but we cannot yet say which of these versions is correct. Further investigation is needed.

Let us refer to the sources.

In the "Materials on the history of the Turkmens and Turkmenia", we find the following statement by **Al-Masudi:**

"On it (the Khazar Sea) there are many nomadic "guzy", from among the Turkic peoples, in the deserts which are situated there. And among the great rivers flowing into the (Khazar) Sea are the Black Irtysh and the river the White Irtysh. Both of them are great, each of them is greater that the Tigris and the Euphrates, it is a 10 day journey between their mouths; and on them are situated the winter quarters and the summer camps of the "kimaky" and "guzy" (tribes) from among the Turkic peoples. *("Materials on the history of the Turkmens and Turkmenia", 1939, v.I, page 166)*

In a note on this text, the compilers of the "Materials" give the following explanation: "Apparently, here Al-Masudi confused the Yaik and Emba with the Irtysh, on which the "kimaky" really did live; the upper waters of these rivers are not infrequently shown as joined to the mouths of the others in Arabic geographical literature" *(ibid, page 166).*

We cannot agree at all with this opinion of the compilers of the "Materials", as it is a basically incorrect opinion, it confuses the question we are studying even more, and in its substance reduces to nothing the meaning of this statement of Al-Masudi.

The reason is as follows.

The **"Yaik"** and **"Emba"** are the modern names of these rivers, but Al-Masudi calls them both "Irtysh". This means that at that time these rivers did not yet have their modern names, and instead of them the word "Irtysh" was

used. From this we can conclude that not one river, but several, were called Irtysh, that the word "Irtysh" was a name common to several rivers and, consequently, what is meant here is not one river but several rivers. Therefore it cannot be said that Al-Masudi confused the Yaik and Emba with the Irtysh.

In actual fact, travellers visiting one country or another usually get to know this new country through the local population, they ask local inhabitants and borrow local geographical names from them. The local population knows its country well in all its details; it knows well the relief of the area, its mountains and rivers, animals etc. The local population will, of course, not confuse the mouths of some rivers with the sources of other river. There can be no doubt that Al-Masudi calls the both the Yaik and Emba Irtysh not on his own initiative, but from the words of local inhabitants. . The mistakes of the compilers of the "Materials" consist of the fact that they, knowing under the name "Irtysh" only one river, i.,e. the Altai river, and not admitting the idea that other rivers could exist with this same name, stretch the interpretation and artificially identify the Ural rivers – the Yaik and Emba – with the Altai river, i.e. the Irtysh, and by so doing distort the fact.

It is extremely difficult to understand the history of a nomadic people, without knowing its way of life and language and without knowing the techniques and the nature of its economic activities. It is particularly difficult for those who are acquainted only with the life of a settled people. All the time extremely serious mistakes arise from not knowing the language of the people being studied, and this makes history very confusing. Here the compilers of the "Materials" have made almost the same mistake as **Levshin** did in his time. This is what he wrote:

"The Turkish geographer **Kyatib-Chelebiy** in his "Mirror of the world" assumes that Maverennager and Turan are one and the same, and then he contradicts himself, saying in one place that Maverennager, positioned between the Rivers Dzheikhun and Seikhun, adjoins Turkestan in the North, and in another place that Choresmia and Dagestan are at the West of Turkestan. You only need to look at the map to convince yourself what an unclear idea Kyatib-Chelebiy had of the lands lying on each side of the Syr". *(Levshin, "Opisanie Kirgiz-Kaisatckikh ord i stepei", 1832, v.II, page 36)*

The mistake made by Levshin here was that, not knowing the language, he involuntarily confused one thing with another, i.e. Kyatib-Chelebiy was talking about one thing, and Levshin was talking about something else. By the word "Dagestan" Levshin understood a mountainous area in the Caucasus (Dagestan), while Kyatib-Chelebiy was talking about a mountainous area in Maverennager, i.e. Levshin understood "Dagestan" as a proper noun, the name of the Dagestan Mountains, while Chelebiy was talking about mountains in general, in other words in the general sense "mountains" (**"dag"** = mountain, **"stan"** = country). Apparently Chelebiy meant the mountains of Kuldzhuntau, the Nuratau Ridge etc. Thus Levshin confused a proper noun and a common noun.

The compilers of the "Materials" also give material about yet another "Irtysh". Let us consider this material also. This is what it says there: "And there is also the River Artush – it also flows from this mountain. There is a lot of water in it, it is black. However, one can drink the water – it is fresh. (The river) passes through the lands of the "guzy" and "kimaki", until it reaches the settlements of Dzhuni in the land of the "kimaki"; then it runs into the River Atil . In a note on this text, the compilers of the "Materials" add from themselves: "Artush, i.e. the Irtysh, is apparently joined to the Yaik here" *(Materials on the Turkmens and Turkmenia, 1939, v.I, page 210).*

Here the compilers of the "Materials" correctly note that the word **"Artush"** is a version of the word "Irtysh". With this we can agree. However, here again they repeat their mistakes about the Irtysh. Artush is not the Altai Irtysh, as the compilers of the "Materials" assume, and not the Yaik, which, in the opinion of the same compilers of the "Materials", joins the Altai Irtysh, but a different, separate, Irtysh, about which the text says that it, i.e. the Artush, runs into the Atil, i.e. into the Volga. Consequently, the Irtysh, called "Artush" in the text, is the River Samara, the left tributary of the Volga, but the River Yaik flows into the Caspian Sea, and not into the Atil. To assume here that the River Samara is joined to the Altai Irtysh is an evident error, arising from the incorrect idea of the compilers of the "Materials" about the River Irtysh.

We have thus found that the word Irtysh is the name not of one river but of a whole group of rivers. We have found four rivers called Irtysh. Even more examples could be given, but, meanwhile, we shall confine ourselves to these.

One cannot but wonder why all these Rivers Irtysh, situated in different places, running in different directions, have one name in common? What do they have in common? We can find the key to understanding the essence of this question in the works of the founders. In **K.Marx** we read the following:

"At a particular level of further development, people give separate names to whole classes of things, which they already distinguish, by their experience, from the rest of the outside world.".

This indication given by K.Marx is directly relevant to our subject and helps us to answer the question we asked above.

At a certain stage of the development of society, people do indeed distinguish all the rivers there are on earth, by their experience, from all the rest of the outside world, and give the whole class of these rivers a common name, like the word "river". It was apparently in the same way that the class of birds, the class of animals, the class of plants etc received their names. Obviously the rivers called Irtysh received their common name in the same way.

The fact that in ancient times the word "Irtysh" was a name common to a whole group of rivers is not a unique case. In history there is no small number of such examples. Thus, for example, in ancient times there were several Rivers Araxes, several Rivers Irgiz, a whole group of Rivers Itil, and our Rivers Irtysh fit in here also.

Now another question arises – why did several rivers have the same name in ancient times? We need to know the answer to this question, as otherwise we will be unable to find an answer to our question about the origin of the name of the River Irtysh, i.e. we will not explain the etymology of this word.

Before answering this question, let us think about a general proposition. It should be noted that toponyms arise, in general, when the need to use them arises in society. Consequently, one or another toponyms, which arose in the depths of antiquity, apart from its meaning in the past, to a certain degree is also typical of the time when it arose, which, in its turn, is determined by the level of "people's historical development".

History knows that there was a time when man did not yet have distinct speech, and it also knows a time when man's vocabulary was very limited, when his lexicon was very poor, and he called a whole group of things or of natural phenomena, which he saw as having in some way something in common, characteristics similar to each other, or else he transferred the name of one thing to another thing by association and similarity. Taking this into account, we can say that in ancient times several rivers had the same name because people did not yet differentiate much between things and natural phenomena, when this common name had not yet reached the level of proper nouns, but simply served as a general common noun, indicating a whole group of things.

We shall now try to answer the question of why several rivers had the same name in ancient times.

In his work "Description of the Kirgiz-Kaisak hordes and steppes", the historian Levshin writes that "Herodotus' Araxes is a name common to the Volga, Syrt (Syr-Darya), Amu (Amu-Darya) and the present Araxes... In ancient times several rivers bore the same name of **Araxes**" *(Levshin. Opisanie Kirgiz-Kaisatskich ord i stepei. sp. 1832, v.I, page 221).*

Here Levshin simply quotes Herodotus' words, but does not settle the question of why "in ancient times several rivers bore the same name". It is true that at first sight this statement of Herodotus may seem absurd. However, if we consider it properly, it proves to be very valuable material, reflecting facts of the people's very distant past. Why, precisely, is "Herotodus' Araxes a name common to the Volga, Syrt, Amu and Araxes"?

If in ancient times the rivers Volga, Araxes, Amu and Syrt, which are at an enormous distance from one another, had the same names, this was, first of all, proof that these rivers, as people of that time saw them, were in some way similar to one another, and therefore they were called by the same common name; this is also evidence that during this period these rivers did not yet have their own names, otherwise they would not have had one common name; it should be assumed that their modern names arose much later; finally, this is also evidence that the original inhabitants of the basins of the Volga, Araxes, Amu and Syrt did not live in isolation from one another, they were not distinguished by an isolated way of life, there existed relations between them over this vast

territory. This means that the tribes of this time were caught up in the process of linguistic convergence, i.e. they already spoke almost one and the same language, to which these same names Volga, Araxes, Amu and Syrt bear witness.

What is **"Araxes"**? The etymology of the word "Araxes" gives the answer to this question. Where did it come from? The word "Araxes" is a distortion of the word "Orax", which consists of two words: "Oer" (mountain or ridge) and "aks", which is a version of the word "arc" or "agys" (stream, current, whatever flows). Taking together, "Oer" and "aks" form the compound word "Oeraks", which means, translated into Russian, "mountain stream" or "that which flows from the mountains". It turns out that the word "Araxes" corresponds completely to the subjects it denotes and correctly describes them as flowing from the mountains, i.e. mountain rivers. The Volga, Araxes, Amu and Syrt are indeed in their nature mountain rivers. Later, in subsequent times, when the tribes began to lead an isolated way of life, the word "Araxes" became the proper name of one river alone, i.e. the name of the present-day Araxes, and the other rivers also acquired their present-day names.

Let us move on to the explanation of the name of the river **"Irgiz"**. It was mentioned above that there is a whole group of rivers bearing the name "Irgiz". So far only four Rivers Irgiz have been found, but, judging from the meaning of the word "Irgiz", there should be more of them. Irgiz is a distorted word, its correct form is "Orkuz". It consists of two words: "oer" which means mountain, mountainous, circle, ridge, high ground, high, upper, and "guz" a hollow, low ground, pit or valley. When these two words are joined together, the first sound of the second word "g" transmutes into "k" forming the compound word "Oerkuz" instead of "Oerguz", meaning "upper hollow", i.e. a hollow situated in the hills, at a height, which by interpretation gives "mountain valley", i.e. mountain river. This means that the word "Irgiz", like "Araxes", was originally a common noun, denoting a whole group of rivers, similar to one another, and subsequently they were attributed these names.

Within the borders of Kazakhstan we have found four Rivers Irgiz, situated on the slopes of the South Urals, two of which are situated on their eastern slopes, and two on their western slopes. One of the eastern Rivers Irgiz springs from high ground, called Or, to the south of the present town of Orsk, which is just where the River "Oer" begins. The River Or and the towns of Orsk and Orenburg took their names from these same mountains. Another Irgiz begins on the plateau of **Berchugur** (correctly **"Borsha Kyr"**). Both these Rivers Irgiz run into the River "Turgai". Two other Rivers Irgiz – the Greater and the Lesser – are situated on the western slopes of the South Urals and flow into the Volga.

It was mentioned above that there is a whole group of Rivers **Itil**. For the present, we shall leave this question open, as there is a special work on the Itil, in which this question is dealt with in greater detail, and here we shall only say that in ancient times many tributaries of the Volga bore the name **"Itil"**, from which the whole river came to be called "Itil".

We established above two possible answers to the question of the etymology of the word **"Irtysh"**, i.e.: the first answer is that the word "Irtysh" came from the word **"Ortys"**, meaning "mountains situated beyond the borders", i.e. mountains within the borders of China; while the second answer is that the word "Irtysh" comes from the word **"Oertas"** meaning the "stone masses", hemming the river in on both sides. However, we could not establish which of these two answers was correct. Here we can understand the words "Oertys" and "Oertas", as each of them denotes a particular subject and thus the Kazakh language provides a full explanation of them. However, we cannot understand at all why the Ural mountains came to bear these same names "Oertys" or "Oertas", i.e. the "outer mountains" or the "rocky masses".

Here we have to answer two questions:

1) which of these two names, Oertys or Oertas, refers to the Ural mountains; and 2) why the Urals came to bear this name?

To answer these questions, we need to go slightly away from our main theme and make a small digression into the field of historical geography.

As is known, the Caspian depression is an extensive area of low ground, situated between the European and Asian continents. This low ground is surrounded by natural barriers, which protected it in ancient times from unexpected hostile invasions from outside. For instance, in the east this low ground presses against the South Urals (southern foothills of the Urals) which are hard to cross, in the north and west it is bordered by the wide lower reaches of the River Volga, which, after its confluence with its biggest tributary, the **Kama**, is 2 to 3 km in width (with islands), and during the spring high water season widens in its lower course to 20–40 km, while in the south this low ground is bordered by the Caspian Sea. Only between the south end of the Urals and the Caspian Sea is there a narrow passage which in ancient times was called the **"Gates of the Nations"**, as through this passage Huns, Avars, Khazars, Ugri, Pechenegs, **Kipchaks** and many other Asian nomads passed from Asia to Europe.

This enormous plain has all the conditions needed for stock-breeding, as it is splendid pasture, extremely convenient for a nomadic pastoral life, rich in grazing and watering places, in both summer and winter, the comfortable rushy border strip on the coast of the Caspian, convenient for caring for livestock and protecting it from a distance. Thus this hollow is a separate enclosed space.

Thanks to this convenient location, these splendid pastures were from ancient tine the subject of constant conflicts and wars between different stock-breeding tribes and peoples. Apparently this same convenience explains the fact that in the first half of the XIII century the descendants of Gengiz Khan chose this enclosed plain as their permanent place of residence and formed the Golden Horde here.

From ancient times, the whole left side of the Volga was called **"Syrt"** or **"Tys"** ("syrt" and "tys" are synonyms), which can be seen from the local toponymic names which have come down to our days: Syrt, Tys and Common

Syrt, which, translated into Russian, mean "beyond", "outside", "outer", "on the other side" and, in short, the "Outer Side". It has not yet been established why this side of the River Volga was called the "Outer Side" and in relation to what it came to be called the "outer" side. It is known that in Russian sources this side is called the "land beyond the Volga", which is quite understandable, as it corresponds to the actual reality of those times. The land beyond the Volga is that which is on the other side of the Volga from the Russian State.

It should be noted here that the low part of this "land beyond the Volga", or "Tys" or "Syrt", is called in the sources "guz" or "kuz" (lowland, hollow, valley), and the mountain part is called "Syrt" or "Ortys", i.e. the outer ridge or mountain. From this it is clear that in ancient times the foothills of the Urals bore the name of "Oertys", from which the Rivers Irtysh of the Urals (i.e. the present-day Rivers Yaik, Emba and Samara) apparently received their names. Here we can draw the conclusion that, during the period we are considering, the word "Urals" as the name of the mountains did not yet exist, as in those times what are now the Urals bore a different name, i.e. the name "Ortys". These mountains' present name, Urals, apparently arose later.

The southern part of the Urals passes into an eminence consisting of a series of separate wide, flat ridges, each of which has is own name, for example White Syrt, Chalk Syrt, Stone Syrt, Middle Syrt etc. All these "Syrty" or "Tysy" have the general name of "Common Syrt" (see the map). All these ridges are broken up by huge steps in the direction of the Caspian plain. The mountain terraces are positioned at different heights, one above the other, and they go down in steps towards the plain. In ancient times these terraces were apparently called different names, as the words "tys" and "syrt" can be found in various combinations, such as Oertys, Artus, Artush, Oeren-Syrt (Mountain Syrt), Tas-Syrt (incorrectly translated into Russian as "Stone Syrt") etc.

The word **"tys"** (outer), because it sounds similar, is often confused with the words "tas" (stone), "tus" (direction), "tus" (descend), "tys" (slope). "Kamen [stone]-Syrt" is a bad translation, it would be correct to call it Outer Ridge.

We can now answer the question we asked above about the basis for the word **"Irtysh"**: Ortys (mountainous outer side) or Oertas (stone mass). Our answer is that the word "Irtysh" came from the word "Oertys" and not from the word "Oertas".

This is confirmed, firstly, by the fact that we have found the word "syrt" (outer), which is a double for the word "tys", and not "tas". Consequently, the second component in the word "Irtysh" is the word "tys" and not "tas". Secondly, it is also confirmed by the fact that the Urals, like the Chinese mountains, from which the Altai Irtysh springs, were "Outer Mountains", i.e. mountains situated outside the country's border. We have thus explained that the word "Irtysh", or "Irtys", came from the word "Oertysh" or "Oertys".

We have thus established that "Oertysh" or "Oertys" is the ancient name of the Urals, or rather the name of the land adjoining the Urals. It turns out that the

Ural Rivers Irtysh (the **Yaik**, Emba and Samara) received their names from this ancient name of the Urals. This means that from the one word "Irtysh" (with the meaning of "mountains") a new word was formed with a new meaning ("river"), which supplanted the old meaning of the word, and the sounds making it up remained the same, but took on a new meaning.

How can one explain the fact that the word "Irtysh" (or rather Oertysh, Oertys), which in its time meant both what are now the Urals, and the rivers which are now the Yaik, Emba and Samara, has disappeared completely, leaving only its traces in historical sources? This can apparently be explained mainly by the process of the historical development of the people who inhabited this territory. The word "Irtysh", as a historical phenomenon, arose during that period when the necessary conditions existed for it to arise, i.e., when what are now the Urals served as the "high outer borders". The people of those times used a particular combination of sounds to denote these "high outer borders" and transformed this combination of sounds into a word with a meaning. This is how the word "Irtys" (Irtysh), which could exist only as long as the subject denoted by it existed. However, when, with the course of the historical processes, "Oertys" ceased being the "outside country" and became the "inside country", then the need to use this word "Oertys" with the meaning of "outer country" ceased, and it (Oertys) was doomed to be forgotten, and it did indeed, as an obsolete and unnecessary word, go out of use. However its combination of sounds remained the same after it became the audible outer form of a different meaning (river).

There is no doubt that originally the word "Oertys" was a common noun and meant all the foothills of the Urals as a whole, including, in the ideas of the people of those times, everything which made up that whole, i.e. the mountains, the low ground, the rivers and the forests etc, which may then have seemed to be integral parts of a single whole, and each of these parts taken individually, due to the limited vocabulary, did not yet have its own distinguishing name. One common name on its own joined together all the parts of the single whole. Later, in subsequent periods, the common name began to be differentiated into separate elements, each of when then already took on its particular meaning. It is clear that all the more recent toponyms of this territory were formed by "budding".

It the quotation given above it says that "kimaki" and "guzy" are tribes from the Turkic peoples and their winter quarters and summer camps are situated on the Rivers Irtysh, i.e. on the Yaik and Emba. This part of the text of the quotation requires elucidation.

"Kimaki" and **"guzy"** were originally geographical names, denoting a particular territory, which can be seen from these words themselves. Let us look at these words briefly.

"Kimak" comes from the word "kum", which means "sand", and from the word "kum" is formed the dereivative word "kumak", i.e. "landy", "loamy",

and that word "kumak" was distorted to "kimak". The word "kumak" as a geographical name still exists in certain places in Kazakhstan. For example, not far from the present town of Orsk (in Kustanai Oblast) there is a large sandy territory, which is still called "Kumak", i.e. Sandy. Thus in ancient times sandy soil, any area covered with sand, and certain sandy plains bore this name. This name is "kumak" which then became "kumak". In the opinion of the Kazakh people, the steppe adjoining the Irtysh, the territories situated in the upper reaches of the Rivers Ishim and Tobol, the south-east and south-west slopes of the Urals, and also the basins of the rivers Yaik and Emba were apparently considered to be the main sandy areas.

The word "kimak", which was originally a geographical concept, as a general name often also included the inhabitants of sandy areas and certain sandy districts simply in the sense of a person "living" in these areas, like such words as Ukrainian, Siberian etc. The word "kimak" is often found in the sources in this sense. For example, according to the Eastern authors, the Kipchaks are the western branch of the "kimaki", leading a nomadic life in the area of the River Irtysh. There is no doubt that the word "kimak" is used as a common noun here. Some historians, who do not know the real meaning of the word "kimak", take it in a one-sided way, and consider it an ethnic name, and this clearly incorrect view has come into literature and almost become a tradition.

"Guz" is a word which is a distortion of the word "kuz", which means, translated into Russian, lowland, valley, gorge, precipice, pit, depression; and in the wide sense of the word "kuz" is "lowering", in the direction from the surface of the earth, downwards, into the depths. The word "kuz" is often met in this sense in folklore, in ethnic songs, in fairy tales. Thus the word "kuz", as the word itself says, was originally a common noun, which in its time meant any hollow. And this word "kuz" (or "guz"), which was a geographical concept, also included the inhabitants – "kuzy" meaning people who live in valleys or lowlands, as opposed to highlands.

In the text we read that in the area of the "kimaki" there is a settlement called Dzhuni. "Dzhuni" is a distorted word; its correct form is "Dzhon" or "Zhon", which means intersection or cross-shaped (a plateau, high ground, a sloping surface). In the area of the Common Syrt there really is high ground, through which the River Samara, called in the text "Artush", i.e. Irtysh, passes.

In this text the Rivers Yaik and Emba are called Irtysh because they flow from those mountains, which in ancient times bore the name of "Ortys" (outer mountains).

The **Yaik**, called the "White Irtysh" in the text, springs from the peak "Ire-Mel" (correctly Oer-emen, i.e. oak mountain, mountain oak), situated to the south of the present town of Miass, which is just where the Ui – a tributary of the River Tobol, and Belaya [White] a tributary of the River Volga, spring. "Yaik" is what it is called by the Bashkirs, but the Kazakhs call it "Zhaipo", which means free space, freedom, in the sense of an extensive area of pasture. The

Kazakhs add the epithet "Ak" (white) to the name of this river, and call it Ak-Zhayik, i.e. White Zhayik; apparently referring to the fact that it originates from snowy mountains. Ak-Zhayik is often mentioned in epic songs. For example the following phrase is often found «Ақ Жайық жағалай біткен бидайы?», – i.e Ak-Zhalyk, along the banks of which the rye-grass grows luxuriantly.

The Emba is called the "Black Irtysh" in the text. The word "black" has been incorrectly added to the name of the Emba. This mistake probably arose because, instead of the words "Kyr Irtysh", meaning "Mountain Irtysh" in Russian, the words "Kara Irtysh", meaning "Black Irtysh", were translated into Russian. The Kazakhs call the Emba "Zhem", which means food for animals, in the sense of "plentiful grazing". The Emba, i.e. the Zhem, springs from the Mugodzhar Mountains, which are free from snow and ice in summer, and therefore the River Emba has full waters only during the high water period, but by the end of summer its waters run low.

In the text it also says that "the water in the Artush is black". There is a mistake here: here the word "black" does not correspond to reality, the translation is incorrect. Instead of the word "karsu" (i.e. water from thawed snow), a different word, "kara-su" (black water) has been translated into Russian, which is why we get "black water". About the same water of the Artush it says that it is "fresh". This is quite understandable, as the River **Samara**, called "Artush" in the text, is fed by the snows and glaciers, and so the water in it should be fresh.

We have thus explained the etymology of the word "Irtysh" and other toponymic names, related to the word "Irtysh", and established their real meaning, as a result of which we are able to draw certain conclusions on what has been said.

Vocabulary of toponyms:

Araxes –
Aral –
Artush –
Atil –
Berchugur –
Guz (Kuz) –
Dzhuni –
Irgiz –
Irtysh –
Kimak –
Kipchak –
Oral –
Ural –
Samara –
Emba –
Yaik –
Syrt –
Tys –

* * *

Некоторые сведения о местах обитания казахов в древности (1952 г.)

Многие черты, характерные для современных нам языков, в том числе для казахского, возникли и существовали еще в древнейшую эпоху их развития. Отражая накопленный веками опыт народа, отдельные слова, а тем более поговорки и пословицы, могут содержать в своей сущности сведения исторического характера. Любой термин того или иного языка возникает только в процессе человеческого развития и обозначает какое-либо явление общественной жизни или предмет материальной и духовной культуры. Знание глубоких корней возникновения отдельных слов, связанных с древней историей человеческого общества, позволит осветить ряд проблемных исторических вопросов.

В этом отношении особую ценность представляет казахский язык, который, благодаря кочевому образу жизни казахов, меньше подвергался влиянию извне и потому более сохранил некоторые архаичные элементы. В частности, в нем немало отдельных слов и выражений, имеющих историческую значимость.

В подтверждение сказанному, но вопреки установившейся среди историков традиции, в предлагаемой работе широко привлечены, наряду с другими, данные из области лексикографии, которые, как это будет оговорено в каждом отдельном случае, имеют какую-либо связь с определенными историческими событиями.

В обиходе казахов нередко можно услышать выражения:

"Ант ішу" – принять присягу.

"Ант беру" – дать присягу.

"Ант ұрсын!" – да сразит ант!

"Ант ұрған" – сраженный антом и т. д.

Во всех этих выражениях, имеющих мистический характер, встречается слово "ант". Разъяснений его значения мы не найдем ни в арабском, ни в персидском языках. Единственное место, где встречается это слово – это исторические источники до VII века, в которых сообщается об антах, восточнославянских племенах, живших в те времена на обширных пространствах от Карпатских гор до Северного Донца и от низовья Дуная до Таманского полуострова. Но каким образом термин "ант" попал в лексический словарь казахского языка? Вывод логичен: должно быть, казахи знали антов и имели с ними общение. Заклинание "Ант ұрсын!", "Ант ұрған!" – вероятней всего, отражает страх перед воинственными антами.

До сего времени сохранилась старинная казахская пословица:

Еніп кеттім еміске,
Қойным толды жеміске –

Ринулся в неизвестность –
насытился плодами.

В данном случае известный интерес представляет для нас слово "еміс", означающее понятие "неизвестный" или же "едва понятный", "едва слышимый". Этот термин созвучен и сходен по своему содержанию с русским словом "немец", т. е. немой, не говорящий. Если мы предположим единство в происхождении слов "еміс" и "немец", то мы неминуемо должны заключить, что казахи были знакомы и с племенами немецкого происхождения. Выражение "Еніп кеттім еміске, ?ойным толды жеміске", должно быть, зародилось в результате удачного набега кочевников на немецкие земли.

Важный исторический смысл содержит в себе крылатая фраза:

Барған жерің Балқан тау,
ол да біздің көрген тау –
Забирался на Балканские горы ты,
их также видели и мы.

Комментарии излишни, пословица сама по себе свидетельствует о познаниях древних казахов.

Уместным дополнением к вышеприведенным данным служит и выражение:

Қызыңды бер Қырымға,
Ұлыңды жібер Румға –
Дочь отдавай в Крым,
а сына отправляй в Рим.

Приведенные примеры с наглядной убедительностью говорят о широких связях казахов в древности с племенами и странами восточной части Европы.

Однако было бы поспешно выводить отсюда заключение о местопребывании древних казахов, ибо перед этим необходимо тщательно проанализировать наши фольклорные данные путем сопоставления их с более достоверными историческими материалами и другими сведениями.

Первоначальные известия о казахах, судя по историческим источникам, восходят к глубокой древности. Так, например, Н.Аристов, анализируя этнический состав казахской народности, утверждает, что многие входящие в нее племена, среди них канглы, уйсюни, дулаты и другие, были известны еще до нашей эры. Это же самое подтверждает и проф. Бернштам.

"Племена кангюй, уйсюнь (усунь), кыпчак, вошедшие впоследствии в состав казахского народа, – пишет он, – были представителя-

ми первых древних тюркоязычных племен... они назывались также казахами". На основании своих исследований он указывает, что "казахский народ сохранил в своей племенной среде следы влияний древних племен и народов"[1].

В настоящее время истинный характер приобретает мнение ряда историков, в частности востоковедов Левшина и Радлова, а также Гомбоца, утверждающих о раннем образовании термина "казах" и о связи его с другим словом – "хазар".

Это же потверждают и сведения из сочинений Константина Порфирородного, ставшего впоследствии византийским императором. В первой половине X века он побывал в древней Руси, собрав важные сведения о ее населении и соседних народах, которые впоследствии изложил в своих трудах, в частности в сочинении "О народах", или, по другому названию, "Об управлении империей".

В своих сочинениях Константин Порфирородный писал, что "выше Зихии лежит земля, называемая Папагией, а выше этой земли находится так называемая Касахия. Выше же Касахии расположены Кавказские горы, а за горами – земля Аланская"[2].

Отсюда явствует, что Касахией назывались не земли современного Казахстана, а территория, расположенная к северу от Кавказа, Приазовье, т. е. южные области Хазарского царства.

О существовании "казахского народа" и "казахского хана" в свое время (х в.) сообщал и Фирдоуси.

Первые сообщения о казахском народе мы находим и в древних летописных материалах. Уже Никоновская летопись отмечает, что монголы при нашествии 1223 года, прежде чем разбить кипчаков и южнорусских князей, разгромили казахов. Нам известно, что монголы напали на кипчаков и южнорусских князей с юга, со стороны Кавказа. Следовательно, мы должны предположить, что в период монгольского нашествия казахи жили в причерноморских степях.

Характеризуя эти места, митрополит Пимен писал: "Донской край в своих верховьях представлял бесплодную пустыню, где бродили казахи, называвшиеся ордынскими, иногда азовскими или татарскими. Казахи эти в течение 150 лет, начиная с 1400 года, славились разбоями и грабежами. Они брали дань с Азова".

Из древних же исторических записей мы узнаем, что крымские татары, переселившиеся в 1397 году в Литву, называли себя казахами.

---

[1] *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза южного Казахстана. Известия АН КазССР, 1950 г., N67.

[2] Из Известий византийских писателей о Северном Причерноморье. Известия Государственной академии истории материальной культуры (АИМК), 1930 г., вып. 91, стр. 21.

Это означает, что казахи жили и в Крыму. Такой вывод подсказывает также выдержка из легенды Чора, приводимая Радловым: "Чора отказался остаться в Крыму и желает сделаться "казак" и ехать в Казань (қазақ болуп Казанға чығаим!").[1]

Мотивировку Чоры "казак болуп Казанға чығаим" Радлов высказывает в извращенном переводе – ее следует понимать как утверждение: "являясь казахом, поеду в Казань". О том, что Чора являлся казахом, говорит и тот факт, что его отец, Нарик, принадлежал к роду тама, относящемуся к младшему из казахских жузов.

В XIV–XV веках русские князья широко привлекали казахов на военную службу. Так, великий князь Василий Темный нанимал татарских казахов для борьбы с Крымом, как людей, знающих эту землю. В походе московского князя Ивана III на Новгород, состоявшемся в 1471 году, участвовал и касимовский султан вместе со своими подданными – казахами.

Используя подобные факты, некоторые историки приходят к выводу, что первоначально казахами называлась не народность, а воины. Так, кандидат исторических наук Х.Адильгереев, приводя выдержку из грамоты крымского хана Менли Гирея к Ивану III от 1474 г. "Мне твоей земли не завоевать, ни моим уланам, ни князьям, ни казахам", делает весьма опрометчивое заключение, что "в XV веке казахами назывались простые воины в отличие от дворянских воинов – уланов и князей".[2]

Мы должны несколько отвлечься от основного изложения для критической оценки такого заключения, ибо оно воспринимается в качестве отрицания казахов как аборигенов Причерноморских степей и категорически отрицает древность происхождения термина "казах" как этнического названия, – словом, и то и другое противоречит исторической действительности.

Верно ли понятие, что Менли Гирей, называя уланов, князей и казахов, приводил все это для подразделения воинов? Конечно, нет. Отрицание вытекает из двойственности в понимании этих терминов. Уланы и князья в обычных условиях воспринимаются как представители привилегированного класса, а казахи – как подвластная им народность. В боевой обстановке первые являлись руководящими воинами, а вторые пополняли из своей среды массу рядового войска. Разумеется, термины "улан", а в особенности "князь" и "казахи" упот-

[1] *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий, 1899 г., т. II, стр. 364).

[2] *Адильгереев Х.* К истории образования казахских жузов. Вестник АН КазССР, 1951 г., N 1, стр. 94.

ребляются в подавляющем числе случаев как обычные социальные названия. Этого и не учел Адильгереев.

Таким образом, отрывок из грамоты Менли Гирея вновь свидетельствует о том, что в Крыму было и казахское население.

О существовании казахских родов в Крыму и Причерноморье мы узнаем в исторических источниках более позднего времени. Вот что пишет об этом историк А. Новосельский: "Карачи" или "карачеи" "в узком значении – главы (бии, князья) знатнейших крымских родов: Ширин, Барын, Аргын, Кипчак, Мангыт (Мансур), Седжеут. В более широком смысле назывались вообще "ближние" люди крымского хана". Новосельский утверждает также, что "карачи" (Ширин, Барын и др.) были и в Казани, и в Большой Ногаевской орде, и в Касимовке.

В XVII веке в годы правления в Крыму Магмет Гирея и Шигин Гирея русское правительство внимательно следило за обстановкой в подвластных России ногайских ордах, сурово карая всякие выступления против русских. Для этого периода характерно мероприятие, приводимое Новосельским: "В Астрахань были вызваны мурзы для расспросов, нет ли среди мурз "шалости". Мурзы отрицали "шалости" в своей среде, но указывали, что они не властны над своими улусными людьми, особенно над людьми "большого родства" найманского и кипчакского (подчеркнуто мною – Б. А.).[1]

Из приведенных выше отрывков видно, что казахские роды аргын, кипчак, найман и другие еще в XVII веке частью кочевали в Причерноморье и Крыму.

Кстати, насчет кипчакского рода. Если принять во внимание, что кипчаки те же половцы, то ясно, что древние казахи еще в XI–XII веках жили в Причерноморских и Приазовских степях – на территории Касахии, указанной Константином Порфирородным.

Многочисленные сведения о половецкой земле даются в русских летописных материалах, но приводить их в данной работе нет надобности.[2]

К XV веку в ходе исторического развития политическая обстановка в Восточной Европе сильно изменяется. Русские княжества, объединившись в одно национальное государство, не только сбрасывают с себя многовековое иго золотоордынских ханов, но уже к этому времени ведут наступления на их разрозненные владения.

Решительное продвижение русских на юг сопровождается усилением перенаселенности Причерноморских степей – колыбели древних

---

[1] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, стр. 21, 146.

[2] В Ипатьевской и других летописях, а также в Слове о полку Игореве.

кочевых народов. Оба эти фактора вызывают постоянно увеличивающийся отлив татарских казахов на новые земли.

Разумеется, уход части кочевников ослабил политическую силу оставшихся, что, в свою очередь, облегчило колонизацию русскими южных степей. Вот что пишет по этому поводу исследователь русского казачества Стариков: "Надо полагать, что при первом появлении донских казаков в верховьях или средних частях Дона казахи настолько были слабы, что должны были уступить права свои и имя свое "казак" донцам. После этого об ордынских казахах нет никаких сведений, они как бы исчезли с лица земли". В подтверждение своего вывода Стариков пишет: "Последний же (подчеркнуто мною. – Б. А.) из предводителей ордынских казахов, по имени Сарызман, нападавший на Азов и собравший с него дань, уже назывался подданным царя Ивана Васильевича Грозного".

Конечно, предположение Старикова об исчезновении казахов "с лица земли" слишком поспешно, но оно примечательно тем, что своим возникновением характеризует и обязано факту, что литературные источники не могли в желаемых количествах и формах отобразить необходимые нам сведения, потому что, во-первых, процесс завоевания русскими казаками Причерноморья произошел в относительно короткий исторический срок, во-вторых, татарские казахи, потеряв свою былую политическую роль в Причерноморье, уже не вызывали прежнего интереса у авторов этих источников. Сарызман не был последним по счету главой ордынских казахов и после него казахи не могли "исчезнуть с лица земли", ибо они, как утверждает сам же Стариков, находились в подданстве и, следовательно, под защитой русского государства.

По сообщению Гродекова, в грамоте Абуллатыпа князю Василию Ивановичу от 1508 года говорится о свободном уходе из Казани лиц, принадлежащих родам Аргын и Кипчак. Речь, должно быть, идет о местном и незначительном факте – в грамоте сообщается о добровольном, но не принудительном переселении лиц аргынских и кипчакских родов из Казани. Следовательно, определенная часть аргынов и кипчаков, т.е. тех же казахов, должна была оставаться в названном городе.

В это же время представители указанных родов, как утверждает Гродеков, имелись также и в Крыму.

Можно с уверенностью предполагать, что и после падения Казани и Астрахани казахи не полностью покинули эти земли. Вероятно даже, что оставшаяся часть их пользовалась определенной свободой и неприкосновенностью как подданные русского государства. Доказательством этому служит сам факт существования в непосредственной близости к Москве касимовского ханства, некоторую роль в котором,

видимо, играли известные нам казахские роды аргынов, кипчаков, жалайыров и других.

"У автора "Сборника летописей", – пишет историк Шишкин, – при описании воцарения в Касимове Ураз Мухамеда (1600 г. – мое примечание – Б. А.) поименованы четыре бека из родов "аргын", "кипчак", "жалайыр" и "мангыт". Первые два бека, "аргын" и "кипчак", садились во время торжественного заседания по левую сторону царского престола, которая почиталась более почетной, чем правая, а вторые, т.е. жалайыр и мангыт, по правую".

Но, конечно, в подданстве у русского государства могла остаться только часть кочевников. Основная масса их по политическим обстоятельствам, а также с переселением русских казахов в степи Причерноморья и Приазовья должна была уйти на новые земли. Единственное, куда могли удалиться кочевники, – это степные просторы Казахстана и небольшой части Средней Азии. Только на этих землях могло свободно устроиться и развиваться громоздкое кочевое хозяйство казахов. И, действительно, переселенцы легко приспосабливались к новым местам.

"Недалеко от моря Каспийского, на север, живут в степях татары-казаки... грабят купцов московских на пути в Китай и обратно. Сих казаков не надобно смешивать с казаками донскими и днепровскими".[1]

Эта выдержка, заимствованная Левшиным из произведения турецкого географа Кятиба Челеби "Зеркало мира", должно быть, характеризует первоначальный этап заселения кочевниками казахстанских степей. Но что бы ни было, она подтверждает факт перекочевки казахов на новые степные пространства. Сообщение о дальнейших передвижениях кочевников мы находим у того же Гродекова. "Кипчаки, – пишет этот историк, – от внутренних смут и русских побед над казанским и Астраханским ханствами постепенно откочевывали к Хорезму".

Все возрастающий прилив ордынских казахов на территорию Казахстана и Средней Азии сопровождался борьбой между ними и местным населением, которая особенно усилилась в XVII столетии, в период войн казахов с Бухарой за Туркестан и Ташкент и против джунгар. Разумеется, нет надобности рассматривать этот период истории казахов, ибо это не входит и даже отвлекает нас от задач нашей темы.

Записывая строки данной работы, приходится сожалеть о неизведанности более подробных и полных литературных сведений, касающихся местопребывания казахов в древности. В обстановке такого

---

[1] *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832 г.

положения с историческими источниками особую ценность для нас имеет область топонимики.

Изучение топонимики дает очень ценный материал для истории экономических, общественных отношений, исторической этнографии, миграции племен и общественных групп, истории языка, особенно эпохи дописьменных памятников. Изучение топонимики оказывает также большую помощь при разрешении многих вопросов из области истории, археологии, этнографии, лингвистики, литературы, форм хозяйствования населения, не говоря уже о том, какую роль она играет в познании особенностей природы того или иного края.

Несмотря на огромную важность топонимики, у нас в настоящее время на ее изучение не обращается должного внимания. Топонимика – забытая область работы историков. Они в своих изысканиях, можно сказать, вовсе не интересуются происхождением названий стран, отдельных областей, рек, гор, населенных пунктов и т. д.

Археологи, увлекаясь материальной культурой подземелья, зачастую забывают о наземных памятниках старины, к числу которых относятся и топонимические названия. Филологи недостаточно занимаются установлением значений отдельных уникальных терминов и выражений, являющихся ценным достоянием древней истории казахского народа.

Географическая среда – степные просторы, горные массивы, долины рек, естественные различного рода укрытия – являлась необходимым условием существования древнейших народов. Она доставляла населению необходимые средства к пропитанию как для людей, так и для скота и по возможности защищала их от непогоды и различных врагов.

Но ясно, что древние народы, активно приспосабливаясь к географической среде, должны были оставить какие-либо следы своей жизни. Они могли оставить их в виде различных географических названий, многочисленных курганов, остатков поселений и т. д.

При этом следует учесть, что, во-первых, обычно географические термины, названия той или иной местности даются ее первыми обитателями, народом, и что, во-вторых, название местности, однажды данное ей на каком-либо языке, отражая элементы особенности этой местности, сохраняется навечно, как бы являясь зеркалом, словесным памятником далекого прошлого.

Тюркские народы – одни из древнейших. Ведя кочевой образ жизни и передвигаясь при этом на далекие расстояния, они могли оставить свои названия во многих местах.

Названий тюркского происхождения особенно много на юге Европейской части СССР, в Причерноморских и Приазовских степях и в Крыму. Но надо отметить, что некоторые ученые, не знавшие особенностей тюркских языков и в то же время пренебрегавшие терми-

нами на языке местного населения, незаконно приписывали тюркские названия грекам или же считали эти термины иррациональными, иначе, непереводимыми. Вероятно, ошибки ученых прошлого в основном исходят из того, что они в своих исследованиях не учли историческую преемственность и последовательную смену аборигенного населения южных степей.

В доказательство сказанного можно привести группу топонимических наименований, вошедших в казахский язык и архаичных по своей семантике, морфологии и фонетике. Эти названия до сего времени сохранили свою значимость и бытуют среди казахов в первоначальном их произношении и значении.

Некоторые из древнейших топонимических названий, должно быть, возникли во времена существования киммерийцев – первых известных нам обитателей северного Причерноморья. Так, Геродот, для которого период, связанный с киммерийцами, был далеким прошлым, сообщает, что в его время пролив, отделявший побережье восточного Крыма от побережья Таманского полуострова, назывался Боспором Киммерийским".[1]

Топонимическое название – "Боспор Киммерийский", вероятно, тюркского происхождения, ибо легко объяснимо на казахском языке. Слово "Боспор" или "бос бор" означает понятие "рыхлый мел". И, действительно, Крымские горы, состоящие на востоке из двух параллельных гряд – Яйлы и Меловой,– в основном сложены из известняков. "Вершинная поверхность Яйлы – как утверждает известный географ Берг – сложена из светлых, плотных, иногда мраморовидных верхнегорских известняков, слагающих отвесные обрывы, обращенные к морю... Трещиноватость горных известняков Яйлы влечет за собою образование обвалов... Нередки на южном берегу беспорядочно нагроможденные обломки обвалившихся глыб известняков (так называемые хаосы)".[2]

Вторая часть топонимического названия – слово "киммерийский",– разумеется, связано с названием самих киммерийцев. И потому нам следует объяснить это этническое название.

Историк Каллистов на основании своих исследований делает предположение, что современный Керченский полуостров был главным местопребыванием древних киммерийцев.[3]

Если этническое название "киммерийцы" имеет тюркское происхождение, то оно образовано от слова "кимер", что значит яр, обрыв,

---

[1] *Каллистов Д.* Северное Причерноморье в античную эпоху. 1952 г., стр. 19.
[2] *Берг Л.* Природа СССР. М., 1937 г.
[3] *Каллистов Д.* Северное Причерноморье в античную эпоху. 1952 г., стр. 19.

крутой берег, следовательно, киммерийцы – это жители крутых прибережий или же сильно пересеченной местности с массовыми сбросами. Такое определение, как видно из сообщения Берга, вполне приемлемо к обитателям Керченского полуострова и Крыма.

Слово "кимер" часто встречается в других топонимических наименованиях. Так, например, "Аккимер" – белый яр, "Каракимер" – черный яр и т. д.

Не исключено и этимологическое значение термина Керчь, возникшего также в далекие времена. Этот термин – видоизменение от слов "кіріс" – вхождение, "кіру" – входить или "кірші" – войди-ка. На Керченский полуостров, должно быть, распространилось название одноименного пролива – действительного и единственного входа в Азовское море.

Существует предположение, что потомками древних киммерийцев явилось население горного Крыма, известное античным писателям под именем тавров. "От их имени, – пишет тот же Каллистов, – и соответствующая часть Крымского полуострова стала называться "Тавридой".[1]

Такое объяснение топонимического названия "Таврида" не только неполное, но и неверное. Тем не менее слово "Таврида" легко объяснимо на любом из тюркских языков. Таврида – это испорченное тюркское слово "тау реді", "тау реті" – горные гряды, цепи гор. Отсюда, от географического названия "Таврида", было образовано этническое название "тавры", но не наоборот. Таким образом, таврами, в отличие от киммерийцев, назывались жители гористой местности. И тавры, и киммерийцы могли быть родственными именами. Аналогичные наименования древних племен мы встречаем и у славян, как, например, те же "поляне" – жители полей, "древляне" – жители лесов и тому подобное.

Далее, по рельефу Крымский полуостров является в общем горной страной. На западе его прорезают три горные гряды, на востоке – две. Рельеф Крыма и послужил основой для его географического названия. Слово "Крым" образовано от тюркского "Кырым", что означает "горная цепь" или просто "горы". Подобных словообразований в казахском и других родственных с ним языках немало.

В качестве примера можно привести слова "жылым" – полынья, "ырым" – поверье или обряд, "жырым" и другие. Крымские горы представляют собой хорошие пастбища, на что указывает название одной из них, Яйла (по-татарски значит – пастбища). Еще в древние времена в "Илиаде" упоминается о населении северного Причерноморья, как о "доителях кобылиц, млекоедах". Вполне вероятно, что и

[1] Там же, стр. 19–20.

топонимическое наименование "Яйла" возникло у древнейших кочевников, "млекоедов".

Название Азовского моря только на тюркских языках воспринимается с определенной этимологией. "Азовское море" – это или "Азау деніз" – малое море, или "Аза? деніз" – последнее море.

И то, и другое значение вполне обосновано.

Географические термины "Черное море" – "?ара деніз" сами по себе не говорят о принадлежности их к определенному языку, но, тем не менее, принцип образования этого названия, по которому выстраивается предметное восприятие Черного моря, дает нам повод проводить некоторое сходство между ним и другими, приведенными выше, тюркскими названиями Причерноморья.

К.Кудряшов, касаясь исторической географии Причерноморских степей, приводил следующие сообщения Кедрина: "Казары, овладев Тавридою, желали иметь "Саркел" для защиты от печенегов". Подобное стремление хазар, видимо, объясняется тем, что названный Саркел и начинавшиеся от него рвы могли служить им хорошим укреплением и защитой от внешнего вторжения.

О термине "Саркел" упоминается и в "Путешествии Пимена по Дону" (1389). "18 мая, – пишется в нем, – суда Пимена достигли Саркела", а уже "... 20 мая спутники Пимена миновали Бекбулатов улус", где "стада же татарские видехом только множество, яко же ум превосходящ: овцы, козы, волы, верблюды, кони".[1]

Из сопоставления приведенных выше выдержек можно сделать вывод, что топонимическое название "Саркел" существовало на протяжении многих веков, со времени хазар и по период татарского владычества в Причерноморье.

Над разъяснением данного термина трудились многие, но безуспешно. Если в летописных материалах слово "Саркел" было переведено, как "Белая вежа", то в современной литературе оно переводится "Белым домом". Объяснения этого термина ошибочны. Наименование "Саркел" так же, как и другие встречающиеся в "Путешествии" термины – Бекбулатов улус, Сарыхозин улус, а также названия рек Бузулук, Тобол, Савал, встречающиеся в Причерноморье, вполне идентичны с казахскими понятиями. "Саркел" может быть искаженным "Сары коль", что значит "желтый лиман", "желтое озеро", или же "Саркыл" – "иссякнуть", или "узкое, перетянутое место реки". В данном случае мы не ставим целью установление точного значения слова "Саркел", но одно несомненно: термин Саркел, как географический термин, возник у древних тюрков, быть может, до хазар.

---

[1] *Кудряшов К.* Половецкая степь. 1948 г., стр. 39, 26.

Значительный интерес для нас представляют названия крупнейших рек Причерноморья – Дона, Днепра и Днестра. На первый взгляд, они кажутся иррациональными терминами. Но нет. Они имеют определенный смысл. Дон – это видоизмененное тюркское слово "Дөң", что значит "возвышенное место, возвышенность". В осмысленном восприятии Дон "это река, стекающая с возвышенности". Название Днепра в старину произносилось как "Донапир" – по-тюркски "Дөңі бір", что означает – река, начинающаяся с одного или с одинокого плоскогорья, возвышенности. Так же, как и первые два наименования, название Днестр – тюркского происхождения. "Днестр" – "Дөңестер", что значит "холмы". В осмысленном значении: "река, протекающая среди холмов".

Среди тюркских терминов, встречающихся в средней и южной полосе европейской части СССР, наиболее распространено слово "курган", означающее понятие "защищать", "защита", "ограда". "Курган" образован от "қору" – "защищать". Курганом называют надмогильную, защитную насыпь из камней и земли. Насколько древен этот термин, можно судить по тому, что обычай насыпать курганы над могилами возник еще в каменном веке. Курганы могут быть и сторожевые – высокие земляные насыпи, на которых в старину на границах государства ставились часовые.

Другой термин – "кура" – загон, огражденная, замкнутая местность. Этому термину идентичны названия реки Куры и города Курска.

Своеобразный интерес представляет и наименование реки Туры – притока Припяти. Оно связано с названием туры кипчаков, т. е. племени, видимо, жившего в период половцев в Днепровской долине.

Термин "кадак" – шест, кол, воткнутый в землю, – также известен в Причерноморских степях.

Многие топонимические названия, характерные для южных степей Европейской части СССР, встречаются и на территории Казахстана, и на соседних с ним землях.

Так, реки бассейна Западного Бута – Нура, Нурец, Нурчик и многочисленные пункты этой местности – назывались "Нурской землей".

Река Нура встречается на территории нашей республики. "Каркаралинский округ, – пишет Ч.Валиханов, – имеет все условия, требуемые скотоводам: летние кочевки по Нуре и Баканасу и удобные зимовки в лесистых горах Кент и Казулык и камышистых прибрежьях Балхаша".[1]

[1] *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. СПб., 1904 г., стр. 324.

Тождественность названий "Нура" в Причерноморье и "Нура" в пределах Казахстана нельзя считать случайным совпадением, ибо подобные факты, как это будет видно ниже, не единичны – все они в той или иной степени отражают связь Казахстана с Причерноморьем.

Название левого притока Днепра – Орель есть видоизменение от Орал или Урал – кружить, огибать. Такое название также встречается в Казахстане и на территории, смежной с ним. Так, например, Уральские горы, река Урал и озеро Аральское.

Далее в Причерноморье мы знаем реку Туру – приток Припяти, впадающую в Днепр, и реку Тобол, несущую свои воды в Дон. Одинаковые названия рек мы находим в Казахстане. Но здесь эти реки образуют единую систему: река Тура впадает в Тобол.

То же самое явление мы наблюдаем и с названием рек Самара и Бузулук. В Причерноморье Самара – приток Днепра, а Бузулук – приток Хопра. Недалеко от Оренбурга мы находим другую реку Бузулук, впадающую в Самару, но уже в левый приток Волги.

Здесь также следует отметить, что сами названия "Бузулук" и "Самара" – тюркского происхождения. "Бузулук" или "Бузук", т. е. "испорченный", как бы определяет характерную особенность реки или долины, окружающей ее местности. "Самара" означает "корыто" или "корытообразное", или "снопоподобный".

Среди топонимических названий Причерноморских степей встречаются термины "раздоры", "спор". Тождественные этим словам понятия мы находим на территории Казахстана. Так, например, термин "Талас" употребляется как название реки одной из областей Киргизии.

Своеобразную ценность представляет для нас и давно забытое топонимическое название "Танаис". Им в глубокую древность, по греческим источникам, называлась река Дон. С другой стороны, "Танаис" – это старинное название другой реки – Сырдарьи.

Анализ приведенных топонимических данных наталкивает нас на вопрос, откуда переносились наименования: с востока на запад или, наоборот, с запада на восток.

Будет обоснованным предполагать только последнее, т.е. то, что географические наименования переносились с Причерноморских и Приазовских земель на территорию Казахстана и другие местности.

Общеизвестно, что названные приморские земли издавна служили колыбелью населявших их кочевников. Эта местность, занимая выгодное географическое положение, изобиловала кормами и была хорошо защищена от внешних нападений. Таким образом, с первобытных дней до периода так называемого переселения народов кочевники южных степей имели относительно благоприятные условия для развития культуры и хозяйства. В связи с этим здесь быстрее, чем

где-либо, проходил рост населения, складывались политические союзы кочевников и возрастала их политическая сила. Но с ростом населения возникало и затруднение в добывании средств к существованию. Часть населения должна была периодически уходить на другие места, удобные для ведения скотоводческого хозяйства, вытесняя оттуда разрозненные племена аборигенных жителей.

На новых землях пришельцы распространяли известные им доселе топонимические наименования. Таким образом, названия различных рек Причерноморья – "Бузулук" и "Самара" – были перенесены для обозначения одной водной системы, находящейся в Поволжье, а "Тура" и "Тобол" – для обозначения другой водной системы, расположенной уже в Казахстане. Перенесение топонимических слов "Бузулук", "Самара", "Тура", "Тобол" и других на новые земли было связано с тем периодом человеческого развития, когда варварские племена одной группы языков, обладая бедным словарем, не могли изучать, а следовательно, и знать языки других не родственных с ними племен. Отсюда, не зная местных географических названий, завоеватели давали важным географическим пунктам, как, например, рекам, новые или ранее известные им наименования.

Только с дальнейшим культурным ростом человечества, когда у людей появляется потребность в торговых и других сношениях друг с другом и возникает интерес к изучению иноземных языков, создается возможность расширения словарного фонда одного языка первоначально и главным образом за счет собственных имен и различных топонимических терминов из других языков. С этого времени топонимические названия и принимают особенную устойчивость, так что многие из них, в частности приведенные нами, сохранились до сих пор.

Итак, заканчивая наше изложение, следует отметить, что исторические источники, данные лексикографии, фольклора и топонимики указывают нам на новый исторический факт пребывания казахов в древности в черноморских и приазовских землях.

Новые данные опровергают изыскания ряда историков, датирующих начало древнего периода истории казахов XV веком. При такой интерпретации исторических вопросов мы, разумеется, не могли бы устранить разрыва, белого пятна между названными столетиями и еще более ранним периодом истории казахского народа. Рано или поздно мы столкнулись бы с необходимостью пересмотра древней истории Казахстана.

Критические заметки по вопросу о происхождении наименования казахов (1952 г.)

История казахского народа, особенно ее древний период, изучена еще недостаточно, не уточнены основные этапы истории народа с древнейших времен до наших дней. Все еще проблемным, неразрешенным остается вопрос о том, как и при каких исторических условиях сложились казахский народ и его название. Целью данного труда как раз и является обозрение некоторых итогов работы, посвященной решению вопроса о происхождении термина "казах".

Исследование истории казахского народа и его отдельных проблем должно проводиться однжвременно с изучением истории казахского языка. Значение казахского языка в исследовании истории его носителя приобретает особую важность в том отношении, что в нем до сих пор сохраняются первоначальные формы словообразования. Благодаря этому в казахском языке мы находим много слов, в этимологии которых заключены важные исторические данные о древней жизни. Изучая их, мы сможем не только выяснить многие проблемные вопросы, но и проверить, и, возможно, расширить уже разработанные нами разделы истории.

Вопрос о происхождении наименования казахов уже давно приковывает к себе внимание научного мира, изучением его занимались многие историки. Однако он до сих пор остается неразрешенным – в своих выводах историки не пришли к единому мнению, их взгляды не только разноречивы, но и опровергаются одни другими.

Некоторые из историков считают слово "казах" древним этническим названием казахского народа, другие полагают, что оно возникло на основе старых мифических представлений, третьи высказывают мнение, что термин "казах" образован слиянием слов "кас" и "сак", четвертые кладут в основу образования названия "казах" сословный и даже династический принцип, утверждая, что оно означает "беглеца", "вольного человека, отложившегося от своей общины или государства"; пятые приписывают этому слову арабское происхождение. Были даже и такие ученые, которые считали, что название казахского народа является плодом измышления и поэтому не заслуживает труда для разъяснения.

Спрашивается, какая же из этих теорий верна и заслуживает внимания? Попытаемся по возможности рассмотреть ряд высказываний историков по этому вопросу.

О происхождении термина "казах" первым высказался историк Фишер. "Можно бы было, – писал он, – произвести его (слово "казах". – Б.А.) от арабского слова "гази", что значит военного человека,

который сражается за веру и законы и против неприятелей веры. Первые времена, как магометанская вера вышла, сарацины воевали против христиан и против идолопоклонников – назывались все – "гази".[1]

Подобное мнение, заимственное Фишером у Абулгази, является выражением идеи служителей культа. Понятно, что Фишер переоценил значение и достоверность этого мнения. В самом деле, если все, кто воевал за веру "против христиан и против идолопоклонников, назывались "гази", то почему тогда только один народ из всех мусульман стал называться казахским?

Первоначальным обзорным трудом по истории Казахстана явилась книга "Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей", написанная в 1832 г. Левшиным. Подытожив весь имеющийся в своем распоряжении материал, этот ученый по вопросу о происхождении слова "казах" пишет: "... тщетно трудились те, которые производили оное (т. е. казак) от "козы" от "козьих шкур", от "кипчака", от "косы" днепровской", от "словенского полководца "казака", "хазар" и т. д. Впрочем несостоятельность сих мнений и без этого признана".[2]

Левшин правильно подчеркивает, что "тщетно трудились" те, кто искал источник образования термина "казах" там, где его и искать не следовало.

Однако и сам он не разрешает вопроса и даже доходит до крайности, отрицая всякую значимость этого термина. Он заявляет, что слово "казах", как "собственное имя, не подлежит ни переводам, ни этимологическим спорам". Но такое утверждение в корне неверно, ибо всякое собственное имя, данное на языке его носителя, всегда переводится и объясняется. Таких примеров можно привести много. Например, собственные имена: Черное море, Азов, Крым, Таврида, Дон, Кривичи, Древляне, Кипчак, Светлана, Петров, Холмогоров, Сарсембаев, Жылкыбаев и многие другие – легко переводятся и объясняются.

Ошибка Левшина, чем бы она ни объяснялась, не могла быть исправлена в свое время, так как она отвечала колонизаторским устремлениям правящих классов.

В свою очередь, Левшин соглашается с мнением "большей части русских писателей" в том, что "первые казахи произошли или составились у татар, что у них же родилось название – "казах" и от них перешло ко всем отраслям прежде бывших и ныне существующих казахов". Это утверждение также опровергается фактами. Истории

---

[1] *Фишер И.Е.* Сибирская история. СПб., 1774 г., стр. 61.

[2] *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832 г., ч.II, стр. 39-41.\

известно, что появление казахов предшествовало появлению татар, и, следовательно, казахи не могли произойти от татар и название "казах" не могло родиться у татар. Нельзя сказать, что Левшин не знает о существовании казахов в древности, но, зная о них, делает неверный вывод, что татарские казахи были подражателями и название их не татарское, а занятое у другого народа. По Левшину выходит, что "первоначально существовали одни казахи", и что "татарские казахи" явились лишь "подражателями", перенявшими у первых их название. Но здесь, однако, Левшин не рискует разбираться, что, собственно, представляли из себя исконные казахи, которым "подражали татарские казахи", и, ничем не обосновывая свое утверждение, приурочивает возникновение казахского народа к периоду татаро-монгольского нашествия или даже ко времени распада Золотой Орды.

Значительным трудом как по научной ценности, так и по богатству фактического материала является книга историка-ориенталиста Вельяминова-Зернова (1830—1904 гг.) "О касимовских царях и царевичах". В ней широко использованы факты материальной культуры, лингвистические данные и различные сведения из русских летописей, произведений русских авторов и восточной литературы.

По поводу термина "казах" Вельяминов-Зернов не дает разъяснений, но приводит как факт, что слово "кайсак" есть испорченное имя "казах", которого древность, как уверяют восточные писатели, восходит далее Рождества Христова, что название "казах" принадлежит киргиз-кайсакским ордам с начала существования и что они доныне иначе не называют себя, как казахами. Под сим же именем известны они персиянам, бухарцам, хивинцам и прочим народам Азии. Китайцы, смягчая начальную букву "к", говорят "хасаки". До XVIII столетия и в России не знали киргиз-кайсаков, но именовали их казахами, казачьей ордой. Орда киргиз-кайсаков называется в делах ногайских, обыкновенно, ордою. То же видно и из летописей.

Подобный вывод Вельяминова-Зернова отражает более или менее действительное положение вещей. Во всяком случае в настоящее время мы не имеем оснований и фактических материалов, опровергающих это положение историка-ориенталиста.

Среди научного мира широко распространено мнение, что казахи – это "люди, отколовшиеся от своего племени". Возникновением его мы обязаны академику Радлову, который писал, что "казахом тогда называли человека, отделившегося от своего рода и племени, в том числе и члена династии, потерпевшего неудачу в борьбе за престол, но... пользовавшегося каждым случаем для нападения на своих счастливых соперников". Вслед за Радловым ту же самую мысль о термине "казах" повторяет и академик Бартольд. "В эпоху монголо-татарских

уделов XII–XIV вв., – пишет он, – с которой исторически связаны образование нового кочевого турецкого государства на основе родового строя и возникновение нового тюркоязычного народа "казах" в тюркоязычной среде, слово "казах" существовало как социальный термин: "человек, отделившийся от своего государства, племени и рода и принужденный вести жизнь искателя приключений". Эти высказывания свидетельствуют об ошибочной тенденции Радлова и Бартольда искать разгадку того или иного исторического события не в экономике и политическом устройстве общества, а в действиях или даже в психологии отдельных лиц.

Для подробного анализа воспользуемся высказыванием Радлова, ибо в нем дается более конкретное и широкое определение.

Мы не можем согласиться с его мнением, что "казахами тогда называли человека, отделившегося от своего рода и племени...", по двум причинам: во-первых, не знаем обстоятельств, которые способствовали бы отделению от общины, "рода" или "племени" большой социальной группы, способной вырасти до народности. В истории мы не имеем сообщений об этом. Во-вторых, согласимся, что от общины отделилась незначительная часть кочевников. Тогда мы должны признать, что эта общественная группа не могла бы разрастись до народа, потому что она должна была раствориться в массе других кочевых народов.

Во второй части выдержки утверждается, что казахом также называли и "члена династии, потерпевшего неудачу в борьбе за престол, но не отказавшегося от своих прав и во главе шайки приверженцев пользовавшегося каждым случаем для нападения на своих счастливых соперников".

Надо полагать, что Радлов в основу этого утверждения берет сообщение моголистанского историка Мухаммед Хайдара о том, что в 1456–1457 гг., "когда Абульхаир-хан владычествовал в Дашт-и-Кипчаке, султанам джучидским приходилось от него очень плохо, и двое из них, Джаныбек-хан и Гирей-хан, бежали в Моголистан. Иса-Буга хан принял беглецов хорошо и отвел им ... землю. Там они зажили спокойно". Мы должны выдвинуть именно такое предположение об обосновании радловской теории, ибо в указанный период в истории казахского народа не было другого крупного бегства султанов – "членов династии", во всяком случае, об этом нет сообщений в исторических источниках.

Используя сообщение Мухаммед Хайдара, Радлов неправильно (как фактически, так и теоретически) связывает образование казахского народа с бегством Джанибека и Гирея.

Мы не можем признать верным мнение Радлова, потому что оно не имеет фактического обоснования. Во-первых, Джанибек и Гирей

одновременно назывались и казахами, и узбеками. Следовательно, надо еще установить, кем они были в действительности, узбеками или казахами. Во-вторых, мысль, что они могли создать особое ханство, является неоправданной гипотезой, потому что как Джанибек, так и Гирей являлись незначительными феодалами и не могли объединить кочевников в одно казахское ханство.

Мнение Радлова опровержимо и теоретически. Этот историк допускает глубокую ошибку, когда образование казахского государства и казахского народа связывает со случайными внешними факторами, а именно с бегством султанов и "теплым приемом", "благодеянием", "гостеприимством" моголистанского хана. Выходит, если бы не произошло бегства Джанибека и Гирея и не было "теплого приема" к ним со стороны моголистанского хана, то не образовалось бы ни казахского государства, ни казахской народности.

Даже допустим мысль, что происхождение казахского народа и его государства связано с именем "члена династии", то почему же в таком случае казахи не стали называться по имени этих султанов "джанибеками" или "гиреями", что было бы более правдоподобно?

Как видно из обзора, мнения Радлова и Бартольда по вопросу о происхождении названия "казахи" не выдерживают критики. Образование народов они ставят в зависимость от ханов, султанов, к тому же от беглых из них, которые ничего общего с массами не имели и не могли иметь. Они сугубо прониклись духом "господства" и "подчинения". По их мнению, массы не способны что-либо творить. Поэтому, не представляя и не понимая исторического развития общества, Радлов и Бартольд приписывают "господам", "членам династии", роль родоначальников казахского народа.

Можно было не останавливаться так подробно на высказываниях Радлова и Бартольда, если бы их ошибочная концепция не продолжала развиваться и в настоящие дни. Многие из современных историков, вероятно, доверяя авторитету Радлова и Бартольда, не оценили критически их взгляды и вопрос о происхождении термина "казах" и их ошибочное мнение положили в основу своих изысканий и трудов. В то же время историки не обращают внимания на то обстоятельство, что возникновение термина "казах" могло иметь свою специфику и представлять собой особый этап, отдельное звено в цепи исторического процесса в целом.

Указывая на древность происхождения термина "казах", профессор Вяткин отрицает его первоначальное этническое значение. "Но термин "казах" первоначально не имел ни политического, ни этнического значения". А далее он пишет: "Казахами называли всякого вольного человека, отколовшегося от своей общины или своего сень-

ора, к какой бы народности он ни принадлежал. Как известно, этот термин проник и в русские княжества, где казаками еще в XIV веке стали называть людей, бежавших из центральных областей государства и составивших, первоначально на Дону и Днепре, вольные поселения колонистов".[1]

Отсюда неизвестно, кто, когда и кого называл так и каково объяснение того, что тюркским термином "казах" стал называться "всякий вольный человек... к какой бы он народности ни принадлежал". Как видно из приведенной выдержки, профессор Вяткин, некритически воспринимая концепцию Радлова—Бартольда, расширяет и обобщает ее в отношении к другим народностям.

Поскольку он утверждает, что "этот термин проник и в русские княжества" и тем самым объясняет происхождение наименования русского казачества, разберем реальность данной интерпретации.

Как известно, казачество сложилось из беглых крестьян в период процветания крепостного права и сложившегося русского государства со всеми его атрибутами. Вырываясь из под тягостного крепостного гнета помещиков, крестьяне уходили с насиженных мест на окраины России и становились, как они сами говорили о себе, "вольными", "свободными". Никакие препятствия и противодействия господствующего класса не могли прекратить бегства крестьян. Большей частью массы крестьян направлялись на юг, в районы северного Причерноморья и Приазовья. В этот период и зарождается социальное название беглых крестьян. Оно никак не означает понятия "вольный или "свободный", а также прозвищ "беглец", "бродяга", данных крестьянам помещиками, — слово казах присвоено крестьянам по месту жительства, по имени страны "Казахии", как называли в то время Приазовье, т. е. страны ордынских казахов, лежавшей в тот период за пределами русского государства, вне сферы его влияния.

Можно привести много подтверждающих примеров из истории, когда те или иные люди, роды и племена получали свое название по месту обитания. Так возникли в свое время названия "поляне", "древляне", "запорожцы", в современную жизнь вошли термины "москвич" или житель Москвы, "казахстанец", "сибиряк" и т. д.

Это мнение подтверждается и тем фактом, что казахами назывались крестьяне, ушедшие только на юг, в Причерноморье, а не на другие окраины, как, например, в Прибалтику, на Белое море, за Урал и т. д.

Следует отметить, что имя русского казачества, возникнув однажды, могло впоследствии приобрести новый социальный смысл,

---

[1] *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941 г., стр. 78.

означать человека, превратившегося в "вольного" и свободного" в краях, где не было крепостного права и влияния царизма.

Утверждение Вяткина о том, что казахом называли всякого вольного человека, отколовшегося от своей общины или своего сеньора, к какой бы народности он ни принадлежал, принципиально не применимо и в других случаях. Если любой человек может называться "казахом" лишь потому, что он откололся от своих, и если подобное определение, как утверждает Вяткин, справедливо также в отношении других народов, то почему в таком случае казахами не стали называться князь Курбский и сын Петра I Алексей – эти изменники России? Здесь имеется полная аналогия фактов, событий.

Как видно, в сущности такой интерпретации слова "казах" таятся резкие противоречия, которые исключают историческую обоснованность самого объяснения. Справедливо напрашивается вопрос, почему именно слово "казах" определяет "беглеца", "отщепенца". Вероятно, потому, что Радлов, Бартольд и другие историки по сходству слов "казах" и "кашак" (т. е. "беглец"), первое подменили вторым. (Слово "кашак" означает понятие "беглец"). Разумеется, такая искусственная подгонка исторического факта образования казахского народа ничего общего с действительностью не имеет.

Сами казахи никогда не подменивали и не смешивали между собой слов "казах" и "кашак", а употребляли их для обозначения двух различных понятий, а именно: "казах" в этническом значении, а "кашак" в смысле беглеца.

О происхождении термина "казах" некоторые соображения высказал и профессор Бернштам. В своих исследованиях по данному вопросу он также делает неверные выводы, повторяя в сущности ошибочные взгляды как академиков Радлова и Бартольда, так и академика Марра.

Во-первых, Бернштам почти в точности воспроизводит точку зрения первых двух ученых, когда пишет, что "в условиях XIV–XV вв., будучи племенным названием кочевой части Джучиева улуса, слово "казах" стало синонимом "вольности" и "бродяги", отколовшихся и ушедших в степь кочевников". Но в доказательство такого утверждения он не приводит никаких доводов, чем и вызывает недоумение. Между тем Бернштаму следовало бы выяснить, при каких именно конкретных исторических условиях выделялась такая сословная группа, как "казахи", от кого, собственно, эта группа могла "отколоться", куда ей нужно было уходить, находясь в бескрайних просторах. Если принять во внимание образ жизни кочевых народов, то ясно, что выражение "отколовшиеся и ушедшие в степь кочевники" звучит неубедительно.

Во-вторых, некритически следуя академику Марру, Бернштам полагает, что "возникновение племенного термина "казах" непосред-

ственно связано с древнейшим тотемным названием "каспи", где "пи" является окончанием множественного числа яфетического строя". Исходя из этого, он утверждает, что по исчезновении древней яфетической формы якобы складывается этнический двучлен "кас" и "сак" и появляется тюркская форма "казах". "Таким образом, – пишет Бернштам, – в племенном названии "казах" отразились два древнейших этнонима "кас" и "сак".

Нельзя согласиться с таким мнением Бернштама, заведомо зная, что слово "кас" и "сак" не племенные названия, а просто нарицательные слова. Знаток тюркских языков Григорьев писал в свое время, что "саки" – это большая группа народов, совокупность кочевых племен, что – это вообще люди, независимо от этнической принадлежности. Разумеется, такое определение слова "сак" – правильно. В переводе на русский язык оно означает "осторожный", "бдительный", отсюда "сақтау" – беречь, "сақтану" – беречься.

Употребление слова "сак" в отношении кочевых племен вполне объясняется исторической обстановкой тревожных времен скифского периода. В те времена люди находились под постоянной угрозой нападения извне, жили в постоянной тревоге, что вырабатывало в них осторожность и бдительность. В тех условиях "саком" мог быть каждый род, каждое племя. У нас нет достаточного основания считать слово "сак" составной частью племенного названия, хотя оно несколько сходно и созвучно с последним слогом термина "казах".

Точно так же мы не имеем права утверждать, что слово "кас" явилось составной частью того же племенного названия. Как обычное нарицательное слово, омоним "кас" в одном случае означает бровь, а в другом слова "неприятель", "недруг", "враждебный" и пр. А сходное с "кас" слово "каз" переводится на русский язык словом "гусь".

Кандидат исторических наук Адильгереев, также занимавшийся изучением рассматриваемого нами вопроса, утверждает, что "в смысле слова "казах" находит отражение как образ жизни нашего народа, так и военная организация его, которую он создавал в борьбе за объединение и отстаивание своей независимости. Поэтому южные соседи, а по их примеру и остальные народы называли наш народ казахами, что и стало наименованием нашей национальности".[1]

В данном случае Адильгереев без всякого на то основания расширил и модифицировал содержание слова "казах". Разве это слово определяет само по себе "образ жизни казахского народа и его военную организацию"? Конечно, нет. Нет, потому что как название народа и

[1] *Адильгереев Х.М.* К истории образования казахского народа. Вестник АН КазССР, 1951 г., N1, стр. 94.

сам народ, "так и военная организация его" – это понятия не тождественные. Во всяком случае это положение требовало своего обоснования и доказательства, чего Адильгереев не сделал.

Правда, он пытается подвести доводы к своей первоначальной мысли. "Такое происхождение наименования нашего народа, – пишет он, – не является чем-то исключительным и из ряда вон выходящим. Аналогично произошло название русской, французской национальностей". В данном случае автор, вопреки фактам, пускает в ход аналогию как доказательство происхождения термина "казах", не доказав к тому же саму аналогию. Он не учел того факта, что "названия русской, французской национальностей", каждое в отдельности, произошли в одних исторических условиях и явились следствием одних причин, а название казахского народа возникло совершенно в другой исторической обстановке и было результатом других причин.

Возникновение наименования казахов Адильгереев относит к XV веку. Между тем возникновение термина "франки" относится почти к началу нашей эры, т. е. к III в. н. э. Вот что мы имеем в источниках о термине "франки".

"Термин "франки" появляется в источниках впервые в III в. нашей эры. Буржуазные историки много и бесплодно спорили об этимологии этого слова. Много споров вызвала также сущность этнической группы, получившей название франков. Совершенно бесспорным остается тот факт, что территориальное название "Francia" и соответственно этнический термин "франки" в III – начале IV в. относились к землям, расположенным по нижнему Рейну, и к населявшим эту территорию германским племенам – сугамбрам, хаттам, хамабам, бруктерам и другим". Даже позднее, в IX в., источники называли территорию, лежащую вдоль Шелды и нижних течений Мааса и Рейна "Древней Францией" ("Francia Antiqua").[1]

Как видно из этого материала, "Францией" называлась территория, а "франками" – германские племена, населявшие эту же территорию. Следовательно, мы не можем даже говорить о той аналогии, которую проводит Адильгереев: термин "франки" как название германских племен, проживающих на территории "Francia", не может отображать ни "образа жизни", ни военную организацию французской национальности.

Подобную мысль, что и Адильгереев, повторяет в своей статье об этногенезе казахского народа кандидат исторических наук Шахматов. В ней он сообщает, что "происхождение этого термина ("казах". –

---

[1] *Левандовский А.П.* Об этническом составе империи Каролингов. Вопросы истории, 1952 г., N7, стр. 113.

Б.А.) тесно связано с возникновением и развитием феодальных отношений и имеет много общего с происхождением таких терминов, как "тюрк", "франк", "сакс", "русь" и другие , ставших со временем названиями народов", и это утверждение предлагает вниманию читателей как рабочую гипотезу, основанную на анализе исторических данных и последних археологических открытий.

Но в отличие от Адильгереева Шахматов придает понятию "казах" меньшее содержание, т. е. суживает объем понятия, связывая его не с народной массой, а с военно-племенной знатью. "Из состава общин, – пишет он, – выделяется военно-племенная знать (воины-дружинники), правители. Она отличается от основной массы не только родом своей деятельности, но также особым наречием, иным бытом. Неудивительно, что эта знать получает особое название".[1]

Хотя это утверждение и является повторением взглядов Радлова и Бартольда, мы проанализируем его, ибо в него попутно закралась и другая ошибка. Разумеется, что военно-племенная знать, выделяющаяся из состава общин, отличается от основной массы родом своей деятельности и бытом, но удивителен вывод Шахматова, что эта знать могла иметь "особое наречие".

Шахматов не учел того, что наречия так же, как и языки, имеют грамматический строй и основной словарный фонд и что, следовательно, они создавались в течение многих веков и возникли задолго до "выделения военно-племенной знати" как средство общения людей независимо от сословной принадлежности.

Утверждая, что военно-племенная знать получает особое название "казах", Шахматов также не учитывает того, что верхушечные слои общества – "военно-племенная знать", – оторванные от народных масс, не могли образовать народности или даже оказать влияние на происхождение ее названия.

В высказывании Шахматова есть еще один пробел. Утверждая, что термин "казах", как этническое название, возник в период выделения знати из общины, он вынужден датировать этот факт XV веком, что в корне противоречит самой действительности. На самом деле слово "казах" в его этническом значении было известно несравненно раньше.

Составители первого издания "Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней", проведя огромную работу по обобщению важнейших исследований историков Казахстана, в то же время не сумели избежать и ошибок. В частности, они неверно подошли к

[1] *Шахматов В.Ф.* К вопросу об этногенезе казахского народа. Известия АН КазССР, N 94, серия историч., вып. 6, стр. 97.

освещению вопроса о происхождении слова "казах". Основная ошибка авторов этого труда заключается в том, что они, не разобравшись в сущности различных высказываний о термине "казах", сочли нужным привести многие из них в своей работе. При этом они даже не постарались дать краткий анализ каждого из высказываний. Поэтому не удивительно, что на страницы книги были протащены ошибочные теории. Не буду останавливаться на анализе приведенных в "Истории Казахской ССР" высказываний, так как разобрал их (например, концепции Радлова и Бартольда) выше в данной работе.

Во втором издании "Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней" ее составители по поводу происхождения слова "казах" просто ограничились формальной отпиской, даже не подлежащей критике.

В книге только и пишется: "Достоверно, что этот термин ("казах") имеет глубокие этнические корни, связанные с жизнью племен, в древности населявших территорию Казахстана. Но его древние этнические корни были забыты. Когда процесс формирования казахской народности достиг своего завершения, термин "казах" получил широкое распространение, и на рубеже XV–XVI столетий стал применяться как наименование особой народности".

Совершенно непонятно: что это за "глубокие этнические корни". С жизнью каких именно "племен" связан этот термин? Почему широкое распространение термин "казах" получил лишь с XV в.? Если термин "казах" стал "применяться как наименование особой народности лишь на рубеже XV и XVI столетий, то разве это означает, что казахи до этого периода были без всякого наименования. Как наглядно видно, в этом издании книги не только нет решения вопроса по существу, но нет и его постановки.

Автор настоящей статьи считает нужным, наряду с обозрением высказываний вышеназванных историков, коротко осветить и свою точку зрения по вопросу о происхождении этнического названия казахов. Это необходимо было сделать еще и потому, что многие историки отождествляют между собой понятия "народ" и его "название", т. е. изучение происхождения казахов подменяют изучением их этнического наименования. Нельзя отождествлять слово "казах" с понятием "о казахе", тем более – с полным знанием "о казахах".

Само по себе слово "казах" является лишь элементом словарного состава казахского языка. Язык как "средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания, создается в процессе совместной практической деятельности людей". Поэтому каждое слово имеет свою историю возникновения, свое объяснение.

При создании новых слов люди пользуются обычно не первыми попавшимися звукосочетаниями, а известными им словами, имеющими определенный смысл и вошедшими в словарный состав их родного языка. Комбинируя и видоизменяя эти слова по исторически установившимся правилам грамматики, люди создают новые слова, обозначающие новые предметы и фиксирующие новые понятия.

Но каковы же предпосылки для образования термина "казах"? На базе чего он возник? О чем он напоминает?

Обратимся к семантике этого слова.

Термин "казах" – старинное казахское слово, сохранившее свое архаичное значение и произношение до сих пор. Аналогичных словообразований в казахском языке очень много, как, например, слова: "калак", "садак", "тамак", "табак" и многие другие. Термин "казах" состоит из корня "қаз" – "қазу" – что значит "копать", "рыть" – и суффикса "ақ", указывающего в данном случае на профессию. Слово "казах" тождественно русским терминам "копач," "копец", "копань", "копающий", "роющий", "копательный" и т. п. Таким образом, "казах" – это тот, для кого характерен труд, связанный с рытием (копанием) земли или который живет в изрытых (ископанных) местах.

Первый исторический источник, где мы встречаем слово "казах", – это сочинения Константина Порфирородного. В первой половине X в. он побывал в древней Руси. Собрав важные сведения об ее населении и соседних народах, впоследствии (X в.) изложил в своем труде "О народах" или, по другому названию, "Об управлении империей". Так, Константин Порфирородный сообщает, что "выше Зихии лежит земля, называемая Касахия". Это сообщение Порфирородного относится к Приазовским землям, т. е. южным областям Хазарского царства.

И действительно, приазовские степи характеризуются тем, что они, представляя собой удобные пастбища для кочевников, "изрыты" (ископаны) и покрыты сетью колодцев, о чем свидетельствует ряд источников. Например, Кудряшов пишет: "что этот район с его богатыми пастбищами и в более позднее века действительно являлся удобной местностью для степных кочевий, подтверждается "Книгой Большому Чертежу", которая при описании Муравского Шляха особо отмечает реку Молочные (т. е. Сутень. – Б.А.) воды, кочуют Ногой, и тех местах воды копаны кладязи". И нет сомнения в том, что Приазовские степи, будучи изрыты во многих местах и покрыты сетью копаней, приобрели себе название "Касахии" (вернее Казахии), характерное наименование для страны "перекопов", "копаней".[1]

---

[1] *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. М., 1948 г., стр. 94.

Слово "казах", а также "казар" и "казахия" – это термины одного и того же корня, возникшие на определенной ступени человеческой деятельности. И действительно, пастушеские племена, в том числе те же казары и казахи, уже по образу жизни должны были вести землекопные работы – строить в степях пещерные городища, рыть колодцы, "копани" на путях перекочевок. Названия "хазар и "казах" – производные от "казу", они образовались при помощи суффиксов "ар" (казар) и "ак" (казак).

Таким образом, хазары, казахи – это население степей, изрытых и покрытых сетью колодцев, т. е. "Казахии", для которых характерен труд, связанный с рытьем колодцев, созданием древних подземных городищ и курганов. В данном случае мы имеем дело с фактами, когда территориальное название закрепляется за населением этой же территории, подобно названиям "древлян", "полян", "кривичей", "франков".

Но следует оговориться, что "казахами" первоначально могли называться люди различных племен как тюркского, так и нетюркского происхождения, но проживающие только в степных просторах "Казахии".

Слово "казах", как этническое наименование, могло возникнуть лишь в связи с тем, что его носители, проживая в степных просторах, сохранили свою форму хозяйствования вплоть до окончательного закрепления за ними этого названия.

Можно было бы более подробно обосновать сказанное, но это излишне, ибо данный вопрос будет в полной мере затронут в другой работе автора, составляющей его докторскую диссертацию на тему "Происхождение казахских жузов".

Заканчивая краткое обозрение высказываний ряда историков по вопросу о происхождении наименования казахов, следует сказать, что изучение данной проблемы до сих пор не поставлено на строго научные рельсы. Только этим можно объяснить то, что в исследовательской работе по этому вопросу нет единого, правильного направления, наоборот, допускаются разноречивые, ненаучные и даже реакционные теории. Это обязывает нас, историков, незамедлительно организовать свои силы на основе правильной постановки данного вопроса для глубокого научного изучения и теоретического освещения его, чтобы разрешить стоящую перед нами задачу.

Это наш долг, и мы должны выполнить его.

г.Алма-Ата, 1950–1952 гг.

3. Статьи по лексикографии, логике и педагогике

Издание, требующее переработки

(о "Казахско-русском словаре" Г. Мусабаева и Х. Махмудова, Изд. АН Каз.ССР, 1954 г.)

Глубокие социалистические преобразования в жизни казахского народа вызвали огромные изменения и в развитии языка. Казахский язык пополнился большим количеством новых слов, отражающих новые явления в общественно-политической, экономической и культурной жизни казахского народа. Произошли значительные изменения в стилистике; повысились до уровня научно-технических и общественно-политических терминов некоторые слова, имевшие раньше лишь конкретные вещественные значения; иные слова приобрели новые смысловые значения и оттенки, а другие, связанные с прежним кочевым образом жизни казахов, наоборот, вышли из употребления, превратились в архаизмы.

Но для удовлетворения возрастающих национально-бытовых, общественно-политических, культурно-экономических потребностей оказалось недостаточно собственных речевых ресурсов казахского народа. Поэтому пополнение словарного состава казахского языка пошло и по пути заимствования слов из других языков. При этом главным источником был русский язык, из которого в казахский словарь вошли многие тысячи общественно-политических и научно-технических терминов. Казахский язык также вобрал в себе немало слов, ставших интернациональными, и из языков народов Советского Союза. Между тем, почти все новые слова, вошедшие в казахский язык, остаются пока что неурегулированными. Многие из них мало понятны для читательских масс. Часто одно и то же слово люди произносят, понимают и даже пишут по-разному. Новые термины еще не внесены в рамки лексики и не приведены к единой системе.

Вот почему выход в свет в 1954 г. "Казахско-русского словаря"[1] (составители Г. Мусабаев и Х. Махмудов) был встречен общественностью республики как отрадное явление. Предполагалось, что этот словарь явится нормативным, общедоступным пособием, способствующим повышению культуры речи, облегчит понимание значений слов, поможет закреплению норм употребления, правильному произношению и написанию.

---

[1] Казахско-русский словарь. Изд. АН Каз. ССР, г.Алма-Ата, 1954 г.

Разумеется, новый "Казахско-русский словарь" отвечает в некоторой степени этим требованиям. Но и только. Во многом он хуже предыдущих изданий подобного типа.

Со времени выхода в свет этого словаря в периодической печати появилось только две рецензии. Но в них отмечены лишь отдельные недостатки и не дано глубокого анализа и оценки издания. А нам кажется, следовало бы не только проанализировать словарь и указать авторам на недостатки их труда, но и подвергнуть его широкому обсуждению общественности, в первую очередь, лингвистами. Это необходимо сделать потому, что наша республика значительно отстала в создании такого пособия.

"Казахско-русский словарь" изобилует грубейшими ошибками как в переводах, так и в методике составления.

При составлении словаря большое значение имеет подбор и полнота охвата широко употребляемых слов. Особенного внимания требует та часть лексики, которая связана с наиболее существенными и характерными сторонами жизни. Однако это правило не выдержано в словаре. Словник составлен без учета тематических групп слов и степени употребляемости тех или иных терминов, хотя составители в предисловии уверяют, что "словарь охватывает употребительные слова". Из семи названий дней недели они не включили в словарь слова – "воскресенье" и "понедельник", почему-то не привели названия четырех месяцев года... Вместо этого составители включили много архаизмов, которые ни в какой степени не могут способствовать развитию языка.

В словаре мы найдем термины "алыс" (далекий), "тар" (узкий), но не встретим соотносительных им слов "жакын" (близкий), "жалпак" (широкий). Точно так же в словаре встречаются производные слова "желимдеу" (клеить), "жаралану" (быть раненым), "национализация", но нет основных слов: "желим" (клей), "жара" (рана), нация и т.д. и т.п.

В словаре нарушен порядок алфавитного расположения слов, хотя составители уверяют обратное. Эта путаница начинается с первых же страниц. Так, не по алфавиту расположены слова "абалату", "абалаттыру", "абдырау" и "абдырату" и значительная часть слов на букву "ж":

"жалмау, жалману, жалтырату, жалтырау, жалыну, жалындау, жалыгу, жылыктыру, жалгастыру, жалгату, жалгасу, жауапкерлик, жауапкершилик, жауласу, жауластыру, жакындасу, жакындык, жакындастыру, жеделдеу, жеделдесу, жеделдету, женилу, женилдеттиру, женилдету, жарысу, жарыстыру, жыргызу, жыргыздыру, жосылу, жосылту, жогарылату, жылмандату и т.д.

В словаре много слов, например, “жогалту”, “жыгылу” (стр. 179 “Казахско-русского словаря”), “маглумат”, “магна”, “магналы”, “магнасыз” (стр. 238–239), которые даются дважды, причем в разных переводах.

Нет определенной системы и в истолковании слов, которое, как известно, составляет основную задачу словаря. Объяснения слов даются произвольно.

Взять, например, следующую группу слов, сходных между собой по всем морфологическим и семантическим признакам:

Абайлаттыру – заставить быть осмотрительным; остерегаться (объяснено).

Абайлату – понуд. от абайлау (отсылка).

Абалаттыру – понудит. от абалату (не объяснено, отсылает).

Абалату – тревожить, дразнить, науськивать (дано объяснение).

Если следовать словарным правилам, то истолкования этих слов должны быть однотипными. Между тем, как видно из приведенного примера, слово “абайлаттыру” переводится, а рядом с ним точно такого же типа слово “абалаттыру” не переводится, и нас отсылают к другому, основному слову; не переводится и слово “абайлату”, хотя однотипное с ним слово “абалату” переведено. Кроме того, слова, к которым составители отсылают для объяснения родственных им слов, взяты в разных формах понудительного залога (абалат+тыру и абала+ту), различны формы и основных слов (абалату и абайлау). Это неверно, так как понудительные формы глаголов в казахском языке не однотипны, а разнохарактерны и не допускают разные толкования.

К тому же форма казахского понудительного залога не имеет соответствия в русском языке, и перевод ее требует уменья и некоторого навыка. Отсюда ясно, что составителям следовало бы объяснить каждое конкретное слово понудительного залога, сопровождая его соответствующими примерами, показывающими случаи применения.

Другой, не менее крупной ошибкой составителей является то, что они, выделяя каждое слово одного корня, как, например, “биз”, “бизди”, “бизинше” (что также неверно), объясняют слова обыденные, меньшего значения в широко развернутом виде и раздувают объем словаря, а слова большего значения – важные, но читателям малоизвестные, переводятся одним словом, без всякой иллюстрации. Так, например, словам: “беру” (давать), “болу” (быть), “бир” (один), “коз” (глаза) отведены почти целые колонки, а такие, как “гуманизм”, “гегемон”, “оппозиция” и масса других, оставлены без объяснения.

Почти одна треть словника данного словаря состоит из новых слов, необъясненных составителями. Вот пример:

Абстракция – абстракция
Зенит – зенит
Декадент – декадент
Иммигрант – иммигрант
Индекс – индекс
Инверсия – инверсия

А ведь эти слова могут оказаться непонятными не только казахам, но и русским читателям. Можно принять без перевода общедоступные и известные слова "самолет", "трактор", "комбайн", "радио" и т.п. Но нельзя согласиться с тем, что слова "вариант", "симфония", "скептицизм", принимаемые без перевода, оставались бы без объяснения значения этих слов и применения их в разговоре. Это равносильно отсылке читателя к другому словарю. Даже научно-техническим терминам, не получившим еще сравнительно широкого распространения, как правило, надо давать сжатые определения на основе научно-технических словарей, раскрывая значение слов.

Особенностью словаря является то, что в нем дается "Краткий грамматический очерк", который должен знакомить изучающего казахский язык с грамматическим строем, правилами употребления слов. Но одним из серьезных недостатков очерка является его голый схематизм. К тому же, автор его Х. Махмудов вносит изрядную путаницу. Он пишет: "Что касается аффикса "лау", то мы не склонны считать его сравнительной степенью прилагательных, как это принято в грамматике казахского языка" (см. стр. 530).

Это находится в прямом противоречии с инструкцией для составления однотомного толкового казахского словаря, в которой эти же аффиксы признаются как аффиксы сравнительной степени прилагательных. Кому верить: автору грамматического очерка, отрицающему названные аффиксы как аффиксы сравнительной степени прилагательных или ему же – одному из составителей инструкции.

Так вкратце обстоит дело с ошибками методического характера.

Но самые серьезные претензии можно предъявить авторам словаря за неквалифицированный перевод многочисленных слов, что нередко приводит к нелепостям. Их можно заметить, даже не вдаваясь в существо перевода.

Читатель, конечно, усомнится в верности перевода фразы: "айтканын келсин" (см. стр. 21) как: "все, что ты сказал, – пусть будет к добру"; он спросит, как можно бежать медленным (между шагом и рысью) ходом? (см. "булкилдеу" – стр. 110). Отнесись авторы словаря

посерьезней к порученному им делу, они, возможно, пояснили бы, что "айтканын келсин" – это возглас, эквивалентный русскому положению "пусть сбудутся твои слова", а "булкилдеу" – это в переносном смысле равносильно слову "трусить" (т.е. ехать мелкой рысцой), а в основном означает: 1 – шевелиться (в смысле проявления первых признаков жизни зародыша) и 2 – едва заметное кипение.

В другом случае читатель не может не заметить, что по-русски не говорят: "Не обменишь ли своего коня на моего верблюда?" (перевод предложения – "атынды менин туйеме айырбастамайсыз ба?" см. стр.23). Это неграмотно. Лучше было бы написать: "не сменяешь ли...".

Г. Мусабаев и Х. Махмудов утверждают, что их словарь окажет услугу и колхозному крестьянству. Но если чабан целиком доверится авторам словаря и направит свою отару "на подветренную сторону" (так переведены слова "малды желдету", стр. 172), то поступит неправильно: на самом деле ему нужно было вести отару, наоборот, навстречу ветру. Ошибется и тот, кто начнет по совету авторов изготовлять деревянную чашку – "безаяк" (стр. 83) из сучковатого дерева (!). Такая чашка делается из клена или же из комлевой части молодой березы, но отнюдь не из сучковатого дерева, как утверждают составители словаря.

Кто-кто, а уж сельские работники могу рассказать составителям словаря, что "алап" – не русло (стр. 25), а луг; "букир терек" – не кривое дерево, а горбатая осина; "бирден бирге" – не постепенно, а от одного к другому и многое другое.

Точно так же запутано значение выражения "коп жабылса, жок табылады" (стр. 150), которое переводится в словаре так: "если масса возьмется, то потерянное найдется"; "ауыз тию" – переводится как – пробовать; "озеннен ат жалдап оту" – вплавь через реку, держась за гриву коня... и т.д. Такие переводы не являются эквивалентами оригиналов.

И вот, наконец, еще один пример со словом "бакылдау". Можно согласиться, что это слово употребляется в отношении козла, но оно нисколько не означает понятия "блеять", как утверждается на 81 странице словаря. "Блеять" – это "маныpау", а не "бакылдау". "Бакылдау" – значит квакать. Оно образовано от слова "бака" – лягушка.

Нескромность авторов "Казахско-русского словаря" переходит всякие грани, когда они утверждают, что их словарь "охватывает весь основной словарный фонд и значительную часть его словарного состава". Такое утверждение более чем странно. Невероятно, чтобы словарь всего лишь в 12–13 тысяч слов, из коих примерно одна треть являются терминами, вошедшими из других языков, мог бы охватить весь основной словарный фонд казахского языка.

Более того, словарь Г. Мусабаева и Х. Махмудова нельзя назвать оригинальным трудом. И хотя в нем не использован опыт предыдущих словарей (а их всего насчитывается до 20 изданий), но зато сделано много заимствований.

Следует отметить, что Институт языка и литературы Академии наук Казахской ССР недостаточно поработал над подготовкой к изданию нового словаря. Руководству института необходимо добиться переработки его в соответствии с систематизированной картотекой и существующими на этот счет правилами и инструкциями.

Общественность ждет солидного и добротного издания "Казахско-русского словаря".

Статья опубликована в журнале "Советский Казахстан" (N 4, 1955 г.)

Логика деген не? Оның зерттейтін мәселелері (1948 ж.)

Логика деген сөз гректің "Легос", "Логос" деген сөздерінен алынған. "Легос" сөйлеу, түсіндіру, "Логос" ақыл ой деген сөз. Логика деп дұрыс ойлаудың заңдары және ережелері туралы ғылымды айтамыз. Адам баласының тұрмысында дұрыс ойлау күрделі роль атқарады. Адамның ойы дұрыс болу үшін, ол белгілі бір ережелерге, заңдарға бағынуға тиісті. Ойлау адамның рухани тұрмысының ең жоғарғы формасы.

Адамның рухани яки психикалық тұрмысының одан басқа да формалары бар: олардың бірі **түйсік** (ощущение). Түйсік деп біздің сезім мүшелерімізге әсер етуін айтамыз: көру, есту, сезу. Түйсік дүниені танып, білудің бірінші басқышы. Объективтік дүниені танып білу алдымен түйсіктен басталады. Дүниені танып білуді түйсік арқылы ғана деуге болмайды. Бұдан басқа психикалық форма **қабылдау** (восприятие). Сыртқы дүниенің адам санасына әсер етуін, санада көрінуін, білінуін қабылдау дейміз. Түйсік заттың белгілі бір жағын, қасиетін білдіреді. Ал, қабылдау сол заттың барлық белгілеріне, қасиеттеріне ие үш формалы ұғым. Заттың, құбылыстың негізгі белгілерін көрсететін рухани болмыстың формасын **ұғым** дейміз. Ұғым түйсік, қабылдау, **елестеу**лерге қарағанда абстракт келеді. Сағатты қабылдасақ, көрсек, ал сағаттың бағасы десек, бағасы қолмен ұстап, көзбен көруге болмайтын абстрактлы ұғым. Ұғым заттың негізгі белгілерін ғана алады. Затты зат етіп тұрған белгілерді ғана ұғынады.

Бұдан басқа бір форма **пікір** (суждение). Психикалық тұрмыста заттардың өзара қатынасын көрсететін формасын пікір дейміз. Пікір заттың болымды, болымсыз қасиеттерін көрсетеді. Пікір бірнеше ұғымдардан құралады. Мысалы: патриотизм — отанды сүю, отанды сүюшілік деген сөйлемде пікір біреу-ақ, ұғым бірнешеу. Психикалық болмыстың тағы бір формасы **пікір қорыту** (умозаключение). Егерде екі не одан көп пікірлерден жаңа пікір шығарсақ, қорытсақ, ол — пікір қорыту деп аталады. Мысалы: барлық металл қызса ұлғаяды. Темір де металл. Сондықтан, қызса темір де ұлғаяды.

Логикада негізінен ұғым, пікір, пікір қорыту туралы айтылады. Ойлауды тексеретін психология сияқты басқа да пәндер бар. Психология мен логиканың айырмасы сол: **психология** дұрыс және бұрыс мінез-құлық заңдарын тексерсе, **логика** тек дұрыс ойлауды ғана зерттейді. Психология баланың, үлкеннің, данышпанның, есуастың — бәрінің мінез-құлқын зерттей береді.

Логика мен тіл ғылымдарының байланысы бар. Ой мен сөздің айырмасы сол адам ойын білдіру үшін сыртқы және ішкі сөздерді

қолданады. Белгілі дыбыс я таңба арқылы сөйлеу — сыртқы сөз. Ал, сөйлемей, дыбыстамай ойлау — ішкі сөз. **Логика** сыртқы сөзді де, ішкі сөзді де зерттемейді. Сөзді **тіл ғылымы** тексереді. Сөздің номиналдық және смыслдық (мазмұндық) функциясы болады. Номинаддық функция — затқа ат беру: ағаш, тас және т.б. Егер сол заттың қасиетін, мазмұнын айту — мазмұндық функциясы болады. Логика бұл функциялардын зерттемейді. Олай болатын болса, логика ойды, арқылы сөздер айтылатын ойды зерттейді. Омонимдер, синонимдер арқылы кететін қателерін тексереді, ойдың түзу қолданылуын зерттейді.

Логиканың да бастауыш, баяндауышы болады. Мысалы, барлық металл қызса ұлғаяды дегенде логикалық бастауыш — барлық металл, баяндауышы — қызса ұлғаяды. Грамматикалық сөйлемдерде бастауыш — металл, баяндауыш — ұлғаяды.

Логиканы оқудың пайдасы зор. Қызметте, жұмыста пікірді дұрыс шешу үшін дұрыс ойлау керек. Ойлауды дұрыстау үшін логиканы білу қажет. Логиканың жастарды тәрбиелеуде маңызы зор.

20.09.1948 ж.

Дүниені білудің **екі жолы** бар: тікелей, жанама білу. **Тікелей білу** деп затқа, нәрсеге тікелей қатынас жасай білуді айтады. **Жанама білу** деп, затпен тікелей байланыс жасамай, бір пікір мен екінші пікірді байланыстырып отырып дәлелдеуді айтады. Тікелей білуге керекті шарттарды материалды шарттар немесе ақиқаттың материалдық критерийі дейміз. Жанама білуді дәлелдеуге керекті шарттарды формальдық шарттар немесе ақиқаттың формальдық критерийі дейміз. Логика тікелей білудің шарттарын зерттемейді, жанама білудің шарттарын зерттейді, яғни ақиқаттың формальдық критерийін зерттейді. Ақиқаттың формальдық критерийін зерттейтін ғылым **формальдық логика** деген атақ алды.

Формальдық логика мен формалистік логиканы шатастыруға болмайды. Формалистік логика — идеализм негізіндегі, бағытындағы пікір.

Логика біздің заманымыздан бұрынғы бесінші ғасырда Грецияда шықты. Диалектика да сол кезде Грецияда шықты. Диалектиканың негізін философ Гераклит салды. Ол "дүние мәңгі ағуда, мәңгі өзгеруде, өзгермейтін зат жоқ" деді. Ленин бұл қағиданы жоғары бағалады. Гераклит "дүние заңды жолмен жанып, заңды жолмен сөніп тұратын от" деп есептеді. Гераклиттің пікірі дүниеге материалистік көзқарастың бастамасы болды. Диалектика логикадан бұрынырақ шықты. Дүние жөніндегі көзқарасты бір калыпқа салу керек болады.

Логиканың шығуына түрлі жағдайлар себеп болды. Аристократия мен құл иеленуші демократияның арасында болған күресте демократия жеңіп, Грецияда ғылым, мәдениет өріс алады. Аланда сөз сөйлеу,

шешендік зор бағаланатын болады. Философтар шешендікті кәсіп ете бастайды. Шешендік — таластарда, диспуттарда қолданылады. Осындай шешендіктің құралы болып диалектика шығады. "Диалего" — әңгімелесу. Кейін келе басқа мағынадағы ғылым болды. Бертін келе сол шешендіктен туған диалектика логика деп аталады. Айтыстарда сөзден, ойдан қайшылық табу үшін тырысатын болады. Бұл б.э. бұрынғы төртінші ғасыр еді. Бұл кезде логика ғылым ретінде пайдаланылмаған.

Логиканы ғылым еткен гректің атақты философы — Аристотель. Бұл жағдай Аристотельдің релятивизм мен софизмге қарсы күресімен байланысты болды. Дүниедегі заттардың өзгеруі абсолюттік деп табу — релятивизм, софистер мен мудрецтердің ағымы — **софизм** деп аталады.

Гераклиттің пікірін онін шәкірттері релятивизстік жолда түсінді. Гераклит "ағып жатқан суға екі рет түсуге болмайды" десе, оның шәкірті Кратил "ағып жатқан суға бірде түсуге болмайды" дейді. Кратилдің бұл көзқарасы — **релятивизм**. Релятивизстік көзқарасты дамытушы да осы Кратил. Аристотель логиканы дамыта отырып, Кратилдің пікіріне қарсы күресті. Аристотель дүниеде уақытша, салыстырмалы тұрақтылық болуы керек, егер болмаса дүниені білуге де, тануға да болмас еді дейді. Аристотельдің логикасы софизмге қарсы күресте де дамыйды. Ертедегі Грецияда шешен сөйлеудің соңына түскен философтар-софистер деп аталады. Олар шешендігіне сүйеніп, ақты қара деп дәлелдеуге тырысады. Бұл жалған логика еді. Бұларға Аристотель қарсы шығады. Олардың жалған логикасын әшкерелейді. Аристотельді Энгельс: "Ескі грек философтарының ішіндегі ең универсалды бас еді" – деп атады.

Логика диалектиканың негізінде шықгы. Логиканы ғылым етіп шығарған, ойлаудың ережелері мен системаларын формулалаған Аристотель болды. Логикалық формалар белгілі мазмұндармен байланысты болады деп көрсетті. Аристотель логикасы материалистік философия. Аристотель материализм мен идеализм арасында қобалжығанымен материалистік жағы басым еді.

Логика дамып, өзгеріп отырды. **Орта ғасырда** логика шіркеудің құралына айналады. Бұл кез шіркеудің өте жоғары үстем түрған кез еді. Барлық ғылым шіркеу маңында болды. Орта ғасырда Аристотель логикасының материалистік жағын алып тастап пайдаланды. Орта ғасырдағы философтар ұғымдарды түрге, топқа бөлуді логикаға жаналық етіп қосты. Кейбіреулері силлогизмді дамытты, логикаға бірсыпыра терминдер енгізді.

Жаңа ғасырларда орта ғасырлардағы схолостикаға қарсы ағылшын философы **Ф.Бэкон** шығады. Ол логиканың жаңа саласын дамытады. Аристотель логикасы дедукциялық логика ғана болса, Бэкон

индукциялық логика саласын дамытады. "**Индукциялық логика** жеке фактілерге сүйене отырып, жалпы қорытында жасауды үйретеді. Индукциялық әдіс экспериментпен (тәжрибемен) байланысты" (Бэкон). Ол **"Новый органон"** деген еңбегінде дедукция мен индукцияны айтып талдайды. Бэконның индукциясының кемістігі сол — бір ғана тәжірибе арқылы индукцияны түсіну жеткіліксіз. Бэконнан кейін логиканы дамытқан **Джон Стюард Милль** болды. Бірақ, бұл да индукциялық логиканы тек тәжірибемен байланысты деп есептеді.

Осы кезде **Р.Декарт** деген философ **дедукциялық логиканы** дамыта бастайды. Бэкон "ақиқаттың кілтін эксперименттен іздеу керек" десе, Декарт "ол кілтті математикалық аргументтерден изде" дейді. Декарт "Рассуждение о методе" деген еңбегінде "білінбей калатын зат жоқ, бірақ, оны ашудың, білудің кілті адамның санасында" дейді. Декарттың идеалистік пікірлері де бар, ол "мен ойлаймын, сондықтан дүниеде жасаймын" дейді. Бұл пікір сынға түсті. Осы сияқты дамудан өткен логика жаратылыс зерттеу ғылымының дамуына әсер етеді.

Энгельс бұл кез ғылымда метафизикалық көзқарастың үстем болған дәуірі еді деп көрсетті. Өзінің "Анти-Дюринг" деген еңбегінде метафизиканың өріс алуы заңды еді дейді. Метафизика табиғат құбылыстарын өзара байланыссыз деп жеке-жеке зерттейді. Сол метафизикалық көзқарас формальды логикаға негізделеді. Формальдық логика сол кезде пайдалы роль атқарады.

Швед ғалымы **К.Линней** формальдық логикаға сүйене отырып, өсімдік, жануарлар дүниесін топқа бөледі. Линнейдің классификациясы қазір көп өзгерді, дегенмен негізгі принциптері әлі де бар. Линнейден бұрын бұл туралы ешкім білмейтін еді. Бірақ, Линнейдің ғылыми зерттеу әдісі — метафизикалық еді. Ол өсімдіктер мен жануарлардың түрін құдай жаратады деген қорытынды жасайды, дамудың өзара байланысты екенін мойындаған жоқ.

XIX ғасырда формальдық логика туралы түрлі көзқарастар болды. Неміс философы, идеалист **И.Кант** формальдық логиканың ережелерін дамытады. **"Формальдық логика"** деген аттың өзі Канттың еңбектерінен шыққан. Бұл шындығында формалистік, идеалистік логика еді. Кант "дүние өзіндік заттарға толған, оны білуге болмайды. Сондықтан ойдың формалары реалдық заттарды тексермеуге тиіс, тек мазмұнға байланысты форманы ғана тексереді" деді.

Канттан кейін логика туралы пікір айтқан **Г.Гегель** болды. Ол Канттың логикасының формальдық жағын сынайды. Дегенмен ол, логиканың Аристотельден бері келе жатқан прогрессивті жағын көре алмайды. Гегель спекуляциялық ақыл ойды (нақтылы тұрмысқа қарсы философия) қостаған адам. Ол нақты реалдық дүниеге байланысты ойды мойындамайды. Гегель формальдық логиканы мойындамай,

диалектикалық логика болуға тиісті дейді. Бірақ, Гегель диалектикасы Маркс диалектикасынан басқаша. Гегель дамуды абсолюттік идеяға әкеліп соғады. Логиканың ережелері практикамен, тұрмыспен байланысты болады. Тарихта логикалық түрлі ағымдар болды: математикалық, психологиялық, информатикалық т.б. XIX—XX ғасырлар кезінде идеалистік философияның реакциялық, мистикалық, діни жағы күшейеді. **Э.Гуссерль, Х.Зигварт, Б.Рассел** және т.б. идеалистер тағы логика жасау керек, логикалық ережелер материямен байланысты болмайды дейді.

Б.Рассел: "Мен нағыз математик болғандықтан логикадағы ешбір реалдық нәрсенің барлығын айтуға тиісті емеспін" деп соқты. Зигварт: "Біздің жасайтын қорытындыларымыздың дұрыс болуының шарты — сенім" дейді. Қазіргі АҚШ-тағы философтар **Р.Карнап:** "Құн, жұмыссыздық, дағдарыс дегендер тұрмыста жоқ, айтылмай жүрген ұғым" деп, Зигварт, Расселдердің пікірінен шыға алмай отыр.

Диалектикалық материалистік логиканы дамытқан **К.Маркс, Ф.Энгельс.** Табиғатпен байланыстыра отырып дамытқаң марксизм классиктері болды. Бұл метафизикаға бүтіндей қарсы көзқарас. Формальдық логика метафизикаға байланысты деп, оны да жоюға болмайды.

Диалектикалық әдіс метафизикаға қарсы болғанмен формальдық логикаға қарсы емес. Бір нәрсені зерттеудің алғашқы сатысында ұғымдарды түсініп, белгілі бір жүйеге салу үшін формальдық логиканың ережелерін қолданамыз. Құбылысты зерттеу үшін диалектикалық логика керек. Энгельс: "формальдық логика арифметика, диалектикалық логика жоғарғы математика сияқты", – деп түсіндіреді.

Басқа ғылымдар сияқты формальдық логикада тап, партия идеясы да болады. Формальдық логиканың жастарды тәрбиелеуде маңызы зор.

Логикалық терминдер қазақша-орысша сөздігі

— А —

Абсолюттік — абсолютный
Абстракция — абстракция
Адамды сүюшілік — гуманность
Ажырату — различение
Ажыратушы пікір — разделительное суждение
Айқындылық — определенность
Айырмашылық — различие
Айналдыру — превращение
Айқындау — уточнение
Аксиома — аксиома
Акциденция — акциденция
Ақиқат — истина
Ақпарлау — информатика
Ақыл (ой) —ум, мысль
Ақылға сыйымдылық — здравый смысл
Алғы шарт — предпосылка, посылка
Алдынан келетін (алдыңғылар) — предшествующие
Алмастыру (ұғымды, тезисті) — подмена (понятий, тезиса)
Альтернатива — альтернатива
Амал — действие, способ
Анализ (талдау) — анализ
Анализдік пікірлер — аналитические суждения
Аналогия (ұқсастық) — аналогия
Анық — определенный
Анықтама — определение
Анықтық — ясность, четкость
Анықтау — определение
Анықтаушы — определяющий
Анықталушы — определяемый
Аңғару — понимать
Антитезис — антитезис
Апагогикалық дәлел — апагогическое доказательство
Аподиктикалық — аподиктическое
Апогогикалық — апогогическое
Аргумент — аргумент
Ассерториялық — ассерторическое
Асығыс қортынды — поспешное обобщение
Атитезис — антитезис
Ауыстыру — обращение

— Ә —

Әдіс — метод
Айырмашылық әдісі — метод разницы
Бірге болып отыратын өзгерістер әдісі — метод сопутствующих изменений
Қалдықтар әдісі — метод остатков
Сәйкестік әдісі — метод согласия
Әлеулет — потенциал
Әрекет — действие
Әсер — факторы

— Б —

Бағдарлау — ориентирование
Бағындырушы — подчиняющее
Бағыну — подчинение
Бағыныңқы — подчиненное
Бағыныштылық — подчинение
Бағыт — направление
Формальдық бағыт — формальное направление
Байланыс — связка, связь
Байланыстыру — связать
Бақылау — наблюдение
Балау — сведéние
Силлогизм фигураларын балау — сведение фигур силлогизма
Барабарлық (тепе-теңдік) — тождество
Басқа факты арқылы — посредством
Бастауыш — подлежащее
Бастауыштың көлемі — объем подлежащего
Баяндауыш — сказуемое
Баяндауыштың көлемі — объем сказуемого
Бейне — образ

Бейнелеу — отображение, отражение
Бекерлеу — опровержение
Белгі — признак
Өзіндік белгі — собственный признак
Болжау — предвидение, гипотеза
Болмыс — бытие, действительность
Бөлімше — подразделение
Бөлектенетін — отделимые
Бөлектенбейтін — неотделимые
Бөлік — часть
Бөлу — деление
Бөлу мүшесі — член деления
Буын — звено
Бұрыстық — неправильность
Бүкіл әлем — вселенная
Білу — знание, познание
Бірен-саран — единичный

— Г —

Генетикалық — генетическое
Гипотеза (болжау) — гипотеза, предвидение
Гипотезалық пікірлер — гипотетические суждения
Гипотетикалық — гипотетическое

— Ғ —

Ғаламшар — планета
Ғарыш — космос
Ғылыми ой — научная мысль

— Д —

Даму — развитие
Дара — единичное
Дәйек (дерек) — факт
Дәйектілік — последовательность
Дәлел (негіз) — довод, основание
Дәлел (дәлелдеме) — доказательство
Жанама дәлел — косвенное доказательство
Тура дәлелдеме — прямое доказательство
Дәлелдеу — доказательство
Дәлдік — точность
Дедукция — дедукция
Демонстрация — демонстрация
Дене — тело
Денелі болмыс — бытие телесное
Денесіз болмыс — бытие бестелесное
Дерексіз — абстрактный
Дерексіз ұғым — абстрактное понятие
Дилемма — дилемма
Дихотомия — дихотомия
Дұрыстық — правильность
Дүние — мир

— Е —

Елестеу — представление
Ереже — правило
Ерекшелеуші пікір — выделяющее суждение
Ерекшелік — особенность

— Ж —

Жақсыз пікір — безличное суждение
Жақсылық — добро
Жалған — ложный
Жалғандық — ложность
Жалпы — общее, общий
Жалпы терістеуші — общеотрицательное
Жалпылау — обобщение
Шамамен жалпылау — приблизительное обобщение
Жалпықостаушы — общеутвердительное
Жамандық — зло
Жанама — косвенное, опосредствование
Жасанды (классификация) — искусственная (классификация)
Жеке — индивидуальный, частный
Жекеше — частное
Жекеше қостаушы — частно-утвердительное
Жекеше терістеуші — частно-отрицательное

Жеткілікті негіз — достаточное основание
Жеке түрі — разновидность
Жинақтаушы — собирательное
Жорамал — предположение
Жүйе — система
Жыйнақтаушы (ұғым) — собирательное (понятие)
Жіктеу (классификациялау) — классификация

— З —

Заң — закон
Закон достаточного основания — толық негізді (дәлелді)заң
Закон исключенного третьего — үшіншісі жоқ заң
Законы природы — жаратылыс заңдары
Туынды заңдар — производные законы
Эмпириялық заңдар — эмпирические законы
Заңдылық — закономерность
Зат — вещь, вещество
Зерттеу — исследование, изучение
Зерттеу әдістері — методы исследования

— И —

Идея — идея
Индивид — индивид
Индивидуум — индивидуум
Индукция — индукция
Ғылыми индукция — научная индукция
Көпшілікке ұғымды индукция — популярная индукция
Толық индукция — полная индукция
Толық-емес индукция — неполная индукция
Индукцияның дәлелі, негізі — основание индукции
Интенсивтік — интенсивность
Информация — информация

— К —

Категория — категория
Кеңістік — пространство
Кесімді (шартсыз) — категорическое (безусловное)
Кесте — таблица
Класс — класс
Классификациялау (жіктеу) — классификация
Қолдан классификациялау — искусственная классификация
Классификация — классификация
Координация — координация
Көлем — объем
Көңіл аудармау — отвлечение
Көрнектілік — наглядность
Көрсету — указание
Критерий — критерий
Күмәндану — сомнение
Күрделі — сложный

— Қ —

Қабылдау — восприятие
Қағийда — положение
Қажеттілік (лажсыздық) — необходимость
Қайшылық — противоречие, противоречивость
Қайшылықсыздық — непротиворечивость
Қалдықтар (әдісі) — (метод) остатков
Қамту — охватывать
Қарым-қатынас — соотношение
Қарама-қарсылық — противоположность
Қарсылық — противность
Ең зор қарама-қарсылық — наибольшая противоположность
Қарсы-жеке қарама-қарсылық — подпротивная противоположность
Қасиет — свойство
Қате — ошибка
Қатынас — отношение
Кеңістіктік қатынас — пространственное отношение

Өзара қатынас – соотношение
Қатарбағыныштылық – соподчинение
Қорғау – защита
Қортынды – вывод, заключение
Қостаушы – утвердительное
Қызмет – деятельность
"Қырсық шеңбер" – "порочный круг"
Құбылыс – явление
Құрам – состав
Құрылым – структура
Қысқартылған (силлогизм) – сокращенный (силлогизм)

— Л —

Лажсыздық (қажеттілік) – необходимость
Логика – логика
Логиканың тарихы – история логики
Логикалық – логический
Логикалық қателар –логические ошибки
Логикалық категориялар – логические категории
Логикалық қатынастар – логические отношения
Логикалық класс – логический класс

— М —

Мазмұн – содержание
Маңыз – значение
Материя – материя
Ұйымдасқан материя – организованная материя
Материялылық – материальность
Материялық – материальная
Мән – сущность
Мәнді (белгі) – существенный (признак)
Мәнсіз (белгі) – несущественный (признак)
Мінездеме – характеристика
Модальдық – модальность
Модус – модус
Деструкциялық модус – модус деструктивный
Конструкциялық модус – модус конструктивный
Момент – момент
Мөлшерлестік – соразмерность
Мүмкіндік – возможность
Мүшелеу – расчленение

— Н —

Нақты – конкретное
Нәрсе – предмет
Негіз (дәлел) – основание
Негізділік – обоснованность
Номенклатура – номенклатура
Номинальды (атаулы) – номинальное

— О —

Объект – объект
Объективтік реальдық – объективная реальность
Ой (ақыл) – мысль, ум
Ой қортындысы – умозаключение
Ойлау – мышление, размышление
Орайласу – сочетание
Ойшыл – мыслитель
Орта (термин) – средний (термин)

— Ө —

Өзаратәуелділік – взаимозависимость
Өзіндік-емес – несобственный
Өзгеріс – изменение
Өзгешелік – отличие

— П —

Пән – предмет
Практика – практика
Предикат – предикат
Полисиллогизм – полисиллогизм
Постулат – постулат
Предикат – предикат
Просиллогизм – просиллогизм
Процесс – процесс

Пікір – суждение
Ажыратушы пікірлер – разделительные суждения
Бағыну пікірлері – суждения подчинения
Жалпы анықтаушы пікірлер – общеутвердительные суждения
Жалпы болымсыз пікірлер – общеотрицательные суждения
Жеке болымсыз пікірлер – частноотрицательные суждения
Жеке-қостаушы пікірлер – частноутвердительные суждения
Қарсы жеке пікірлер – пропротивные суждения
Қатынас пікірлері – суждения отношения
Өмір сүру пікірлері – суждения существования
Пікірді бөлу – деление суждения
Пікірдің модальдығы – модальность суждения
Пікірдің саны – количество суждения
Пікірдің сапасы – качество суждения
Синтездік пікірлер – синтетические суждения
Суреттеме пікірлер – описательные суждения
Тепе-теңдік пікірлері – суждения тождества
Хабарлы пікірлер – повествовательные суждения
Ұғымдардың бағынуы – подчинение понятий
Шартты пікірлер – условные суждения
Шартты-ажыратушы пікірлер – условно-разделительные суждения
Пікірлеу – рассуждение

— Р —

Реальдық – реальность
Регресті – регрессивный
Реттеу – регулирование

— С —

Салдар – следствие
Салғастыру – сопоставление
Салыстыру – сравнение
Қарама-қарсы салыстыру – противоположение
Салыстырғысыз – несравнимое
Салыстырмалы – сравнимое, относительность
Сан – количество
Сана – сознание
Сапа – качество
Сәйкес – соответствие
Сәуле түсіру – отражение
Себеп – причина
Себептілік – причинность
Себепті қатынас – причинное отношение
Секірмелі – скачок
Сенімді – достоверное
Силлогизм – силлогизм
Ажыратушы силлогизмдер – разделительные силлогизмы
Күрделі силлогизмдер – сложные силлогизмы
Қысқартылған силлогизмдер – сокращенные силлогизмы
Лемматикалық силлогизмдер – лемматические силлогизмы
Силлогизм аксиомалары – аксиомы силлогизма
Силлогизм модустары – модусы силлогизма
Силлогизмнің ережелері – правила силлогизма
Шартты-ажыратушы силлогизмдер – условно-разделительные силлогизмы
Силлогизм фигуралары – фигуры силлогизма
Силлогизмдеу – силлогизация
Символ – символ
Синтез – синтез
Жүйесі – система
Соңынан келетін (соңғылар) – последующие

Сориттар – сориты
Софизмдер – софизмы
"Өтірікші" софизм – софизм "Лгун"
"Мүйізді" софизм – софизм "Рогатый"
"Үйінді" софизмы – софизм "Куча"
Эвата софизмы – софизм Эвата
Сөз – слово
Сөйлеу – высказывание
Структура – стуктура
Субстанция – субстанция
Субъект – субъект
Суреттейтін – описательное
Суреттеу – описание
Схема – схема
Схоластика – схоластика
Сыйыспалы – совместимый
Сыпаттама – характеристика

— Т —

Табиғи (классификация) – естественная (классификация)
Тавтология – тавтология
Тану – познание
Таныс – неопределенный
Танып-білу – познание
Таратылғандық – распределенность
Тәжірибе – опыт
Тәсіл – прием, способ
Тәуелділік – зависимость
Тәуелсіздік – независимость
Тезис – тезис
Тек – род
Тектік белгі – родовой признак
Тең – равный
Теория – теория
Тепе-теңдік – тождественность
Терістеуші – отрицательное
Термин – термин
Абсолюттік терминдер – термины абсолютные
Ажыратушы терминдер – термины разделительные
Болымды терминдер – термины положительные
Болымсыз терминдер – термины отрицательные
Дерексіз терминдер – термины абстрактные
Жалпы терминдер – термины общие
Жыйнақтаушы терминдер – термины собирательные
Кіші термин – Меньший термин
Нақтылы терминдер – термины конкретные
Орта термин – средний термин
Относительдік терминдер – термины относительные
Толымды – полное
Толымсыз – неполное
Тұжырым – заключение
Тұрақтылық – постоянство, устойчивость
Түйсік – ощущение
Түпнұсқа – оригинал
Түр – вид
Түр айырмашылығы – видовое различие
Түсіндіруші – объяснительное
Түсінік – понятие
Туынды белгі – выводной признак
Тысқарылау – исключать
Тікелей – непосредственное, прямое
Тіл – язык

— У —

Уақиға – событие
Уақыттық қатынас – временное отношение

— Ұ —

Ұзындық шама – протяжение
Ұғым – понятие
Айқас ұғымдар – скрещивающиеся понятия
Жалпы ұғымдар – общие понятия
Жеке ұғымдар – единичные понятия
Қайшы ұғымдар – противоречащие понятия

Қарсы ұғымдар – противные понятия
Салыстыруға келмейтін ұғымдар – несравнимые понятия
Тең мағналы ұғымдар – разнозначащие понятия
Ұғымдардың қосар бағынуы – соподчинение понятий
Ұғымның мазмұны – содержание понятия
Ұқсас – сходный
Ұқсату – аналогия
Ұқсастық – сходство
Ұқсастық пункттары – пункты сходства

— Ү —

Үйлеспеу – несовпадение
Үйлесу – совпадение
Үлкен шарт – большая посылка
Үлкен термин – большой термин

— Ф —

Факт – факт
Фигура – фигура
Форма – форма
Формалдық – формальное
Формулировка – формулировка

— Ш —

Шарт – условие, посылка
Кіші шарт – меньшая посылка
Шартсыз – безусловный, категорический
Шартты (пікір) – условное (суждение)
Шартты (силлогизм) – условный (силлогизм)
Шатасу – заблудиться, сбиться
Шек қою – ограничение
Шектеу – ограничение
Шындық – действительность, правдивость

— Ы —

Ықтималдық – вероятность
Ықтималдықты есептен шығару – вычисление вероятности

— І —

Ізгі адам – добродетель

— Э —

Эксперимент – эксперимент
Энтимема – энтимема
Эписиллогизм – эписиллогизм
Эпихейрема – эпихейрема

Грамматика и логика – науки симбиозные (1956 г.)

(Выступление Б.А. Аспандиярова на координационном совещании по вопросам грамматики тюркских языков, г. Алма-Ата, 1956 г.)

Разрешите мне сказать о том, какие впечатления я получил от этого совещания. Б.А.Серебренников[1] в своем докладе, между прочим, подчеркивает нечеткое понимание условий существования в языке грамматических категорий, но надо еще сказать и о том, что нет ясности, четкого понимания и самого понятия глагольного вида в казахском языке.

Борис Александрович как бы с большим сожалением отмечает необычайное распространение в тюркологии логического понимания грамматической категории.

Для такого решительного вывода, который делается Б.А. Серебренниковым, мне кажется, нет еще достаточного основания. Я не сторонник ни того, ни другого мнения, но я против выводов, которые делаются лишь на основе неразработанного материала, требующего еще глубокого, всестороннего изучения.

Грамматика и логика – науки симбиозные, они неразрывно связаны между собой. Необходимо увязать грамматику с логикой, а не противопоставлять их.

Мы понимаем, что действие протекает во времени. Каждое действие имеет свое начало, свою продолжительность и завершение. Этот процесс должен отразиться в сознании человека. Раз формы действия есть и отражаются в нашем сознании, то они должны найти и свое словесное оформление. Задача состоит в том, чтобы эти формы действия были соответствующим образом оформлены и унифицированы.

Теперь последнее, о чем я хочу сказать. Перед вами выступали здесь тт. Маманов[2] и Харисов[3], которые привели такие примеры: кет – уходить, акел – принести, апар – отнести, или ташла – бросать, кой – положить, класть и т.п. Как видите, здесь полное смысловое расхождение. Где же тут логика? Почему они отождествляют императив с инфинитивом?

---

[1] *Серебренников Б.А.* – член-корреспондент АН СССР (Институт языкознания АН СССР)

[2] *Маманов И.Е.* – кандидат филологических наук (г. Алма-Ата)

[3] *Харисов А.И.* – кандидат филологических наук (г. Уфа)

Өткен күндер естелігінен (1957 ж.)

(Из воспоминаний прошлых дней. Заметки педагога)

Тап қазіргідей есімде: еліміз дүниежүзілік соғыс пен азамат соғысының салдарынан күйзеліске ұшырап, 1920–1922 жылдардағы ашаршылықтың тауқыметін тартып жатқанды.

Ал халық ағарту ісі еліміздің экономикалық жағдайымен тікелей байланысты болатын. Қаржы мен кадрлардың жетіспегендігінен бар мектептің өзі жабылып жатты.

Жолдастар, бауырлар, көмектесіңдер, құтқарыңдар! — деп жазды сол кезде қарт мұғалімдердің бірі, — "Народное просвещение" журналына – мектеп жоғалып барады, қазір ескісін де, жаңасын да, таппай отырмыз. Мен 20 жылдан бері мұғалім болып істеймін. Бірақ дәл қазіргі жағдайды түсіне алмай отырмын. Осы біз халықты білімді еткенде ғана болашағымызды жасамаймыз ба! Сауатсыз халық бізге не демек?

Әсіресе 1921 жылдың екінші жартысы мен 1922 жыл түгелімен қауіпті болды. Ағарту мекемелерінің көпшілігі мемлекеттік бюджеттен шығарылып, жергілікті бюджетке берілді. "Осының салдарынан мектептерді өте қысқартып жіберуге тура келді. Мектеп өлімші халге ұшырап отыр", – деп жазды Халық ағарту ісі комиссары Луначарский жолдас.

Ағарту мекемелерінің саны құлдырап кеми бастады. Көптеген жерлерде мұғалімдер ашаршылыққа ұшырап, ел арасында сасу-абыржу көбейе бастады. Жеке меншік мектептер ашу керек деген нэпманшыл ұсыныстар жауды. Ақы төлеп оқыту жөнінде пікір айтушылар көбейді.

Біздің еліміз 1923 жылдың өзінде-ақ мәдени революция жасауға кірісіп, жалпыға бірдей білім беруді енгізуге дайындық жүргізе бастады. Келесі жылы ағарту ісінің материалдық базасы недәуір кеңейтіліп, мұғалімдердің еңбек ақысы екі, тіпті үш есеге дейін көбейтілді. Орталық жергілікті жерлерге ұйымшылдықпен, жоспарлы түрде басшылық ете бастады.

Барлық елдердің мұғалімдер жұртшылығына арнап декларация қабылдаған бірінші Бүкілроссиялық мұғалімдер съезі көптеген пайда берді. Съезд мұғалімнің рөлі ерекше екенін атап көрсетті.

Съезд еліміздің экономикасының өркендеуімен байланысты мектептерді материалдық жағынан жақсы жабдықтауға мүмкіндік туып отырғанын мектептердің жұмыс істеуіне мүлде жаңа перспективалар жасалып отырғанын атап көрсетіп, айқын тұжырымдады.

Бұл жылдарда менің Қазақстанда халық ағарту ісін ұйымдастыруға қатысуыма тура келді. Онда білімді адамдар тіпті аз болатын. Бұлар ең алдымен халық ағарту системасына жіберілді. Солардың бірі болып 1925 жылы мен Алматыға келдім. Бұл кезде ұлттар дербестік құра бастаған-ды. Жеке республика болумен байланысты бүкіл Түркстан өлкесі Қазақстанға келіп қосылды. Оның құрамына қазіргі Оңтүстік Қазақстан, Қызылорда, Жамбыл, Алматы, Талдықорған облыстарының территориясы кіретін-ді. Жаңада тағайындалған облыстық халық ағарту бөлімдерінің басқа меңгерушілері сияқты, менің де жұмысты жаңаша ұйымдастыруыма тура келді. Бұған дейін мен мұғалімдік қызмет атқарып, ұйымдастыру жұмысына аздап төселе бастаған едім. Алайда Қостанайда педагогикалық техникум ұйымдастырғанын Жетісу бойында халық ағарту ісін жолға қоюдан әлдеқайда жеңіл екендігі бірден мәлім болды. Оның себебі, Торғай облысы орыс мәдениетінің күшті ықпалында отырғандықтан өмірге көбірек икемді еді де белгілі мөлшерде оқытушы кадрлары мен оқушылары да болатын. Тіпті оқытушыларын басқа жерлерден шақырып алуға тура келген Алматының өзінде ағарту институты мен техникумда оқуды ұйымдастыру оңайға түспеді.

Міне, енді мен Жетісу бойына келіп, бастауыш білім беру ісімен тағы да кездесіп отырмын.

Сонымен қатар қалаларда үлгі-тәжірибе мектептері мен мектептен тысқары білім беретін ликбездер ашылды.

Біз өзімізге әрдайым "неден бастасақ екен?", "не істесек екен?" деген сұрақ қойып отырдық. Біздің қолымызда ешқандай үлгі не жоба болмады. Бұл түсінікті де.

Өз өмірімде менің екі рет атқа мініп алыс жол жүруіме тура келді. Мұның бірі – 1904 жылы бір кезде Ыбрай Алтынсарин ашқан Қостанайдағы екі кластық орыс-қазақ мектебін бітіріп, Торғайдың соғыс губернаторы Ломочевскийге бардым. Ол кезде әрбір облыста оқушыларға стипендия түрінде төленетін қаржы фондысы болатын. Оған губернатор қожалық жүргізетін. Ата-анасы кедей балалар осы стипендияны алуға рұқсат берілгенде ғана оқуға түсе алатын. Бірақ мұндай жәрдемді алу үшін қандай азапқа түсіп, қаншама жалбарыну керек еді? Қостанайда отырып жазып, мұғалімім Григорьев түзетіп берген, қалтама салып мәпелеп әкелген арызымда не жазылғаны әлі күні есімде. Қаншама жалынғанмен стипендия ала алмадым. Сондықтан да Қазандағы мұғалімдер семинариясына түсуіме мүмкіндік болмады. Кейін, көп азап шегіп жүріп, Орынбордағы мұғалімдер мектебіне түсіп оқуға және стипендия алуға право алдым.

Бұдан жиырма жыл өткен соң екінші рет жолға шықтым. Бұл жолы мәдениет орталығына емес, алыс ауылға Балқаш өңіріне, мүлде

басқа мақсатпен баруыма тура келді. Өткенде өзім оқу сұрап барсам, енді облыстық советтің өкілі ретінде болашақ оқушыларымды оқуға тартып, оларды адам қатарына қосу ниетін көздеген едім.

Өмірдегі осы бір өзгешелік, советтік мемлекетіміздің аз ұлттардың мүқтажына деген аталық қамқорлығы менің, қазақ мұғалімінің жүрегінде асқан жылылық сезім орнатқан еді. Біз, облыстық халық ағарту бөлімінің қызметкерлері Топар, Қараой, Бозой, Асы, Қарқара мал жайылымдарын, тау қойнауын аралап жүріп оқушылар жинадық, сауатты адамдар іздедік. Мұның қаншалықты қиын болғандығын ол кезде республикамыздағы сауатты адамдардың 1—1,5% болғандығынан-ақ көруге болады. Олардың өзі қалалар мен ірі селоларда ғана тұратын еді.

Жұмыстың қиындығына қарамастан біз Дегерес, Қара Қастек, Күрті өзені бойынан бірнеше тұңғыш мектептер аштық. Еңбегіміз жанды, маңдай теріміз ақталды. Ашылған мектептерге ондаған километр жерден оқушылар атпен келіп, сабаққа үзбей қатынасып тұрды. Бұлардың көпшілігі кейін алғыс айтып, хат жазып тұратын болды.

Жоғарыда елімізде үлгі-тәжірибе мектептерінің ашыла бастағанын ескертіп кеттік. Мұндай мектеп Алматыдан да ашылды. Қазақ ССР-нің құрамына Жетісудың қосылуымен байланысты бұл мектептің бюджеті көбейтіліп, кадрлары да недәуір нығайтылды.

Үлгі-тәжірибе мектептері революциядан бұрында болатын. Олар көбінше мұғалімдер семинарияларының, интернаттардың, мектептердің және педагогикалық курстардың жанынан ашылатын да осы оқу орындарында оқушылардың педагогикалық практика жүргізуіне пайдаланылатын. Олар кейде практикалық мектептер деп те аталатын.

Сондықтан үлгі-тәжірибе мектептері педагогикалық біліммен қаруландыру, педагогикалық процестің методтарын жасап, оны ұйымдастыру міндетін атқарды.

Ұлт мектептерінің жағдайы бұдан да нашар болатын. Рас, селолық жерлерді шарлап жүріп, біз екі жүзден аса халық мұғалімдерін тауып алдық. Бірақ бұлардың өздерін де оқыту керек еді. Олардың көпшілігі жөндеп қол қоя да білмейтін. Алайда селодағы тірек пен сүйеніш те, алғашқы оқушылар мен қазақ жастарын оқуға тартып, олардың білімге деген талабын оятқан да солар болды. Олар жыл сайын, халық мұғалімдерін даярлайтын екі айлық курстарға қатысып, практикада көрінген жаңалықтармен және үлгі-тәжірибе мектептерінің жетістіктерімен танысып отырды.

Уақыт өтіп жатты. Көпке дейін мұғалімдеріміз оқыту методикасын меңгере алмай тұрді. Оқыту жұмысы көрнекілікті керек ете бастады. Ая олар бізде атымен жоқ-ты. Әліппе оқулықтар болмады.

Бәрінен де қазақ мектептері көп қиындық көрді. Ол баяу қалыптасып, қателер де жіберіп отырды. Қазақ мектептерінің көптеген мұғалімдері тек ескі араб жазуын ғана білетін. Қазақ тілінде реформа жасалып, ескі араб таңбасының жаңа араб таңбасымен, одан кейін латын таңбасымен ауыстырылуы мектептерді жұмысты басынан бастауға, ал мұғалімдерді әліппені оқытудың методикасын іздеуге мәжбүр етті. Оқулық пен көрнекі құралдар шығарып үлгіру қиын болды. Оның үстіне, көптеген мектеп жабдықтары мен оқу құралдары жетіспеді. Бұл кезде политехникалық білім беруді ойлаудың өзіне мүмкіндік жоқ-ты.

Мастерскойда мен еңбекке тәрбиелеу методы өте сирек кездесетін.

Оқушылар жұртшылығын оқытып, тәрбиелеудің жаңа жолдары іздестіріле берді. Бұл кезде коллективтік бақылау, экскурсия, өзара тексеру жүргізу, әңгіме өткізіп, баяндама жасау, лекция оқу және басқа әдістер кеңінен өріс алды.

Содан бері ширек ғасыр уақыт өтті. Осы уақыт ішінде адам бейнесі, заман бейнесі қаншама өзгеріп кетті. Ол кезде 35 мыңға жуық халқы бар Алматыда адамдар бірін-бірі жүзінен танитын. Онда бар болғаны балшықтан салынған ауылшаруашылық техникумы мен КазПИ-дің үйлері ғана көзге көрінетін. Бұлардан басқа не бар еді, бізде? Біз ол кезде Үкімет үйі мен почтамптың болашақ құрылысшыларын да, республикадағы ғылым мен мәдениеттің басқа көрнекті қайраткерлерін де, даңқты еңбек ерлерін де, социалистік ауыл шаруашылығының асқан шеберлерін де, осылардың бір де бірін білмейтінбіз. Біздің білетініміз де, мақтаныш ететініміз де сол, — осылардың бәрі де біркезде бізден, қарт мұғалімдерден оқып, өмірге жолдама алған жастар.

Кім білсін, қазіргі халық мұғалімдерінің оқушылары енді бір ширек ғасыр өткен соң планетааралық саяхатқа шығып, өздерін осыған баулып, дегеніне жеткізген ұстаздарына алғыс та айтар.

Қысқартылып басылып отыр, 1957 ж.

III. СТАТЬИ О БИЛЯЛЕ АСПАНДИЯРОВЕ И ЕГО ТРУДАХ

Кенес НУРПЕИС, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники, лауреат Государственной премии Республики Казахстан

Просветитель, ученый-историк, мужественный и честный человек (штрихи к портрету)

В последние годы я вместе со своими коллегами по Институту истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Национальной Академии наук занимаюсь изучением истории политических репрессий в Казахстане за годы Советской власти. Одной из первых публикаций по сюжетам этой темы была статья о трудной судьбе первого доктора исторических наук из казахов Е.Б. Бекмаханова, который стал жертвой очередной волны политических репрессий и 2 декабря 1952 г. решением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР был осужден на 25 лет лишения свободы "за пропаганду буржуазно-националистической идеологии, восхваление феодально-байского строя, реакционных султанов, стремившихся к восстановлению среднеазиатских феодальных порядков в Казахстане", за то, что он в своей "научной работе вопрос о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России истолковывал с буржуазно-националистических позиций". (Центральный архив НАН РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 447. Л./, 2). Так было сказано в обвинительном заключении, составленном аппаратом Министерства госбезопасности Казахской ССР и послужившем для сурового приговора Е. Бекмаханову. Такой несправедливый приговор был вынесен после многочисленных обсуждений и оценок монографии Е. Бекмаханова "Казахстан в 20—40-е годы XIX века", состоявшихся в Алма-Ате и Москве во второй половине 40-х годов.

Последнее публичное обсуждение названной монографии Е. Бекмаханова состоялось в июле 1948 г. в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, в котором участвовали более 20-ти человек. Сохранилась стенограмма этого обсуждения, свидетельствующая о том, что тогда в защиту книги Е. Бекмаханова и лично его самого от несправедливого обвинения "в антисоветской деятельности, выражавшейся во враждебной настроенности по отношению к существующему в СССР политическому строю", что "нашло отражение в

его монографии", заступились всего несколько человек, в том числе Билял Аспандияров.

Когда публиковал статьи "Дело Бекмаханова" (газета "Қазақ батырлары" (1990, N 1), "История одного дела" (Сб. статей "История Казахстана: белые пятна". А. 1991) я ничего не знал о Б. Аспандиярове. Лишь недавно, познакомившись с Сериком Биляловичем Аспандияровым – сыном героя настоящей статьи, я узнал много интересного об этом человеке – просветителе, ученом-историке. Познакомился со справкой буквально в несколько строк, опубликованной о нем в Казахской энциклопедии и со статьей – информацией Олжаса Сулейменова в газете "Казахстанская правда" (1969 г., N 69).

К тому же Серик Билялович представил мне некоторые фотодокументы со своими комментариями и рукопись кандидатской диссертации отца. Все это и стенограмма обсуждения монографии Е. Бекмаханова "Казахстан в 20–40-е годы XIX века" (Алматы, июль 1948 г.) послужили основой для написания предлагаемой читателям статьи.

Сначала некоторые биографические данные: Билял Аспандияров, по его собственному выражению "сын казаха из кипчакских родов", родился на Костанайщине (Карабалыкский район Костанайской области) в 1886 г. в семье шаруа среднего достатка. Окончил двухклассную школу, организованную в свое время Ибраем Алтынсариным в Костанае и Оренбургскую учительскую школу. По профессии и призванию он был учителем-просветителем. Он последовательно работал учителем аульной школы, являлся организатором и руководителем Костанайского педагогического техникума, во второй половине 20-х годов заведовал отделом образования Жетысуйской губернии, с начала 30-х годов преподает в Алматинском институте просвещения и местном педтехникуме, а затем занимается педагогической деятельностью в Алматинском комвузе, зооветеринарном, горно-металлургическом (ныне технический университет) институтах и институте журналистики.

Большую педагогическую и культурно-организаторскую деятельность он успешно сочетает с работой по созданию учебников и учебных пособий по русскому языку для казахских школ, по психологии и логике. Он написал и опубликовал такие работы, как "Русская книга для казахских школ" (1931 г.), "Уроки русского языка для казахских учителей-заочников" (1931 г.), "Русский букварь" (1932 г.), "Самоучитель русского языка для взрослых казахов" (1932 г.), "Учебник русского языка для начальной школы" (1934 г.), "Учебник русского языка для военнообязанных казахов" (1942 г.) и др.

Благодаря этим работам он стал одним из основателей казахской педагогической науки. В этой сфере деятельности он, надо полагать, тесно сотрудничал с такими выдающимися деятелями культуры вооб-

ще и педагогики, в частности, как Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, Санжар Асфендияров. Об этом свидетельствуют фотодокументы, взятые из личного архива С. Б. Аспандиярова и публикуемые впервые: на фото N 1 – в центре Ахмет Байтурсынов (2), справа от него Смагул Садвакасов (4), слева Абикей Сатпаев (3), непосредственно за А. Байтурсыновым – Билял Аспандияров (1), первый ряд второй слева – Мыржакып Дулатов (5), второй ряд сверху, третий справа – Тельжан Шонанов (6); на фото N 2 – в центре Санжар Асфендияров (1), на этом ряду справа от него Билял Аспандияров (2). Крайний в этом же ряду – Алимхан Ермеков (3). Эти фотографии опубликованы впервые в июле 1999 г. в газете "Столичное Обозрение".

Б. Аспандияров прекрасно владел казахским и русским языками, знал основы европейских (английский, немецкий), ряда восточных языков (например, арабского и персидского, не говоря о языках тюркских народов). Поэтому он участвовал в создании двухтомного русско-казахского словаря, изданного Институтом языка и литературы АН Казахской ССР в 1946 г., был одним из составителей Толкового словаря казахского языка (1959–1961 гг.).

В последние годы жизни Б. Аспандияров работал старшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР (ныне Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова НАН РК) и занимался исследованием истории Казахстана XIX века. Он одним из первых в советской историографии осуществил комплексное изучение истории Букеевской орды (ханства). Результаты своих изысканий по этой теме он защитил как кандидатскую диссертацию в 1947 году. Диссертация называлась "Образование Букеевской орды и ее ликвидация". Ее объем составляет 216 машинописных страниц. В качестве "Приложения" к рукописи диссертации дан солидный "Перечень" архивных фондов и дел с указанием их названий и объема.

К сожалению, диссертация Б. Аспандиярова не была опубликована. Она сохранилась в единственном экземпляре в семейном архиве сына ученого – Серика Биляловича Аспандиярова.

Цель своей работы автор определяет как "попытку дать краткую историю Букеевской орды с момента ее образования до ее окончательной ликвидации, осветить основные моменты ее политического и хозяйственного устройства и на этом фоне показать социально-классовую структуру, общественные отношения, экономику казахского общества и их изменения под влиянием внешних и внутренних факторов и проникновения капиталистических отношений" (Б. Аспандияров. "Образование Букеевской орды и ее ликвидация". Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. А. 1947. с. 11).

В рукописи исследования в логической последовательности раскрываются социально-экономические и политические причины образования Букеевской орды, сам процесс ее образования, ликвидации ханской власти в ней и ее последствия.

Основное внимание автор обращает на всестороннее и глубокое изучение таких сюжетов темы, как земельный вопрос, налоги и повинности, торговля и социально-экономические отношения в Букеевской орде. Не остались вне поля зрения автора и вопросы культурной жизни ханства, а также выступления под руководством султана Каипгалия Ишимова и восстание под предводительством Исатая Тайманова.

В настоящей статье не ставится задача всесторонней оценки названной рукописи. Это задача будущего и специалистов, глубоко занимающихся изучением истории Букеевской орды (ханства). Здесь хочется лишь подчеркнуть, что многие концептуальные выводы Б. Аспандиярова до настоящего времени не потеряли своего научно-познавательного значения и часть из них созвучны положениям, сформулированным современными исследователями истории Букеевской орды, такими как академик С. Зиманов, профессор Ж. Касымбаев, кандидат исторических наук К. Кобыландин и др. Желательно было бы (если для этого будут возможности) издать рукопись Б. Аспандиярова с необходимыми комментариями специалиста-ученого.

* * *

Б. Аспандияров проявил гражданское мужество и принципиальность ученого-историка в период очередной волны политических репрессий в СССР, охвативший середину 40-х — начало 50-х годов. Кстати заметим, что до этого в СССР, в том числе в его национальных республиках, прошли волны политических репрессий, организованные сталинской командно-административной системой и осуществленные под лозунгами борьбы против т.н. контрреволюционеров и национал-уклонистов, участников Алашского движения, байства и кулачества, “врагов народа” и против целых “народов-предателей”, насильственно переселенных в Казахстан и другие регионы Союза. Жертвами этой политики геноцида стали миллионы советских людей. В эти годы в Казахстане был репрессирован и уничтожен в своем большинстве цвет интеллигенции, почти весь состав государственных и хозяйственных руководителей, в том числе 19 народных комиссаров (министров). Кроме них по ложному доносу были осуждены десятки тысяч рядовых граждан.

Последний этап политических репрессий охватывает 60—80-е годы. Это — время борьбы тоталитарной системы с диссидентством и с т. н.

"казахским национализмом", связанные с хрущевской "оттепелью" и с декабрьскими событиями 1986 года в Казахстане.

Однако вернемся к периоду политических репрессий, охватившему середину 40-х – начало 50-х годов, потому как он имеет отношение к герою нашей статьи.

Политическая кампания этого периода, если говорить о ней в целом, выразилась в осуждении на длительные сроки видных ученых-обществоведов Е. Бекмаханова, Е. Исмаилова, Б. Сулейменова, К. Мухаметханова, Х. Жумалиева, известного геолога М. Русакова, в гонениях, устроенных по отношению к А. Жубанову, С. Кенесбаеву, Б. Кенжебаеву и другим представителям научной и творческой интеллигенции, обвиненных в пропаганде буржуазно-националистической идеологии и антисоветских действиях. "Знаковой фигурой" этой кампании стал молодой тогда, талантливый ученый-историк Е. Бекмаханов, участвовавший в подготовке и издании в 1943 году обобщающей работы "История Казахской ССР", защитивший в 1946 году, в тридцатилетнем возрасте, в Институте истории Академии наук СССР докторскую диссертацию, которая через год была опубликована в виде отдельной монографии под названием "Казахстан в 20–40-е годы XIX века".

Выход книги Е. Бекмаханова совпал с принятием Постановления ЦК Компартии Казахстана (21 января 1947 г.) "О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР". Это постановление практически наложило запрет на научное изучение духовного наследия казахского народа, прежде всего XIX века, объявило попытки научного осмысления устного и письменного наследия прошлого политическими ошибками и извращениями националистического характера ("Большевик Казахстана". 1947, N 1, с. 50).

Этот партийный документ содержал не только неверные установки, но и тяжело отразился на судьбе отдельных ученых. Многим казахским ученым-обществоведам постепенно начали приклеивать ярлыки националистов, а другой группе ученых республики (в основном представителям биологических наук) после печально известной августовской (1948 г.) сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) – ярлыки "безродных космополитов", преклоняющихся перед Западом.

В республике доморощенные "сверхинтернационалисты" начали тотальный поиск носителей буржуазно-националистических идей среди интеллигенции. В научно-исследовательских институтах системы Академии наук, вузах республики, а также в коллективах творческой интеллигенции усилились подозрительность, страх, психология покорности и доносительства, возник синдром 1937–1938 гг.

Стали обвинять президента Академии наук К.И. Сатпаева, академика и писателя М.О. Ауэзова, ректора КазГУ Т.Т. Тажибаева в по-

кровительстве неблагонадежным лицам, являющимся якобы носителями националистических идей и поступков.

Со второй половины 1947 года особым нападкам стали подвергаться работы Е. Бекмаханова и, в первую очередь, его монография "Казахстан в 20–40-е годы XIX века", посвященная, главным образом, изучению истории национально-освободительного движения казахского народа под руководством Кенесары Касымова.

В устных и печатных дискуссиях по работам Е. Бекмаханова принимали участие представители всех подразделений общественных наук: историки, юристы, экономисты, литературоведы... В эту кампанию вскоре включились и работники аппарата ЦК Компартии Казахстана, начиная от заведующих отделами и кончая секретарями ЦК.

Одни участники дискуссии, возможно, верили, что они, обвиняя целый ряд представителей казахской интеллигенции в буржуазном национализме, борются за чистоту марксистско-ленинской идеологии, другие преследовали карьеристские цели, а остальные (это в основном работники партийного аппарата разных уровней) официально проводили в жизнь сталинско-ждановские указания по борьбе с инакомыслием в духовной жизни, зафиксированными в постановлениях ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград" (14 августа 1946 г.), "О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению (26 августа 1946 г.) и "О кинофильме "Большая жизнь" (4 сентября 1946 г.).

В 1948 году были организованы две дискуссии по книге Е.Б. Бекмаханова. Первая состоялась 28 февраля в Москве в Институте истории АН СССР. Она прошла под руководством академика Б.Д. Грекова с участием видных ученых-историков страны Н.М. Дружинина, С.В. Бахрушина, М.П. Вяткина, А.П. Кучкина, С.В. Юшкова и др. В обсуждении книги принимала участие специально приехавшая из Алматы кандидат исторических наук Х.Г. Айдарова, выступившая с пространной речью. Кроме того, была зачитана рецензия кандидатов исторических наук Т.Ж. Шоинбаева и М.Б. Ахинжанова на обсуждаемую работу.

Основной тезис выступления Айдаровой и рецензии Шоинбаева и Ахинжанова заключался в следующем: движение Кенесары и ближайшего окружения являлось выражением "феодально-монархического национализма", а книга, посвященная этому движению "аполитичная, безыдейная, вредная", что Бекмаханов оказался в плену буржуазной концепции "единого потока", что у него "буржуазно-националистическая концепция".

Другие участники дискуссии, представляющие цвет Московской исторической школы, высоко оценили книгу Бекмаханова и резко

выступили против приклеивания политических ярлыков ее автору, имевших место в выступлении Айдаровой и рецензии Шоинбаева и Ахинжанова. Они заявили, что поддерживают основное концептуальное положение книги о том, что восстание под руководством К. Касымова являлось массовым, национально-освободительным движением, направленным против колониального гнета самодержавия. Вместе с тем московские ученые указали на ряд недостатков книги. В частности, говорилось о том, что в книге не до конца показаны внутренние противоречия движения и недостаточно вскрыта классовая борьба в казахском обществе и т. д.

Заключая московскую дискуссию, академик Б.Д. Греков призвал своих казахских коллег к дружной творческой работе и просил их в научных спорах воздерживаться от политических обвинений.

Однако в условиях Казахстана того времени призыв большого ученого не был услышан. Ажиотаж вокруг монографии и ее автора, а также его сторонников с каждым днем возрастал.

В июле 1948 г. в Институте истории, археологии и этнографии была организована еще одна дискуссия по книге Е.Б. Бекмаханова. Она продолжалась в течение пяти дней –14-17 и 19 июля. В ней участвовали 24 человека. По уровню научного анализа, по характеру оценки книги и ее автора, по сделанным выводам участники дискуссии разделились на две группы. Одна группа (С.Е. Толыбеков, Х.Г. Айдарова, Т.Ж. Шоинбаева, М.В. Жизневский, Б.С. Сулейменов и др.) занимались по существу сплошным охаиванием, определяя монографию Е.Б. Бекмаханова "...в научном отношении путанной и в политическом отношении вредной", "...по своему содержанию ...несостоятельной, аполитичной, безыдейной, а потому и вредной", "антимарксистской, буржуазно-националистической", "а поэтому, – говорили они – следует немедленно изъять ее из пользования". Бекмаханов обвинялся в том, что при написании такой "вредной книги" он опирался "на материалы буржуазных историков, произведения придворных поэтов и на сочинения алашордынских лидеров" (См.: Стенограмма дискуссии по книге Е.Б. Бекмаханова "Казахстан в 20–40-е годы XIX века", июль 1948 г. //Рукописный фонд Института истории и этнологии, С. 27, 90, 119, 266, 277, 282, 317). Приведенные выше выдержки являются лейтмотивом всех выступлений вышеназванной группы участников дискуссии, и они, к большому сожалению, послужили в дальнейшем (1952 г.) основой для осуждения Е. Б. Бекмаханова на 25 лет лишения свободы ...

Лишь незначительная часть участников дискуссии, в том числе и Б. Аспандияров, смело защищали книгу и его автора.

Б. Аспандияров принял участие в дискуссии в третий день обсуждения (вернее осуждения) книги Е. Бекмаханова. В своем выступле-

нии он аргументированно защищал концептуальные выводы Е. Бекмаханова по таким важнейшим проблемам, как причины, характер и движущие силы восстания под руководством Кенесары Касымова, спорил с критиками монографии Е. Бекмаханова по вопросам причины участия султанов в восстании, открыто и смело изложил свое мнение по такому политически опасному в то время вопросу, как соотношение "меньшего" и "большего" зла в оценке процесса присоединения Казахстана к России в связи с целями и задачами движения Кенесары Касымова (Там же, с. 251–264).

Приводя архивные документы, данные воспоминания своих предков, выходцев из племени кипчак, среднего жуза, а также комментируя отдельные таблицы, приведенные в монографии Е. Бекмаханова, Б. Аспандияров делает вывод о том, что "за исключением Адаевского, части Жаппасского и Аргынского родов, все остальные казахские роды принимали участие в этом движении, хотя выступали неравномерно, что объясняется передвижением Кенесары Касымова из одного жуза в другой... Само это передвижение Кенесары явилось вынужденным... Он передвигался в силу неравенства воюющих сторон, вооруженные царские войска наступали, преследовали все время, Кенесары вынужден был все время отступать" (Там же, с. 261).

Далее Б. Аспандияров, возражая оратором, отрицавшим, что народный характер восстания было массовым, национально-освободительным, поэтому в нем участвовали представители всех слоев казахского народа (в первую очередь, шаруа), включая султанов в лице Кенесары и других чингизидов.

При этом он подчеркивал, что "цели и задачи участников движения у каждой социальной группы могли быть различными".

Б. Аспандияров аргументированно поддержал один из концептуальных выводов Е. Бекмаханова о том, что главной причиной восстания, наряду с ликвидацией ханской власти, явился насильственный захват лучших казахских земель колонизаторами. "За Кенесары шел народ, а народ – это не одиночки, – говорил Б. Аспандияров. – Царские чиновники изымали лучшие земли и тем самым лишали жизненных условий, это стимулировало народное движение. Такова была почва, на которой появился Кенесары. Кенесары давал более приемлемый для масс лозунг, он обещал и землю, и свободу, и независимость... Вот почему массы шли за Кенесары и поддерживали его и это было естественным" (Там же, с. 257).

Б. Аспандияров в своем выступлении, как говорилось выше, затронул вопрос о соотношении "меньшего и большего зла" в связи с проблемами, ставшими объектами научных изысканий Е. Бекмаханова. Рассуждая по поводу высказываний участников дискуссии (в част-

ности Х. Айдаровой, А. Турсунбаева и др.) о том, что присоединение Казахстана к России было "меньшим злом" по сравнению с возможным "большим злом", т.е. полным подчинением его Джунгарии, а затем его исчезновением подобным судьбе самого Джунгарского ханства. По этому поводу Б. Аспандияров заявил следующее: "Мы давно знаем, что это (т.е. присоединение Казахстана к России – К. Н.) было "наименьшим злом". Об этом говорили многие. Однако никто из говорящих не ставил и не ставит вопроса о том, какое было бы зло в том случае, если бы Казахстан каким-то чудом превратился в тот период в самостоятельное государство... Чтобы тогда случилось – зло было бы это или не зло. Можете ответить? Если создание самостоятельного государства является злом, то тогда нельзя ставить вообще вопрос о самостоятельном развитии народностей, тогда не надо бороться за независимость, это также не будет злом.

Тогда остается считать, что мы должны приветствовать движение угнетенных национальностей против императоров. Раз так и такое движение мы считаем прогрессивным фактом, то почему мы не можем считать народным движение, направленное против царской России" (Там же, с. 260, 261).

Своим участием в дискуссии и активной защитой концептуальных положений монографии Е. Бекмаханова, а также смелым изложением оригинальных мыслей по некоторым оценочным вопросам проблемы присоединения Казахстана к России Билял Аспандиярович проявил качества принципиального ученого-историка, честного и смелого человека...

Скончался Билял Аспандияров в 1958 году в Алматы в возрасте 72-х лет.

Он, как представитель казахской национальной интеллигенции, сформировавшейся на стыке XIX–XX веков, современник духовных лидеров казахского народа – А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова – прожил жизнь скромного и честного труженика просвещения и науки. Он не был избалован вниманием властей: ему было присвоено скромное звание Заслуженного учителя школы (1945 г.), он награжден орденом, последним по статусу, "Знак почета" (1950 г.) ...

Данная статья лишь штрихи к портрету Биляла Аспандиярова, оставившего после себя значительное научное наследие в ряде сфер общественных и гуманитарных наук, которое должно стать достоянием нынешнего поколения. Жизнь и деятельность Б. Аспандиярова и подобных ему личностей заслуживают пристального изучения.

Думается, что сказать так уместно в год Единства и преемственности поколений, каким объявлен 1999 год Президентом Республики Казахстан.

Июль 1999 г.

Алькей МАРГУЛАН, член-корреспондент Академии наук Каз.ССР

О работе Б. Аспандиярова "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" 1947 г.

Работа тов. Б. Аспандиярова "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" (1947 г.), посвящена одному из узловых вопросов истории дореволюционного Казахстана и представляет большой научный интерес, как по своей теме, так и по постановке ряда важных историко-социальных проблем. Выдвигаемая автором тема поры истории Букеевской орды неоднократно привлекала внимание русских ученых. Мы знаем солидные работы о букеевских казахах профессора Московского университета Алексея Харузина, работы востоковедов Григорьева, Фирсова, академиков Веселовского, Вельяминова-Зернова, Небольсина и ряда других ученых, которые в свое время собирали большое количество фактических материалов о Букеевской орде. Однако, эти ученые, по своей идейной ограниченности и к тому же служившие целям буржуазно-помещичьего строя, не могли оставить нам объективную картину социальной истории букеевских казахов. Их работы в своих главных чертах явились лишь сырым материалом, нуждавшемся в критической переоценке и в новых комментариях. Эту политику освещения истории букеевских казахов взял на себя наш диссертант тов. Б. Аспандияров.

Предлагаемая Б. Аспандияровым работа о Букеевской орде является второй по числу работой, написанной после Великой Октябрьской Социалистической Революции. Аналогичная работа была написана научным сотрудником института Истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР В.Ф. Шахматовым – "Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова". Однако, автор последней работы преследовал несколько другую, более узкую цель и ставил себе задачу осветить, главным образом, историю социальных отношений в Букеевской орде в период восстания Исатая Тайманова.

Тов. Б. Аспандияров ставит вопрос шире, его работа охватывает все стороны социально-политической и культурно-экономической жизни казахов Букеевской орды в первой половине XIX века.

Автор разбивает свою диссертацию на главы. Первую главу диссертант посвятил изложению предпосылок образования Букеевской орды, как особого феодального ханства, находившегося в вассальной зависимости от царской России. На основе литературных источников автор стремился показать в этой главе основные моменты политической обстановки в царской России и осветить положение казахов Младшего жуза накануне образования Внутренней орды.

Совершенно новую мысль автор высказывает во второй главе, посвященной изложению истории орды, которая всегда сводилась к результатам личной способности султана Букея и его стремлению создать между Яиком и Волгой, обособленное от Младшего жуза ханство, подчиненное Оренбургской пограничной комиссии. Эту точку зрения поддерживал, в частности, известный историк национально-освободительных движений в Казахстане Рязанов. Однако, эта неверная концепция уже опровергается работами казахстанских историков В.Ф. Шахматова и Б. Аспандиярова. Тов. Аспандияров основываясь на обширном фактическом материале доказывает нелепость этой теории и высказывает правильную мысль об образовании Букеевской орды совершенно на иной основе.

В образовании этой орды автор видит три основных момента: экономический кризис, охвативший казахов Младшего жуза в конце XVIII века; феодальные распри и междоусобные войны султанской верхушки, приведшие Младший жуз к дроблению и, наконец, основной рычаг создания Букеевской орды по автору лежал на самом существе колониальной политики царизма, который всегда стремился применить по отношению к Младшей орде метод дробления /расчленения/ и тем самым ослабить сопротивление народных масс казахов против его колониальной политики.

Хотя кратко, но неплохо составлена глава третья. В ней автор дает характеристику ханской власти в Букеевской орде начиная с ее возникновения и кончая периодом ее ликвидации. Автор правильно отмечает, что при Джангире ханская власть в Букеевской орде достигла такой силы, что она стала сильным орудием для эксплуататорского класса. Хан имел неограниченную власть над простыми казахами этой орды. Это была своего рода "отрыжка" российского абсолютизма на почве Букеевской орды со всеми ее эксплуататорскими чертами. Для угнетения казахских народных масс Джангир группирует вокруг себя более надежную для себя социальную опору, он усиливает влияние социальной верхушки — султанов, баев, духовенства. Он, — во-первых, узурпирует общественные земли и раздает их своими приближенным, султанам, крупным баям и духовенству, возводя их в ранг дворянского сословия и закрепляя это иммунитетными грамотами. Таким образом, путем раздачи общественных земель и пожалования звания тарханства, хан формирует в орде особое привилегированное феодально-байское сословие, ставит опорой ханской власти.

Автор правильно отмечает, что в результате экспроприации общинных земель и установления в Букеевской орде частной собственности на землю, образовались новые верхушечные слои феодалов-землевладельцев. Это разрушило, — говорит автор, старые родовые

устои букеевских казахов и в силу всего этого народ становился объектом жестокой эксплуатации.

В следующих главах автор конкретизирует форму эксплуатации и грабежа трудового казахского населения феодальной верхушки. Особенно тяжким бременем для трудящихся становится экспроприация общинных земель. Земля фактически оказалась во владении крупных помещиков Юсупова, Безбородко и феодально-байской верхушки, которым хан раздавал большие земельные участки, юридически закреплял эти участки за ними иммунитетными грамотами. Автор подчеркивает, что общинные земли грабили помещики, хан, султаны, духовенство (ишаны, ходжи, кази) и крупное байство. За счет узурпации общинных земель хан Джангир превращает Букеевскую орду в свою вотчину. (стр. 84) и сам становится крупным помещиком-крепостником. Он захватывает самые лучшие участки, размеры которых достигают до полмиллиона гектаров. Захват общинных земель, жестокая эксплуатация народных масс сопровождается методами грабежа, насилия и произвола ханской власти не могла не отразиться на социально-экономическую жизнь казахов Букеевской орды, автор приводит целый ряд фактов о том, как происходило обнищание казахов этой орды в 30—40 годах XIX в. Обезземеленные казахи в конце концов вынуждены были арендовать землю у господ-феодалов, становясь часто зависимыми от них. Они платили за аренду натурой (скотом) деньгами и отработанной системой (стр. 73, 77, 90). Автор подчеркивает более тяжкое бремя для трудового населения Букеевской орды со стороны помещиков, ватажных людей, откупщиков (стр. 76, 77). Однако, эти важные социально-экономические вопросы освещены вне связи с классовой борьбой, которая сводилась у автора к недовольству народных масс или к конфликтам социально-экономического порядка.

Декабрь 1947 г.

Ольга ЗАЙЦЕВА, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук (г. Москва), кандидат исторических наук

О рукописи Биляла Аспандиярова “Образование Букеевской орды и ее ликвидация” и его двух статьях

Рукопись монографии Б. Аспандиярова “Образование Букеевской орды и ее ликвидация” представляет несомненный интерес для современных исследований и для широкого круга читателей, хотя она на-

писана в 1947 г. Это достаточно редкое явление, поскольку одним из главных достоинств рассматриваемой рукописи является высокая степень ее научной обоснованности, объективности и непредвзятости. В трудных условиях идеологического давления автору удалось избежать штампов и создать действительно оригинальное, глубоко аргументированное исследование. Его тема относится к ряду малоизученных страниц истории не только Казахстана, но и России. Предпринятый автором всесторонний анализ Букеевской орды на протяжении всего периода ее существования является ценным вкладом в изучение истории взаимоотношений России и казахов. На основе тщательной работы с весьма широким кругом источников, в том числе редких и впервые вводимых в научный оборот документов, автор представил яркую панораму политической, экономической, социальной, культурной жизни казахов Букеевской орды. Книга написана ясным литературным языком. Она не только не устарела, но, наоборот, является актуальной и своевременной в наши дни, когда чрезвычайно важна задача более глубокого понимания истории, прошлого народа, которое во многом определяет национальное самосознание сегодняшнего дня и будущее развитие общества и государства.

В этом отношении обращают на себя внимание две небольшие по объему, но очень емкие по содержанию статьи автора, в которых затрагиваются такие вопросы, как происхождение этнонима "казахи" и географические пределы расселения казахов в древности. Обе статьи написаны с нестандартных позиций, будучи при этом подкреплены доказательными топонимическими, лингвистическими, археологическими и иными материалами. Нужно было обладать недюжинной научной и личной смелостью, чтобы написать эти статьи в то время, когда сурово каралось даже малейшее отступление от застывших, часто искусственно навязываемых, догм.

Об этой гражданской и научной смелости ярко свидетельствует выступление Б. Аспандиярова в ходе кампании, направленной против трактовки казахской истории, высказанной Е. Бекмахановым. Билял Аспандияров был одним из очень немногих ученых, не побоявшихся поддержать молодого историка и его точку зрения. Научную истину он поставил выше не только карьерных соображений, но даже и личной своей безопасности. Приведенное в рукописи выступление Б. Аспандиярова представляет собой документ эпохи, обладающий огромной моральной силой.

Собранные в книге публикации, воспоминания о Б. Аспандиярове рисуют портрет истинно интеллигентного человека в полном смысле этого слова.

Сын ученого, С. Аспандияров, приложил немало труда для того, чтобы собрать воедино, в рамках одной книги все эти уникальные

материалы: монографию о Букеевской орде, которая по вполне понятным причинам не могла быть опубликована в годы, когда преследовалась свободная научная мысль, и так долго ждала своего часа; статьи о казахах как важном компоненте древнетюркского мира, написанные увлекательно и строго научно в одно и то же время; стенограмму выступления в поддержку Е. Бекмаханова, в которой, помимо слов в защиту позиции этого историка, содержатся глубокие мысли об историческом пути казахского народа, философском осмыслении вариативности истории, роли множества внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов, определяющих развитие и судьбы народа.

Все эти материалы не только представляют собой важный и ценный вклад в изучение истории Казахстана и, в немалой степени, России, но и несут мощный гражданский заряд, поднимая многие проблемы исторического пути государства и общества, имеющие существенное значение для осмысления процесса исторического развития народов обеих стран. Поэтому публикация данной книги важна и для российского читателя.

Как один из редакторов книги, полагаю, что она практически готова к публикации и нуждается лишь в незначительной доработке, большей частью стилистической и не затрагивающей ее основное содержание.

Еще раз подчеркну, что публикация данной книги не только восполнит существующие в казахстанской и российской исторической науке пробелы, но и послужит восстановлению в национальной памяти имени замечательного ученого и человека, Биляла Аспандиярова.

22 мая 2000 г.

Манаш КОЗЫБАЕВ, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова

Ценное исследование

Билял Аспандияров (1886–1958 гг.) – историк-исследователь старшего поколения. Он является талантливым ученым. Его труд “Образование Букеевской орды и ее ликвидация” (1947 г.), несмотря на то, что создан в 40-х годах, оригинален, отличается от подобных работ того времени, объективностью, историзмом.

Отличительной особенностью труда следует считать его комплексный характер. Раскрыты такие вопросы, как политическая обстановка

как в царской России, так и Младшем жузе, образование Букеевской орды и ее ликвидация, административное устройство орды после ликвидации ханскои власти, земельный вопрос, налоги и повинности, торговля в Орде, социально-экономические отношения в этом во многом своеобразном крае.

Труд подкупает свежестью идей, постановкой вопросов, оригинальным решением их.

Труд создан историком-диалектиком. Он настойчиво следует за историческим процессом, на неопроверживых фактах раскрывает суть колониальной политики империи. Он справедливо отмечает, что Джангир хан был наиболее образованным ханом, ханом-реформатором, уловившим своеобразие эпохи. В то же время автор полагает, что хан, назначенный колониальной властью, исполнял ее волю. Он не идеализирует Джангир хана, стремится показать его с человеческим лицом. Исследователь впервые прослеживает процесс как казахи начинали усваивать новую гражданственность.

Б. Аспандияров — прекрасный знаток эпохи — анализирует геополитическое положение Казахстана: "На казахов напирали со всех сторон, — пишет автор, — с Востока наступил Китай, а с Запада — царская Россия, не говоря уже об Иране и среднеазиатских ханствах, которые также имели свои захватнические планы и жали казахов с юга. Самостоятельное существование казахов ставилось на карту, под вопросом; даже само существование их находилось под угрозой. Перед казахами стояла историческая альтернатива: подчиниться царской России или Китаю — или-или?".

Автор придерживается точки зрения Ф. Энгельса, полагавшего, что Россия имела цивилизующее значение "для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии", "несмотря на славянскую грязь", как отмечал он при этом. Исследователи того времени при цитировании опускали эту оговорку. Б. Аспандияров в своем труде показал именно в чем суть этой "славянской грязи".

Заслуга историка-исследователя Б. Аспандиярова состоит в том, что он прослеживает политику империи, направленнои против казахской государственности. Империя вырвала с корнем всякое проявление державности колониальных народов. "Целью образования всех инородцев, имеющих в пределах нашего Отечества, бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом". Так открыто сформулировало Министерство народного просвещения цели национальнои политики империи.

Б. Аспандияров очень четко и ясно раскрыл последствия вхождения казахов в состав России. Ему удалось показать как казахи орды окончательно превратились в подданных империи, как они приобщи-

лись к европейской культуре, как под влиянием роста товарно-денежных отношений и феодализации казахских земель создавались новые экономические условия, вызвавшее стремление казахов к оседанию, а отсюда и к земледелию.

Монографическое исследование Б. Аспандиярова является весьма ценным вкладом в историографию проблемы и несомненно окажет благотворное влияние на формирование молодого поколения историков.

06.06.2000 г.

Меруерт АБУСЕИТОВА, директор Института востоковедения им. Р.Б.Сулейменова МОН РК, доктор исторических наук, профессор

Создать такой труд в те годы было подвигом

(о работе Биляла Аспандиярова "Образование Букеевской орды и ее ликвидация", 1947 г.)

Известно, что история – наука, которую можно переписать, дописать, заново переосмыслить. Независимо от того или иного политического или идеологического подтекста, угадываемого за этим, само переосмысление событий, явлений и всего процесса в целом нельзя не рассматривать как правомерную попытку установить сбалансированные отношения между предками и потомками, преемственностью и прерывностью. Потребность в корректировке или дописывании может определяться и притоком новых данных, связанных с этим представлений об определенном событии, явлении или процессе. Бывает, что не приток, а буквально поток новых свидетельств и документов не только углубляет, но и коренным образом меняет сам характер представлений о тех или иных исторических фактах и процессах.

В связи с этим восстановление исторической памяти, истории казахской интеллигенции важно для сохранения и развития духовного наследия, которое было оставлено предыдущими поколениями с тем, чтобы передать потомкам.

Рецензируемая книга принадлежит казахстанскому ученому Б.Аспандиярову, представляющий прекрасную плеяду национальной интеллигенции 20–50-х годов наряду с такими именами, как: Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, Шакарим Кудайбердиев, Санжар Асфендияров и другие.

Книга Б. Аспандиярова включает в себя статьи О. Сулейменова и К. Нурпеиса об авторе, о его жизни и научно-педагогической деятель-

ности. Помимо основной работы "Образование Букеевской орды и ее ликвидация", в ней представлены шесть его статей, приложение и фотодокументы.

В целом книга представляет собой важное и ценное научное исследование и соответствует запросам дальнейшего развития исторической науки. К большому сожалению, вышеназванные труды и другие научные работы Б. Аспандиярова до сих пор не опубликованы (за исключением последних статей см. Простор, 2000; Ана тілі, 2000). Работы Б. Аспандиярова являются актуальными поныне в силу неразработанности и сложности проблем истории Казахстана XVIII–XIX вв.

Издания последних лет показали это совершенно ясно. Исследование истории казахской государственности на разных этапах их прошлого являются актуальными и сегодня.

В работе исследуется круг вопросов, связанных с динамикой развития казахской государственности. Сама постановка проблемы образования Букеевской орды и ее ликвидации, связанные с ней ряд весьма важных для нас политических, социально-экономических вопросов, не потеряли остроту мысли до настоящего времени.

В работе Б. Аспандияров предлагает оригинальное решение многих проблем, основанных на тщательном исследовании письменных, документальных и устных источников. К ним относятся разделы работы, посвященные политической обстановке в России и положению Младшего жуза накануне образования Внутренней орды и др.; а также проблема происхождения наименования "казах"; лингвистические проблемы тюркских языков, в частности казахского языка и др.

Если считать, что научная работа в своих достоинствах являет силу знания и научного умения, то в этой работе оба эти существенных элемента проявлены полностью. Книга Б. Аспандиярова обладает научными достоинствами: открытостью, откровенностью, искренностью, ее автору Б. Аспандиярову присущи энтузиазм, широта охвата предмета, основательность, нетерпение банальности и стереотипов. Создать такой труд в те годы было подвигом как в отношении современников, так и самой исторической науки.

Книга Биляла Аспандиярова весьма своевременна. О ней можно сказать еще много добрых слов и особенно слов благодарности за большой и добросовестный труд, который будет иметь особое значение для историков, преподавателей, студентов.

Настоящее исследование следует рассматривать как несомненный вклад ученого в казахстанскую историческую науку и рекомендовать в печать.

Агын КАСЫМЖАНОВ, член-корреспондент Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор, директор Центра "Аль-Фараби", КазГУ

Из рекомендации к печати работ Б. Аспандиярова "О местах обитания казахов в древности" и "О наименовании казахов"

Эти тексты взаимосвязаны. Идея привлечения данных лексикографии, топонимики выражена рельефно и обоснованно; она была пионерской для своего времени и не утратила актуальности в том виде, как ее развивает автор. Поэтому есть смысл опубликовать статьи, добавив к ней сжатое резюме с характеристикой значимости Б. Аспандиярова как одного из корифеев отечественной исторической науки.

Лично рассматриваю публикацию статей как вполне назревшую и полезную акцию.

18 августа 2000 г.

Өмірзақ ОЗҒАНБАЙ, тарих ғылымдарының докторы, профессор

Біләл Аспандияров туралы бірер сөз

(Слово о Биляле Аспандиярове)

Кешегі тоталитарлық өктем саясаттың суық лебінің ызғары қайтпай тұрған дәуірде қызмет жасаған қазақ зиялыларының бірі Біләл Аспандияров еді.

Егер де біз Біләлдің ғұмыр жолына терең үңіле қарасақ, осы бір ардақты азаматтың XIX–XX ғасыр басындағы қазақтың алып ой иелерінің иедясын ұстанып, одан әрі тереңдете түскен асылдардың тұяғы екенін сеземіз. Қазақ зиялы қауымының ағартушылық іс-әрекетінің сахарада іске асуына, оны дәріптеп, ғұмырын осы жолға арнаған Б.Аспандияров халық ағарту саласында үлкен із қалдырған ардақты ұстаз болды.

Ы.Алтынсарин ашқан қасиетті мектептен түлеп ұшқан. Алаштың асылдары салған сүрлеуден өз жолын тапқан Біләлдің өмірлік миссиясы да халқына білім нәрін жеткізу болды. Біләлдің ғұмырының тең жартысы халық ағарту салаларын ұйымдастыру мен басқару жұмыстарына кетті. Халықтың неге мұқтаж, неге зәру екенін көзімен көріп,

көкірегіне түйген Білəл жаңа мектептер ұйымдастырып, қараңғыда қарманған халқына жарықты көрсетуші ретінде баға жетпес еңбек атқарған қайраткерлердің бірі болды. Қазақстанның даму жолын саралап, көптеген материалдар жинады. Кейіннен ғылыми қызметке ауысқан кезде осы материалдар оның ғылыми жұмыстарының арқауына айналғаны анық.

Жас кезінде халық бұқарасымен тығыз қатынаста жұмыс істеген Білəл халқына ең қажетті деген нəрселерді тап басып, соған орай қалам сілтеп, қызмет еткен. Бұл азаматтың ешқандай мансапты ойламай, ғұмырын тек халқының жарқын болашағына арнаған асқақ биік тұлғаның шынайы бейнесі еді. Азаттық жолында арпалысқан, қазағым деп күңіренген есіл ерлердің соңындағы көзіндей болған Білəл сол ағаларының асыл арманын өзінің бойтұмарындай, ішкі жан-дүниесінде аялай сақтады. Тар қапаста тұншыққан асылдардың ақниет үні мен тілегі олардың соңында қалған.

Кешегі Сталиндік репрессия науқанында қазақтың алдыңғы қатарлы озық ой иелерін жоқ қылған Кеңестік саясат 1950 жылдары қайтадан қаһарына міниіп, ұлт интеллигенциясының соңына шам алып түскені баршаға аян. Осы бір кезеңде империялық Орталық неліктен елден ерекше Қазақстанға шүйілді деген заңды сұрақта туады. Оның себебі қазақ ғалымдарының ерекше ғылыми белсенділігінің күрт өсуі еді. Сондықтан да Орталықтың негізгі айыптау объектісі Қазақтың Ғылым академиясы болды. Жазалау шаралары негізінен осы киелі шаңыраққа бағытталды.

Бұл кезде ҚҒА-сында қазақ ғылымының көрнекті қайраткерлері Қ.Сəтбаев, М.Əуезов, Е.Бекмаханов, Б.Сүлейменов, Т.Тəжібаев, Е.Исмаилов, Б.Кенжебаев, Қ.Жұмалиев, А.Жұбанов. Б.Аспандияров сынды және т.б. ғалымдар қызмет атқарып жатқан еді. Міне осы ғалымдардың ғылыми еңбектері мен батыл іс-əрекеттері Орталық тарапынан күдік туғызып, шошына қарауына əсер етті.

Үкіметтің жазалаушы органдары тарапынан қуғынға ұшыраған ғалымдардың алды "Халық жауы" деп айыпталып, қалғандары ең аз дегенде қызметтен шеттетілді.

Орталық əсіресе, Ермұхан Бекмахановтың Кенесары Қасымов бастаған ұлт-азаттық көтеріліс жөніндегі ғылыми еңбегіне айрықша шүйілді. Үкімет органдары "ұлтшыл-буржуазияшыл концепция" қоғамға жат, қауіпті деп тапқан бұл еңбек қоғамдық өмірдегі саяси тартыстың қайнар көзіне айналды. Бүкіл Одақ ғалымдарының назарын аударған осынау ғылыми зерттеу тіпті Мəскеудегі Ғылым академиясында қаралады. Бір өкініштісі, жергілікті ғалымдар "феодалдық, монархиялық, ұлтшылдық қозғалыс" деп айдар тағып, жала жапқан бұл еңбекке Мəскеу ғалымдары, атап айтқанда көрнекті ғалымдар Б.Д.Греков,

М.Дружинин, С.В.Бахрушин, М.Л.Вяткин, А.П.Кучкин, С.В.Юшков және Панкратьевалар оң баға берді. Сөйтіп қазақ ғалымдарын ынтымақтаса шығармашылықпен жұмыс істеуге және оларды ғылыми талас-тартыста бірін-бірі саяси айыптаулардан аулақ болуға шақырған. Алайда соңына ұлтшыл деген қоңырау ілінген Бекмахановты 25 жылға соттап барып қана бұл мәселе шешімін тапқандай болып еді.

Осы бір талас-тартыс кезінде көптеген қазақ ғалымдары өздерінің шын мәнінде қаншалықты қайраткерлік дәрежеде екенін көрсетіп берді. Ермұқан Бекмахановты қорғап, қолдаған азаматтар қатарында, әсіресе Біләл Аспандияров ерекше көзге түсті. Өткір ойлы, шапшаң мінезді, тілге шешен Біләл осы талас-тартыс жөніндегі барлық мәжілістерде елдің алдында болды. Бекмахановты қорғап сөйлеген сөздері сол кезеңдегі саяси пікір шеңберінен шығып кетіп жатты. Біләлдің әрбір сөзі мен дәлелінде көптеген ғалымдар үшін ұмыт бола бастаған ұлттық рух жаңғырып, саналарын шарпып өткендей болды. Сол кездегі көптеген ғалымдар мен қоғам, мемлекет қайраткерлері Біләл Аспандияров Ермұқан Бекмахановты қызметтесі ретінде қорғады десе, олар қателеседі.

Біләлдің Ермұқанды қорғауы Қазақ тарихын қорғауы, Біләлдің Ермұқанды қорғағаны-қазақтың асыл перзенттерінің бірі Кенесары сұлтанға кеңестік тарихшылар жақпақ болған қара күйе, жалаға қарсы тұруы еді. ... никто из говорящих не ставил и не ставит вопрос о том, какое было бы зло в том случае, если бы Казахстан каким-то чудом превратился в тот период в самостоятельное государство. Это абсурд, но я просто сознательно допускаю. Мы должны рассуждат... Что бы тогда случилось? Зло бы это было или не зло? Можете ответить? Нет, товарищи, тут возможны два ответа: либо-да, либо-нет (смех)... Если создание самостоятельного государства является злом, тогда нелзья ставить вообще вопрос о самостоятельном развитии народностей.

Міне, бұл сөздер Б.Аспандияровтың аузынан сол талас-тартыс мінбесінде айтылған. Біләлдің осы сөздерінде қандай астар, қандай ой жатқанын көріп отырмыз. Сол жылдары бұлай деп сөйлемек түгіл, ойлауға қорқатын заманда Біләл сөздері ашық күнке түскен жай оғындай болды. Бекмахановтың жанын шүберекке түйіп жазған ғылыми еңбегін Аспандияровтың жаны шырқырай шырылдап қорғауы – оның қазақ тарихының ертеңін қорғауы еді. Бекмаханов пен Аспандияров Қазақстан тарих ғылымына жаңа көзқарас қалыптастырушылар мектебін осы талас-тартыс үстінде құрып кетті. Бірақ бұл мектеп өкілдерінің үні 80-жылдардың аяғында ғана анық шыға бастады. Осы бір талас-тартыс үстінде, Кеңестік империяның жендет қылышы қыл мойынға төніп тұрса да, Біләл Аспандияров өзінің адамгершілік, қасиеттерін көрсете білді.

Саясаттың салқынынан қорғанбай, жиналған ғалымдар мен үкімет адамдары алдында біреулер үшін қорқынышты, енді біреу үшін сағынышты тәуелсіздік деген сөзді тайсалмай тайға таңба басқандай етіп айтып, жұрттың санасындағы ұлттық рухты мәжіліс бойы қайта-қайта жаңғыртумен болды. Бекмаханов пен Қазақ тарихын бар жан-тәнімен, бар білімімен, бар дәлел, бар амалымен қызғыштай қорғаған Аспандияров өзінің принципшіл, батыл, ұлжанды қайраткер ретіндегі азаматтық талғамының биіктігін көрсетті.

Жоғарыда айтқандай, Бекмаханов пен Аспандияров Қазақстан тарихына жаңа көзқарастың қалыптасуының көш бастаушылары дедік. Егер дәл сол кезде қоғамдық пікірді шектемей, ғылыми ойлауға шек қойылу болмағанда осы екі қайраткердің, басқа да тарихшылардың және аға буын тарихшылардың еңбектері жұртына танылып, талай арыс елімен қауышар еді. Сол олқылықтарды бүгінгі таңдағы тарихшылардың толтыруына бұйырыпты. Бекмаханов Кенесарының саяси тұлғасын өз еңбегіне арқау етсе, Аспандияровтың ғылыми еңбегіне Бөкей ордасы негіз болған екен.

Тек Махамбет өлеңдеріне байланысты бір жақты баға беріліп келген Жәңгір ханның саяси-қоғамдық өмірдегі ерекше орнын Біләл осыдан 50 жыл бұрын көрсетіп кеткен. Жәңгір ханның Бөкей ордасындағы ағартушылық, мәдени, экономика саласында үлкен озгерістер жасаған реформатор, прогрессивті қайраткер екенін дәлелдеген. Аспандияровтың "Қазақтың үш жүзінің құрылуы" деген ғылыми еңбегі кезінде аттестациялаудан өтпей қалған екен. Жоғарыда айтылған ғылыми еңбегі қорғалғанмен, баспасөзге жіберілмепті. Басқа да қазақ тарихына байланысты көптеген ғылыми еңбектері баспасөзге емес, мұрағатқа қарай аттанған екен. Бұл түсінікті де, жергілікті үкімет органдарына бүкіл Одақты шулатқан "Бекмаханов ісінің" таға да қайталануы қажет емес еді. Аспандияров еңбектерін оқыған адам тек қазақтың ұлттық тарихын, қазақ халқының этнологиялық құрамын, оның ұлттық мүддесі мен ұлттық аумағының геосаяси ерекшеліктерін көреді. Ал бұндай еңбек "Бекмаханов ісінің" кейін қоғамдық өмірдің ортасына тастаған жарылғыш затпен пара-пар еді.

Б.Аспандияровтың "Бөкей Ордасының құрылуы мен таратылуы" атты ғылыми еңбегінің қолжазбасы 1947 жылы жазылса да, қазіргі таңдағы тарихшылар мен оқырмандар үшін құнын жоғалтпаған дүние. Қолжазбада қарастырылған проблеманың ғылыми негізділігі, обьективтілігі жоғары дәрежелі болғандықтан бұл өте сирек кездесетін ғылыми еңбек. Заманның ызғарына қарамастан ғалым ғылыми еңбектің терең маңызын ашып берген.

Б.Аспандияровтың ғылыми еңбектерінің ерекшеліктері – ғылыми деректер мен қазақтың мәдени-әдеби мұраларын байланыстыра отырып,

құнды ғылыми тұжырымдар ұсынған. Аспандияровтың ғылыми ойлары қазақ тілі төңірегінен өрбіп жатқанын "Некоторые сведения о местах обитания казахов в древности" атты ғылыми мақаласында анық байқалады. Аспандияров қазақ тілінің ерте дәуірдегі даму ерекшеліктерін, қазақ тіліндегі мақал-мәтелдерінің тарихи құрылымын анық көрсетеді. Қандай термин қай тілде болса да адамзат қоғамының ерте тырихымен байланысын жете түсіну арқылы тарихтың бірқатар проблемаларын қарастыруға болады дейді. Осындай тарихи терең тамыры бар тілдер қатарына қазақ тілін де жатқызуға болады. Қазақ халқының көшпелі тұрмысына байланысты қазақ тілі өзгеріске мейлінше аз ұшыраған және көптеген архаикалық элементтерін сақтап қалған.

Аспандияровтың айтуынша – қазақ тілінде көптеген жеке сөздер мен сөз оралымдарының тарихи маңызы бар. Мысалы, қазақ тіліндегі "ант" сөзі кездеседі. Ал бұл сөздің түсіндірмесін біз не араб, не парсы тілінен де таба алмаймыз. Ал бұл сөз тек VII ғасырға дейінгі мәліметтерде, шығыс славян тайпаларының құрамында кездеседі дейді Аспандияров. Сонда "ант" термині қазақ тілінің лексикалық құрамына қалай, қайдан енген? Бұл сұрақтың жауабы өте қарапайым – қазақтар "ант" тайпаларын білген және қарым-қатынаста болған. Қазақ халқының тіліндегі "Ант ұрсын", "ант ұрған" атты қарғыстар, негізінде, жауынгерге ант тайпалары алдындағы қорқыныштан туған секілді дейді. Аспандияровтың бұл пікірлері өте құнды ғылыми ойлар. "Ант" сөзінің шығу тарихын терең талдай отырып, қазақ тіліне енген жеке терминдерді зерттеу арқылы, қазақ халқының еуропа елдеріндегі халықтармен байланысына жаңа ғылыми сипат беріп отыр. Аспандияров жеке мақалдарға ғылыми талдау жасай отырып, мақалдардың шығу тарихын, маңызын, лингвистикалық ерекшеліктерін ғана көрсетпей, оның қазақ халқының географиялық-этникалы кеңістігіне байланысын да көрсетіп берді. Мысалы:

Еніп кеттім еміске,
Қойным толды жеміске –

деген қазақтардың сөз тіркесі кейбір неміс тайпаларын білуі мен қарым-қатынасының болғаны дейді.

Барған жерің Балқан тау,
Ол да біздің көрген тау.

немесе:

Қызыңды бер Қырымға,
Ұлыңды жібер Румға.

Бұл жерде қазақ тайпаларының ерте ғасырларды Еуропа елдерімен байланысы болғанын көреміз. Аспандияровтың осы ғылыми мақала-

сында "қазақ" этнонимі мен "Қазақия" атауына біршама талдау жасалып, бұл атаулардың шығу кезеңі Х ғасыр деген тұжырым ұсынылады. Аспандияров өз тұжырымына ғылыми талдау жасау арқылы, нақты ғылыми дәлелдер келтіре отырып келген.

"Критические заметки по вопросу о происхождение наименования казахов" атты ғылыми мақаласында Б.Аспандияров өзіне дейін осы бағытта ғылыми ізденіс жасаған ғалымдар еңбегіне талдау жасай отырып (Фишер, Левшин, Вельяминов-Зернов, Радлов, Бартольд, Вяткин, Бернштам, Әділгереев, Шахматов) "қазақ" этнонимі хақында өз ойын білдіреді. Аспандияров ғылыми мақаласында бұл ғалымдардың еңбегіне терең талдау жасаған. Олардың еңбектерінің, ғылыми тұжырымдарының кейбір қате тұстарын тауып, оған дәлелді ғылыми ойын білдірген. Сонымен қатар автор "қазақ" этнонимі жөнінде өз көзқарасын ұсынған. Автор "қазақ" сөзі туралы бірінші тарихи мәлімет берген Константин Порфирородной шығармасы екендігін дәлелдей отырып (Х ғ.), ондағы мәліметтерге ғылыми талдау жасау арқылы "қазақ" атауына терең ғылыми көз жібереді. К.Порфирородной еңбегінде (выше Зихии лежит земля, называемая Касахия" деген мәлімет бар. Бұл мәлімет негізінен Азов теңізінің оңтүстігінде Хазар патшалығына байланысты берілген дейді. "Қазақ" та, "хазар" да бір тамырдан шыққан терминдер, олар адамзат тарихының белгілі бір кезеңінде пайда болған дейді. Аспандияров бұл екі халық атауының шығу тегін осы халықтардың кәсібіне-жер қазу жұмыстарына байланыстырған. Көшпелі тайпалар өздерінің кәсібіне байланысты-далалы жерлерде үңгірлі мекендер, көш жолдарында құдықтар қазған дейді. "Қазар, қазақ" – атаулары – "қазу" сөзінен шығып, оған "ар", "ақ" жұрнақтары жалғанған дейді.

Сонымен қатар, "қазақ" атауы түркі тілдес немесе түркі тілдес емес кейбір жеке тайпалардың ескі атауы болуы мүмкін, тек олар "Қазақия" даласын мекендеген тайпалар болған дейді.

Б.Аспандияров өзінің бұл ғылыми мақаласында тек жалаң фактілерді місе тұтпай, ғылымдағы әлі күнге дейін дау-дамай туғызып келе жатқан осы мәселеге тек өзінің ғылыми көзқарасы тұрғысында, сындарлы да дәлелді ғылыми ой ұсынған. "Заканчивая краткое обозрение высказываний ряда историков по вопросу о происхождении наименования казахов, следует сказать, что изучение данной проблемы до сих пор не поставлено на строго научные рельсы. Только этим можно объяснить то, что в исследовательской работе по этому вопросу нет единного, правильного направления, наборот, допускаются разноречивые, ненаучные и даже реакционные теории. Это обязывает нас историков, незамедлительно организовать свои силы на основе правильной поставки данного вопроса для глубокого научного изучения и теоретического освещения его, чтобы разрешить стояшую перед нами задачу.

Это наш долг, и мы должны выполнить его". Аспандияров өз ойын айта отырып, қазақ тарихын зерттеудегі кезек күтірмес міндеттерді кешіктірмей қолға алуды, шешуді ұсынып отыр. Қазақ тарихын жалаң фактілермен ұстап отырған кейбір тарихшыларға, олардың қазақ тарихы хақындағы біржақты идеясына үлкен соққы берді. Ғылыми ойды тізгіндеген саяси биліктен қаймықпай, өз ойын ашық білдірген Аспандияров қазақ халқының шығуы, қалыптасуы мен "қазақ" этнонимін толық зерттеу жұмысына, оның нақты ғылыми талданып, дәлелденуі үшін жұмыс істеу – қазақ тарихшыларының міндеті екенін ашық айтады.

Көрнекті қоғам қайраткер Олжас Сүлейменов XX ғасырдың бірінші жартыбындағы қазақ интеллигенциясының тұтас бір буынының қалыптасуын, олардың өкілдерінің ғылымға деген, туған халқының өткені мен келешегіне, халқына деген көзқарастарының ұлы қызығушылығы туралы айта келіп, сол азаматтардың есімдерін жарыққа шығуын тездетуді ұсынады.

– "Жизнь Биляла Аспандиярова, человека широкого диапазона научных интересов, наверное, очень точно отражает знаковость его неординарной судьбы, отсвет удивительного и в то же время полного драматизма времени", – дейді О.Сүлейменов Б.Аспандияров хақында. О.Сүлейменов Біләлдің өмірлік миссиясын оның жолдастарының біріне жазған хат жолдарынан көрсетеді: "Из-за гонений, устроенных мне, очутился в местности Бестюбе. И здесь не дают покоя. Все можно пережить, лишь бы дали возможность учить детей..."

Біләл Аспандияров өзінің ғылыми-көпшілік еңбектеріне негізінен ұлттық тарихты арқау ете отырып, шын мәнінде ұстаздарының қызметін жалғастыра берді. Ұлттық рухтың үзілмеуін, ұрпақтың өткен күндері ұмытпай, келешек күрестерге дайын болуын жан-дүниесімен қалады. Оның бүл ізгі ниеті әрбір ісінен, сөзінен көрініс тауып жатты. Өзінен кейінгі жас тарихшыларға арнаған мына сөзі осы ойының кепілі:

"У меня единственное желание, чтобы мы едиными общими усилиями очистили историю казахов от того мусора, которым она загромождена. Призываю вас всех объективно, без вкладывания героического темперамента, серьезно, хладнокровно обсудить эту проблему. Давайте общими усилиями разрешим этот запутанный вопрос".

Міне, Біләлдай ардақты тұлғаның жастарға берген батасы бүгінгі күндегі елдіктің, ерліктің көрінісіне айналып отыр. Біләл Аспандияров сол жылдардағы қоғамдық-саяси өмірдегі талат-тартыстардың себептері мен шындығын да қағаз бетіне қалдырып кеткен азамат. "Надо со всей прямотой признать (подчеркнуто мною – Б.А.), что последние годы наши ученые не проявляет должного интереса к вопросам истории: теоретические вопросы обходятся молчанием. Из-за

болезни пасть в формализм, из-за перестраховки. Возложив на кого-нибудь часть каким-либо иным способом, они стремятся уменьшить или снять с себя ответственность, застраховать себя от каких-либо нежелательных последствий. А это, в свою очередь, свидетельствует об их научной несостоятельности".

Б.Аспандияров Ы.Алтынсарин мен Л.Толстойдың әдептілік (нравственный) педагогикасының өкілі болды. Оның әдептілік және азаматтық позициясының негізі – әр адам ар-ұждан, ұят, намыс, міндет, кәсіпқойлық секілді қасиеттерді өз бойына сіңіріп, еш уақытта құбылмалы болмауы керек дейді.

Тірлігінде халқының тарихының бұрмалауына төзбей, батыл үн қатқан азаматтың артында қалдырған ғылыми еңбектері әлі де болса жарық көрмей жатыр. Қазақ халқының шығуы, қалыптасуы және "қазақ" этнониміне терең үңіліп, халқының түп-тамырын зерттеген Біләл елімен бірге жаңа ғасырда да бірге болып, мұрасы жұрттың рухани азығына айналып, әр қазақтың үйіндегі кітап сөресінен орын алса, оның ардақты есімінің қазақ тарихында мәңгі өшпестей айшықты жазылғанының кепілі болмақ.

Эдиге ВАЛИХАНОВ, зав. отделом истории Казахстана нового времени и исторической демографии Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, кандидат исторических наук

О труде Биляла Аспандиярова "Образование Букеевской Орды и ее ликвидация" (1947 г.) и его статьях по истории казахов

Труд ученого-историка Биляла Аспандиярова (1886–1958 гг.) представляет собой серьезное научное исследование по проблеме формирования политического, социально-экономического состояния Букеевского ханства со времени его образования и до конца XIX века. В труде подробно и исторически верно дана характеристика предыстории образования Букеевской Орды, той сложной и противоречивой обстановки, которая сопутствовала ее образованию. Работа построена на большом источниковом материале, для данного исследования применялись казахские источники, что являлось значительным шагом вперед в освоении проблемы. Казахский источниковый материал использовался в контексте сравнительно-исторического сопоставления с другими документальными материалами, что создавало целостную картину исторического прошлого Букеевской Орды. Компаративный анализ

источников соответствовал уровню развития исторической науки того времени.

Б. Аспандияров писал: "Полная разработка истории Букеевской Орды почти немыслима без самого тщательного и всестороннего изучения памятников и источников." Исходя из этого положения, автор дал всестороннюю характеристику источников, в том числе указал на разработку фольклорного материала, при этом он осуществил самостоятельный и оригинальный перевод некоторых казахских источников по характеристике хана Жангира и его социально-политической деятельности.

Основная цель исследования была определена автором, как попытка дать краткую историю Букеевской Орды с момента образования до ее окончательной ликвидации. Целью исследования стало формирование комплексного подхода при изучении многообразных и многосторонних связей Букеевской Орды как с метрополией, так и со всем казахским обществом. При этом первостепенное внимание уделялось Букеевской Орде как самостоятельному объекту исторического исследования. Применение комплексного подхода позволило автору дать всестороннюю характеристику Букеевской Орды и ее исторической роли с начала XIX века на всех этапах ее существования.

Рассматривая отдельные стороны социально-политического устройства Букеевской Орды, Б. Аспандияров дал исторически выверенные характеристики политического значения Букеевской Орды в системе колониального господства Российской империи в Казахстане. Вместе с тем, в труде отмечены особенности политического, социального и хозяйственного положения Букеевской Орды, при этом исследователь указал на роль политической элиты в претворении в жизнь колониальных планов царизма в регионе.

Рассматривая политическую обстановку царской России, автор точно и исторически верно охарактеризовал проводимую царским режимом политику в целом в Казахстане того времени, как колониальную и направленную на ликвидацию казахской государственности, что актуально и на современном этапе исторического развития Казахстана. Вместе с тем характеристика режима выражалась самим содержанием этой политики, как насильственное присоединение к империи малых народов.

В работе дана принципиальная оценка деятельности хана Абулхаира, как невольного пособника проведения колониальной политики в Казахстане, что согласуется с современными историческими исследованиями. Особое внимание автор уделил методам и формам колониального порабощения Казахстана, деятельности наиболее одиозной фигуры политической колонизации И.И. Неплюева, его коварной и

жестокой политике. Убедительно, на конкретных исторических документах, показано разрушение казахского традиционного хозяйственного и социально-политического устройства в период колониализма. Автор считает, что как раз это обстоятельство сыграло определяющую роль в образовании Букеевского ханства. В многочисленных документах высвечена роль Букея в образовании ханства.

Автор подробно рассматривает деятельность хана Жангира. Давая характеристику Жангиру автор поясняет, что "он усвоил все замашки русского помещика-крепостника. И это положение оказалось пророческим в отношении деятельности самого хана". Именно деятельность Жангира, как представителя господствующего класса царской России, наложила глубокий отпечаток на всю жизнь Букеевского ханства, а его нововведения выполняли лишь роль полного прикрепления ханства к колониальному режиму, и в определенной степени стали поводом дать всесторонний и широкофронтальный анализ колонизации Казахстана. Рассматривая всю общественно-политическую ситуацию в Букеевской орде, автор логически и последовательно, применяя все доступные для него методы научного анализа, дал полную историческую картину всех сфер жизни Букеевского ханства.

Необходимо отметить, что в данном труде получило гражданственную характеристику национально-освободительное движение, сыгравшее важную роль в истории Казахстана, такое, как, например, движение в 1827—28 гг. и в 1837—38 гг. под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. В работе прослежены не только фактические стороны движения, но и сопоставлены с современными представлениями характеристики самого движения и его отдельных аспектов.

В целом разработка образования Букеевского ханства, выраженная автором, представляет собой несомненно серьезное научное исследование, которое не потеряло своего значения и в современном независимом Казахстане. Работа вполне достойна и современна в историко-профессиональном плане, так как в ней впервые задействовано огромное количество архивных документов, а также опубликованных материалов.

В работе Б. Аспандиярова рассмотрены важные для независимого Казахстана вопросы неклассового подхода, дан объективный анализ личности хана Жангира, межличностных отношений в Букеевской орде, политики социальной среды, послужившей началом национально-освободительного восстания под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

Автор, применяя различные методы исторического исследования попытался насколько это возможно противостоять тоталитарной иде-

ологии того времени несмотря на то, что это могло составить большую угрозу для творчества ученого и его карьеры.

Вместе с тем в книге уточнены границы Букеевской орды вплоть до ее ликвидации, что позволяет на достоверных исторических данных определить настоящие границы территории Казахстана.

Вместе с проблемами истории Казахстана нового времени Билял Аспандияров много внимания уделил другим периодам истории Казахстана, что подчеркнуто в статьях обобщающего характера по истории древнего Казахстана. В этих работах изложены собственные взгляды ученого на сложнейшую научную проблему этногенеза казахского народа. Автор проведя большую сопоставительную работу, в отдельных публикациях увязывает эту проблему с глубоким анализом казахского языка и казахского фольклора. Такие подходы ученого стали для своего времени принципиально новым, более глубоким пониманием исторического прошлого Казахстана. Большие статьи по некоторым вопросам этногенеза казахского народа, а также влияние тюркского элемента в развитии историко-культурных связей Евразии, представляют значительный вклад в востоковедение. Билял Аспандияров раскрывает глубинные вопросы формирования этнополитической истории казахского народа, опираясь на элементы казахского языка, рассматривал воздействие географической среды на этнополитические процессы не только в Казахстане, но и в родственной казахам среде сопредельных или родственных народов. Исследователь подробно и основательно разобрал формирование и происхождение термина “казах” как самоназвания казахского народа, объясняя происхождение термина глубокими и многосторонними основами формирования казахского этноса.

Билял Аспандияров принял участие в дискуссии по поводу книги Е.Б. Бекмаханова “Казахстан в 20—40 гг. XIX века”, проходившей в Академии наук Казахской ССР в 1948 году. Точка зрения ученого определяла книгу как важную и необходимую в осмыслении прошлого Казахстана и по сути дела разделяла взгляды Е. Б. Бекмаханова на национально-освободительное движение под руководством Кенесары Касымова. Б.Аспандияров открыто высказал свое суждение о том, что без борьбы за независимость Казахстана невозможно создание самостоятельного государства и развитие народностей.

В целом, труды Биляла Аспандиярова представляют собой глубокие и значительные исследования ученого-историка о прошлом Казахстана и казахского народа, вносят существенный вклад в востоковедение. Труд Б. Аспандиярова “Образование Букеевской орды и ее ликвидация” (1947 г.) достоин публикации в качестве оригинального

и особенного памятника прогрессивной исторической мысли Казахстана середины XX века.

В нем в полной мере прозвучали новые идеи и подходы к изучению истории Казахстана, что делает данную публикацию очень актуальной для научной общественности и относят ее к национальному достоянию Казахстана XX века.

Қамбар АТАБАЕВ, Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті Деректану және тарихнама кафедрасының меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор

Жоғалған жинақтың қосымшасы

1951 жылы Тарих, археология және этнология институтының сол кездегі директоры Покровский, партия ұйымының хатшысы А. Нүсіпбеков және кәсіподақ комитетінің төрағасы қол қойып, мөр басылған құжатта институт қызметкері Б.А. Аспандияровтың 1947 жылы "Бөкей ордасының құрылуы және оның жойылуы" деген тақырыпта кандидаттық диссертация қорғап, 1947–1948 жылдары "Бөкей ордасы" атты құжаттар жинағын құрастыру мақсатында жұмыс істегендігі туралы айтылған.

Куәгерлердің айтуынша 900 беттен асатын жинақ баспаға дайындалып, иниститутқа өткізілген. Бірақ өткен ғасырдың 50-ші жалдарының басында басталған саяси науқан кезінде Е. Бекмахановты жақтағаны үшін Б.А. Аспандияров сталиндік қуғын-сүргінге ұшырап, Жинақ жарияланбай қалған. Жинақтың қолжазба күйінде Тарих институтында көптеген жылдар бойы сақтаулы тұрғандығын көргендер бар. Бірақ соңғы жылдары Жинақ жоғалып кеткен.

Жақында бізге қазақтың алғашқы кәсіпқой тарихшыларының бірі – Біләл Аспандияровтың баласы Серік Біләліұлы Аспандияров кезінде әкесі тапқан, бірақ 1950 жылы құрастырылған "Бөкей ордасы тарихы бойынша құжаттар жинағына" енбей, ұйлерінде қалып кеткен қосымша құжаттарды әкеп таныстырды. Қосымша құжаттармен танысу зерттеушінің кезінде Бөкей ордасының тарихына қатысты бұрын белгісіз болып келген көптеген деректерді жинағандығын көрсетеді.

Құжаттар негізінен бұрынғы Қазақ ССР Орталық тарихи мұрағатының /қазіргі ҚР Орталық мемлекеттік мұрағаты – Қ.А./ NN 4, 76, 78 қорларынан алынған. Барлығы 73 құжаттан тұратын қосымшада 1801 жылдың қаңтары мен 1858 жылдың қыркүйегі арасындағы Бөкей ордасының саяси-әлеуметтік, және экономикалық тарихына қатысты құнды мәліметтер сақталынған. Оларда: Бөкей ордасының ханы Жәң-

гірдің әр түрлі дәрежедегі орыс шенеуініктерімен, әскери адамдармен жазысқан хаттары; жерді, жайылымдарды пайдалану мәселелері; қазақтардың көшіп-қонуы, басқа ұлттармен қарым-қатнастары; сауда, алымсалық мәселелері; би-сұлтандардың озбырлығы, адамдар мен мал басының сандары т.б. туралы мәліметтер бар.

Қосымша құжаттарда ерекше орын алатын деректер тобын Исатай Тайманов пен Махамбет Өтемісовтердың хан мен оның маңындағылардың озбырлығына қарсы көтерілісіне қатысты деректер құрайды. Осыларға және де басқа деректерге деректанулық талдау жасау Бөкей ордасы тарихына қатысты шынайылық деңгейі жоғары мәліметтер алуға көмектесері даусыз.

31.05.06

Телькожа ЖАНУЗАКОВ, доктор филологических наук, профессор, Главный научный сотрудник Института языкознания имени А. Байтурсынова Национальной Академии наук Республики Казахстан

Ученый-педагог

Закончилась Великая Отечественная война, душа народа обретала мир и созидательный покой. Из разных концов республики стали стекаться в поисках знаний в Алма-Ату тысячи молодых людей, прибыла в столицу любознательная группа юношей и девушек и из нашего Кегенского района. Каждый нашел свою дорогу, поступив в вуз по той специальности, о которой мечтал. Я был принят на филологический факультет Казахского педагогического института имени Абая (ныне Казахский Национальный педагогический университет имени Абая).

Каждая грань, всякое явление, любое событие жизни было для нас новостью и открытием. Прошло немного времени, и мы привыкли к нашему институту, как к родному дому, потому, может, что КазПИ гостеприимно распахнул перед нами свои широкие двери. К тому же мы не забывали, что наш вуз является первой колыбелью высших знаний в Казахстане, “священным шаныраком”. Все наши преподаватели были приветливыми, гуманными, высокообразованными людьми. Когда начались занятия, нас распределили по определенным аудиториям, и мы приступили к учебе, слушая лекции, посещая семинары ...

Для нас особенно интересными были лекции по логике. Эту дисциплину вел Заслуженный учитель школы Каз.ССР, кандидат исторических наук Билял Аспандияров. Это был крупный и статный человек, плечистый и привлекательный, обладавший притягательным и

убеждающим голосом. К тому же он был старше многих наших наставников. У него была особо доверительная манера говорить, богатая модуляция речи, искренность повествования, заразительная увлеченность, – все это производило на слушателей неизгладимое и глубокое впечатление. Может по этой причине, наше отношение к этому преподавателю было особенно уважительным. Этот человек входил в аудиторию, бережно неся в больших руках книгу, на обложке которой было вытеснено слово "Логика". И хотя учебник был написан на русском языке, Б. Аспандияров читал свои лекции на родном – казахском.

Объясняя каждую тему предмета, он записывал на доске особенно яркие и запоминающиеся примеры, доступно растолковывая и как бы высвечивая всякую грань обсуждаемого положения. Стараясь донести до нас иные сложные вопросы логики, он сам увлекался до самозабвения, сыпал примерами все более яркими и стройными. При этом он то крошил мел в руках, то клал его на стол, то снова брал и при объяснении вопросов рукой касался головы, быстро направлялся к доске, и часто его высокий лоб был запачкан мелом. Он освещал вопрос со всех сторон, словно подносил факел к каждому новому измерению проблемы, и всякий раз новизна открытия потрясала и радовала нас.

Мы любили этого человека и беззлобно посмеивались над его испачканным мелом лбом. То была теплая и добрая улыбка, и она не могла быть иной, потому что нам казалось, что меловые пятна делали высокий лоб нашего Учителя еще выше, ясней и благородней. И такими же ясными и высокими были знания, которые он вливал в наше сознание и буквально вырезал в памяти, словно волшебным резцом убежденности. Поэтому, когда он хотел проверить то, как мы усвоили тему, и принимался задавать вопросы, мы, словно молодняк ягнят, начинали дружно кричать, желая ответить первыми.

После окончания института я устроился на работу в Отдел "Академический словарь казахского языка" Института языка и литературы АН Каз.ССР. В 1953 году сюда же пришел и Билял-ага Аспандияров. Он сразу узнал меня и, не скрывая радости, сказал: "Со своим студентом мы стали коллегами. Да, жизнь перестанет развиваться, если молодежь не будет расти". Из двенадцати сотрудников отдела он был вторым кандидатом наук; все остальные, в том числе и я, являлись младшими научными сотрудниками.

Билял-ага трудился всегда самозабвенно, с полной отдачей сил и не тратил время на пустые разговоры. Однажды наша сотрудница по имени Кульпаш, увидев, что Билял-ага чем-то необычно озабочен, то и дело ерзает, то встает, то садится, не давая покоя своему могучему телу, спросила несколько бестактно: "Агай, что Вас тревожит, почему не сидится Вам спокойно? Может, гвоздь в стуле не дает покоя?"

Билял-ага только улыбнулся в ответ: "Мне не дает покоя проблема, которая, пожалуй, острей гвоздя. Мне хочется понятней и глубже передать семантику слова "отыр" (сидит), но то, что я написал, не совсем точно передает его значение, и сам я далеко не удовлетворен собственным толкованием". Действительно, оказалось, что объяснение слова "отыр" было нелегким делом для кого бы то ни было. И все же, нам в конце концов удалось вывести достаточно точное и объективное определение его, которое устроило всех специалистов.

Биляла Аспандияровича особенно уважал академик Смет Кенесбаев. Кенесбаев, несмотря на отстранение Аспандиярова от работы и увольнение из Института истории, археологии и этнографии, предложил ему работу в Институте языка и литературы АН Каз ССР. Видимо, одной из причин тому было то обстоятельство, что именно Билял Аспандияров был одним из компетентных авторов увидевшего свет еще в 1946 году первого "Русско-казахского словаря" в двух томах.

Позже академик направил Билял-ага в научную командировку в г. Ленинград, чтобы ученый поработал и перенял опыт работы в отделе Словарей русского языка. Билял-ага по возвращении сделал интереснейший и глубокий доклад о своей поездке, о работе и беседах с крупнейшими учеными Ленинграда, рассказал об их взглядах, мнениях и позициях. Опыт ленинградцев, о котором было рассказано в отчете Билял-ага, был плодотворно и результативно использован в нашей практической работе. К великому сожалению, Билял-ага не увидел опубликованный "Толковый словарь казахского языка" (1959,1961), в создании двух томов которого он принял самое активное участие.

В вопросах, касающихся работы и высоких жизненных понятий нравственного порядка, Билял-ага был очень принципиальным человеком, хотя в бытовом общении был чрезвычайно мягким, доброжелательным и деликатным.

Особое значение для всех нас имела его объемная, обстоятельная, глубокая статья, содержащая аргументированную и конструктивную критику "Казахско-русского словаря" Г. Мусабаева и Х. Махмудова, увидевшая свет в журнале "Советский Казахстан" в четвертом номере за 1955 год. Статья называлась "Издание, требующее переработки". Статья ясно показала глубокое знание автором принципов создания словарей и теоретических вопросов.

Билял-ага принял участие в работе Межреспубликанской научной конференции в сентябре 1955 года, посвященной проблемам глагольного вида и сложно-подчиненного предложения в тюркских языках, убежденно и лаконично выступил в прениях, высказал свое веское, содержательное мнение относительно неразрывной связи грамматики

и логики. Оно впоследствии вошло в сборник "Вопросы грамматики тюркских языков".

Научные интересы Биляла Аспандиярова не ограничивались только проблемами словарного языкознания. Известно, что еще в начале 30-х годов увидели свет его учебники русского языка для казахов. Не потерял актуальности и в наши дни его солидный и серьезный труд "Учебник русского языка для военнослужащих-казахов", впервые вышедший в свет в первые (1942) годы войны 30-титысячным тиражом. Он имеет важное значение для воспитания и нынешнего поколения воинов суверенного Казахстана.

Ученый-педагог не ограничился написанием учебников и научных трудов; он впервые перевел на казахский язык учебник "Логика" Виноградова.

Билял Аспандияров оставил ценные труды также и по исследованию истории и этнологии Казахстана. Ярким доказательством тому является, в частности, его работа 1947 года "Образование Букеевской орды и ее ликвидация". Именно такой была тема кандидатской диссертации Биляла Аспандиярова. Если учесть, в какие суровые годы она писалась и была защищена, то можно понять, каким принципиальным человеком и ученым он был.

Его научная статья "Этимология некоторых топонимических названий", написанная еще в 1950 г., опубликованная в журналах "Байтерек", 2005 г., N 7, "Тілтаным – Языкознание", 2006 г., N 1, имеет большое значение для современной топонимики Казахстана.

Более чем полувековую свою просветительскую деятельность, я бы сказал осознанную жизнь, Билял Аспандияров отдал педагогической работе, посвятил воспитанию подрастающего поколения, новой волны любознательной казахской молодежи. Видя в ней будущее страны, Билял-ага, сам того не подозревая, формировал характеры и души молодых собственным примером, своим отношением к жизни, любовью к народу, родной земле, материнскому языку.

Серік ҚИРАБАЕВ, академик НАН РК, доктор филологических наук, профессор

Менің Ұстазым

1948–1949 оқу жылында Қазақтың Абай атындағы педагогтік институтының қазақ тілі мен әдебиеті факультеті 2-курсы студенттеріне "Логика" пәнінен Біләл Асфандияров деген мұғалім лекция оқыды. Әуелде бұл курсты тарих ғылымының кандидаты (кейін доктор, белгілі

ғалым болған) Әбді Тұрсынбаев бастап еді. Бірақ ол бір-екі лекциядан кейін келмей қалды да, курсты Аспандияров жалғастырды. Біләл аға да таяуда ғана қорғаған тарих ғылымының кандидаты екен, бірақ логиканы да жақсы білетін, тәжірибелі маман болып шықты. Лекциясы жүйелі, пәнге байланысты еңбектерді молынан қамтыған өз алдына бір зерттеу сияқты көрінетін еді. Сөйтсек, Біләл аға сол кезде орыс ғалымдарының логика жайлы еңбектерін зерттеп оқып, бір жағынан қазақшаға аударып, пайдаланып жүріпті. Кейін мұны С.Н.Виноградов пен А.Ф.Кузьминнің "Логика" деген оқу құралын аударып бастырған кезінде (1950) білдік. 1953 жылы бұл оқулық бір қатар толықтырулармен қайта басылды. Оның орысшасын РСФСР оқу министрлігі, қазақшасын қазақ ССР оқу министрлігі оқулық ретінде бекітіп, мектептің пайдалануына ұсынды.

Біләл аға қазақ тілін жетік білетін адам еді. Ол алғаш логиканың терминдерін қазақшаға аударып, жатық күйінде терминологияға кіргізді. Ұғым, пікір, пікір қорыту, олардың түрлері жайлы мәліметтерді қарапайым, түсінікті тілде түсіндіретін. Мысалдарды негізінен тілге, тіл заңына лайықтап алатын. Оның қазақ тілі мен оның терминологиясымен шұғылданып жүргенін елуінші жылдардың бас кезіндегі Қазақстандағы "ұлтшылдық іздеу" науқаны тұсында ғалымның да сөзге ұшырап, тарихпен шұғылдану мүмкіндігі болмай қалған кезде, Тіл білімі институтына қызметке ауысқан тұсында білдік. Біләл ағаның бұл саладағы еңбектерін, қабілетін жақсы білетін Ісмет Кеңесбаев ғалымға ара түсіп, оны өзі басқаратын институтқа қызметке алды.

"Ұлтшылдық науқаны" сол тұстағы белгілі тарихшы ғалымдармен (басқа да ғалымдар бар) бірге Біләл ағаның жазғандарынан сынарезулеп саяси қателік іздеді. Оның Бөкей ордасының тарихына байланысты көлемді зерттеуін (кезінде кандидаттық диссертация болып қорғалған) бастырмай, қолжазба еңбекті сынаумен шұғылданды. Басқа да еңбектері сынға ұшырады.

Менің дәптерім - Біләл аға Аспандияровтың сол кезде бізге оқыған лекцияларының қолжазбасы. Соғыстан кейінгі қиыншылық тұсында оқулықтар, оқу құралдарының, жалпы пәнге қатысты әдебиеттің тапшы кезі ғой. Сондықтан мен Біләл ағаның лекциясын әлім келгенше толық жазып отыруға тырыстым. Әрине, қандай лекциялық курстан болса да конспект жасау оңай шаруа емес. Сөйлеп тұрған лекторды толық жазу қиынның қиыны. Сондықтан мен оның негізгі мазмұнын, өзіме керек материалдарды сақтауға талаптандым. Бүгін оқып қарасам, лектордың да сөзін, сөйлемін, ой жүйесін де бірсыпыра сақтауға ұмтылғаным байқалады. Бірақ оны логика курсының толық конспектісі деп қабылдауға болмайтыны түсінікті.

Ұлы Отан соғысы кезіндегі мектептен кейін оқуымыз үзіліп

қалып, жоғарғы мектепте жалғастыра алмай, білімге құмартып, аңсап келген ұрпақтың өкілі есебінде мен лекцияларды ылғи алдыңғы партада отырып, оның мазмұнын толық жазуға тырысатын едім. Сол дәптерлерім кейін өзіме қатты көмектесті. Жоқ оқулықтың орнын толтырды. Сондай дәптерлердің біразы әлі де өзімде сақтаулы. Кейбіреулерін сол кезеңнің ескерткіші болсын деп, авторларына қайтардым. Ахмеди Ысқақов оқыған "Қазақ тілінің морфологиясы", Садуақас Бакшилов оқыған "Жалпы тарих" курстарының да дәптері қалып еді. Кейін осы ұстаздарымның кезекті бір мерейтойларында оларға шәкірт болғанымды есіне салып, "архивінде жатсын" деп, конспектілерімді сыйладым. Білəл аға мұндай күнді көре алмай өмірден ерте кетті. Оның артынан баласы Серік менің әкесінен оқығанымды естіп хабарласып жүрді. Оған мен осы дәптерді сыйладым. Сынақ кітапшамда әкесінің қолымен жазып "отлично" деп қойған қолының ксеро көшірмесін бердім. Серік енді осы қолжазбаны бастырудың қамында жүр. Әке мұрасын жинап, жариялауда, оның есіміне байланысты деректерді іздестіруде Серіктің жасап жүрген еңбегі ұлан-ғайыр. Бұл бәрімізді де риза етеді. Артында ғылми жұмыстарымен бірге осы сияқты бала қалдырған Білəл аға еңбегі өлмейді деп білем. Ол шын мағнасындағы ұстаз еді.

03.07.06.

Мухаметжан АБДЫХАЛЫКОВ, бывший Народный комиссар просвещения Казахской ССР, секретарь ЦК Компартии Казахстана по пропаганде и агитации, один из редакторов "Истории Казахской ССР" (Алма-Ата, 1943 г.), Почетный гражданин г. Алматы

"Он вел свой народ к высотам знаний"

(Халқын өрге сүйреген)

Многие годы моей жизни, полной событий и перемен, были посвящены делу народного просвещения. Несколько лет я работал в Комиссариате Народного образования нашей Республики, длительное время трудился секретарем Центрального Комитета Компартии Казахстана по пропаганде и агитации. Те 40-е годы, как мне кажется сейчас, оставили не просто яркие воспоминания, но глубокий след в моей судьбе.

По долгу службы мне приходилось встречаться со многими учеными, работниками просвещения, культуры, литературы и искусства.

Состоялись знакомства с разными, порой удивительными, людьми. Что скрывать, многие шли в высокие инстанции с надеждой получить поддержку и помощь. Я хорошо понимал их состояние, старался глубже вникнуть в положение и оказать им посильную помощь, на которую был способен. Ведь без развития просвещения и образования невозможно думать о будущем народа.

Когда через сито времени начинаешь просеивать воспоминания, то память о суровых и сложных 1940-х – начала 1950-х годах воскрешает прежде всего образы людей трудолюбивых, ищущих, болеющих за общее дело, а не за себя.

Одним из таких людей был высокий и могучий, красивый внешне и прекрасный душой, сдержанный и приветливый педагог, ученый Билял Аспандияров. Все встречи с ним запомнились потому, что были яркими, интересными. Это были встречи с замечательным умным человеком. Они, хотя и происходили в разное время и в разных обстоятельствах, но неизменно оставляли глубокое впечатление о собеседнике, как о личности чрезвычайно порядочной. Б. Аспандияров прошел великую школу у интеллигентов прежних времен, иной закалки, и сформировал свой нержавеющий и несгибаемый моральный стержень, высокий уровень сознания.

Несмотря на свою природную деликатность, Б. Аспандияров высказывал свои мысли открыто и прямо и ни перед кем не склонял головы. Что касается меня, то я всегда уважал людей в быту скромных, но в деле горячих и разумных, трудолюбивых, правдивых, умеющих держать слово, а высокомерные, хвастливые, себялюбивые люди мне никогда не нравились. Видимо поэтому, мне всегда был по душе человечный, дружелюбный, мягкий, нешумный и несуетливый, работящий и скромный Билеке. Он никогда не приходил в высшие органы с нытьем и жалобой на кого-нибудь и ни разу не обращался с личными корыстными просьбами. При каждой нашей встрече он говорил только о деле, о проблемах просвещения и образования. Все эти его человеческие качества я очень ценил и считал их наследием старой передовой интеллигенции, у которой он учился жизненным принципам, а также результатом истинно народного воспитания, впитанного с молоком матери.

Билеке никогда не позволял своему вниманию рассеиваться на пустопорожние разговоры, на мелкие бессодержательные темы. Он говорил только о важных для всех нас делах, больных и сложных проблемах, не забывая в то же время искренне радоваться достижениям. Он всегда был озабочен улучшением качества образования и его развитием. Он всегда был в поиске. При встречах говорил: “Я пришел к вам услышать и узнать новое”. Повторюсь, я ни разу не слышал от

него ни одной просьбы, касающейся его личной жизни, каких-либо частных дел. Мне казалось, что его замечательная скромность, отсутствие тщеславия, умение радоваться успехам других, преданность делу, верность призванию берут свое начало у таких великих гуманистов, как Ибрай Алтынсарин, Лев Толстой, Константин Ушинский, у которых он, не сомневаюсь, учился.

Нас изумляли энциклопедические знания Биляла Аспандиярова. Он вел глубокие исследовательские работы по истории, этнографии, языкознанию, логике, психологии, введению в перевод, методикам преподавания и другим направлениям науки. Такая разносторонность была свойственна передовым интеллигентам – просветителям, настоящим ученым, к числу которых я, безусловно, отношу Биляла Аспандиярова.

Мои впечатления от встреч с ним оказались стойкими и глубокими. Я понимаю этого человека как выдающегося воспитателя, одаренного Учителя с большой буквы, мудрого наставника, настоящего ученого, вдумчивого исследователя, прекрасного человека и гражденина, не жалевшего ради общего дела ни времени, ни сил. Это была незаурядная личность, всю жизнь стремившаяся вести свой наров все дальше и выше по пути знания. Сам Билял Аспандияров за свою жизнь ни разу не отступил от избранной цели, не свернул с прямого пути. А целью его светлой жизни былс служение народу.

М. Койгельдиев, К. Нурпеис,
Э. Валиханов

Биобиблиографические сведения о Б. Аспандиярове

Аспандияров Билял (р. 1886 г. в Карабалыкском р-не Костанайской области – ум. 18 сентября 1958 г. в г.Алма-Ата.).

Просветитель, видный ученый, историк, лингвист. Заслуженный учитель школы Каз.ССР (1945 г.). Окончил двухклассную русско-казахскую школу, созданную Ибраем Алтынсариным, в 1909 г. – Оренбургскую учительскую семинарию, позже – историко-экономическое отделение КазПИ (1931). Учительствовал в ряде школ Костанайского уезда; а с 1923 по 1925 гг. – организатор педагогического техникума в Костанае, его первый директор. С июля 1925 – заведующий Жетысуйским губернским отделом народного образования. Работал в тесном сотрудничестве с А. Байтурсыновым, М. Дулатовым, С. Садвакасовым, С. Асфендияровым. Являлся делегатом VI Всероссийского съезда заведующих губернских отделов народного образования (Москва, 1926 г.). Активно участвовал в создании системы всеобуча в Казахстане, организации школ, подготовке учителей в Жетысу.

В 30–40-е годы Б. Аспандияров занимался научно-педагогической деятельностью в системе Наркомпроса, в ряде вузов г. Алма-Аты, в разные годы читал лекции по истории, экономической географии, логике и психологии (в Горно-металлургическом институте, КазПИ, Институте журналистики, зооветеринарном, юридическом институтах, ЖенПИ и др.). Внес большой вклад в разработку и создание первых учебников русского языка для казахских школ. С конца 30-х гг. работает в КазФАН СССР (сектор языка, литературы и истории), участвует в составлении русско-казахского и казахско-русского и др. словарей, а в военные годы – в филиале ИМЭЛ создает первый учебник русского языка для военнообязанных казахов (1942 г.), занимается переводами. С апреля 1945 г. работает старшим научным сотрудником в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР.

Билял Аспандияров на базе выявленного им огромного массива архивных документов и литературных источников впервые осуществил комплексное изучение истории Букеевской орды, раскрыл в своем монографическом труде “Образование Букеевской орды и ее ликвидация” (1947г.) целостную картину возникновения, становления и ликвидации Букеевской орды (диссертация хранится в библиотеке НАН РК).

В 1948–1949 гг. он продолжил составление документального сборника “История Букеевской орды”. В 1949 г. к этой работе присоеди-

нились историк Б. Санжиев и архивист Н. Киреев. В 1950 г. этот документальный сборник (объемом 950 м.п. страниц) составлен к 150-летию Букеевской орды, был окончательно отредактирован и подготовлен к печати.

В июле 1948 г. во время дискуссии по поводу книги Е.Б. Бекмаханова "Казахстан в 20—40 годы XIX века" Б. Аспандияров открыто высказал свое суждение о том, что без борьбы за независимость Казахстана невозможно создание самостоятельного государства и развитие народностей.

В конце 40-х годов исследователь приступил к разработке проблемной темы "Образование казахских жузов". Им был написан ряд работ по принципиальным вопросам истории казахов, которые не увидели свет при жизни автора ("Этимология некоторых топонимических названий" (1950 г.), "Некоторые сведения о местах обитания казахов в древности" (1952 г.), "Критические заметки по вопросу о происхождении наименования казахов") (1952 г.), работы по исторической топонимике и др.

В период репрессий начала 50-х гг. на разрабываемую Б.Аспандияровым проблематику был наложен официальный запрет, а сам ученый подвергся репрессиям, необоснованным гонениям, был исключен из Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР.

В 1953 г. он был переведен в Институт языка и литературы, где участвовал в создании Толкового словаря казахского языка в 2-х томах. Участник межреспубликанского координационного совещания по грамматике тюркских языков (1956 г.). Б. Аспандияров впервые перевел на казахский язык учебник "Логика" (1949 г.). Награжден орденом "Знак Почета" (1950 г.).

Б. Аспандияров оставил после себя значительное рукописное научное наследие в ряде отраслей знаний.

Опубликованные работы: Образование Букеевской орды и ее ликвидация. // Алма-Ата, 1947. (Рукопись, ЦНБ НАН РК); Русская книга для казахских школ. // Алма-Ата, 1931; Уроки русского языка для казахских учителей-заочников. //Алма-Ата, 1931; Русский букварь. // Алма-Ата, 1932; Самоучитель русского языка для взрослых казахов. / /Алма-Ата, 1932; Учебник русского языка для начальной школы.// Алма-Ата, 1934; Учебник русского языка для военнообязанных казахов // Алма-Ата, 1942; Русско-казахский словарь. В двух томах. // Алматы, изд. АН КазССР 1946 (один из составителей); Дискуссия по книге Бекмаханова Е. Б. "Казахстан в 20—40 годы XIX века". Стенограмма. 14—19 июля 1948 г. // Алматы: 2000, стр. 90—94; учебник "Логика" для средних школ// Алма-Ата, 1949; "Документальный сбор-

ник по истории Букеевской Орды" (один из составителей), 1950 г. 950 стр.; Некоторые сведения о местах обитания казахов в древности. // Простор. 2000. N 11; Критические заметки по вопросу происхождения наименования казахов. // Простор. 2000. N 11; "Издание, требующее переработки" (о казахско-русском словаре Г. Мусабаева и Х. Махмудова) // Советский Казахстан N 10, Алма-Ата, 1955 г.; Вопросы грамматики тюркских языков // Алматы, 1958, стр 159–160; Өткен күндер естелігінен // Халық мұғалімі. 1957. N 9; Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Екі томдық. //Алма-Ата, изд. АН КазССР, 1959–1961. (один из составителей); Бөкей ордасының құрылуы және күйреуі. // Жұлдыз. 2001, N 6; За Кенесары шел народ//Біз-мы. 25 сентября 2001. N 6; Слово о Букеевской орде//Біз-мы. 21 ноября 2001, N 10; Образование Букеевской орды и ее ликвидация. // Нива. 2002, N 2 (первые три главы в сокращении); Ел соңына ерген ер. //Парасат. 2002, N 4; Бөкей ордасы қалай құрылды? // Парасат. 2003, N 6. Этимология некоторых топонимических названий (К вопросам исторической топонимики) // Байтерек. 2005 г. N 7; Этимология некоторых топонимических названий // Тілтану – языкознание. 2006 г. N 1; Этимология некоторых топонимических названий (К вопросам исторической топонимики) // Shygys 2006 г. N1; Топонимиалық атаулардың кейбір этимологиясы (Тарихи топонимика мәселелеріне орай) // Жалын. 2006 г., N 8; К вопросам исторической топонимики // Страна и мир. 20 октября 2006 г., N 8; Байтерек. 2005 г. N 7; Топонимикалық. атаулардың кейбір этимологиясы (Тарихи топонимика мәселелеріне орай) // Жас қазақ. 2006 г., NN 41, 42. Этимология некоторых топонимических названий // География в школах и вузах Казахстана. 2007 г. N 1.

Публикации, посвященные Б. Аспандиярову: *Аманов Ш.* Аспандияров Б. // Каз. Сов. Энц. 1972 (каз). 1-том, 513-бет; *Абильханов К.С.* Аспандияров Б. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Алма-Ата, 1989. Т. 3.; *Сулейменов О.* "Просветители" // Учитель Казахстана N 11, 12 марта 1969; *Маричева В.* Надо рулить всегда выше // Азия N 42, октябрь 1993; *Нурпеис К.* Просветитель, ученый-историк, мужественный и честный человек. // Столичное обозрение N 30, 23 июля 1999; *Сулейменов О.* Билял Аспандияров (1886–1958). Страницы жизни. // Простор N 11, 2000; *Касымжанов А.* О двух статьях Б. Аспандиярова// Простор N 11, 2000; *Озганбаев Ө.* Билял Аспандияров туралы сөз // Ақиқат N 3, 2001; *Қуантайұлы Н., Әбсадық Ж.* Әулетті менің ордам қонған жер...// Жас алаш, 17 сәуір 2001; *Рахметова Г.* Создать такой труд в те годы было подвигом.//Казахстанская правда N 149–150, 23 июня 2001; *Хасан С.* Ғұлама// Жұлдыз, N 6, 2001.

Тобаяков Б. Алаш туын аспандатқан Аспандияров// Казахстан-Заман N 39, 14 желтоқсан 2001; *Козыбаев М.К.* Ценное исследование// Нива N 2, 2002; *Сулеев Д.* Имена собственные... не забытые... // Страна и мир 3 октября 2003; *Тажутов А.* Откуда взялись "белые пятна" в истории казахов//Мегаполис N 5(166), 5 февраля 2004; *Тажутов А.* Казахские племена и роды // Мегаполис, N 3(164). 22 января 2004; *Шаяхмет А.* Есте қалдар ел тарихы // 126–128 бет.; *Курманбаев Е.* Билял Аспандияров – Подлинный рыцарь науки // Свобода слова, N 9, 9 марта 2006 г. Его же. Рукописи не горят // Свобода слова N 13, 6 апреля 2006 г. *Атабаев К.М.* Жоғалған жинақтын қосымсашы, 31 мая 2006 г.; Казахстан. Краткий энциклопедический словарь, с.51. 2006 г.; *Атабаев К.* Реформа жасалмай, отандық тарих оңалмайды.

M. Koigeldiyev, K. Nurpeis,
E. Valikhanov

Biography and bibliographical information about Bilal Aspandiyarov

Bilal Aspandiyarov (born 1886, Karabalyksky District, Kostanay Region - died 18th September 1958, Alma-Ata).

Enlightener, prominent scientist, historian and linguist. Åmeritus school teacher in Kazakh SSR (1945). Finished a two-year Russian/Kazakh school formed by Ibray Altynsarin, then graduated from the Orenburg Normal School in 1909 and then the History and Economic Department of the Kazakh Teachers' Training Institute (1931). He taught at a number of schools in Kostanay Region; in 1923-1925, he organised the teachers' training vocational school in Kostanay and was its first director. Since July 1925, Head of the Zhetysu Province Public Education Department. He worked closely with A. Baitursynov, M. Dulatov, S. Sadvakasov and S. Asfendiyarov. Delegate to the 6th All-Russian Congress of Heads of Provincial Public Education Departments (Moscow, 1926). Was active in the formation of the general education system in Kazakhstan, as well as in organisation of schools and training of teachers in Zhetysu.

In the 30s and 40s, B. Aspandiyarov engaged in scientific and teachers' training work under the auspices of the People's Commissariat for Education and at a number of higher education institutions in Alma-Ata; in various years, he lectured in history, economic geography, logics and psychology (at the Mining and Metallurgy Institute, the Kazakh Teachers' Training Institute, the Institute of Journalism, the Zoology and Veterinary Institute, the Law Institute, the Women's Teachers' Training Institute, etc.). He contributed greatly to the development and publication of the first Russian textbooks for Kazakh schools. Since the late 30s, he worked for the Kazan Branch of the USSR Academy of Science (the Sector for Language, Literature and History) and participated in the preparation of Russian/Kazakh, Kazakh/Russian and other dictionaries, while during the World War Two he published the first Russian textbook for Kazakh conscriptees at the Institute of Marx, Engels and Lenin (1942) and acted as translator. Since April 1945, he was Senior Scientist at the Institute for History, Archaeology and Ethnography under the Kazakh SSR Academy of Science.

Having found the enormous mass of archive documents and literary sources, Bilal Aspandiyarov carried out the first in the history of Bukei Horde comprehensive study and revealed in his monograph on Formation and Liquidation of Bukei Horde (1947) a full picture of the evolution, development

and liquidation of Bukei Horde (the thesis is held at the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan).

In 1948 and 1949, he continued writing a collection of documents on History of Bukei Horde. In 1949, historian B. Sanzhiyev and archivist N. Kireyev joined him in this work. In 1952, this collection of documents (950 typed pages) was completed by the 150th anniversary of Bukei Horde, edited and prepared for printing.

In July 1948, during a discussion of Y.B. Bekmakhanov's book, Kazakhstan in the 1820s to the 1840s, B. Aspandiyarov openly expressed his opinion that it would have been impossible to form an independent state and for Kazakhstan's ethnic groups to develop had they not fought for Kazakhstan's independence.

In the late 40s, this researcher started working on a complicated subject: Formation of Kazakh Zhuzs. He wrote a number of papers on critical issues pertaining to the Kazakh history that were never published in his lifetime (Etymology of Some Toponymic Names (1950), Some Data on Areas Inhabited by Kazakhs in Ancient Times (1952), Critical Notes on the Origin of the Name of the Kazakhs (1952), publications on historical toponymy etc.

During the purges of the early 50s, it was officially forbidden to work on the topics B. Aspandiyarov researched, while he was subjected to purges, unjustified persecution and was expelled from the Institute for History, Archaeology and Ethnography under the Kazakh SSR Academy of Science.

In 1953, he was transferred to the Institute for Language and Literature, where he took part in the development of the Thesaurus of the Kazakh Language in two volumes. He took part in the inter-republican co-ordination meeting on grammar of Turkic languages (1956) and was the first to translate the textbook on Logics into the Kazakh language (1949). He was awarded the Order of the Badge of Honour(Honour (1950).

B. Aspandiyarov's legacy comprises numerous handwritten manuscripts in a number of fields of knowledge.

Publications: Formation and Liquidation of Bukei Horde, Alma-Ata, 1947 (manuscript, Central Science Library under the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan); Russian Book for Kazakh Schools, Alma-Ata, 1931; Russian Lessons for Kazakh teachers on a correspondence courses, Alma-Ata, 1931; Russian ABC Book, Alma-Ata, 1932; Teach Yourself Russian: for Kazakh Grown-ups, Alma-Ata, 1932; Russian Textbook for Primary Schools, Alma-Ata, 1934; Russian Textbook for Kazakh conscriptees, Alma-Ata, 1942; Russian/Kazakh Dictionary. In Two Volumes, Almaty, Publication of the Academy of Science of Kazakh SSR, 1946 (one of the authors); Discussion of book by Y.B. Bekmakhanov, Kazakhstan in the 1820s to the 1840s, Shorthand Record, 14-19 July 1948, Almaty, 2000, pp. 90-94; Logics, textbook for secondary schools, Alma-Ata, 1949; Collection

of Documents on the History of Bukei Horde (one of the authors), 1950, 950 pages; Some Data on Areas Inhabited by Kazakhs in Ancient Times, Prostor, 2000, Issue 11; Critical Notes on the Origin of the Name of the Kazakhs, Prostor, 2000, Issue 11; A Publication That Needs to Be Reworked (on the Kazakh/Russian Dictionary by G. Musabayev and K. Makhmudov), Sovietsky Kazakhstan, Issue 10, Alma-Ata, 1955.

Сведения об авторах публикаций о Биляле Аспандиярове

АБДЫХАЛЫКОВ Мухаметжан	Бывший Народный комиссар просвещения Казахской ССР, секретарь ЦК Компартии Казахстана по пропаганде и агитации, один из редакторов "Истории Казахской ССР" (Алма-Ата, 1943 г.), Почетный гражданин г. Алматы
АБУСЕИТОВА Меруерт Хуатовна	Директор Института востоковедения им. Р.Б.Сулейменова МОН РК, доктор исторических наук, профессор
АТАБАЕВ Камбар	Заведующий кафедрой источниковедения и историографии Казахского национального университета им. Аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор
ВАЛИХАНОВ Эдиге Жансултанович	Зав. отделом истории Казахстана нового времени и исторической демографии Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, кандидат исторических наук
ЖАНУЗАКОВ Тельхожа	Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания имени А. Байтурсынова Национальной Академии наук Республики Казахстан
ЗАЙЦЕВА Ольга Гавриловна	Ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук (г. Москва), кандидат исторических наук
КАСЫМЖАНОВ Агын Кайруллович	Член-корреспондент Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор, директор Центра "Аль-Фараби", КазГУ
КОЗЫБАЕВ Манаш Кабашевич	Академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова

КОЙГЕЛЬДИЕВ Мамбет Кулжабаевич	Доктор исторических наук, профессор
МАРГУЛАН Алькей Хаканович	Член-корреспондент Академии наук КазССР
НУРПЕИС Кенес	Академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники, лауреат Государственной премии Республики Казахстан
ОЗҒАНБАЙ Өмірзақ	Доктор исторических наук, профессор
СУЛЕЙМЕНОВ Олжас Омарович	Постоянный представитель Республики Казахстан в UNESCO, писатель, ученый-лингвист, общественный деятель

СОДЕРЖАНИЕ:

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ: "Билял Аспандияров (1886 – 1958): Страницы жизни 5

I. *БИЛЯЛ АСПАНДИЯРОВ.* "ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ (1947 г.)"

Введение: источники и литература 17
Глава I. Политическая обстановка в России и положение Младшего жуза накануне образования Внутренней (Букеевской) орды 23
Глава II. Образование Букеевской орды 42
Глава III. Ликвидация ханской власти и административное устройство орды во второй половине XIX в. 54
Глава IV. Земельный вопрос в Букеевской орде 61
Глава V. Налоги и повинности в орде 81
Глава VI. Развитие торговли в Букеевской орде 90
Глава VII. Социально-экономические отношения в Букеевской орде 104
Глава VIII. Проявления недовольства казахов в орде 116
Глава IX. Влияние русской культуры на казахов Букеевской орды 129
Заключение 142
Перечень архивных фондов Центрального исторического архива Каз.ССР, относящихся к истории Букеевской орды 154
Библиография 163

ПРИЛОЖЕНИЕ

II. *БИЛЯЛ АСПАНДИЯРОВ.* СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Статьи по истории и источниковедению (1947–1950 гг.)

Слово о Букеевской орде (1947 г.) 171
Тезисы диссертации "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" (1947 г.) 178

За Кенесары шел народ (1948 г.) 181
Неизвестные документы по истории Букеевской орды, открытые Б. Аспандияровым в 1948–1950 гг. 188

2. Статьи по исторической топонимике и этимологии (1950–1952 гг.)

К вопросам исторической топонимики. Этимология некоторых топонимических названий (1950 г.) 267

On questions of historical toponymycs. Etymology of certain toponyms (1950) 282

Некоторые сведения о местах обитания казахов в древности (1952 г.) 295
Критические заметки по вопросу о происхождении наименования казахов (1952 г.) 309

3. Статьи по лексикографии, логике и педагогике

Издание, требующее переработки (о "Казахско-русском словаре" Г. Мусабаева и Х. Махмудова, Изд. АН, 1954 г.) 322
Логика деген не? Оның зерттейтін мәселелері (1948 ж.) 328
Логикалық терминдер қазақша-орысша сөздігі (1953 ж.) 333
Грамматика и логика – науки симбиозные (1956 г.) 340
Өткен күндер естелігінен (1957 ж.) (Из воспоминаний прошлых дней. Заметки педагога) 341

III. СТАТЬИ О БИЛЯЛЕ АСПАНДИЯРОВЕ И ЕГО ТРУДАХ

Кенес Нурпеис. Просветитель, ученый-историк, мужественный и честный человек (штрихи к портрету) 345
Алькей Маргулан. О работе Б. Аспандиярова "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" 1947 г. 354
Ольга Зайцева. О рукописи Биляла Аспандиярова "Образование Букеевской орды и ее ликвидация" и его двух статьях 356
Манаш Козыбаев. Ценное исследование 358
Меруерт Абусеитова. Создать такой труд в те годы было подвигом 360

Агын Касымжанов. Из рекомендации к печати работ Б. Аспандиярова "О местах обитания казахов в древности" и "О наименовании казахов" 362
Өмірзақ Озганбай. Біләл Аспандияров туралы бірер сөз 362
Эдиге Валиханов. О труде Биляла Аспандиярова "Образование Букеевской Орды и ее ликвидация" (1947 г.) и его статьях по истории казахов 369
Қамбар Атабаев. Жоғалған жинақтың қосымшасы 373
Телькожа Жанузаков. Ученый-педагог 374
Серік Қирабаев. Менің Ұстазым 377
Мухаметжан Абдыхалыков. "Он вел свой народ к высотам знаний" 379

Биобиблиографические сведения о Б. Аспандиярове 382
Biography and bibliographical information about Bilal Aspandiyarov 386

Сведения об авторах публикаций о Б. Аспандиярове 389

CONTENTS:

Olzhas SULEIMENOV: "Bilal Aspandiyarov (1886 – 1958) – Pages from a life 5

I. *BILAL ASPANDIYAROV*. "THE FORMATION AND LIQUIDATION OF THE BUKEEVSKAYA HORDE (1947)"

Introduction: sources and literature 17
Chapter I – The political situation in Russia and the position of the Malyi Zhuz* on the eve of the formation of the Inner (Bukeevskaya) Horde 23
Chapter II – The formation of the Bukeevskaya Horde 42
Chapter III – The liquidation of the Khan's power and the administrative srrangements of the Horde during the second half of the ÕIÕ-th Century. 54
Chapter IV – The land question in the Bukeevskaya Horde 61
Chapter V – Taxes and compulsory service in the Horde 81
Chapter VI – The development of trade in the Bukeevskaya Horde 90
Chapter VII – Socio-economic relations in the Bukeevskaya Horde 104
Chapter VIII – Manifestations of discontent of Kazakhs in the Horde 116
Chapter IÕ – The influence of Russian culture on Kazakhs of the Bukeevskaya Horde 129
Conclusion 142
List of archive resources related to the history of the Bukeevskaya Horde in the Central Historical Archive of the Kazakh SSR 154
Bibliography 163

II. *BILAL ASPANDIYAROV*. ESSAYS, SPEECHES AND UNKNOWN DOCUMENTS

1. Essays on history and source study (1947–1950)

Speech on the Bukeevskaya Horde (1947) 171
Abstract of B. Askandiyarov's dissertation «The formation and liquidation of the Bukeevskaya Horde» (1947) 178
The people followed Kenesary (1948) 181

Unknown documents on the history of the Bukeevskaya Horde discovered by B. Aspandiyarov in 1948–1950 188

2. Essays on historical toponymycs and ethymology (1950–1952)

Ê âî ï ð îñàì èñòîðè÷åñêîé òîïîíîìèèêè.
Этимология некоторых топонимических названий (1950 г.) 267
On questions of historical toponymycs.
Etymology of certain toponyms (1950) 282

Some information about places where Kazakhs lived in ancient times (1952) 295
Critical notes on the question of the origin of the name of the Kazakhs (1952) 309

3. Essays on lexicography, logic and pedagogy

A publication which needs to be revised (about the Kazakh-Russian Dictionary by G.Musabaev and Kh. Makhmudov, 1954) 322
What is logic? Its investigating problems (1948) 328
Kazakh-Russian dictionnary of logigal terms (1952) 333
Grammar and logic – symbiotic sciences (1956) 340
Memories about past days (1957) 341

III. ESSAYS ABOUT BILAL ASPANDIYAROV AND HIS WORKS

Kenes NURPEIS: A bringer of enlightenment and learned historian, a courageous and honourable person (sketch for the portrait of B. Aspandiyarov) 345
Alkey MARGULAN: On B.Aspandiyarov's manuscript «The formation and liquidation of the Bukeevskaya Horde» (1947) 354
Olga ZAITSEVA: On Bilal Aspandiyarov's manuscript «The formation and liquidation of the Bukeevskaya Horde» and his two papers 356
Manash KOZYBAEV: Valuable research 358

Meruert ABUSEITOVA: Creating such a work at such a time was a great feat 360
Agyn KASYMZHANOV: From the recommendation for the printing of B. Aspandiyarov's works «On places where Kazakhs lived in ancient times» and «On the name of the Kazakhs» 362
Omirzak ÎZGANBAY: Some words about B³lal Aspandiyarov 362
Edige VALIKHANOV: On Bilal Aspandiyarov's work «The formation and liquidation of the Bukeevskaya Horde» (1947) and his articles on the history of the Kazakhs 369
Kambar ATABAYEV: Addition to the lost selected works 373
Telkozha ZHANUZAKOV: A learned teacher 374
Serik KERABAYEV: My Teacher 377
Mukhametzhan ABDYKHALYKOV: «He led his people to the heights of knowledge» 379

Biography and bibliographical information about Bilal Aspandiyarov 382, 386

Information about the authors of publications about Bilal Aspandiyarov 389

This publication is devoted to the scientific and cultural heritage by the prominent Kazakh academic, historian, linguist and teacher Bilal Aspandiyarov (1886-1958) previously unavailable to the general public.

The book consists of three chapters. The first one contains the re-print of the Bilal Aspandiyarov fundamental work «The Formation and Liquidation of the Bukeevskaya Horde» (1947), created on the basis of a vast amount of archive sources on the Bukeevskaya Horde - an unusual territorial formation in Russia situated in the beginning of the XIX-th century between the Volga and the Urals rivers.

The second chapter includes other papers of Bilal Aspandiyarov on history as well as uncovered by him archive materials on the subject. This chapter is also dedicated to the author's principal contribution to the field of historical toponymics and etymology. For instance, it is in these papers that the etymology of the principal toponyms Irtysh, Artush, Araxes and others were first discovered. This chapter ends with the B.Aspandiyarov essays on subject of lexicography, logic and pedagogy.

The last part of the book brings together reminiscences on Bilal Aspandiyarov and his works by contemporaries and fellow researchers.

Publication of this book plays an important role in enriching the Kazakh historic and cultural heritage and filling gaps in the Kazakh and Russian humanitarian science. It also brings the name of the remarkable academic and person Bilal Aspandiyarov into the limelight of the Kazakh national memory.

The book is of a significant scientific interest for historians, linguists, specialists in Turkic philology and a wide range of other readers.

ББК 63.3
А 88

А88 **Аспандияров Б.** ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ / Гл. ред. **Б.Аяган**. "Қазақ энциклопедиясы", — г. Алматы: 2007 г. — 400 стр.

ISBN 9965-893-08-X

Настоящее издание впервые воспроизводит часть трудов выдающегося казахского ученого, историка, лингвиста и просветителя Биляла Аспандиярова (1886–1958 гг.).

Книга состоит из трех разделов. В первом – полностью опубликована фундаментальная монография "Образование Букеевской Орды и ее ликвидация" (1947 г.), созданная на основе огромного массива архивных материалов, посвященных Букеевской Орде – необычному территориальному образованию в составе России (междуречье р. Урал и р. Волга) в начале XIX-го века.

Статьи Б.Аспандиярова по истории, а также впервые обнаруженные им неизвестные архивные материалы по Букеевской Орде, представлены во втором разделе. Здесь также представлены принципиальные работы ученого по основополагающим вопросам исторической топонимики и этимологии. В них впервые раскрыта этимология важнейших топонимов Иртыш, Артуш, Аракс и др. Заключительная группа работ в этом разделе посвящена вопросам лексикографии, логики и педагогики.

В третьем разделе опубликованы материалы о научных трудах Биляла Аспандиярова и воспоминания современников.

Публикация данной книги имеет большое значение в деле изучения и сохранения историко-культурного наследия казахского народа, восполнит существующий в казахстанской и российской гуманитарной науке пробелы, послужит восстановлению в национальной памяти имени замечательного ученого и человека Биляла Аспандиярова.

Книга представляет значительный научный интерес для историков, лингвистов, тюркологов, а также широкого круга читателей.

ББК 63.3

ИБ №7

А $\frac{0503020905}{00(05)-07}$

© Аспандияров С.Б., сост., 2007
© "Қазақ энциклопедиясы", 2007

ISBN 9965-893-08-X

Билял Аспандияров

ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ

Научное издание

(На русском, английском и казахском языках)

Выражаю благодарность моим детям, принявшим участие в подготовке этого издания

С.Б. Аспандияров

Редактор *Жиенгалиев Н.Б.*
Компьютерная верстка *Тулегенова С.*
Технический редактор *Омаргалиева Д.*

Подписано в печать 07.12.07. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура "Times/Kaz".
Печать офсетная. Усл. п. л 25,0+1,0 вклейка
Уч.-изд. л. 23,02+0,94 вклейка.
Тираж 3000 экз.
Заказ № 1217.

ТОО "Қазақ энциклопедиясы", 050035,
г.Алматы, 8-микрорайон, дом 19А.
Отпечатано с файлов, предоставленных заказчиком на
Полиграфкомбинате ТОО "Корпорация Атамұра",
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

ISBN 9965-893-08-X

9 789965 893087